

84(2Рос ХАТ)6-44

кр. Р 82

Роман Рутин

Р
ЛАННИШИ
ЛЕГЛОСТАВ

84 (2 Рос - Кат) 6-11
Р-82

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ •

Роман Ругин

Ранний ледостав

ПОВЕСТИ

Перевод с хантыйского

- 9853 - аб

Государственное учреждение
«Национальная
библиотека ЯНАО»

МОСКВА
«СОВРЕМЕНИК»

ББК84Хан7
Р82

Рецензенты
В. КОЧЕТКОВ, В. ЧАЛМАЕВ

4702610000—147
Р М106(03)—88 226—88
ISBN 5—270—00261—2

© Издательство «Современник», 1988

ТРС
Шабрытквдсквд

ЛЕДОХОД

В Месяц Ледохода, перед началом весенней охоты, решил Арсин проверить свою избушку на острове Шиян: не побывал ли в ней какой чужой человек, на месте ли теплые олени шкуры, посуда, лыжи, кисы и всякая иная охотничья принадлежность. Много в последнее время объявилось любителей — и местных, тех, что помоложе, и приезжего люда — поживиться за чужой счет, будто и не слыжавших о добрых вековых традициях. Мало того что заберутся куда не надо из баловства, они еще и след поганый после себя оставят: побьют, поломают, раскидают как попало все, что под руку подвернется, — и посуду, и припас, и утварь, а взамен, в насмешку, бросят пустые бутылки из-под вина. Бывает, еще и прихватят с собой что-нибудь из наиболее ценного, а то и вовсе охотничий стан подожгут. Вон, как у его соседа Иприня прошлой осенью...

К счастью, Арсина до сей поры бог миловал. То ли потому, что избушка его пряталась в самой глубине острова и знали о ней только жители ближнего поселка, то ли потому, что на лодке добраться до нее можно было лишь по большой воде — весной или летом. А по суше, да еще не зная точного места — вряд ли кому найти, если, конечно, случайно на нее не наткнуться...

К немалой радости Арсина в его избушке и на этот раз все было так, как оставил он в Месяц Ветров. Опытным глазом таежника сразу определил: с тех самых пор, то есть с марта, никто в его избушку не наведывался.

С утра, пока наст хорошо держал лыжи, Арсин заготавливал на тальниковом мысу хворост, свозил на легкой нарте к зимовью. Старую железную печку, прогоревшую за долгие годы так, что при топке из стенок ружейными залпами летели искры, заменил на новую, чугунную. Новая, конечно, была тяжеловата,

громоздка (ни за что бы не переправить ее сюда, если б не лошадь), зато грела отменно — избушка вмиг наполнялась теплом. Спасаясь от жары, Арсин даже вышел на улицу малость охолонуться на любимом своем месте, на толстом, почти в два обхвата комле старой ели — «диване», как он его называл. Он решил так: сейчас немного поотдохнет, потом переберется опять на тальниковый берег реки и уже оттуда доедет на своем мерине Буране до родного селения Порават. Наберет продуктов, а через недельку, по заберегам, приплывет сюда на лодке на весновку: половит в протоках щуку, язя, окуня, а заодно спокойно тут в тиши и поохотится.

Хорошо было Арсину на его «диване» рядом с приземистой охотничьей избушкой. Он стащил с себя суконовый гусь, свернул его, положил под голову, растелил уже изрядно повитершуюся оленью шкуру и улегся, подставив лицо теплым лучам весеннего солнца. Эта огромная ель, из которой получилась такая удобная лежанка, простояла здесь по словам его отца, Марата, несколько веков. Предки Арсина, особенно дед Калой, любили ночевать под ее раскидистой кроной во время весенней охоты или летней путины. Широкие густые лапы надежно укрывали их от тяжелой осенней измороси, от проливных грозных дождей.

Лет десять назад, приехав сюда по весне, увидел Арсин многовековое дерево лежащим на земле. Видно, силен был пронесшийся шквал, раз пообломал вершины старых кедров, а могучую ель даже выворотил с корнем...

По-хозяйски распорядился Арсин полувывсохшим, сполна прожившим свой век лесным великаном. В один из приездов он вместе с женой распилил ель на дрова, и дров этих надолго хватило для обогрева вот этой избушки, которую ставили они вдвоем с отцом еще до войны. Только самую толстую часть ствола, почти от начала корней, длиной, наверное, метра в три, Арсин оставил. Он аккуратно, с небольшим выемом подтесал толстенное бревно — так вот и получился его «диван», на котором хорошо отдыхать в весенние солнечные дни, когда не бывает еще ни нудных комаров, ни назойливых оводов.

Рядом, в двух шагах, потрескивал костер, подле

которого свернулась калачиком его верная охотничья лайка Акар. Вообще-то, слово «акар», если перевести, означает овчарка. Коричнево-рыжий пес, родившийся от породистой сибирской лаечки, и в самом деле многое унаследовал от папаши Рекса — немецкой овчарки, которую держал продавец магазина у них в поселке. Арсин долго натаскивал своего Акара, чтобы привить ему качества охотничьей сибирской лайки. А все же больше у него было от овчарки: крупная голова, мощные, с крепко посаженными зубами челюсти, грозный взгляд, зычный раскатистый лай, приводивший в трепет все зверье, оказавшееся поблизости. Да и люди — тоже по возможности старались обходить Акара стороной, подальше.

Арсин расслабленно посмотрел на пса, прикрывшего нос хвостом, на свою окруженную молодыми березками избушку, срубленную из тонкомерной лиственницы, и мысли его сами собой перенеслись в тот день, когда они с отцом закончили ее строить.

— На твой век хватит, да еще и сыновьям твоим останется, — радостно приговаривал отец, навешивая дверь, которую сколотили они из сплавных досок. — Смотри, какая надежная. Когда свой теплый уголок есть — легче и думать, и дышать, да и жить безопасней. Все же лес — разному зверю приют дает!..

Весной это было... Арсину только-только восемнадцать исполнилось, крепкий был, в плечах широкий и — что самое приметное — русоволосый (это редко у ханты бывает), с необычно белой, как у отца, кожей. Не зря их род «белокожими людьми» называли.

И вот теперь, Арсин, уже поседевший, глядел на свою избушку, исхлестанную жестокими северными ветрами, иссеченную снежными буранами, выгоревшую под летним полярным солнцем, и как всегда с ним бывало в такие минуты, невольно вспоминал события, свидетелем которых был этот домик. Воспоминания, как след топора на стволе молодого деревца, врубались в его память на всю жизнь, и годы не в силах оказались стереть их...

Так и думал бы Арсин свои думы под ласковыми лучами щедрого весеннего солнца, слушал веселый пересвист снегирей, если бы не подал вдруг голос верный Акар. Арсин насторожился, вслушиваясь в шелест тайги: какие-то новые звуки вплелись в них.

Он стянул с головы выдровую шапку, весь обратился в слух. Что за чертовщина: за спиной, со стороны талого берега, раздавалось хорканье важенок, потрескивание под копытами оленей молодого ледка на заберегах, бульканье воды...

«Откуда здесь быть оленям?! — Арсин в недоумении приподнялся на своем «диване». — Последнее стадо, кажется, еще неделю назад на Каменную сторону¹ переправилось. Вроде стадо Ребася Иприня было...»

На всякий случай Арсин сердито прикрикнул на Акара:

— Тихо. Сиди — и ни с места!

Но потом этого ему показалось мало — Арсин подзвал пса и длинной капроновой веревкой привязал его к стоявшей рядом березке.

— Так оно надежнее будет, — сказал он. — А то кинешься — не дай бог, еще разгонишь. Мастер на глупости-то, оленей стеречь не приучен...

Бульканье воды под копытами и хорканье становилось все громче, все слышнее, и Арсин, еще не видя оленей, понял, что на остров переправляется довольно большое стадо. Чтобы убедиться в этом, он решил залезть наверх по лестнице, сооруженной для обзора окрестности еще тогда, когда строили с отцом избушку. На две стоявших рядом лиственницы они набили с десятков прочных поперечин — получилось надежное сооружение, служившее исправно вот уже почти пять десятков лет; так иногда — заменит только подгнившую от времени перекладину...

Оттуда, сверху, остров виден был как на ладони. Да, он не ошибся: со стороны талового берега Малой Оби, от мыса Хул-Лойты-Посл, переправлялось через забереги большое оленье стадо.

Еще не было подвижки льда, и забереги оставались пока узкими и мелкими: даже отсюда было заметно, что вода едва достигает брюха животных. Рядом с некоторыми важенками семенили только-только появившиеся на свет оленята; Арсин видел, как нерешительно пускались малыши вплавь, слышал, как усиленно при этом хоркали важенки, давая, очевидно, сигнал следовать за ними.

Арсин пастухом почти не работал, мало имел дело

¹ Каменная сторона — Уральская сторона Оби.

с оленями, но своим наметанным охотничьим глазом прикинул, что в стаде не меньше двух-трех сотен голов. Он подумал, что кто-то гонит отбившихся оленей: неделю назад два дня подряд бесилась пурга, и немудрено было животным в такую непогоду отбиться от основной массы.

«Да, но почему тогда не прокладывает дорогу стаду оленья упряжка? Кто-то же обязательно должен быть,— размышлял Арсин.— Если есть пастухи, почему тогда не слышно собачьего лая? Как-никак, а переход через забереги — шибко ответственный момент, не дай бог, олени в стороны разбегутся...»

Арсин знал, как перегоняют стада, и оттого все, что происходило сейчас на его глазах, было так необычно и непонятно. Он решил набраться терпения, не гадать больше, а подождать, пока переправятся последние олени. Может, пастух один, едет в упряжке сзади, следуя за стадом. Может, животные и сами хорошо дорогу знают — не раз, чай, переправлялись здесь на Каменную сторону... тогда пастух, конечно, может и позади быть...

Однако вот перебрались через забереги последние важенки с оленятами, и все,— со стороны мелкого тальника, откуда вышло стадо, больше никто не появился.

Арсин подождал на всякий случай еще, внимательно оглядел далеко выдававшийся в реку тальниковый мыс, похожий на длинную шею гагары, и, так и не обнаружив больше в кустах ни одной живой души, слез со своего наблюдательного пункта.

— Кой! — сказал он сам себе, подходя к нарточке и усаживаясь на ней.— Ничего не понятно! Целое стадо — и без пастуха! Никак в голове моей не укладывается. Разве можно не заметить такую большую пропажу? — Арсин вытащил потертый кисет и как следует набил трубку.— Кой, кой! — продолжал рассуждать он, пуская густые струи дыма.— Редкий случай, ни разу еще, сколько живу, не видел такого. Десяток оленей пропало — можно не доглядеть, а если сотня... Как это прозевать целое стадо?! Кой! Или в бригаде все вымерли, или все пьяные. Что они там, пастухи, с ума посходили?!

Арсин делал долгие затяжки, гладил в задумчивости подбородок, тер морщинистые щеки.

— Я-а! — вдруг всполошился он. — Что же я сижу-то?! Как неживой все равно! Надо же что-то делать, иначе олени с острова еще дальше уйдут. На Уральскую сторону переправятся. В тайгу. Тогда, считай, совсем потерялись!.. Разбрелись по тайге, растеклись, как ручейки, а там, глядишь, кого волк, а кого и медведь подкараулил. А которого не подкараулил — тот одичал. Попробуй, поймай тогда. Нет, надо как-то задержать олешков на острове. Обязательно задержать!

Арсин чуть не вскочил с нарточки, готовый бежать, что-то делать, но тут толкнулась в его голову, подобно могучему корявому осетру, внезапно всплывшему из воды, новая мысль:

«Погоди-ка, погоди, семь мудрецов старины, — вспомнил он, лихорадочно размышляя о том, что сейчас делать, свое любимое выражение. — Ну, хорошо. Задержу я стадо, здесь, на острове. Ну, и что дальше? Островок-то крохотный, корму на нем — ну, ягеля там, прошлогодней травы — совсем мало. Правда, есть еще кора тала. Но, опять же, все это дня на три-четыре. А дальше что? Пусть голодной смертью помирают? Как раз за эти три-четыре дня вода и поднимется — вон уже как прибыло... — Арсин опять скинул шапку, растерянно почесал полысевшую седую голову. — Кой, кой! Через три-четыре дня забереги ох как свои щеки надуют! Вряд ли важенки с телятами пойдут в такую ледяную воду...»

А теперь, пожалуй, и не удастся повернуть оленей назад, угнать с Шияна...

«Они небось потому и переправились на остров, что приняли его за коренной берег реки, — подумал Арсин. — Да, теперь их, да еще без собаки (на своего Акара он в этом деле не полагался) обратно не отгонишь. Никак!»

Арсин выколотил трубку о перекладину нарты, не думая ни о чем, кроме нежданно появившихся здесь оленей, вскочил, прошелся взад-вперед перед избушкой.

«Значит, выходит дело, один путь остается: караулить на острове. А там... дальше — дальше видно будет. Глядишь, и пастухи появятся. Должны же они опомниться, должны заметить, что у них половины стада нет...»

Конечно, не было у него никакой уверенности, что

пастухи появятся быстро: ведь они могли — после такой-то пурги — искать оленей совсем в другом месте, но все равно... Арсин уже принял решение: пока нет хозяев, он, подчиняясь стечению обстоятельств, делается пастухом. А какой еще может быть выход? Не погибать же оленям, верно? А он подождет — если не пастухов (что было бы лучше всего), то хотя бы кого-нибудь из ближайшего селения — чтобы было с кем передать весть в контору совхоза. Конечно, в этом случае сюда вряд ли кто заявится, пока не пройдет лед. А до ледохода по прикидкам Арсина оставалась неделя, ну, самое большее — дней десять.

«Ну что ж, будем, значит, пастушить, семь мудрецов старины!» — твердо подвел черту Арсин. Первым делом он подошел к мерину, подобрал раскиданное вокруг сено, сгреб его в кошевку: теперь надо ух как корм экономить. Хотя и стоял около избушки начатый стожок — Арсин каждое лето заготавливал — но там его оставалось всего, наверное, с центнер, так что разбрасываться сеном никак нельзя...

А олени были уже совсем рядом, за кустами рябины и тала, подступавшими к самой реке. Стадо, как и предполагал Арсин, не задержалось там; манимые хвойными деревьями — настоящим лесом, в котором, как говорил животным инстинкт, они могут отыскать ягель, олени, с шумом раздвигая ветки, подступали к нему все ближе и ближе. И вот уже из-за старого, наполовину засохшего куста тала, выдыхая клубы пара, вышла прямо на Арсина пестрая важенка с ветвистыми рогами, наверное, вожак.

Тут же заскулил, заметался на своей веревке Акар, громко залаял. Важенка от неожиданности стала, как вкопанная, вскинула вверх голову, подняла торчком хвост — видно, готова была сорваться с места, увести за собой все стадо.

Но и Арсин был начеку: в этот самый миг он издал короткий, хорошо знакомый оленям, успокаивающий их звук. «Хо-хо-хо», — выдохнул он. Важенка огляделась еще раз, обернулась назад, на шум приближающегося стада, принялась медленно скалывать передними копытами зернистый снег, искать ягель.

«Вот и ладно, — подумал Арсин. — Первое знакомство состоялось. Заводила меня приняла, значит, не испугаются и остальные».

Он взял с нарты широкие, обносившиеся на весеннем насте охотничьи лыжи, поставил их на снег. Акартут же заскулил, радостно завилял хвостом, попытался было снова подать голос, но Арсин цыкнул на него грозно, и пес послушно приткнулся возле березки.

В это время на поляну начало наплывать все стадо. Увидев человека, каждый олень ненадолго поднимал голову, смотрел на Арсина, на бревенчатую избушку, на запряженную лошадь и особенно долго на могучего пса, словно пытаясь сообразить: не исходит ли опасность от этого зверя, так напоминающего волка и совсем не похожего на тех низкорослых лаечек, что веками окарауливали олени стада в тайге и тундре.

Олени все шли и шли, и Арсин окончательно убедился, что все это были стельные важенки, которых к весне специально отделяют от основного стада, чтобы драчливые хоры-самцы не мешали им спокойно рожать детенышей.

Арсин насчитал, наверное, с десятков важенок с маленькими, видно, только что появившимися на свет телятами, которые, не успев еще толком окрепнуть, плелись за матерями, едва переставляя тоненькие, будто точеные, ножки. А всего важенок, шедших то редкой цепочкой, то тесной гурьбой, по его прикидке оказалось здесь не менее трех сотен. Арсин вначале даже пытался считать их, но вскоре сбился — олени обтекали его уже с обеих сторон. У некоторых важенок болтались на шее бубенцы, и звук их, сливаясь, голосистым ручейком раздавался между деревьями. Но вскоре звон бубенцов поутих, и Арсин понял: олени нашли ягель, остановились и теперь кормятся. Да только надолго ли хватит здесь ягеля?! Он хорошо знал свой остров — исходил его вдоль и поперек. Много ли могло вырасти мха на единственном тут пятачке хвойного леса — всего в километр длиной да с полкилометра шириной? Правда, на острове был еще тальниковый мыс, вытянувшийся примерно на полверсты. Здесь было изобилие тала, рябины, прошлогодней сухой осоки, пырея — в бескормицу олени не брезговали и такой едой, но ведь то, в основном, летом и осенью, когда и травы, и тальниковая кора были еще сочными и питательными.

«Как же быть-то?» — ломал голову Арсин. И две-

сти голов, как он определил сначала, немалое стадо, а уж триста... Ягеля на острове хватит на день, самое большее на два, а дальше? Дальше оленям придется перейти на необычный для них рацион: сухую прошлогоднюю траву, зимнюю кору тала... Но ведь и этого здесь дня на три, не больше... А потом?»

Арсин, хотя и мало кочевал со стадами, но, как всякий северянин, знал, что олень животное на редкость неприхотливое и выносливое — дней пять, а то и неделю может обходиться без всякой еды, было бы только чем утолить жажду... Но ведь это в исключительных случаях... А тут, на острове, кроме всего прочего, одни важенки, которые вот-вот должны отелиться, им в эту пору нужен самый что ни на есть питательный корм...

От этих размышлений Арсину становилось не по себе. Вот попал в переplet! Доверили стадо каким-то разгильдяям, они его упустили, а он теперь неси за это ответственность. При чем тут он? Да случись что — какой с него спрос-то?

«Только вот как же их теперь бросишь, — думал Арсин. — Живые ведь твари! И потом — они ж совхозные... Упустил разгильдяй, так почему из-за него должны страдать все? Если б еще быки... с теми попроще, наверно, было бы... А тут все важенки да стельные... А он ведь тоже в совхозе работает... Господи, как же их в такой беде бросишь? Как грех на душу возьмешь? Оленят одних враз сколько погибнет...»

Конечно, если быть честным до конца, Арсин немало преувеличивал, когда говорил о себе мысленно, что он тоже в совхозе работает. Работал... Всю жизнь в меру своих сил работал, хоть и вернулся с войны инвалидом, не лодырничал... Это уж он теперь, когда подошел пенсионный возраст, вот уже третий год занимается, как сам говорит, «личным делом». Но если совхозу надо — он всегда поможет, ни от какой работы не откажется...

«Ведь это ж в голове не укладывается! — говорил Арсин сам с собой. — Три сотни важенок! А после отела — еще столько же добавляй! Целое стадо, да какое стадо! Ведь это даже подумать нельзя, что такое богатство погибнуть может! Никак нельзя. Никогда сердце не согласится. Придумать бы только что с кор-

мами... А там пастухи подъедут, поди, уж ищут пропажу...»

Арсин сунул тоборы в размокшие от талого снега кожаные ремни лыж, по привычке прихватил подмышку легкий топор, взял еще на всякий случай деревянную лопатку — сонгхеп: решил, пока есть возможность, не торопясь обойти стадо, остановившееся на кормежку.

Перед тем, как отправиться в обход, Арсин, подумав, связал для Акара специальный намордник из веревки, чтобы тот не лаял почем зря и не исхитрился бы перегрызть привязь. Да, Арсину теперь обо всем надо заранее думать: если пес сорвется — может случиться беда. Не обученный пастушьему делу, пес разгонит стадо в один момент — и где тогда искать важенок? Где искать оленят, которых они с перепугу могут скинуть в любом месте...

Время шло к полудню, наст под весенним солнцем отмяк настолько, что порой не выдерживал тяжести, и тогда лыжи Арсина с глухим шумом уходили глубоко в снег. Он осторожно вытягивал лыжи из-под навалившихся на них зернистых глыб, медленно двигался дальше. Олени, как и в самом начале, при его приближении поднимали головы и, пережевывая ягель, окидывали недолгим взглядом; потом, словно убедившись, что это тот самый человек, который встретил их, вновь тянулись губами в нарытые в снегу глубокие ямы. Арсин понял, что животные все же побаиваются его, стараются держаться на безопасном расстоянии. Теперь он беспрестанно покашливал, когда подходил к очередной группе. Так обошел он все стадо и понял, что животные, подобно разлившейся воде, успели уже разбрестись по всему островку.

Вернулся он к своей избушке изрядно вспотевший. Опять же, не касаясь ремней руками, скинул лыжи, стащил через голову малицу, положил на нарточку. Оставшись в одной вельветовой куртке, стряхнул прилипшую к плечам оленью шерсть, расстегнул молнию.

— Вот хорошо когда. Самый раз, — пробормотал облегченно, глубокого вдыхая весенний бодрящий воздух. — И освежусь маленько, и мозги заодно проветрятся.

Он не боялся простуд, и вот такое сидение на ве-

сеннем солнце, когда после работы ли, ходьбы ли на лыжах можно охладиться, скинув с себя меховые одежды, всегда доставляло ему удовольствие.

Но до удовольствий ли было Арсину теперь, когда ему не давали покоя мысли о том, как сохранить стадо, дать важенкам возможность нормально отелиться и суметь продержаться до тех пор, пока не придет подмога...

Почувствовав, что освежился, Арсин снова надел малицу. Тело, начавшее было мерзнуть, быстро согревалось. Сидя на нарте, он думал о том, что как ни мало разбирается в пастушеском деле, а все же знает: олени, остановившиеся на кормежку, первые сутки, пока ягеля много, особого беспокойства проявлять не будут и, если их ничто не спугнет, никуда не тронутся с острова, где нашли наконец долгожданное пастбище.

Арсин решил, что до вечера больше не будет тревожить стадо. Немного успокоенный, он зашел в избушку, налил себе из чайника, стоявшего на чугунной печке, полную кружку чая и, прихватив две сушки, вышел на улицу. Слегка подкрепившись, улегся на свой любимый «диван».

«Да, деваться некуда,— пришел он к окончательному выводу,— придется пожить в избушке, подождать пастухов. Все же следы целого стада даже пурга ни в какой карман не упрячет. Обязательно не сегодня-завтра появятся хозяева стада. А уж тогда можно будет и домой податься. Главное — успеть бы до паводка...»

Он снова бросил взгляд на свое лесное жилище, и теплая волна окатила сердце — столько всего с ним связано было! А уж кажется, что в ней особенного, в этой избенке? Поверх толя, которым она покрыта, все еще лежал нетолстый слой снега. На коньке прибиты ветвистые рога семилетнего сохатого — несколько лет назад он добыл его здесь, на острове... Рога очень понравились тогда жене, она и уговорила приколотить их на крыше...

Жена... При одной мысли о ней поплыли перед глазами, словно вереницы колданок по широкой глади реки, незабываемые картины, оживляя в душе давно ушедшие в прошлое дни его жизни...

Арсин улегся поудобнее, подпершись рукой.

«Эх, избушка ты моя избушка! — думал он. — Сколько еще нарядных кисов, сколько охотничьих тоборов переступят твой порог после меня? Сколько снегу стряхнут с малиц завтрашние люди, зайдя под твою крышу? Сколько налипшей глвны смоют с резиновых сапог другие охотники? Эх, если бы знать... Конечно, хотелось, чтоб переступали порог твой люди с хорошими, добрыми мыслями, чтобы радовала ты их, чем могла, давала кров и пищу. Чтобы хранила добрую славу. И как утешение мне, помогала бы людям поминать меня добрым словом... Был, мол, такой человек Арсин. Охотничал, рыбачил, зла никому не делал... А может, найдутся и такие, которые под этой крышей догадаются и о моей весновке с любимой. С Таясь... Ох, наделала тогда Таясь переполоху в маленьком селении Парават! Весь поселок, казалось, перевернула тогда вверх дном... Покойницы на кладбище возле речушки Нарпенг-Ёхан — и те, по-моему, вздрогнули...»

Арсин лежал, вздыхая, на своем «диване», а думы его были сейчас далеко-далеко...

2

Шла первая военная весна.

Арсин после тяжелого ранения, после госпиталя возвращался с фронта. Насколько коротка была прошлой осенью дорога на фронт, лежавшая через Омск, где шло формирование их части, настолько долгой казалась она ему теперь, когда он торопился домой. Конечно, он мечтал побыстрее увидеть мать, отца, сестер, братьев, но больше всего спешил к ней, к своей Таясь: ни днем, ни ночью не забывал он о первой своей любви...

Он ехал и думал о том, как они встретятся, заглядывал в будущее; охваченный могучим чувством, Арсин вновь, как и до фронта, казался себе крепким и здоровым парнем, способным, подобно сказочному герою Ими Хилы вершить чудеса и подвиги. Вот только быстрее бы попасть в родные края, домой. Быстрее!..

Не раз пытался представить себе встречу в родном селенье, но ни одна такая воображаемая им радост-

ная картина не устраивала его до конца — душа ждала чего-то большего, чего-то совсем необыкновенного: ведь дома-то наверняка считали его давно погибшим! Даже и похоронку уже послали, об этом ему один однополчанин сказал, с которым случайно встретился после госпиталя. Они считают его погибшим, а он живой, живой!

Конечно, у них там, в части, были все основания считать Арсина погибшим. Не успел он попасть на фронт, как их сразу бросили на прорыв. И вот, во время форсирования какой-то реки — он и названия-то не запомнил, мина угодила в лодку, на которой переправлялся Арсин. Последнее, что он помнил — как схватился за какой-то обломок... Но, видно, хранила Арсина любовь — контуженного, потерявшего сознание, его прибило к берегу, местные жители подобрали, выходили, а потом, когда немного окреп, переправили к партизанам. И тут, в калининских лесах, Арсин снова встал в боевой строй.

Охотник, вскоре он прослыл первым снайпером в партизанском отряде. Свыше двух десятков фашистов отправил Арсин в могилу, пока в одном из боев сам не получил осколочное ранение в правое предплечье. Поврежденным оказалось и легкое, и Арсина с первым же самолетом отправили на Большую землю. Почти три месяца провалялся он в госпитале, перенес две операции, а потом его комиссовали...

За все то время, что был в армии, только раз, со сборного пункта под Омском, послал домой весточку, да и то просил написать одного из товарищей — сам-то он, хоть и кончил курсы ликбеза, грамоту толком не уразумел. Так — расписаться только да прочесть вывеску... Потом — и в партизанском отряде, и в госпитале не раз думал о том, что надо бы отписать домой: жив, мол, здоров, чего и вам желаю... Но ведь отписать — это значит, опять просить кого-то, а другому человеку разве откроешь самое сокровенное? Когда узнал, что его комиссуют, успокоился: скоро сам увидит родных, сам им все расскажет — чего ж писать-то про то, что ранен, лежит в госпитале, лишней раз огорчать близких. У них, поди, жизнь сейчас и без того нелегкая. Так и не написал ничего...

...Курсы ликбеза он кончал перед самой войной, в селенье Шурышкары, где находилась самая близ-

кая от него семилетняя школа. Вот там-то Арсин и встретил Таясь — девушку из соседнего поселка Ванды.

Они были одногодки, только училась Таясь не на курсах, а в школе, в седьмом классе.

Встретил ее Арсин — и весь мир словно бы перестал для него существовать. Будто и не было для него той весной ни прилета пернатой дичи, когда после долгой зимы наступает пора долгожданной охоты, ни Месяца Прихода Воизя, когда поднимаются с Обской губы косяки рыбы (а уж его-то значимость ханты издавна равняют только с молоком материнской груди). Только она, Таясь, только эта внезапно вспыхнувшая любовь. Будто крылья орлиные у Арсина выросли; кровь бурлила в нем, подобно соку весенней березы...

Чутье влюбленного подсказывало Арсину, что и девушка неравнодушна к нему, может, даже любит его. Но он все же сомневался: а вдруг ему только кажется?..

На этот вопрос могла ответить только сама Таясь...

Он мечтал о случае, который поможет ему объясниться, рассказать ей все, но где его взять, этот случай? Если бы он учился с ней в одном классе! Он каждый день видел ее и в школе, и в интернате, где она жила, но там Таясь всегда была в окружении подруг.

И вот однажды ребята расчистили на реке ледяную площадку, да такую, что из одного конца в другой стрела бы не долетела.

Интернатские здорово гоняли на этом катке, и увидев среди них Таясь, Арсин кинулся искать коньки. Он думал, что на коньках ездить так же просто, как на охотничьих лыжах, к которым каждый ханты с детства приучен. Но и шага он не успел сделать, как тут же на лед грохнулся. Раздался звонкий, как олений колокольчик смех, и тут же над ним, протягивая руку, склонилась стройная девушка. У него даже голова слегка закружилась — это была Таясь! С ее помощью Арсин кое-как поднялся, встал на ноги, но когда, глядя, как это делают другие ребята, снова попробовал хоть немного проехать, правая его нога вдруг заскользила куда-то сама по себе, и он снова упал. Девушка опять рассмеялась, поднимая его.

- 9858 -

Когда он рухнул в третий раз, Таясь сжалась, сама вызвалась научить его кататься. Ох, до чего же тяжело давалась ему эта наука! Арсин уставал так, словно гонялся целый день за хитрой росомахой, петляющей по глухой тайге. Поначалу он только и делал что падал и вставал, и снова падал, увлекая за собой свою учительницу. Как-то раз одну его ногу занесло так, что он резко и неожиданно развернулся лицом к Таясь, и она поневоле оказалась в его объятиях. На Арсине была теплая неблюевая безрукавка, но даже через нее почувствовал он мягкое прикосновение девичьей груди.

До самой темноты пробыли они на катке; под конец у Арсина дела все же пошли на лад, он немного выучился и стоять на коньках, и скользить, мог теперь самостоятельно проехать несколько метров. Они уже договорились, что следующим вечером опять покатаются вместе, но утром разгулялась на целую неделю метель, площадку завалило толстым претолстым слоем снега, а там пришло весеннее тепло...

Вот так они с Таясь и подружились...

Все дни, что оставалось ему учиться на курсах ликбеза, искал Арсин случая, чтобы побыть с ней наедине, но, как назло, такого случая все не было.

А под конец сама судьба, казалось, решила помочь ему.

За Таясь после окончания занятий должны были приехать родители, забрать ее из интерната. Она ждала их со дня на день, но время шло, а никто так и не ехал... Потом уж стало известно, что тяжело заболел ее отец, так тяжело, что мать не могла от него отлучиться ни на минуту. Лодочных моторов тогда в их краях и в помине не было, ездили только на гребях да порой ставили парус, если повезет и задует попутный ветер.

А между тем наступил уже Месяц Прихода Вонзя. Как раз в эти дни закончились занятия на курсах ликбеза. Начиналась путина, и Арсин, чтобы как можно быстрее попасть домой и успеть уйти с рыболовецкой бригадой, пошел за помощью к председателю местного колхоза «Заря» Нятаме Хартаганову, который хорошо знал и самого Арсина и, главное, его отца. И Хартаганов, хотя в эту горячую пору каждая лодка была на счету, согласился помочь: велел выдать Ар-

сину, как парню вполне совершеннолетнему, бударку. Но при одном условии, что по пути Арсин подвезет двух девушек-школьниц — одну в рыбстан Вырвош, а другую, Таясь — в ее родное селение Ванды.

Они быстро собрались. В этот день, как будто специально для них, задул попутный, с юго-запада ветер. Остроносая бударка легко скользила под надувшимся, как глухариный зоб, парусом, да еще и течение помогало им. Девушки радовались, что скоро попадут домой, один только Арсин был недоволен: ему-то как раз хотелось, чтобы ветер не дул совсем — уж тогда он бы, за веслами, показал девушкам, а главное — Таясь, на что способен. Да к тому же, если на гребях, сам путь занял бы намного больше времени, а значит, он мог бы подольше любоваться своей любимой...

Больше всего ему нравились ее глаза, впитавшие, казалось, в себя всю синеву того неба, каким оно бывает в редкие здесь погожие летние дни. Стройна была Таясь, гибка, как обская нельма, а голос ее переливался колокольчиками звенящего ручья.

Арсин, хотя и не знал здешних мест, сидел, как полагается мужчине, на корме, уверенно правил кормовым веслом; так же ловко управлялся он со шкотом паруса, следя, чтобы порывы свежего ветра надували полотно как можно полнее. А девушки по его команде налегали то на один, то на другой борт, чтобы бударку не слишком кренило, чтобы не черпала воду. Развлекая и их, и самого себя, Арсин то и дело спрашивал у них названия узких речушек и широких протоков, далеко выдававшихся в реку мысов, тальниковых островов, а сам тем временем лихорадочно обдумывал, что станет делать, когда высадит подругу Таясь в Вырвоше, и они останутся вдвоем. От Вырвоша до селения Ванды километров десять — расстояние не больно великое...

«И трубку за это время не успеешь выкурить толком, — сокрушался Арсин, — не то что потолковать».

Он соображал, как лучше сделать, как не упустить возможность поговорить с Таясь, прикидывал так и этак, словно перебирал из одного конца в другой плавную сеть. И Таясь, похоже, догадывалась, какие желанья терзают его душу, потому что, ловя на себе его быстрые взгляды, она тем гуще заливалась

румянцем, чем сильнее они приближались к Вырвошу.

Смушение Таясь можно было понять: она, видно, не могла не думать о том, как это ее, да еще одну, повезет домой никому у них не известный парень из другого селения. Вопрос, как еще поглядят на это блюстителю старых обычаев, что подумают люди о ней, честной девушке? Не отвернутся ли после этого свои парни-женихи? Таясь не могла не думать обо всем этом, все-таки она была уже в возрасте невесты...

Арсина же несколько не смущало, кто и что подумает о нем или о Таясь, или о них вместе. Для себя он уже решил, что сделает дальше. «Сейчас или никогда,— твердо сказал он себе.— Сейчас или никогда...»

Высадив подругу в Вырвоше, Арсин вдруг переложил руль и погнал лодку на другую сторону реки, к протоке Рынги, хотя селение Ванды находилось здесь, на левой стороне Малой Оби.

— Что ты делаешь? — всполошилась Таясь.— Ты что, с ума сошел?! Куда меня везешь-то?

— Не бойся, Таясь,— не к месту улыбнулся Арсин.— Скоро узнаешь.

— Что узнаю? — не на шутку рассердилась она.— Ванды вон где,— она махнула рукой в сторону левого берега,— а ты куда правишь? Там же таловый берег, ни одной живой души нет!

— Живой души нет,— попытался засмеяться Арсин, но смех от волнения у него получился какой-то неестественный, сдавленный,— зато избушка есть.

— Какая еще избушка, господи! Я ведь здешняя, лучше тебя наши места знаю.

— Здешняя-то здешняя, а места лучше не знаешь,— опять хохотнул Арсин.— Можем даже поспорить.

— О чем это спорить?

— Ну, что есть здесь избушка. Охотничья...

— Ну и что из того, что есть? Зачем она мне? Мы что, охотиться с тобой будем?

— Охотиться, конечно, не будем...— потупился Арсин.— Просто я хочу тебе избушку показать...

— Да зачем она мне? — еще больше рассердилась Таясь.— Я что, по-твоему, избушек не видала? А ну, поворачивай давай лодку! — Она встала было, чтобы

ринуться на корму и вырвать у него весло, но бударку в этот момент накренило, и Таясь вынуждена была снова сесть.— Ну прошу тебя, Арсин. Нехорошо так, ведь люди Вырвоша все видят, что они обо мне подумают? — Таясь глянула на него так, что у Арсина все внутри перевернулось, как на Оби во время внезапно налетевшего грозowego шквала. «Наверно, и правда нехорошо делаю», — подумал он, уже готовый повернуть лодку назад. И чуть было не повернул, но посмотрел на девушку еще раз и, заметив мгновенно скользнувшую по ее лицу улыбку, каким-то внутренним чутьем, свойственным, наверное, лишь влюбленным, понял: все эти суровые слова о приличиях — только слова, а сердце ее хочет совсем другого... И это вновь придало ему уверенности.

— Да ты не бойся, Таясь, — уже весело прокричал сквозь ветер Арсин.— У меня ничего плохого и на уме-то нет. Только покажу тебе мою охотничью избушку. Только поговорю с тобой...

— И в дороге можно было поговорить, — все еще не сдавалась Таясь.— При чем тут избушка?

— В дороге нет... Ты пойми, Таясь... Важный разговор у меня. Не могу вот так, на ходу. Приедем... и там поговорим, ладно?

— А здесь чем плохо? Или боишься, что убегу? В воду прыгну?!

— Ну зачем ты так, Таясь... Я ж тебе плохого не делаю. И не сделаю никогда — клянусь глазами небесного Турама-Всевышнего... Радугой небесной клянусь.

— Клянусь, клянусь, — насмешливо повторила она, вроде бы успокаиваясь. — Смотри, коль обманываешь — покарают тебя боги. Громовой пулей сразят.

— Да ну, Таясь, я серьезно, а ты... Громовой пулей... Я же не маленький, писать научился, грамоту понимаю. Уполномоченный района сказал — бригадиром звена поставят...

— Ну и что из этого? Мне зачем про то говоришь?

— Ну... так. Чтобы знала.— Арсин резко повернул лодку влево, и волны сразу заплескали в борт, обдавая их брызгами.— Вот заболтался — чуть мимо не проскочили!

румянцем, чем сильнее они приближались к Вырвошу.

Смушение Таясь можно было понять: она, видно, не могла не думать о том, как это ее, да еще одну, повезет домой никому у них не известный парень из другого селения. Вопрос, как еще поглядят на это блюстители старых обычаев, что подумают люди о ней, честной девушке? Не отвернутся ли после этого свои парни-женихи? Таясь не могла не думать обо всем этом, все-таки она была уже в возрасте невесты...

Арсина же нисколько не смущало, кто и что подумает о нем или о Таясь, или о них вместе. Для себя он уже решил, что сделает дальше. «Сейчас или никогда, — твердо сказал он себе. — Сейчас или никогда...»

Высадив подругу в Вырвоше, Арсин вдруг переложил руль и погнал лодку на другую сторону реки, к протоке Рынги, хотя селение Ванды находилось здесь, на левой стороне Малой Оби.

— Что ты делаешь? — всполошилась Таясь. — Ты что, с ума сошел?! Куда меня везешь-то?

— Не бойся, Таясь, — не к месту улыбнулся Арсин. — Скоро узнаешь.

— Что узнаю? — не на шутку рассердилась она. — Ванды вон где, — она махнула рукой в сторону левого берега, — а ты куда правишь? Там же таловый берег, ни одной живой души нет!

— Живой души нет, — попытался засмеяться Арсин, но смех от волнения у него получился какой-то неестественный, сдавленный, — зато избушка есть.

— Какая еще избушка, господи! Я ведь здешняя, лучше тебя наши места знаю.

— Здешняя-то здешняя, а места лучше не знаешь, — опять хохотнул Арсин. — Можем даже поспорить.

— О чем это спорить?

— Ну, что есть здесь избушка. Охотничья...

— Ну и что из того, что есть? Зачем она мне? Мы что, охотиться с тобой будем?

— Охотиться, конечно, не будем... — потупился Арсин. — Просто я хочу тебе избушку показать...

— Да зачем она мне? — еще больше рассердилась Таясь. — Я что, по-твоему, избушек не видела? А ну, поворачивай давай лодку! — Она встала было, чтобы

ринуться на корму и вырвать у него весло, но бударку в этот момент накренило, и Таясь вынуждена была снова сесть.— Ну прошу тебя, Арсин. Нехорошо так, ведь люди Вырвоша все видят, что они обо мне подумают? — Таясь глянула на него так, что у Арсина все внутри перевернулось, как на Оби во время внезапно налетевшего грозowego шквала. «Наверно, и правда нехорошо делаю», — подумал он, уже готовый повернуть лодку назад. И чуть было не повернул, но посмотрел на девушку еще раз и, заметив мгновенно скользнувшую по ее лицу улыбку, каким-то внутренним чутьем, свойственным, наверное, лишь влюбленным, понял: все эти суровые слова о приличиях — только слова, а сердце ее хочет совсем другого... И это вновь придало ему уверенности.

— Да ты не бойся, Таясь, — уже весело прокричал сквозь ветер Арсин. — У меня ничего плохого и на уме-то нет. Только покажу тебе мою охотничью избушку. Только поговорю с тобой...

— И в дороге можно было поговорить, — все еще не сдавалась Таясь. — При чем тут избушка?

— В дороге нет... Ты пойми, Таясь... Важный разговор у меня. Не могу вот так, на ходу. Приедем... и там поговорим, ладно?

— А здесь чем плохо? Или боишься, что убегу? В воду прыгну?!

— Ну зачем ты так, Таясь... Я ж тебе плохого не делаю. И не сделаю никогда — клянусь глазами небесного Турама-Всевышнего... Радугой небесной клянусь.

— Клянусь, клянусь, — насмешливо повторила она, вроде бы успокаиваясь. — Смотри, коль обманываешь — покарают тебя боги. Громовой пулей сразят.

— Да ну, Таясь, я серьезно, а ты... Громовой пулей... Я же не маленький, писать научился, грамоту понимаю. Уполномоченный района сказал — бригадиром звена поставят...

— Ну и что из этого? Мне зачем про то говоришь?

— Ну... так. Чтобы знала. — Арсин резко повернул лодку влево, и волны сразу заплескали в борт, обдавая их брызгами. — Вот заболтался — чуть мимо не проскочили!

— Что чуть не проскочил? — прокричала она, вытирая лицо.

— Здесь, Таясь, протока Пертаиг-Посл. Знаешь?

— Слыхала от отца. Только тут не наши угодья.

— Верно, Таясь. Здесь пораватские охотятся и рыбачат, — Арсин оживлялся, чувствуя себя все более уверенно. — Такая хитрая протока — как будто хвост ящерицы среди тальниковых кустов. Еще версты две проедем — и будет речка Кельчи-Ас. А уж там, на островке Шиян, и наша избушка. Прошлой весной с отцом рубили...

Поросшие талом берега смыкались за ними, и теперь Таясь больше не протестовала, не выговаривала ему — видно, окончательно смирилась с решением Арсина; сидела молча, разглядывала склонившиеся к самой воде кусты тала и рябины, готовые вот-вот покрыться зелеными листьями.

Протока то и дело петляла; почти из-под самого носа лодки лениво взлетали то кормившиеся у прибрежного мелководья шилохвосты, то широконосые красавцы соксуны. Утки почти не боялись их бесшумно скользившей бударки, целыми стаями проносились со свистом, едва не задевая парус. Эх, как в другое бы время разыграла в Арсине неумемная охотничья страсть! Но сейчас ему было не до уток, не до охоты...

Теперь, когда избушка была совсем рядом, когда лодка их скользила в таком таинственном, таком уединенном месте, словно специально созданном для объяснений в любви, он вдруг с ужасом понял, что не знает, как заговорить с девушкой о главном, как заставить непослушный язык начать, как вызвать Таясь на откровенный разговор. Какими-то дурацкими восклицаниями, жестами он привлекал ее внимание к каждой новой поднятой ими на крыло утиной стае, а сам думал о том, что теперь, почти добившись своего, оробел так, что, видно, ничего уже с собой не сможет поделать... Язык, казалось, совсем перестал его слушаться, засох, подобно бересте, содранной с сочного дерева и опаленный огнем.

Молчала и она, глядя куда-то вдаль. Арсин облегченно вздохнул, когда протока закончилась, и лодка въехала в реку Кельчи-Ас. Сразу же, посредине реки, километрах, наверное, в полутора от берега, зави-

делся остров Шиян, казавшийся издали огромным, мчащимся по волнам кораблем.

У острова Арсин осторожно направил лодку к узкой курье, почти не заметной постороннему глазу. Мелкий тальник, затопленный водой, царапал борта лодки и упруго распрямлялся за кормой. Метров через двадцать курья резко расширилась, здесь она уже была в несколько бросков аркана... Наконец лодка уперлась в коренной берег острова, поросший кедром и лиственницей.

За кедровником, через ветви молодых берез и рябин проглядывала избушка, покрытая светящейся на солнце берестой...

— Вот мы и приехали, Таясь. Можешь выходить.

— Зачем? — удивленно-насмешливо подняла девушка свою черную бровь. — Избушку посмотрела — теперь можно и обратно ехать.

— Как это обратно! — как можно веселее сказал Арсин и положил кормовое весло. Не глядя на нее, он деловито спустил парус и выскочил на берег. Девушка по-прежнему сидела на скамье и, судя по всему, не собиралась покидать лодку. — Ты только посмотри, как тут красиво! — заторопился Арсин. — Если остров пересечь, такой вид на Малую Обь — дух захватывает. А дичи здесь сколько! Рыба в озерах просто кишит. Зимой горностаи, зайцы, песцы — к самой избушке подходят, порог лижут! Вот какое это место, Таясь!

— Вот ты и оставайся охотиться. Всего тебе хватит — и уток, и рыбы, и зайцев. А мне домой пора. Я скажу — за тобой потом приедут, — и, схватив неожиданно гребни, Таясь резко отпихнула лодку от берега.

Арсин оторопел — чего угодно ожидал, только не этого. А когда опомнился, увидел, что Таясь, сильно отгребаясь, уже отогнала лодку на глубину.

— Таясь! — в отчаянии закричал Арсин. — Ты что делаешь. Приставай к берегу. Я же, я...

Таясь в ответ еще сильнее налегла на весла. И тут Арсин, окончательно придя в себя, хищной росомахой сделал с десятков длинных прыжков по берегу и у крутого обрыва, где расстояние до лодки было не более длины двух хореев, ринулся в ледяную курью. Он верно рассчитал свои силы и вскоре вцепился в лопасть гребни; чувствуя, как заходится от холо-

да тело, как тянет вниз отяжелевшая малица, он подтянулся рывком и закинул левую руку на борт лодки.

— А теперь гребь! — улыбнулся он прыгающими губами. — Гребь, гребь! И меня заодно потянешь, как п-п-плотоматку...

Таясь, видно, по инерции, сделала еще несколько взмахов и только тогда оставила гребь.

— Ну, и что дальше? — сердито спросила она. — Не перегрелся еще? Давай, залезай да поехали в Ванды.

Но Арсин и не думал лезть в лодку, висел, вцепившись в борт, молча смотрел на нее. Тогда она, ни слова больше не говоря, не глядя на него, снова налегла на весла. Лодка стояла на месте. Таясь опять в сердцах бросила весла, хотела сказать что-то резкое, но вдруг увидела его совсем посиневшие руки, пепельно-сизые губы и наконец опомнилась.

— Ох, Арсин! — жалостливо выдохнула она. — Ты же, наверно, замерз! Помереть хочешь, да?! — Таясь перепрыгнула через рыбный ящик и, вцепившись обеими руками, стала тянуть его в лодку. Но сил у нее не хватало, а он уже окоченел настолько, что почти ничем не мог помочь девушке. Тогда она что есть мочи дернула Арсина на себя... и он тяжелой намокшей коряжиной свалился на дно... С малицы, с бродней ручьями текла вода...

Хотя Арсина и была лютая дрожь, пронзавшая тело до самых костей, он сейчас был наверху блаженства: ведь это Таясь, любимая девушка, держала его за правую руку, терла ему виски, то и дело спрашивая перепуганно:

— Ты жив, Арсин?! Жив? — Она все встряхивала его, и, чуть не плача, громко повторяла: — Глупый какой! Я же не хотела... Я совсем не так думала... Подожди, сейчас к берегу пристану, костер разведу... Потерпи, Арсин.

Она кинулась к гребям; лодка уткнулась — теперь уже в пологий берег — всего, наверное, метрах в сорока ниже первого места.

Таясь тут же выкинула якорь.

— Сейчас, Арсин, сейчас, — суетилась она. — Держись за меня, вылезти тебе помогу. — Она ухватила его за руку, перекинула ее через свое плечо.

И окоченевший Арсин, забыв обо всем на свете от-

того, что она чуть не плачет, волнуется за него, от ее заботы, не зная в своем счастливом восторге, как отблагодарить, крепко притянул Таясь к своей мокрой груди и, сперва неумело, осторожно коснулся застывшими губами ее горячих губ, а потом влился в них долгим поцелуем. Он не знал, сколько тянулось это сладостное мгновение, от которого едва не потерял сознание; он пришел в себя лишь когда услышал ее взволнованный голос:

— Задушишь, Арсин... Отпусти, тебе же сушиться надо...

Жарко было сейчас Арсину, будто и не купался он в ледяной курье; словно молодой лось вскочил он на ноги, схватил Таясь и на руках осторожно вынес ее на берег. Не останавливаясь, зашагал по прошлогодней траве в сторону избушки; он шел, а с малицы его все стекала и стекала вода.

Арсин не торопился — ему не хотелось, чтобы они кончались, эти минуты; он делал шаг или несколько шагов и снова жадно прикивал к ее влажным горячим губам, ощущая как гулко бьется ее сердце. Своего сердца Арсин не слышал, оно словно растворилось в переполнившем его счастье...

И только у порога избушки, немного, кажется, придя в себя, он опустил Таясь на землю. Лицо ее, чудилось ему, сияло и переливалось, будто озаренное теплым летним солнцем. Но, заглянув в ее голубые, такие счастливые сейчас глаза, Арсин снова не удержался, прикик к губам девушки.

— Ну Арсин... Ты же простынешь! Давай скорей печку топить, тебе же обсушиться надо! — опомнилась наконец Таясь.

Мягко от него отстранившись, она легко, по-хозяйски, повернула наружную вертушку и вошла внутрь избушки. Арсин, будто во сне, шагнул за ней, глядя — всю бы жизнь глядел! — как сноровисто разводит она огонь, как суетится возле печи.

Арсину ничего не оставалось делать, как начать стаскивать с себя наполненные водой и разбухшие, словно бревна, брезентовые бродни, насквозь промокшую малицу. Когда в избушке стало совсем тепло, Таясь вышла, чтобы он остался один и смог высушить холщовую рубаху и брюки из толстого поизносившегося шевюта. Стоя нагишом у печки, он растирал

себе грудь, плечи, живот, с удивлением ощущая, как сильно бурлит в нем горячая кровь... Кровь бродила в нем, как сок в весеннем дереве, таинственная, скрытая в ней ранее сила не давала ему покоя.

Теперь он опять весь дрожал, но уже не от холода, нет, от избытка этой прежде неведомой силы. Он ни на минуту не забывал, что она, любимая, здесь, рядом, и, не зная, куда себя деть, в нетерпении поглядывал на свою исходящую паром одежду; он готов был схватить ее — пусть сырую! — натянуть на себя и бежать на улицу, туда, где слышался звонкий голос Таясь: она напевала какую-то песенку, и песенка эта, как и ее глаза, лучилась счастьем... Сила, толкавшая его к ней, была так велика, что в какое-то мгновение Арсин, не умея совладать с собой, чуть не сорвался с места, но тут вдруг раздался ее голос:

— Арсин, слышишь, Арсин! — звенела она под дверью. — А я тебе чаю на костре вскипятила. Целую горсть чаги всыпала. Крепкий будет чай, вкусный! Все болезни от тебя отгонит. Так что давай, сушись поскорее и выходи чай пить...

Этот ласковый, счастливый голос вмиг отрезвил его.

«Какой я дурак! — шепотом ругал он себя, в нетерпении щупая влажные брюки. — Кто только лишил меня разума! Любимую девушку опозорить хотел, обесчестить!.. Да еще в присутствии Священного идола — всесильного духа Орла!.. Какой дурак!»

Он пошел в дальний угол избушки, где подвешена была на оленьей жиле фигурка идола рода Сюлись, Священный Орел, весь почерневший от копоти, давал по словам отца, удачу в охоте, охранял в отсутствие хозяев избушку.

— О, прости Священный Орел, — глядя на идола, шептал Арсин. — Это какая-то враждебная сила хотела украсть мой ум. Прости, Священный идол. Не трону Таясь до свадебной ночи. Не трону, клянусь тебе, Священный Орел! — И, как учил отец, трижды перекрестился, поворачиваясь по ходу солнца. А закончив обряд, сказал: — Спасибо, Священный Орел, за то, что вернул мне разум. — Он бережно обтер идола тряпочкой, висевшей на вбитом в стену деревянном колышке, и, вернувшись к печке, снова потрогал малицу.

Нетерпение Арсина было так велико, что он не стал дожидаться, когда одежда высохнет полностью. К тому же ему хотелось, чтобы Таясь видела, какой он закаленный мужчина — пусть знает, что ему нипочем купание в весеннюю пору. А главное все же заключалось в том, что ему нетерпелось как можно быстрее оказаться с ней рядом; эти минуты после недавних поцелуев, что прошли поврозь, казались ему бесконечными; его взбудораженное существо каждой своей частичкой неудержимо рвалось к ней, к Таясь.

Распаренный после жарко натопленной избы, Арсин выскочил на улицу. Сжавшись в комочек, положив подбородок на колени, Таясь сидела у костра, на котором пытел паром закопченный чайник, смотрела в огонь. Услышав стук двери, она обернулась — и у Арсина снова перехватило дыхание. Он улыбнулся ей и торопливо заскочил в избушку — захватить из оставленного отцом припаса несколько баранок, два небольших черных сухаря. Заодно снял с полки алюминиевые кружки, кинул в каждую по куску колотого сахара.

О, каким вкусным, каким сладким был этот чай, с каким наслаждением он его пил, с еще большим наслаждением беспрестанно нахваливая свою Таясь:

— О-о! Вот это чай! И как ты только такой заварила! Ну до чего ж хорош! Всего меня оживил!..

Она смотрела и смотрела на него все с той же ласковой, словно слегка удивленной улыбкой — будто никак не могла поверить, что все это происходит именно с ней...

А потом они, взявшись за руки, долго бродили по острову. Арсин показал ей, где во время весеннего прилета уток находились его охотничьи екрадки, сводил на сухую высокую гриву, сплошь заросшую мощными кустами черной смородины. Ягод здесь бывало столько, что и осенью, и долгой холодной зимой висят на ветках целые гроздья. Они ходили его любимыми тропками, любовались лиственницами и кедрами, и то и дело останавливались... И тогда Арсин крепко обнимал Таясь и целовал ее, целовал...

Наконец он вывел девушку к тому месту, где находился сделанный еще дедом каскан. Сначала Арсин хотел объяснить Таясь, как действует эта старинная снасть для ловли уток, но потом передумал, решил,

что лучше будет, если он удивит ее, не расскажет, а покажет на деле.

— Испытаем наше счастье? — предложил он.

— А что это такое? — недоуменно спросила Таясь. — Я, наверно, никогда такой штуки и не видела...

— Конечно, не видела, — улыбнулся Арсин. — Каскан — это ведь занятие мужчин. Ну что, попробуем?

Таясь кивнула в ответ. Арсин тут же подбежал к стоявшему неподалеку раскидистому кедру, снял с сучка под кроной брезентовый мешок, вытащил из него сеть, аккуратно разложил ее на поляне, между двумя высокими шестами. Таясь с интересом смотрела, как привязывает он сеть к шестам... Когда все было готово, он обернулся к ней:

— Вот, смотри, как им пользуются, касканом. — Он взялся рукой за тот шест, что был ближе к ним — шест стоял внаклонку, сеть лежала на земле. Но стоило Арсину потянуть шест на себя, как вся сеть тут же поднялась над землей метра на три-четыре. — Видишь, вот по этой просеке в тальнике утки летят на поляну, а мы их раз! И в сеть. Просека специально прорублена. — Арсин снова продемонстрировал, как пользоваться старинным орудием лова.

— Ой, как интересно! — простодушно всплеснула она руками. — Давай посидим, и вправду попытаем счастья...

Они уселись на поперечной слеге, прибитой к двум стоящим рядом деревьям, прижались друг к другу, дожидаясь, когда полетят просекой птицы.

Понемногу спускались на землю слабые весенние сумерки, и когда солнце едва коснулось дальних, слегка заснеженных отрогов Полярного Урала, воздух стал наполняться шумной разноголосицей птичьих стай. Трубя летели на ночлег гуси, спешили куда-то связи и шилохвосты, белобокие касатки и хохлатые черныши...

А вдоль узкой просеки, перегородженной лежащей наготове сетью, то и дело низко проносились с резким характерным криком чирки.

— Ну давай же, давай! — нетерпеливо подсказывал девушке Арсин, но Таясь никак не могла сосредоточиться и вовремя вздернуть сеть перед летящей дичью. Да и как ей было сосредоточиться, если левая

рука Арсина гуляла по ее плечу, а другой он крепко сжимал ее правую руку, держащую шест... Наконец, не забывая шутливо отбиваться от него, Таясь изловчилась и вздернула ловушку — правда, с трудом, невысоко. И тут же в ней запутались два чирка-трескунца, вытянули сеть небольшим мешком. Таясь испуганно опустила шест, и сеть легла на землю, надежно накрыв запутавшихся птиц. Забыв обо всем, они побежали смотреть добычу; перепуганные чирки лежали среди желтой травы и не шевелились. Арсин, показывая девушке свое умение, тут же сунул руку под сеть, вытащил из нее краснобрового чирка-самца и уже хотел было свернуть ему шею — так обычно убивают уток, добытых живьем, — но Таясь вдруг жалобно крикнула:

— Что ты делаешь, Арсин! Не надо! Не надо их убивать, давай лучше выпустим! Пусть живут...

Арсин на минуту задумался — жалко было добычу, потом махнул рукой.

— Главное, что мы их поймали, верно, Таясь? Значит, счастье нас с тобой не обошло стороной!.. Теперь, конечно, можно и выпустить.

Он осторожно передал краснобрового красавца Таясь, вытащил из сети самку. Поглаживая чирка, который царапался, рвался на свободу, Таясь снова сказала:

— Пусть живут! Пусть любят друг друга, пусть принесут нам счастье за то, что мы сохранили им жизнь... Ты согласен, Арсин?

— Еще бы! Какая же ты умница, Таясь! — Он обнял ее свободной рукой. — Пусть радуются, что попались в руки влюбленным, и несут эту радость по всей земле... Так я говорю, Таясь?

Таясь стояла, потупившись, смущенно молчала. Он уже готов был расстроиться, как вдруг она сама припала к нему губами, и этот счастливый ее поцелуй сказал Арсину все... Они и не заметили, как взлетели с их разжатых ладоней вольные птицы...

— Да-а, — тихо вздохнул Арсин, лежа на своем излюбленном месте, на комле толстой ели. — Ах, какое было время! Какое время!.. Узнать бы — летают ли еще те чирки, птицы нашей любви? Хотя где там, столько лет прошло. У них и так век недлинный, а тут еще охотничья дробь или когти хищного коршу-

на... Тропа жизни темна, кто ведает, где она оборвется...

Воспоминания о той оставшейся в памяти, самой радостной ночи взволновали Арсина, и вот, через четыре с лишним десятка лет, его вновь, словно молодого, тогдашнего, потянуло к тому месту, где под старым раскидистым кедром просидели они всю ночь... Здесь, под этим кедром на берегу озера, они тогда поклялись, что осенью соединят свои судьбы навечно, и что клятву эту может нарушить лишь случайная смерть...

Им и в голову не приходило подумать, как к этому отнесутся родители, им казалось, все будет так, как они решили. Ведь в молодости всем влюбленным кажется, что все в жизни просто, что весь мир существует только для них...

Вдев ноги в кожаные крепления, Арсин направился на лыжах к берегу озера, к старому раскидистому кедру.

Сразу же за избушкой, метрах в ста от нее, паслись наголодавшиеся, истосковавшиеся по ягелю важенки. Они легко расправлялись с потерявшим утреннюю свежесть настом, и комья снега из-под их копыт, словно перепуганные куропатки, отлетали далеко в сторону.

Проходя мимо кормившихся оленей, Арсин на всякий случай время от времени негромко покашливал — давал животным заранее знать о своем приближении.

Но оленям сейчас было не до него. Важенки лишь ненадолго поднимали головы, смотрели на человека, втягивали своими чуткими ноздрями, покрытыми налипшим зернистым снегом, воздух, снова начинали разгребать снег луновидными острыми копытами. Только у нескольких важенок его появление вызвало беспокойство — эти нежно облизывали только что родившихся на свет беспомощных оленят.

«Вот и отел начался, — тревожно подумал Арсин. — Хотя как же иначе? Есть корм, нет корма, раз время пришло — никакой силой его не оттянешь...»

Он шел и лишний раз убеждался, что стадо успело совсем освоиться на его острове. Надо было на всякий случай обойти его еще раз — удостовериться, что все олени на месте. Дойдя до того ложка, за которым хвойный лес сменялся рябиной и талом, Арсин

увидел, что олени пока вполне довольствуются ягельным пастбищем, что они даже и не собираются пробовать траву муксутун, стоящую в тальниках, или мелкий трубчатый хвощ на берегу озера.

— Пока ничего, пока терпимо, — разговаривал он сам с собой вслух. — Еще на денек, пожалуй, ягеля хватит. А вот что дальше будет...

Эта мысль — «что дальше»? — тревожила старика, давила на него черной тяжестью. «Где же, черт их задери, хозяева стада? Почему не являются? Времени ведь порядком прошло. Пора бы им и подъехать...»

Поднявшись на прибрежный взгорок, омываемый уже Горной Обью, Арсин долго смотрел на синевший в полтора верстах от него левый коренной берег, по которому проходили маршруты касланий оленьих стад в сторону Полярного Урала. Он вглядывался в черневшие там, вдали, отдельные тальниковые кусты, а особенно пристально — в вывороченные рекой корни деревьев: не обнаружится ли чего похожего на оленью упряжку: но там не было видно ни бегущих оленей, ни другого какого живого существа. Вздохнув, Арсин перевел взгляд ближе к своему острову, внимательно вгляделся в узкие забереги, прикидывая глубину свинцовой воды. Получалось, по его соображениям, что глубина тут, в заберегах, стала уже порядочной — ноги важенок, пожалуй, дна уже не достанут...

«Вот и хорошо, — подумал он. — Глубоко — значит, олени только вплавь смогут переправиться, а вплавь сейчас, да с детенышами — они вряд ли полезут... Да-а. Хотя, конечно, если приспичит — полоска воды в бросок аркана для них не преграда...»

Арсин стащил с головы капюшон малицы, откинул его назад, чувствуя, как приятно холодит вспотевший лоб свежий ветерок, прошелся цепким изучающим взглядом по тальниковому мысу, вытянувшемуся вниз по течению реки, по его совсем пологим на оголовке берегам.

«Кой, кой! Шибко опасное место, — тревожно думал он. — Олени переправиться могут...»

Опыт старого таежного охотника подсказывал ему, что олени вряд ли без особой необходимости будут спускаться к реке с обрыва, на котором он сейчас стоял; а вот с лежащего в воде тальникового мыса,

где забереги совсем еще слабые, переправиться на другой берег им вряд ли что помешает... И исход тогда только один: окончательная потеря стада...

Он должен, пока не вздулись и не разлились широко забереги, сделать все, чтобы удержать животных на острове. Потом, когда поднимется вода, олени сами никуда не денутся. Эта пора, по тому, как прибывала вода, наступит дня через три...

Важенок, конечно, какое-то время будет сдерживать начавшийся отел. Но какое? Не зря же природа тысячелетиями приучала оленей к суровым северным условиям, вырабатывала в них исключительную выносливость и жизнестойкость. Не успев появиться на свет, олененок начинает жадно сосать вымя, а уже через час-другой бойко семенит за матерью, готовый следовать за ней, как говорится, в огонь и в воду...

«Я должен обязательно караулить их здесь,— приказал себе Арсин.— Не пускать на тальниковый мыс, пока вода не поднимется».

Приняв решение, он направился в сторону того самого раскидистого кедра, росшего неподалеку,— не было случая, чтобы приехав на остров, он не побывал здесь. И всякий раз, когда Арсин приближался к этому могучему дереву, в памяти его вновь и вновь всплывало все, что было связано с кедром...

Он нежно погладил теплый ствол, ища взглядом буквы «Т» и «А», вырезанные им в тот далекий вечер. Арсин специально резал их на восточной стороне ствола, чтобы лучи утреннего солнца каждый раз согревали буквы, словно бы вливая тепло и силу в них с Таясь Большую Любовь. Он провел кончиками пальцев по затянувшимся, уже еле заметным следам и подумал: «До чего же неумолимо время... Даже дерево и то не смогло сохранить давний след. А что ж говорить о человеке, подверженном стольким испытаниям и потрясениям?..»

Он окинул взглядом густую крону дерева, широко раскинувшего могучие ветви, послушал еле слышный шелест хвои на слабом весеннем ветру и вдруг спросил у великана, привалившись к его стволу: «Ты-то помнишь ту далекую весеннюю ночь? Нашу первую с Таясь совместную ночь под твоей теплой крышей?.. О, какая она была!»

Много всего произошло в жизни за прошедшие го-

ды, много ярких впечатлений легло в душу, и все же та ночь занимала в ней свое, особое место. Словно радужными сполохами полярного сияния озарилась вдруг его память...

Случилось это тем же годом, только ближе к осени, в начале Месяца Вылета Глухарей. Уже совсем близко подступило время, когда они, как и поклялись, должны были соединить свои судьбы. Оставалось дождаться лишь окончания летней путины...

Но еще раньше страшная беда, подобная невидимому, все сметающему на своем пути половодью обрушилась на страну, на всех людей, и, конечно же, на Арсина с Таясь. Огромная, смертельная война в один миг перечеркнула все их планы, все их мечты и надежды.

Война обрушилась на жителей северных хантыйских селений по-особому. За всю их многовековую историю никогда еще не призывали ханты на войну. До этого лета они знали о войнах лишь из древних сказаний, легенд, в которых сражались стрелами, копьями, а участвовали в битвах представители одного рода или одного племени.. А эта война, подобно гигантскому ковшу, выгребала из селений молодых, здоровых мужчин — надежду и опору женщин, детей, стариков, ибо в условиях сурового Севера только мужчина, какой бы он ни был, был опорой, кормильцем семьи. И в душах оставшихся дома поселялся страх — страх за свой завтрашний день, за завтрашний день своего маленького народа — страх, усугубленный не только новыми словами «всеобщая мобилизация», но и начавшими вскоре доходить с фронта первыми вестями о смерти, ранении или безвестной пропаже вчера еще таких крепких, таких надежных мужчин...

В середине лета пришла повестка старшему брату Арсина, Еке. Уехал Ека на фронт и до сих пор нет от него никаких известий — жив ли, нет ли, никто не знает... А теперь вот призывают и самого Арсина... Через два дня за ним и другими его сверстниками должен был прибыть колесный пароход «Ваули Пиетомин».

Мать Арсина плакала все эти дни, никак не могла унять свое сердце. Он жалел мать: одного сына на смерть отдала, теперь второй уходит, жалел отца, который от тоски не находил себе места, только себя

совсем не жалел: понимал, какая идет война — не зря же уполномоченный из района по фамилии Храпов рассказывал призывникам о том, с каким озверелым, с каким страшным врагом придется сражаться. Внутренне Арсин начал готовиться к отправке на фронт сразу после того, как ушел Ека. Понимал, что и его, конечно же, война не обойдет стороной...

Оттого-то мысли его и чувства сейчас более всего занимала Таясь. Правда, Арсин еще не говорил о ней, о своем решении с родителями, но после той памятной весенней ночи любовь к девушке, подобно раздуваемому ветром костру, с каждым днем разлуки разгоралась все сильнее и сильнее. А не виделись они уже месяца три, хотя селения их разделяло не более полсотни верст по воде. Летом, к слову, только по воде и можно было попасть к ней. Только ему никак не удавалось выкроить время на эту поездку — ведь чтобы добраться до ее селения на гребях, а потом вернуться, надо было потратить не менее двух суток, а где их взять в летнюю пору, когда дорог каждый день, каждый час? Ворвавшаяся в двери каждого дома беда поневоле отодвигала многие личные дела, откладывала их, как говорится, до лучших времен.

Но теперь, получив повестку, Арсин не мог, не имел права не встретиться с девушкой.

Двое суток было в его распоряжении, всего только двое суток! Но для Арсина, впервые познавшего сладость и мучения Большой Любви, когда, кажется, нет на свете ничего непреодолимого, и это время было настоящим богатством.

Наконец он решился открыться родителям. Он рассказал им, ничего не тая, о своей любви, о том, как провел с любимой девушкой ночь на Шияне, об их мечте пожениться. Сказал и о том, что обязательно должен перед отправкой на фронт съездить в селение Ванды и повидаться с ней...

— Кой, сынок, да ты никак с ума сошел? — всплеснул руками отец. — Кто так делает?! Разве можно с невестой заранее встречаться? Все вековые обычаи нарушил, все наши заветы! Ем, ем!

— Виданное ли дело! — горько покачала головой мать. — Как же ты мог девушку обесчестить? А еще говоришь — любишь! Подумай, какой позор для нее!

¹ Е м — запрет, табу.

Ты уйдешь, неизвестно, что с тобой будет... говорить даже страшно... А она тут... Кто ж ее после возьмет? Одумайся, сынок, пожалей ее...

— А что свою мужскую честь позоришь, — перебил отец, — об этом ты знаешь? Показываешь себя перед всеми, как посар, распутник. Никуда не поедешь, вот что тебе скажу!

— Нет, чтобы последние деньки дома побыть, — поддержала его мать, заливаясь слезами, — так он еще и сбегает неизвестно куда! Словно не мы тебя вырастили, словно мы тебе не родители. Последнюю радость отнять у нас хочешь. Кто знает, вернешься ты еще или нет с этой окаянной войны, ох, страшно даже подумать... Вон, от брата до сих пор весточки ждем — жив ли, нет ли — ничего не знаем... Так хоть ты не откажи в последней радости — дай эти два денька полюбоваться тобой на прощание. Не езд, сынок!

— Погляди только, как братишки да сестры на тебя смотрят! Тоже хотят с тобой побыть... Нет, никуда ты не поедешь!

Арсин посмотрел на насупленного отца, на плачущую мать, на братишек с сестренками, которые влюбленно таращились на него. Жалко их всех, любит он их, а все равно — не может не повидать перед фронтом свою Таясь. Он только вздохнул в ответ и молча натянул свой суконный гусь, сушившийся в чуме после рыбалки. Весь вид Арсина говорил о такой твердой решимости, что отец не выдержал, дрогнул, сказав лишь:

— Ну что ж, сынок. Большой уже, раз на огненную войну берут... Что я могу, если вижу — ноги твои назад не воротятся, мысли от уговоров не перестроятся. — Старый Марат полез в затылок, в поседевшие длинные волосы. — Что с тобой делать? Езжай. Теперь уж нету времени разбираться. Вернешься — после поговорим. Только правильно мать толкует: девушку не позорь. И назад не опаздывай. Сам знаешь, время какое...

— Ладно, отец, — только и ответил Арсин, торопливо укладывая в кожаный мешок полбуханки хлеба, большой кусок сахара и банку питательной рыбной варки. — Спасибо тебе, — добавил он, выходя на улицу.

...В тот день хлестал с самого утра непрекращающийся дождь, бушевал на реке штормовой Кев Вот — ветер с Урала, но Арсин, не раздумывая, столкнул на воду свою высоконосую колданку и, налегая на гребни, пошел через широкую Игорьскую Обь — с тем, чтобы потом двигаться подветренным берегом Большой Оби.

Разгулявшися волны трепали легкую лодчонку, долбили, словно огромными кулачищами, в тонкие борта, пытались опрокинуть колданку, наказать смельчака, рискнувшего выйти на реку в такую погоду.

Щурясь под холодным секущим дождем, Арсин не спускал глаз с пенящихся крутолобых волн, греб изо всех сил, стараясь привести колданку к Мелексимскому острову. Волны то утягивали его в свои провалы, и тогда берега почти скрывались с его глаз, то вздымали его наверх, и задравшийся нос колданки, казалось, путался в подолах низко нависших, несущихся куда-то зловещих облаков. У Мелексимского острова он, перевалив наконец Игорьскую Обь, вошел в Чебурасскую протоку, крутые, обрывистые берега которой сплошь поросли тальником. Вода здесь была сравнительно спокойной — лишь изредка докатывались со стороны Большой Оби всплески высоких волн. Зато сильнее стал ветер — резко налетавшие его порывы трепали колданку, пытались развалить ее на части, то и дело разворачивали нос. Холодные крупные капли дождя хлестали, словно упругими прутьями, по лицу, по слипшимся волосам, по насквозь уже промокшему суконному гусю. Но Арсин все греб и греб, не давая себе и малой передышки. Справа остался Гусиный остров, издали похожий на гигантского, ошетиленного ерша. В затишье, с подветренной стороны песчаных мысов, отсиживались перед дальней дорогой на юг многочисленные стаи уток — в основном, шилохвосты, свиязи, соксуны; завидев приближающуюся колданку, они поднимались на крыло, закрывали собою небо; временами, оглушая его своим гоготом, вздымались из-за мыса вспугнутые стаи осторожных гусей-гуменников, чернозобых казарок...

Хотя Арсин и прихватил с собой на всякий случай одноствольную курковку шестнадцатого калибра, теперь он лишь жадно провожал глазами поднимающиеся птичьи стаи...

Наконец лодка миновала Чебурасскую протоку и вошла в Большую Обь у острова Осетровый. Река, резко сужаясь (с почти трехкилометровой ширины метров до четырехсот), сделала здесь крутой поворот на север, и Арсин легко перевалил через нее. Сплывшись до Малой Оби, начал подниматься правым берегом вверх по течению. Он отмахал уже верст сорок, и за все это время останавливался передохнуть лишь дважды. В последний раз — на острове Осетровом, где у самого берега густо росли кусты тальника, в которых можно было укрыться от сильного штормового ветра. Арсин развел здесь костер, вскипятил чаю, подкрепился вяленой рыбой и как следует обсушился, благо что дождь к тому времени кончился.

Самая трудная часть пути была позади. Теперь ему оставалось совсем немного. Впереди уже просматривался в тусклых лучах появившегося между туч солнца вдававшийся в таловый берег залив рыбацкого селения Ванды. «Через час буду на месте, — обрадовался Арсин, входя в затишье вытянутого в длину, как горноста́й в прыжке, острова Халепугор. — Отдохну малость. Теперь-то почти приехал», — думал он, снимая с уключин легкие кедровые гребки и укладывая их в колданку.

Пристав к толстой коряге, торчащей у самого берега, он привязался за толстый, покрытый почерневшим от воды мхом, кривой сук.

Все время он думал о том, как встретится с Таясь, что скажет ей... Не шел из головы утренний разговор со своими родителями. Они, конечно, по-своему правы. Но обычай — обычаями, а он ведь и в мыслях не допускал, что посмеет опозорить, обесчестить любимую. Что из того, что он молод — разве он не понимает: нет для хантыйской девушки позора более унижительного, чем иметь ребенка без мужа? Редко какая девушка, переступившая запрет, выдерживала потом насмешки и оскорбления односельчан. А уж чтобы после этого кто-нибудь взял ее в жены — такого, наверно, вообще не бывало...

«Как лучше встретиться с Таясь: тайком или в открытую? — думал Арсин. — Конечно, самое лучшее, если бы можно было, как получилось весной, повидаться тайком, чтобы родители пока ничего не знали, не корили потом Таясь за «позор»... «Интересно, рас-

сказала она о нашей поездке на остров родителям или нет? А может, им уже доложил кто-нибудь из Вырвоша — там же не могли не видеть, что лодка тогда направилась совсем не в Ванды... Хотя, она ведь могла сказать родителям, как тогда и договаривались, что мы с ней просто катались под парусом по реке...»

Нет, с той поездкой на остров, наверное, ничего страшного не произошло. Но вот сейчас... Как он встретится с ее родителями, что им скажет, как объяснит свое появление? И как они себя поведут, отпустят ли ее поговорить, погулять с ним? Ведь если он жених, то его дело плохо: по хантыйским обычаям девушке строжайше запрещено встречаться с ним. И на девушку позор ложится, и на ее родителей. А если он не жених — тогда с какой стати она должна с ним встречаться? И-да, сломаешь тут голову... «Черт их, эти древние обычаи, повыдумал, — страдал Арсин. — Давно уж Советская власть на земле, а старики все за прежние порядки держатся!»

У него голова шла кругом — что изобрести? В конце концов Арсин решил, что если кто-то поинтересуется, объяснит свое появление случайностью: попал, мол, в Ванды проездом — решил перед отправкой на фронт забрать из находящейся тут, неподалеку родовой избушки кое-какие вещи. Не бог весть что, конечно, но кто его вздумает проверять? Самое главное для него — хоть как-то увидеться с Таясь, договориться с ней о месте свидания...

В конце концов он решил положиться на случай. Неужто не повезет в такой-то день?!

Арсин отвязал колданку и снова налег на гребни. Звонко зажурчала рассекаемая стремительной лодкой вода. Ослабевший западный ветер задувал теперь почти сзади, и хотя Арсин поднимался вверх, против течения, плыть было легко.

И чем ближе становилось селение Ванды, тем сильнее волновался Арсин: как-то все будет...

Садясь черным глухарем с гигантскими распластанными крыльями опускались на землю, на реку, поблескивающую холодным серебром, осенние сумерки, в которых начало понемногу тонуть лежащее впереди селенье. Налегая на гребни, Арсин то и дело оборачивался, мечтая увидеть там, впереди, хоть ка-

кое-то живое существо. Вот уже промелькнула за правым бортом уткнувшаяся в берег пузатая просмоленная бударка, вслед за ней две перевернутые колданки; послышался собачий лай.

— Ел! А ну, пошел! — вдруг зазвенел на берегу колокольчиком девичий голосок, а потом послышался скрип ведерных дужек. — Ты чего зря лаешь!

Арсин вздрогнул и, развернув колданку, впился глазами в сумрак — туда, откуда донесся такой знакомый, такой долгожданный голос. О, он различил бы этот голос из тысячи других! С той незабываемой весенней поры этот звонкий колокольчик звенел в его ушах днем и ночью.

— Таясь!.. — громким шепотом позвал он, подняв над водой весла. — Это ты, Таясь?!

Девушка, видно, остановилась, стараясь угадать, что же взбудоражило ее пса, и тут же подбежала, услышав Арсина. На согнутой руке у нее висели два оцинкованных ведра, поскрипывали при каждом движении.

Арсин сделал несколько резких взмахов и, не дождавшись, когда колданка уткнется в глинистый берег, выскочил, чавкая броднями в топкой жиже, заспешил к ней.

Подбежав к Таясь, он схватил ее за обе руки.

— Как хорошо! Как хорошо, что ты здесь оказалась! Что ты пошла по воду, как кстати, — шептал он, целуя ее в губы, в щеки, в глаза. — А я-то плыву и ломаю голову, как выманить тебя из дома...

В своем возбуждении он и не заметил, что она как-то сдержанно воспринимает его восторги.

— Выманить? Я что — зверь лесной? Или случилось что-нибудь? — Она отстранилась и пристально взгляделась в его взволнованное лицо.

— Да нет, Таясь, нет, ничего не случилось. Очень хотел тебя видеть, а все же неудобно перед родителями... Сама понимаешь...

— Ах, вот ты о чем... Еще не приехал, а сердце, значит, как у зайца — уже в пятках...

— Ну зачем ты так, Таясь... Мне обязательно, обязательно надо было повидаться с тобой перед... — Он осекся, не зная, говорить ли ей про фронт сейчас, портить ли радость их встречи. — Понимаешь, — быст-

ро забормотал Арсин, глядя, как она меняется в лице, — раньше никак не мог...

— И ты, значит, на фронт, — сказала она, будто не слыша его.

— Да, Таясь, — вздохнул Арсин, — Повестка пришла...

— На фронт, значит, — повторила она с окаменевшим лицом. — У нас полселения призвали. А на старшего моего брата уже извещение пришло. Погиб в боях под Смоленском. — Таясь вдруг опустила черные длинные ресницы, постояла так и сказала, не открывая глаз, одними губами: — Ну что ж тут поделаешь, Арсин, надо. Родина в беде. Смертельной... — И вдруг, не смахивая слез, широко распахнула глаза и судорожно схватилась за рукава его суконного гуся. — Ты мне обещай, что с тобой ничего не случится! Обещай, что вернешься! Живой вернешься, слышишь, Арсин?! — повторила она, и шепот ее вошел в него, как крик.

— Не надо так, Таясь, — встревоженно посмотрел по сторонам Арсин. — Увидят еще... Услышат...

— Ох, да перестань ты! — Она все еще держала его за рукава гуся. — Темно. Кошачьи глаза надо иметь, чтобы хоть что-то увидеть. Да хоть бы и увидели — мне теперь все равно, все равно!

— Ну что ты, Таясь! — прижал он ее к груди. — А если родители... Тогда как?.. Они спрашивали тебя тогда?.. Ну, весной...

— Отец не спрашивал. А мать... До нее, похоже, дошло от кого-то. Ну, да я отговорила...

— Вот видишь! Давай отойдем куда-нибудь. — Арсин крепко обнял ее за узкие плечи.

Видя, как Таясь вдруг засмузилась и стыдливо опустила глаза, он, поняв все по-своему, начал успокаивать ее как в тот раз, весной, когда они плыли на лодке:

— Ты не бойся, Таясь, я тебе ничего плохого не сделаю. Радугой небесной клянусь.

— Я верю тебе, Арсин. — Все еще плача, она ласково погладила его встрепанные волосы. — Я верю тебе...

— Спасибо, Таясь... Так хочется побыть эту ночь вместе с тобой... Я ведь, если честно, из-за этого только и спешил сюда. Сама ведь знаешь, куда еду. Может, и не вернусь...

— Что ты, что ты, Арсин. Не говори так, не думай об этом.— Она закрыла его рот ладонью.— Ты вернешься, живой вернешься...

— Конечно, живым хочется. Чтобы снова тебя увидеть...

— Вот и не говори о смерти!.. Ты подожди чуток, Арсин... Сейчас зачерпну воды, отнесу ведра и снова приду...

— Только ты побыстрей, Таясь, ладно?.. Мне ведь завтра обратно надо...

— Как обратно?! Зачем обратно?! Поживи, побудь у нас в селении... Я что-нибудь придумаю...

— Нельзя! Завтра к вечеру «Ваули Пиетомин» подойдет. Обязательно надо быть на месте. Сама знаешь, время какое...

Таясь тяжело вздохнула, оглянувшись в сторону селения и, кусая губы, сказала:

— Знаешь что? Поедем в твою избушку? Это же недалеко, правда? Печку растопим. Поговорим обо всем. Целую ночь вместе...— И она снова смущенно опустила ресницы.

— Таясь, колокольчик мой! Я ведь даже боялся заикнуться об этом... Поедем, да?

— Да,— тихо кивнула она в ответ.— Ты только поднимись на всякий случай чуть повыше...

Не успел Арсин подняться саженой на двести, как увидел Таясь — запыхавшаяся, она стояла на берегу у крутого обрыва в своих летних из оленьей кожи чувячках и легкой ягушке. Она спрыгнула к нему в колданку, и Арсин налег на гребни...

...Отрываясь от сладостных воспоминаний, он глубоко вздохнул, раскурил трубку и выпустил густую струю дыма. Все так же держась за теплый ствол кедра, он обошел его вокруг, окидывая могучую крону снизу вверх. Кедр был для него сейчас словно живой человек, и как с живым человеком Арсин мысленно разговаривал с ним в эти минуты.

«О, могучий кедр, свидетель нашей клятвы! О, наше священное дерево. Ты ведь знаешь все, что случилось в ту далекую ночь под твоей могучей кроной. Ты, конечно, помнишь все наши с Таясь слова — не могли они исчезнуть бесследно, наверно, и сейчас живут в мягких иглах твоей хвои. Подскажи мне, могучий кедр, те слова. Я раньше тебя постарел. Мог

кое-что и забыть. А ты все еще крепок и еще, пожалуй, простоишь сотню лет, а может, и целых две. Подскажи, священный кедр, поделись со мной, дерево нашей с Таясь клятвы...»

Он прилег на вытаявший из снега высокий куст багульника и прикрыл глаза, вслушиваясь в шепот кедровой хвои, а перед его внутренним взором явственно вставала та далекая осенняя ночь...

А что было той ночью? Топили печь, пили чай из одной деревянной чашки, разузоренной красивым орнаментом, поочередно передавая ее друг другу... Целовались на нарах... У него, как от хмеля, кружилась голова, и как во хмелю, Арсин медленно расстегнул пуговицы на вороте ее платья... Он целовал ее груди, ощущая на своих губах их упругую девичью свежесть и какую-то невыносимую муку, заполнявшую тело; последним усилием воли он заставлял себя думать лишь об одном: «Нельзя, нельзя переходить границы дозволенного... Я же клятву ей дал...»

Он только обнимал ее все крепче и крепче, но вдруг Таясь как-то обмякла, податливо прильнула к нему всем телом, и когда он почувствовал, что уже не в силах владеть собой, готов переступить все запреты, услышал ее прерывистый шепот:

— Арсин, слышишь, Арсин,— как в бреду выдыхала она, с трудом оторвавшись от его губ.— Я хочу женщиной стать, Арсин... Матерью хочу стать... Ребенка хочу... Только от тебя хочу... только от тебя... Слышишь, Арсин... — Из груди ее вырвался то ли всхлип, то ли стон.— Не думай ни о чем, Арсин, ты же ни в чем не виноват, верно? Ты ведь не изменял своей клятве, пусть я буду виновата, раз я не могу иначе... Не могу! Вдруг больше тебя никогда не увижу...

И обвив руками его шею, она еще теснее прижалась к нему всем телом, целуя его и шепча какие-то безумные, ласковые слова. Потом вдруг откинула голову, посмотрела на него долгим запоминающим взглядом.

— Только не здесь, Арсин... К дереву клятвы пойдём. К старому кедру. Помнишь, весной ты клялся под ним, что не тронешь меня до свадьбы? Вот и считай, что у нас с тобой нынче свадьба... Пойдем к дереву клятвы, объявим ему об этом... Я сама скажу...

Как во сне, Таясь спустила ноги с нар и, крепко держа его за руку, вышла из избушки. В темноте, под яркими ночными звездами шли они, слившись воедино, к тому самому кедру, на котором он весной вырезал две буквы: «Т» и «А»...

3

Арсин еще долго бы, наверное, пролежал с зажмуренными глазами на кусте багульника, если бы не близкий крик лебедей. Он расслышал даже взмахи их крыльев, открыл глаза и увидел птиц, пролетевших над самым кедром; теперь они плавно снижались на озеро, слегка подтопленное талыми водами, здесь, на этом озере, лебеди каждый год вили свое гнездо...

— На старое место вернулись, — говорил сам с собой Арсин. — Хорошо, хорошо, семь мудрецов старины. Шибко хорошо, когда и человек, и бегающий зверь, и крылатый клочок родной земли имеет... Покричите-ка еще, милые! Что-то голоса вроде не такие, как у прошлогодних... Плач какой-то, что ли, слышится.

Осторожно, чтобы не спугнуть птиц, Арсин сел, привалясь спиной к стволу кедра и посмотрел на озеро, оттаивающая вода которого поблескивала поверх льда рыбьими чешуйками.

— Кей! — огорченно вскрикнул он. — Да вас трое теперь!.. Так ведь не бывает, четвертый должен быть... То-то мне голоса незнакомыми показались — новички прилетели. Кей, кей! А от прошлогодней пары, выходит, только самец остался. Где же твоя подруга, верный лебедь? В каких краях потерял? Человек ли виноват, хищный ли зверь? Болезнь ее где-то свалила или другой у тебя отобрал? — И он, прикусив губу, не договорил, а только сделал очередную затяжку из своей трубки. — Эх, жизнь... Сколько всяких радостей и несчастий обрушивает она на нас. И не знаешь, когда угомонится...

Разговаривая с лебедями, Арсин невольно вспомнил и свою дальнейшую, уже после фронта, жизнь... А причиной этих его воспоминаний был одинокий лебедь, оставшийся без верной своей подруги...

...После тяжелого ранения Арсина комиссовали, путь на фронт ему был заказан, и теперь он душой и сердцем рвался в родные края, где оставил свою Таясь, свою любимую женщину. На фронте Арсин не получил ни одной весточки ни от родителей, ни от нее, однако у него и сомнений не возникало в том, что Таясь носит под сердцем его ребенка. Пока воевал — не загадывал, боялся спугнуть счастье, сглазить, а уж потом, после ранения, только о том и думал, как вернется, как сразу по возвращении женится...

В родной Порават он попал в начале Месяца Первых Весенних Ручьев — приехал на оленях из Салехарда. Пока добирался — все успел обдумать насчет дальнейшей жизни: приедет — и первым делом, прямо на следующий день, махнет на оленях в селение Ванды...

О, как Арсин ждал этих минут все последние дни! Только ими и жил, только о них и думал...

Но в родном селении ожидало его известие: Таясь была замужем!

А узнал он об этом так.

Родители едва не лишились рассудка, когда он вошел в дом — ведь они давно считали его погибшим...

Он сидел в своей гимнастерке за праздничным домашним столом, когда мать незаметно для него подозвала к себе отца: подойди, мол, выгляни в окошко. Отец подошел, подышал на стекло, сказал вполголоса, будто самому себе:

— Смотри-ка, вроде за водой идет, а сама все на наши окна поглядывает... Таясь, жена нашего председателя колхоза... Ну, Юхура-то Кельчина помнишь, сынок? Женился он у нас недавно... Это не к ней ты часом в Ванды ездил? Ну, перед фронтом? А то люди бают...

Сначала-то, сгоряча, Арсин даже не поверил, решил, что родители шутят, но вот снова подошла к окну мать:

— Бедная, и каждый раз вот так — на наши окна все смотрит, смотрит, будто сказать ей что нужно или спросить... А собака-то Юхурова, надо же! Таясь за водой — и она за ней. Как привязанная, ни на шаг не отстанет!

Арсин уже ничего не слышал, чувствуя, как рвет-

ся на части сердце, он готов был выскочить из-за стола, побежать к любимой, но тут в глазах у него помутилось, голова закружилась, и чтобы только не рухнуть на пол, он кинулся на койку, яростно скрежеща зубами. Чего угодно ожидал Арсин, к чему угодно готов был — только не к этому. Зачем он остался жив, зачем раньше времени вернулся домой, когда война еще в самом разгаре?.. Зачем, зачем, какой теперь во всем этом смысл?.. Он бил кулаками по оленьей шкуре и беспрестанно стонал. «А ребенок? — вдруг подумал он. — Как же ребенок? Или нету его?»

— Не виновата твоя Таясь, сынок, — под села к нему мать. — Ведь мы еще в Месяц Коротких Дней получили из твоего воевавшего места бумагу... Мол, погиб ты в боях. Возле Калинина... города... Нам бумагу уполномоченный читал, я хорошо город запомнила. Помощника Сталина в Москве так зовут. Под Калинином, стало быть. — Мать вытерла слезу с одного глаза, с другого, вновь переживая смерть любимого сына. — А я и не поверила тогда! — Она говорила, а слезы все текли и текли по ее щекам. — Как поверить! Был человек и нету его! Только тонкое дерево с одного удара повалить можно. Щепочку, и ту, бывает, сразу не расщепить... Я так все и думала, что жив ты, сынок... Вот видишь, ты и вправду жив! — Она упала ему на грудь. — О, спасибо тебе, Опаль Турам-Всевышний! Не ошиблась я в своих предчувствиях... Спасибо, что сумел уберечь моего сына, моего мальчика. Вот он — перед моими глазами, живой! — Она села и, уже успокаиваясь, еще раз смахнула слезы краешком платка.

— Ну ладно, мама, ладно... И правда, живой я... — угрюмо сказал Арсин. — Ты мне лучше скажи, как Таясь узнала, что я погиб? А, мама? Как узнала-то?

— Как? — удивилась мать. — Да я же ей и сказала. Ведь она к нам приезжала. Сама приезжала, сынок, перед Новым годом. Вечером. Отец потом ворчал: бесстыжая, мол. А я ему говорю: какая же бесстыжая, если любит она нашего Арсина, бедная, ждать его обещалась... Ну вот, вечером она приехала — чтобы никто, значит, про то не узнал. Я как раз одна в доме была, отец с охоты еще не вернулся. Приехала, значит, на собаках из селенья Ванды. Долго ехала, в дом вошла — будто снежный сугроб... И

какая-то она была такая... — Мать примолкла, подыскивая нужное слово.

— Какая, мама? — нетерпеливо спросил Арсин. — Больная, что ли?

— Ну, такая, знаешь... Печальная, что ли... подавленная... Как самка чирка, у которой хален утят сожрали. Вот такая...

— Ну, приехала она, — торопил ее Арсин, пытаюсь представить себе эту картину. — И что спросила?

— Даже не раздевалась, снег только маленько у порога сбила... Верно ли, мол, что тебя война убила — так сразу спрашивает. Я из ящичка, что на полке в священном углу, бумажку казенную вынула, ей даю — знаю, что грамотная. Ну, ту бумажку, которая с армии-то пришла... Вот я ей и дала. Читай, говорю, дочка, я тоже послушаю, может, все же неправильная она, эта бумага...

— Дальше, дальше мама...

— А что дальше, сынок? Прочитала она, вся побледнела да как рухнет на пол, будто деревянная стала, и рыдать. В голос рыдала, меня не стеснялась несколько. А я все думаю: бедный наш Арсин! Ездил он к тебе, про отца с матерью ради тебя забыл, а теперь вот в чужой земле лежит...

Арсин вдруг так рванул ворот гимнастерки, что оторвал пуговицу. Словно и не он только что ничком лежал — одним прыжком у окна оказался, вперился взглядом в ту сторону, куда ушла недавно Таясь.

А мать, подобрав скатившуюся к ногам пуговицу, с жалостью посмотрела на сына и повела свой рассказ дальше.

— Успокоила я ее, как могла, чаю заварила. Так, немножко хотела узнать, что у вас там с ней было, далеко ли зашло... А она будто ничего и не слышит: твердит только, что любила тебя, что не знает, как жить будет...

— И больше она ничего не сказала? — пытал Арсин, все еще глядя в окно. У него чуть было не вырвалось: «Не сказала, что ждет от меня ребенка?» Но все же удержался, не задал вопроса...

— Ничего больше не говорила, — закивала головой мать. — Так, так, сынок, все, как было рассказываю. Чаю попила, собак накормила и обратно поехала, прямо ночью...

— Ах, мама! Да как же ты не остановила ее? Не оставила ночевать? Ведь знала же, что люблю... Сама ведь говоришь: сердцем чуяла — живой я. Почему ж ты ей-то о том не сказала? Может, тогда и она дождалась бы меня...

— Сердце! Сердце, сынок, оно для нас только с отцом вещун, а для людей-то главное — бумага. А в бумаге прописано, что тебя убило. И печать стоит... Кто она мне, чтоб я ей сердце свое открывала?

Нечего было ответить Арсину, он только наяву будто увидел вдруг эту картину: приехала любимая у всех на виду, не побоялась, стоит перед матерью, как раненая важенка, и не может открыться ей... Кой, как больно сердцу!

— А как она все же за Юхура-то вышла? Что, родители ее на калым, что ли, позарились? На оленей? Ну да, у Юхура их много... Десятков пять, пожалуй, наберется. Вот и продали дочку...

— Этого не знаю, сынок. Чего не знаю, того не знаю. Про это не у меня, у ее родителей надо спрашивать. Они выдавали...

— Да она-то, что?! Что у нее — ни языка своего, ни сердца?

— Ну, не знаю, сынок, не пытай старуху. Возьми, да сам у ней и спроси. Хотя что теперь спрашивать, когда уж порог мужнин переступила...

И тут Арсин, все это время неотрывно смотревший в окно, увидел Таясь, взбирающуюся на невысокую горку. На горке она, видно, решила передохнуть — опустила ведра на снег и стала над ними, глядя на дом Арсина...

Вскоре начали набиваться односельчане — все, кто мог ходить, побывали в тот день у них в доме. Прослышав о его приезде, заходили поздравить с возвращением в родные места, задать вопросы, на которые только и мог ответить человек, побывавший там. Арсин словно был сейчас посланцем далекой и страшной войны, всех героев Красной Армии. Убеленные сединами отцы и матери, истосковавшиеся жены, отправившие на фронт мужей — все по очереди спрашивали его, не видел ли он их близких, не встречал ли на фронте, не знает ли, как воюют, не известно ли чего нового об их судьбе...

Что он мог им, однако, ответить, что объяснить?

Как расскажешь про огромность войны, которую, даже побывав там, и умом-то вообразить невозможно? А что уж говорить про человека на ее тысячекилометровых просторах — война людьми крутит, как зимний ураганный ветер снежинками... Что мог рассказать Арсин? Только как они с односельчанами спешно проходили обучение в одном из военных лагерей под Омском, как затем их раскидали по вновь сформированным сибирским дивизиям...

Он думал, что люди ждут каких-то других рассказов — о том, какая она большая, какая страшная эта война, взявшая столько молодых, здоровых мужчин. Но односельчане довольствовались и скуными, стародавними вестями Арсина. Арсин, наверное, острее, чем они, чувствовал, что стал совсем другим; они были простыми, наивными, но это, как ни странно, вовсе не раздражало его, не утомляло, даже радовало... Они были такие же, как прежде, а значит, и мир оставался таким же, как прежде, а не тем, каким он узнал его, — огромным, многолюдным, плещущим кровью и смертью...

До глубокой ночи приходили и уходили люди. Не один чайник вскипятила за это время мать, и печка, их уютная, как и весь дом, старая печка, накалилась, будто яркий закат перед пасмурным днем. Он только тогда и понял, как невелик их бревенчатый дом, какой низкий в нем потолок, настланный из грубо обтесанных досок, когда настоялась в нем такая жара, что даже заслезились заледеневшие окна...

Да, чуть ли не все селение Порават побывало в этот вечер в доме Арсина, но что были ему все эти люди, если не приходила, мельком даже не заглянула его Таясь... Он говорил, объяснял что-то, как умел, а сердце его, словно аорта, проткнутая острым ножом, истекало кровью. Почему она не пришла? Не смогла? Разлюбила? Сердце распирало грудь, и тогда становилось тяжело дышать, кружилась голова, и только огромным усилием воли он сдерживал себя, чтобы не сорваться, не выскочить на улицу, не помчаться ошалело к дому Юхура, где жила теперь его Таясь, единственная на свете любимая женщина. Ах как бы хотел он, как прежде, крепко обнять ее, прижаться к ее сладким губам, сказать, чувствуя, как бьется ее сердце: «Таясь, ты же видишь, как я люблю тебя. Я

тебе все прощаю. Только вернись ко мне. Остаешься со мной...»

Он рассказывал, отвечая на вопросы и даже улыбался, а думал все о своем, и от этих одолевавших его мучительных мыслей, у него мутнело в глазах; порой он переставал понимать, где находится — тесен был ему родительский дом... Скорее всего, Арсин и поддавался бы терзавшим его чувствам, выбежал бы на улицу, ища встречи с Таясь, если бы... Если бы не появился, на ночь глядя, ее муж, председатель колхоза Юхур Кельчин....

По тому, как он смотрел на Арсина, можно было понять, что пришел он не просто взглянуть на вернувшегося с того света фронтовика, что знает что-то важное о нем, об их с Таясь отношениях. Правда, Юхур ни словом об этом не обмолвился, но когда кто-нибудь из соседей — в шутку ли, всерьез ли говорил, что теперь солдату можно и жениться, председатель прямо-таки вливался в его лицо ревнивым взглядом, будто собираясь сказать: «Не морочь людям голову, Арсин. Какая там женитьба! Я все знаю. Знаю даже то, что ты до сих пор мой соперник...»

От этих колючих бесцеремонных взглядов Арсину становилось не по себе. Правда, он старался не показывать этого, но то и дело ловил себя на том, что к месту и не к месту начинает вдруг натужно смеяться, невпопад говорить, ни с того ни с сего грубо отвечать на вопросы о том, что собирается делать дальше... Он еле дождался, когда Юхур наконец ушел...

Всю ночь проворочался Арсин на оленьей шкуре, до рассвета не сомкнул глаз, думая о Таясь, о том, что с ними будет дальше. Не красть же ее теперь, мужнюю жену?.. Или самому уехать куда-то, скрыться? Даже за тот краткий миг, что видел ее в окно, Арсин понял: Таясь в положении. Замуж она вышла, как сказали родители, месяца два назад и, стало быть, ребенок его, его — не Юхура... Эта мысль терзала Арсина, нестерпимо жгла душу.

«Что же ее теперь ждет? — уже в который раз тоскиво спрашивал себя Арсин. — Юхур ведь не может не знать, что она беременна, что это не его ребенок. Взял жену с позором... Что он теперь сделает,

как поступит? Вряд ли простит... А Таясь? Что люди станут о ней говорить, что думать?»

Арсина снова бросило в жар. «Что же делать, что же теперь делать?» — лихорадочно соображал он. О себе он сейчас не думал. Думал о Таясь, о своей любимой — и так ей жизнь не в радость, а если еще пойдут о ней сплетни... Ух эти сплетни! Намертво прилипают они к человеку, подобно осетровому клею, марают его, уродуют жизнь, другой раз даже и убивают... Но разве заслужила Таясь такой участи, разве она виновата перед людьми?.. Нет, он должен что-то для нее сделать!

Протерзав себя всю ночь, но так ничего и не придумав, Арсин решил наконец, что должен встретиться с ней тайком, поговорить обо всем, узнать, что думает она сама. Может, ей видится какой-то выход? По крайней мере, скажет, чем он мог бы помочь ей.

Случай такой представился в то же утро.

Арсин хоть и устал после долгой дороги, после встречи с односельчанами, разошедшимися далеко за полночь, глаз так и не сомкнул. На рассвете, заметив, как заиграли на заиндевевших окнах солнечные лучи, он, крадучись, чтобы не разбудить родных, накиннул свой армейский полушубок и вышел на улицу.

Хорошо все-таки было дома, в родных краях! Лежала еще скованная льдом могучая река, сверкал под косым утренним солнцем синий снег, кое-где простроченный звериными следами... Вдруг он увидел, что за домом, совсем рядом, сидит на заиндевевших берегах целая стая тетеревов, мирно поклевывающих мерзлые почки. Недолго думая, Арсин вернулся в дом, на ходу загнал в свою одностволку патрон и только собрался подкрасться к тетеревам поближе, как стая встрепенулась, затрещала крыльями, дружно снялась с места. От досады Арсин чуть было не побежал за птицами, ругая себя за неловкость, и тут вдруг до него долетел знакомый, похожий на звон колокольчика голос. Отыскав девушку взглядом, он осторожно отошел за угол дома. Таясь, встав пораньше, тихо скликала собак, чтобы запрячь их в нарту — видно, собралась в лес за дровами.

Он стоял, мучительно думая о том, что сделать сейчас, как поступить... Сердце бешено колотилось в груди. Помчаться к ней, пользуясь тем, что одна, по-

здороваться и если не обнять, то хотя бы договориться о встрече?.. Но тут другая, более здравая мысль пришла в голову. Если он сейчас подойдет к ней — об этом сегодня же будет судачить селение... Он может навредить ей... Нет, он сделает по-другому. Ведь если она и впрямь собралась за дровами — а все здешние рубят лес за речкой Нарпенг Соям — он встретит ее там; туда ведь версты две, не больше. А если еще немного спрямить путь, да по утреннему насту — он примчится как раз вовремя — встретится с ней, переговорит обо всем вдали от людских глаз.

Таясь, кажется, тоже увидела Арсина: перед тем, как сесть на нарту, посмотрела в его сторону, а потом перевела взгляд на ведущую к лесу дорогу, как бы приглашая поехать следом.

Когда нарта Таясь, легко скользя по накатанной дороге, скрылась за молодыми березками, стоявшими на опушке леса, Арсин натянул широкие отцовские лыжи и, закинув за плечо ружье, заспешил в противоположном направлении — в сторону речки Полянг Соям. Если даже кто и наблюдал за ним, решил бы, что солдат торопится на охоту в густой лиственный бор, где в эту пору водятся глухари.

Но как только последние дома поселка скрылись за зелеными молодыми елями, он резко повернул и, не разбирая дороги, напрямую побежал в сторону речки Нарпенг Соям. Отвердевший наст держал хорошо, и Арсин, расстегнувший свой полушубок, мчался легко и свободно, широко размахивая правой рукой, в которой держал солдатскую шапку-ушанку со звездочкой. В нетерпении он все убыстрял и убыстрял бег и пошел немного спокойнее только тогда, когда показалась знакомая просторная деляна, на которой лежали сложенные в небольшие ровные кучки ветви поваленных ураганом деревьев.

Еще издали он начал искать глазами, потом наконец услышал упряжку, а вскоре и увидел за низким осинником Таясь, нагружавшую нарту березовыми дровами. Заметив его, собаки сначала заскулили, потом громко залаяли.

— Шитам! Тихо! — прикрикнула она на собак и, заметив Арсина, застыла с березовой слегой в обнимку.

Не помня себя, он рванулся вперед, протянув к

ней руки. Из рта его вырывались клубы пара; и когда ему оставалось лишь несколько шагов, Таясь вдруг выронила свой груз и, словно ей враз отказали ноги, стала медленно оседать на снег.

Арсин успел подхватить ее и, бережно прижав к своей разгоряченной груди, тихо и нежно, как мать ребенка, погладил по бледным щекам, узкому лбу, по выбившейся из-под платка пряди слегка заиндевевших волос, по закрытым глазам, на которых проступили слезинки...

— Арсин,— еле слышно прошептала она, приходя в себя, и столько нежности, столько любви было в одном этом тихом слове; по ее щекам, словно переполнившая весеннее озеро талая вода, неудержимо хлынули слезы. Арсин и сам готов был расплакаться. Вся сила, все мужество понадобились ему, чтобы видеть, как горько и безутешно плачет любимая...

Наконец она совладала с собой, вытерла глаза уголком платка и тихо спросила, уткнувшись ему в грудь:

— Ну почему, почему ты не написал, Арсин? Ведь живой остался...

— Сначала у партизан был, в тылу у врага,— сбивчиво начал объяснять он,— какие уж там письма... А потом, когда в госпитале... не знаю даже... Сама ведь помнишь, плохо пишу...

Этот довод не удовлетворил ее.

— Ну и что? — с горечью выдохнула она.— Что из того, что плохо пишешь? Мог бы хоть одно слово нацарапать. Товарищей попросить. Чтобы мы тут знали, что ты жив...

— Мог, конечно,— сокрушенно вздохнул он.— Только как я свои слова другому-то передам? Ведь тебе же писать... Стыдно... А матери... честно говоря, и не подумал. Глупо, конечно... Хотел тебя, Таясь, удивить.

— Меня? Чем удивить? — Она недоуменно подняла заплаканное лицо.

— Хотел неожиданно заявиться. Как сказочный богатырь Ими Хилы...

— Вот и удивил,— печально сказала она.

— Дурак, конечно, да.— Он стиснул ее хрупкие плечи.— Но ведь я же, Таясь, надеялся... Мы ведь с

тобой поклялись... на острове Шиян... Или ты уже все забыла?..

— Глупый... Разве можно такое забыть... Но твои же родители, Арсин, извещение получили...

— Да, Таясь, да! — перебил он. — Но ведь похорошки бывают и ошибочными. Скольких людей после боя погибшими считали. А они, как придавленная к земле трава, выпрямлялись, оставаясь в живых. Так и со мной было. Живой я, видишь?

— Но кто же знал, что ты живой? Господи, если б хоть слово написал, если б хоть как-то подал весточку!

Она осторожно высвободилась из его рук, села на нарту.

— Да, вот и удивил всех... — тоскливо прошептал Арсин. Что он теперь мог объяснить Таясь, что сказать в свое оправдание. — А все же ты мне ответь, Таясь... — начал он, снова схватив ее за плечи и вплотную приблизив к ней лицо, но тут же решимость его и кончилась. — Скажи, Таясь... — Он глубоко вздохнул. — Как все же ты за Юхуром-то оказалась? Неужели никто не знал о наших с тобой отношениях?

— Ну, Юхур-то, скорей всего, ничего не знал.

— И о том, что ты... что у тебя будет...

— Знаешь, может, кто-то о чем-то и догадывался. Но о том, что на самом деле было...

— Да разве ж ты не могла ему об этом сказать!

— Сказать! Как сказать, если родители без меня все решили... И калым обговорили. Юхур из своего стада десять важенок отдал...

— Но неужели ты ничего не могла возразить? Объяснить? — Арсин от возбуждения встряхнул ее за плечи. — Ты же могла не согласиться! Могла... ох... ведь ты же знала, что ребенок будет.

— А что мне оставалось делать, Арсин? — сказала она жалобно. — Ты войди в мое положение...

— И ты, значит, ничего Юхуру до свадьбы не сказала...

— А я его до свадьбы и в глаза не видела. Ты что, забыл, как у нас парней и девушек женят?

— Ну, не знаю... Все же как-то надо было сказать.

— Кому сказать, Арсин? И потом: сказать и остаться на всю жизнь опозоренной... — Таясь запнулась,

сильно прикусила губу.— О ребенке я Юхуру сказала потом, уже после свадьбы...

— Правда сказала?

— В первую же ночь. Разве такое скроешь? Ребенок не ягодка, чтобы положить в туесок да выкинуть...

Арсин смотрел на нее со странным чувством: и уважение, и изумление, и что-то еще, необъяснимое, было в его глазах.

— И ты ему так и сказала...

— Что сказала? — не поняла Таясь, которой передалось его возбуждение.

— Ну... ну что ребенок от меня?..

— Смешной ты, Арсин. Сам же по себе ребенок не появится... Он спросил чей — я и сказала...

— Сказала, значит... — Он утер рукавом полушубка внезапно вспотевший лоб. — Значит, теперь мой ребенок будет его ребенком? Так выходит, Таясь? Ребенком Юхура?

— Выходит так, Арсин, — поникла она.

Понурясь, Арсин снял руки с ее плеч, устало сел рядом с ней на нарту, вытащил из кармана трубку и нервно набил ее табаком.

— Ну, ты ему сказала, а он что? — Рука Арсина, державшая трубку, безжизненно повисла между коленей. — Что Юхур-то?

— Не знаю, Арсин, — покачала она головой и робко провела рукой по его макушке. — Ничего не знаю... До сих пор не могу его понять. Тогда сказал: сам, мол, узел завязал. Кого, мол, теперь винить...

— Не обижал он тебя?

Она помотала головой.

— Молодец Юхур, — одобрил Арсин. — Простил тебя вроде... А только как же теперь-то? Тогда ведь меня не было, а теперь я вернулся...

— Не знаю... Нахмуренный вчера от тебя пришел. Лицо, как чага березовая, черное, совсем со мной не разговаривал...

— Да-а... — печально вздохнул Арсин и вдруг, насколько позволяли нарты, отодвинулся от нее. — Знаешь что, Таясь?

— Что, Арсин, что? — с надеждой встрепенулась она. — Ну говори же!

— Нельзя нам больше встречаться. Всем троим

плохо... Так уж вышло... Ты теперь себя с ним связала, провела поперек нашей дороги священный ручей... Через него не перешагнуть... Я родовой обычай нарушать не могу... А нарушу — презирать меня станут, отвернутся все.

— Но Арсин! — обвила она его шею руками. — Послушай, Арсин... Да, так вышло... Но я же тебя люблю, как любила. Пуще прежнего люблю! — Она вдруг прильнула к нему, осыпала его лицо жаркими поцелуями.

Арсин, сердце которого заходилось от тоски и бессилия, от нежности к ней, снова обнял ее. Она прижалась к нему, кажется, плакала, но он, чувствуя в душе какую-то страшную муку, все же встал, натянул лыжи и, не оглядываясь, размашистым шагом двинулся в глубь леса...

Он не мог сказать, сколько времени тащился на отяжелевших камусах, куда шел. Опомнился лишь на берегу широкого Мелексимского сора, километрах в двадцати от прежнего места. Поднял голову: солнце уже приближалось к полудню... Никуда больше не спеша, ни о чем не думая, словно и голова и сердце враз превратились в труху, в нутро погибшего на корню дерева, он пошел назад, к дому...

На следующий же день он заявил родителям, что отправляется на весновку на остров Шиян. Сказал об этом и председателю колхоза Юхуру.

Юхур, не глядя на него, угрюмо кивнул головой — одобрил.

...А ему и в самом деле захотелось вдруг поохотиться. Там, на берегах протоки, где обильно рос тальник, собиралось множество куропаток — полакомиться почками тала. А когда придет паводок, в сорах можно будет ловить щуку, окуня, карася.

Погрузив на нарту все необходимое, Арсин ушел к месту весновки...

Снова раздавшийся на озере громкий клик лебедей заставил Арсина очнуться. Обычно лебеди кричат так перед полетом... Он оторвал голову от при-

давленных им кустов багульника и, привстав, посмотрел на озеро.

Так и есть: лебеди, уже расправив, словно паруса, свои белоснежные крылья, начали, шлепая ими по гладкой воде, медленно разгоняться; вот они поднялись над тальниками и потянулись в сторону протоки Рынги, на юг. Но что это? Прилетело-то трое, а улетает пара... А, вот и одинокий лебедь-самец; словно в нерешительности вздымал он над водой крылья, но не взлетал, будто ждал чего-то... Наконец тоже огласил окрестности громким криком, тоже, будто нехотя работая крыльями, поднялся вдогон за улетающими птицами.

«Понимаю, понимаю тебя,— сказал про себя Арсин.— Скучно одному». И сочувственно вздохнул.

Думы его окончательно развеялись от раздавшегося вдруг за спиной оленьего хорканья. Арсин торопливо оглянулся и увидел на расстоянии броска аркана белолобую важенку. Она подозрительно уставилась на него. Что-то очень уж знакомое было в этой оленухе. Белые пятна — на лбу, на одном боку и на другом, выдающийся вперед короткий отросток рога над левым надбровьем... Да это ж его важенка! Личный его олень, который теперь принадлежал совхозному стаду! Как это он сразу ее не признал?! Хорошая была олениха, не раз приносила крепкое и здоровое потомство... Арсин позвал ее. Услышав знакомый голос, белолобая важенка поводила туда-сюда носом, еще раз внимательно всмотрелась в Арсина и... подошла к нему. Он погладил ее по лбу, по мягким волоскам ноздрей и губ, похлопал по холке. Потом бережно провел ладонью по раздувшемуся животу.

— Скоро уже, через день-два отелишься. Иди, кормись, жиру набирайся. Тебе теперь силы шибко нужны будут. Очень даже понадобятся. Иди! — И он подтолкнул важенку; она тут же, рядом с ним, сразу начала копытить слежавшийся снег, принюхиваться в поисках ягеля к обнаженной земле.

Эта белолобая важенка многое прояснила Арсину, ой как многое. Теперь он уже точно знал, что косяк отбился от первого стада совхоза, где бригадиром — Юхур Кельчин. Тот самый Юхур, который в

войну, пока Арсин находился на фронте, женился на его Таясь...

С белолобой важенкой связана была одна нехорошая история...

Как и многие ханты, Арсин имел своих личных оленей — от отца достались. Немного их было, всего десятка два, но были.

Лет десять назад в первом стаде совхоза — у них уже тогда совхоз был — произошел несчастный случай, погибли два пастуха. А тут как раз подошло время весенних касланий за Урал, нужно было срочно найти кого-то, кто пошел бы со стадом. Надо сказать, что с уходом стариков на пенсию подыскивать пастухов с каждым годом становилось все труднее и труднее. А тут поджимало, искать особо было некогда, вот и попросили поработать пастухом Арсина — хотя бы временно. Он хоть и не пастушил раньше, да и в годах уже был, все же какой-то толк в оленях знал, во всяком случае, свободно ездил на нарте — не то, что молодые, которые и упряжку-то снарядить не могут, кочевая жизнь, лишенная всяких удобств, к каким они в интернатах привыкли, для них тяжела. Пургу глотать да в лесотундре мерзнуть им теперь неохота...

Арсин долго отнекивался, ссылаясь на свою инвалидность, на возраст, на слабое здоровье, но в конце концов сдался: раз надо — то надо.

Весенне-летнее каслание у него тогда прошло хорошо — их бригада даже заняла второе место среди шести других оленеводческих бригад совхоза. На общем собрании, на празднике оленевода, директор шибко хвалил пастухов их стада, особенно Арсина. Премию тогда неплохую дали, а ему еще и почетную грамоту. И опять начальство уговорило его пастухом поработать — хотя бы год, пока не подучатся молодые парни, которых с большим трудом удалось привлечь в оленеводство.

И опять Арсин согласился, хотя и трудно ему уже кочевать было. Надо — значит, надо...

Согласился, да видно, зря: год для его бригады выдался шибко неудачный. Весной, в период отела, ударил мороз, начался гололед, наст стал крепок, как замерзший лед на реке — олени копыта не пробивали его. А голодное стадо ох как трудно окарау-

ливать: оленей на месте не удержать — так и пороят разбрестись по бескрайней тундре в поисках корма. Не раз предлагал Арсин перегнать стадо на южную сторону гор — там у животных было бы хоть какое-то укрытие от студеного ветра. Однако бригадир не соглашался, все ждал, что погода вот-вот наладится. А она все не налаживалась и не налаживалась... Много оленей они потеряли в ту памятную весну, особенно туго пришлось молодняку, только что народившимся беспомощным оленятам... Хотя, как впоследствии оказалось, в тех стадах, где бригадиры вовремя отогнали животных в надежное место, такого падежа не было...

Потом, уже на корале¹, долго совещалась бригада: как быть с потерями? Показать их в отчете? Покажешь — плохо: заканчивался последний год пятилетки, бригада оказалась бы на последнем месте. План-то не выполнен — сразу бы премии лишились. А премии за пятилетку не маленькая. Думали, думали и порешили тогда на собрании бригады: коль виноваты все, то надо часть потерянных животных возместить личными. Каждый из шести пастухов должен был сдать в стадо по пять оленей. Редко, весьма редко прибегают пастухи к такой уловке, но что же делать! Зато и потери совхозу возместили, и сохранность в стаде оказалась не хуже, чем у других...

А уж коли выполнен план по сохранности поголовья, то и премии в конце года должна была выйти бригаде такая, что пастухи вернули бы себе личные затраты с лихвой...

Но до конца года было еще далеко, и бригаду, как назло, подстерегла новая беда.

В Месяц Сбора Ягод, когда уже, считай, совсем отошли комары и оводы, вышел Арсин на ночное дежурство. Олени мирно паслись на северном склоне Двуглавой горы. Все было тихо, спокойно, но вдруг, с наступлением сумерек, стадо зашевелилось, забилося, как рыба в переполненной мотне невода. Арсин всполошился, начал палить из ракетницы, и в отсветах одной из ракет заметил рыскавшего среди животных медведя. Зверь отколол от стада с десяток оленей и погнал их к лесистым берегам горной речки Собь.

¹ К о р а л ь — загон для пересчета оленей.

Все произошло так неожиданно, так быстро, что Арсин не успел ничего предпринять. Как ни пытался он в последующие дни отыскать отколовшуюся часть стада — все было напрасно. По следу на песчаном берегу определили: одиннадцать совхозных оленей угнал медведь. Вроде бы и немного, а все равно заметный урон. Ведь все уже считали, что самое трудное позади, ждали с нетерпением своего «урожая»: вскорости предстоял забой, сдача мяса государству, а уж по результатам сдачи и оценивается окончательно нелегкий труд пастуха...

Арсин не сомневался, что потерянных оленей отнесут на счет всей бригады, но бригадир, брат Юхура, решил по-своему: приказал ему единолично возместить потерю.

Одни члены бригады промолчали — их это будто и не касалось, другие попробовали было возразить, но тут сказал свое веское слово Юхур. Давно уже не было колхоза, давно уж не работал он председателем, в завхозах теперь ходил... А на собрании выяснилось, что его решили назначить бригадиром в их стадо — прежний, мол, на пенсию идет, и Юхур самый достойный кандидат... Так вот, он прямо и сказал на этом собрании, что не нужны ему, мол, такие пастухи, которые медведя отогнать не могут. Заслуженный — это, мол, хорошо, но ведь спал, наверно, заслуженный, в то время, когда медведь стадо шерстил... А закончил свое выступление тем, что предложил поддержать бригадира и наказать Арсина как следует, чтобы другим пастухам неповадно было на работе дрыхнуть. На том бригада и порешила, хотя все видели — несправедливо это...

Крепко схватился тогда Арсин с Юхуром. Чуть не до кулаков дело дошло. Под конец, едва не плюнув ему в лицо, сказал:

— Ешь моих оленей. Боюсь только, живот твой от них лопнет... — и, хлопнув дверью, ушел из конторы.

С тех самых пор белолобая важенка и стала собственностью совхоза, и числилась в том стаде, где бригадиром был Юхур...

Появление белолобой вселило в душу Арсина новые сомнения. Почему это он, старик, пенсионер, должен сидеть здесь, на острове, спасать стадо челове-

ка, который его смертельно обидел? Ведь скоро паводок; если сейчас по крепкому еще льду не уехать с острова, потом тут долго сидеть придется... А у него и продуктов-то с собой мало... Может, и в самом деле,—запрячь лошадь да податься в поселок, сообщить там о важенках, пусть начальство решает, как быть?..

А что? Кто с него может потребовать большего? Ведь он и так, если даст знать вовремя, окажет сохвону большую помощь.

Вот только совесть... Совесть почему-то упорно не хотела бросать животных в беде...

Арсин взглянул на воду, все сильнее выступающую по заберегам, прислушался к звону залиvistых бубенцов, снова раздававшихся то здесь, то там... Звон этот безошибочно подсказывал ему, что олени уже занялись поисками новых кормовых мест, что ягель кончается; понял, что отлучаться сейчас никак нельзя — его место здесь, с оленями. Только так, может быть, удастся удержать стадо на острове...

«Нельзя иначе, семь мудрецов старины,—говорил он себе,— пусть это и Юхурово стадо. Люди-то ничего мне не скажут, да про себя все же подумают или на стороне где-нибудь говорить станут: был, мол, у Арсина и другой выход, да только избрал он легкий путь. Ну, конечно, и обиду мою на Юхура тоже вспомнят, а это уж тут ни при чем...»

День клонился к вечеру — весеннее солнце уже готовилось коснуться отрогов Полярного Урала. Юго-восточный ветер наконец стих, в наступившей предвечерней тишине четко разносился звук бубенцов, глухое, подзывающее хорканье важенок, шорох оленьих копыт, разгребающих зернистый снег. Со стороны севера, у еле заметной линии горизонта, виднелось расплывчатое облачко. Арсин заметил его еще днем — тогда оно было совсем-совсем маленьким, наверное, с рыбью чешуйку, а теперь всплывало уже тяжело нагруженной лодкой.

«Это, видать, к непогоде,—подумал Арсин.— Ничего оно доброго не сулит после теплого южного ветра».

Он решил, пока все спокойно, дойти до избушки, взять еду, чайник, прихватить с собой собаку и временно — на всякий непредвиденный случай —

обосноваться у старого кедра: отсюда и весь остров хорошо виден, и сухого тала для костра много.

Он не ошибся — погода менялась прямо на глазах. Лыжню стало прихватывать незаметно подкравшимся морозцем, и камуса теперь легко скользили по затвердевшей колее. То и дело ему попадались важенки, которые, утолив первый голод, залегли в нарытые в снегу ямы — только рога, словно занесенные сугробами кустики, виднелись сверху. Однако часть животных еще кормилась или двигалась в поисках ягеля от одного дерева к другому, тщательно принохиваясь к земле.

Олени пока были спокойны, и это радовало Арсина.

В избушке он прежде всего «произвел учет» своих съестных припасов. У него теперь оставалось полбуханки пшеничного хлеба; порывшись на полке, он нашел связку сушек — наверное, с полкилограмма, коробку рафинада, пачку грузинского чая, да пол-литровую банку с рыбьей варкой.

— Небогато, — вздохнул он, складывая продукты в рюкзак. — Но и не шибко плохо. Прожить первое время можно. А там посмотрим. Может, люди придут. А не придут — щедрая тайга и живая водица не оскудели еще на зверя и рыбу. Ничего, как-нибудь проживу...

Он не стал задерживаться в избушке, решил попить чай на месте новой стоянки. Пышногривого своего Бурана привязал к толстой березе с ободранной до уровня вытянутой руки берестой — не раз брал ее для растопки печи и костра; положил побольше сена — чтобы мерину хватило до утра. Рюкзак с продуктами, старый, серого цвета суконный гусь и повытертую оленью шкуру погрузил на нарту. Взяв Акара на поводок, направился к кедру. Завидев оленей, Акар снова попытался их облаять, но, услышав грозный окрик хозяина, тут же замолчал, хотя всю дорогу при виде животных принимался то скулить, то рычать. Успокоился он только тогда, когда подошли наконец к стоянке.

Первым делом Арсин, теперь уже небольшой цепью, надежно привязал Акара к ножке нарты и принялся за костер. Сухой тал разгорелся легко, языки огня скакали вокруг чайника проворными белками.

Вскоре пузатый зашипел, запыхтел, а потом и крышка на нем запрыгала, будто вошедший в раж шаман.

Арсин поужинал и уселся на нарту, прикидывая в уме, как он будет действовать, если олени в поисках корма пойдут в его сторону и захотят, не дай бог, переправиться к коренному берегу, который отсюда, конечно, хорошо был им виден...

«Н-да, вряд ли мне их удержать удастся... Одному да еще без обученной собаки,— бормотал Арсин себе под нос, поглядывая на тальниковую косу, уходившую на север, вниз по течению реки.— Нет, не удержать, семь мудрецов старины, коль всерьез навалятся... Шибко тяжело будет. Ширина-то косы вои какая! Полверсты, наверное, набежит.— Арсин встал, прошелся по ровному ряду стройных, высоких талов, протянувшихся от одного берега острова до другого. Расстояние между таловым заслоном и хвойным лесом было, пожалуй, не более двухсот метров; на этом пространстве — кочкастый луг, неширокий сор и озеро, которое уже начало заливать вешней водой.

Арсин еще раз окинул взглядом полоску тала, уселся на нарту, задумался. Потом вдруг будто опомнился:

— О, семь мудрецов старины! Что это я нарту грею? — громко обругал он себя, шлепнув ладонью по бедру.— Зачем я здесь сижу, бестолковая голова?! Столько времени даром теряю. Лес рядом. Топор есть. Руби тала, сколько хочешь, готовь жерди, кораль делай. И как я, старая голова, раньше не сообразил! — Арсин тут же вскочил, схватился за топор, надел лыжи и хотел было уже двинуться рубить жерди, но остановился: — Веревка, веревка нужна... иначе как концы жердей свяжешь? А их надо было покрепче соединить, не то олень изгородь сразу повалит, и толку от нее совсем не будет. Однако, вот беда — где же веревку-то взять? — Он почесал затылок, поглядывая кругом, и вдруг резко взмахнул рукой: — О, семь мудрецов старины! Ну что за бестолковая голова и старости стала! Сети же в избушке лежат! Правда, хорошие еще... Да что ж делать? Значит, есть веревка.— Арсин, ободряя сам себя, улыбнулся.— Сети резать будем. Шибко много веревки выйдет, шибко!

И, развернув лыжи, он снова помчался к своей избушке.

Взял обе сети — ставную муксуновую, шириной в двадцать пять метров, и почти новый пыжьяновый провяз, которым и пользовался-то всего лишь однажды — в минувшую путину, вогнал их в старый, зиявший дырами мешок, что висел на поперечном шесте у стены. Внимательно осмотрел углы, подобрал все обрывки веревок, какие нашел, лоскутки мереж и сетей, и даже тряпки — все взял, чем можно будет связывать концы жердей. Обрато, хотя ему уже и надо было поторапливаться, шел медленней — чтобы стадо не напугалось, не тронулось раньше времени к тальниковой косе. Оттого-то Арсин, на всякий случай, время от времени побряхтывал и покашливал, успокаивая животных хорошо им знакомым «Хей, хей, хе-э-э-эй».

Придя к своей новой стоянке, он первым делом приглядел место, где будет рубить сеть. Выбрал лежавшую неподалеку от кедра толстую, почти без коры ель, принесенную сюда половодьем. Вначале он размотал муксуновую сеть, аккуратно разложил ее на стволе вместе с капроновыми подборами и так же аккуратно начал рубить, прикидывая на глаз, чтобы получались одинаковые куски пяди три длиной. Потом, выбрав обрубки веревки, разделил сеть по ширине еще на три части и уложил все это в свой мешок.

Тальник рос так густо, что местами невозможно было протиснуться. Арсин скинул мешок и примерился к облюбованному им дереву. Вскоре первая жердь была готова.

Арсин снял малицу, немного отдышался, чуть охолонув, снова взялся за топор.

Куча заготовленных жердей быстро росла. Уже взмокла у Арсина рубаха, сам он исходил паром, словно осеннее озеро в пору ледостава; капало с висков, с бровей, он то и дело смахивал пот, чтобы не заливало глаза. В следующую передышку, чтобы не простудиться, он все же влез в малицу, набил табаком трубку и закурил. Прикинул на глаз: на весеннем насте лежало уже штук пятьдесят аккуратных ровненьких кольев.

Не дожидаясь, когда прогорит трубка, он встал,

выбрал несколько стоящих рядом деревьев и принялся привязывать к ним концы жердей примерно на высоте плеча. Потом, на полметра ниже, начал второй ряд. Прошло всего, наверное, часа три, когда у него уже было готово метров сто изгороди. Он полюбовался на нее — все-таки один, без чьей-либо помощи; проверил изгородь на прочность, сильно подергав жерди; кое-где он даже садился на них... Удовлетворенный сделанным, Арсин опять взял топор и пошел рубить новые колья...

Солнце давно уже скрылось за синееющими вершинами Уральских гор, и в гаснущих сумерках ему приходилось действовать осторожнее, чтобы не поранить себе ногу. От долгой работы топор тупился, и Арсин несколько раз подтачивал лезвие маленьким оселком.

Холодный ветерок с севера потягивал все сильнее, и подтаявший было днем наст теперь держал его и без лыж; он почти не проваливался. И это тоже, подумал Арсин, было ему на руку: если сейчас, за ночь, нарубить как можно больше жердей, их легче будет растаскивать по нужным местам. Он по-прежнему работал без малицы, надевал ее лишь в короткие минуты отдыха. Холод в воздухе ощущался все больше, но и это ночное похолодание радовало его: он теперь меньше потел, да и дышать было не так тяжело. Однако, усталость тоже давала о себе знать: дрожали руки и ноги, ныли плечи, спина; он теперь все чаще и чаще останавливался передохнуть. Хотелось пить, и он то и дело хватал щепотью смерзшийся льдистый снег, кидал его в рот, жадно сосал. Ноющая усталость во всем теле теперь давила на него так, словно кто-то кинул ему на плечи тяжеленный мешок... Иногда становилось и вовсе невмоготу, и тогда он, еле доплетясь до малицы, натягивал ее на себя почти негнушимися руками и тяжело, как подрубленное дерево, опускался на землю.

Только к утру, когда на северо-востоке заскользили по снежной постели Оби еще совсем холодные солнечные лучи, Арсин позволил себе настоящую, длительную передышку. Он вскипятил чайник, плотно перекусил, выкурил трубку... Теперь можно было продолжить начатую вчера изгородь. Для начала

Арсин, как ни жалко было ему, разрубил и вторую сеть — капроновую, однопровязную...

Солнце уже поднялось довольно высоко, однако теплее не становилось. Нарастающий северный ветер делал свое дело, и солнечные лучи сегодня почти не грели — не то, что вчера, когда таял снег. Он посмотрел на озеро: хотя время уже приближалось к полудню, воды на нем не прибавилось, и застывшая за ночь серебристая корка льда сверкала на солнце, как большое зеркало...

Морозец тревожил сейчас Арсина больше всего: такой затвердевший наст оленям уже не пробить; если не потеплеет — стадо скорее всего начнет в поисках корма метаться по острову: не успеет он вовремя перекрыть тальниковый пологий мыс — не миновать бы беды: еще сегодня, пока не расширились забегги, смогут животные переправиться на коренной лесной берег реки...

И, не давая себе передышки, Арсин все наращивал и наращивал свою изгородь. Руки теперь работали автоматически: он ловко подхватывал жердь, наметанными движениями крепко притягивал ее к дереву, вязал узел, и тут же, не мешкая, шел крепить другой конец. Он снова весь взмок, изодрал до крови пальцы — даже виднелись кое-где на белом настe алые капельки... Он то и дело прислушивался: больше всего тревожил его сейчас лай Акара — похоже, олени начинали разбредаться...

Отложив очередную жердь, он вышел на открытое место, чтобы посмотреть, на кого залаял его пес. И увидел двух важенок; подняв торчком короткие хвосты, они добежали вдоль изгороди до самого обрыва, потоптались там немного и понеслись обратно, в глубь острова под неистовый лай Акара.

Арсин больше не покрикивал на собаку, в душе даже похваливал: молодец, понял, что к чему, хорошо отпугивает оленей от тальникового мыса...

Он прикинул: осталось перекрыть жердями еще три пролета. И вдруг его осенило: не будет он их перекрывать! Что есть мочи кинулся Арсин по крепкому насту, как по гладко накатанной дороге, туда, где сидел на привязи Акар, взял собаку и помчался вместе с ней обратно. Пес, обрадовавшись, радостно лая, тащил хозяина за собой. По дороге Арсин ухит-

рился в одном месте провалиться по пояс; Акар дернул, и Арсин так ударился лицом о высокую кочку, покрытую прошлогодней осокой, что даже поранил щеку и чуть не выпустил из рук цепь. Поднявшись, побежал дальше.

Задыхаясь, с перепачканным кровью лицом, он остановил Акара возле самого крайнего талового куста. Отсюда и начинался незавершенный участок — от конца изгороди до бурно разлившихся заберегов оставалось, наверное, метров пятнадцать. Перекрывать его уже не было сил...

Но он знал, что делать. Оглядевшись, Арсин срубил талину потолще и перенес ее в центр открытого участка, привязал там Акара. Теперь пес надежно охранял неогороженное пространство.

«Си! Все, семь мудрецов старины! — сказал он, утирая пот. — Дело верное — не попрут же олени на собаку, правда? Они перед ней большой страх имеют, не захотят свои ляжки собачьим зубам подставлять!»

Оставив пса сторожить проход, Арсин, уже спокойнее, принялся довершать свое сооружение. Не торопясь, проверил поперечные жерди, поставленные последними, некоторые привязал снова, покрепче.

— Ну, кажется, все. У-ух! — с облегчением выдохнул он и взглянул на солнце. — Хорошо ли, плохо ли сделал, главное — закончил. Все же загородка не из прутиков — так просто не раздвинете, как какие-нибудь стебельки травы...

Только теперь Арсин почувствовал, что проголодался. Под ложечкой сосало, словно гребла там своими лапами белка. Посмотрел в сторону стоянки, где у него лежал на нарте рюкзак с продуктами, сглотнул слюну — ему хотелось, бросив все, кинуться к нарте, схватить хотя бы кусок хлеба... Но он все же переборол себя, решил пройтись по всей изгороди еще разок. «Вот тогда и можно будет почаевичать», — строго сказал сам себе.

Не успел он пройти и полсотни метров, как увидел показавшееся из хвойного леса небольшое стадо. Важенки, у которых время отела, видно, было еще недалеко, довольно резво бежали по обрывистой кромке острова. Вот они наткнулись на изгородь и здесь приостановились, сбились в кучу, растерянно

потоптались на месте; некоторые закидывали головы на верхнюю жердь — пытались, похоже, определить, нельзя ли разрушить это препятствие... Но изгородь стояла прочно, и важенки, потыкавшись еще немного, зарысили к другой стороне острова, ища свободный проход на влекущий их тальниковый мыс.

Арсину доставляло какое-то особое удовольствие смотреть на них. И не только потому, что изгородь была сработана им на славу. У него сейчас было такое ощущение, будто он сам олень, сам бежит вместе с ними — так хорошо он понимал сейчас этих животных...

Наконец и стадо заметило Арсина, старавшегося все это время не двигаться. Олени стали, подняв головы, но поскольку человек не шевелился, они устремились прямо на него, проскочили совсем рядом, обдав его своим теплым дыханием.

— Хорта, Акар, хорта — лай, Акар, лай! — крикнул им вдогонку Арсин.

Верный Акар тут же зашелся в яростном лае. Он кидался на оленей, натягивал веревку, метался с места на место, пока не убедился, что животные стоят, никуда не движутся. Опять сбившись в кучу, олени какое-то время недоуменно разглядывали Акара, так похожего на волка, а потом вдруг все разом задрали ветвистые рога и помчались по кромке острова, почти у самых заберегов, обратно.

— Молодец, Акар, — сказал, подходя к нему, Арсин. — Молодец, семь мудрецов старины! — Он потрепал его по загривку. — И дальше так же служи. Молодец!

Довольный тем, как своевременно осуществил он свою задумку, а главное, радуясь, что безошибочно нашел единственно возможный выход, Арсин пригладил волосы на голове — будто сам себя похвалил.

Да, первую проверку изгородь выдержала неплохо. Хотя, конечно, и проверка-то была — так себе... А вот если животные, оголодав, всерьез начнут рваться на мыс... Нет, тут можно доверять только собственным глазам...

И опять он медленно шел вдоль изгороди, опять придирчиво осматривал каждый пролет, опять тряс что есть силы жерди, проверяя свой кораль на прочность. Кое-где он, решив перестраховаться, еще раз

подвязывал концы жердей, кое-где добавлял еще по одной наверху, а кое-где и посредине и снизу, чтобы олени, если снег за это время сильно подтаает, не смогли там подлезть.

Олени метались по острову в поисках корма. Звон бубенцов доносился до Арсина то слева, то справа, то с самого дальнего конца острова... Важенки, сбиваясь небольшими группками, двигались нескончаемой вереницей; бежали то быстро, то медленно, держались, чаще всего, кромки обрыва, подлетали к изгороди, недоуменно останавливались, подсовывались к береговой круче... Убедившись, что здесь им не пройти, они продолжали свой бег вдоль изгороди, то и дело останавливаясь, упираясь в жерди рогами или кладя на них свои головы. И вновь трусили вдоль жердяного заплота, вновь выбегали, наконец, на собаку. Акар же, хорошо усвоив, чего от него требует хозяин, свирепо облаивал их, становясь все злее, все яростнее; он не давал животным приблизиться к спасительному выходу. И им ничего не оставалось делать, как поворачивать назад. А спустя какое-то время все повторялось сначала...

Арсин подумал-подумал и перетащил нарту и рюкзак с продуктами поближе к тому месту, где был привязан пес; он оставил вещи у крайнего куста, где заканчивалась изгородь; тут и развел, расположившись наконец на отдых, костер.

Занятый неотложным, непривычным для него делом, он и не заметил, как быстро пролетел день. Солнце, подобно человеческому лицу, задернутому тесемкой малицы, еле проглядывало в мутном небе; оно уже цеплялось за отроги Полярного Урала, где клубились тяжелые облака, готовые к прыжку на южную сторону неба.

«Наверное, вот-вот запуржит, семь мудрецов старины,— подумал он, поглядывая на быстро темнеющий горизонт.— Вот-вот северная пурга сделается хозяином Земли и Неба...»

А порывы ветра уже почесывали голые прутья талов, звенящую сухую траву.

Теперь, когда олени были отрезаны от тальникового мыса, когда он отвел самую большую для стада опасность, Арсин понемногу успокоился, позволил себе расслабиться. Сидя на оленьей шкуре, брошен-

ной на нарту, он с удовольствием пил небольшими глотками густой чай из своей походной кружки, закусывал закаменевшими сушками, прихватывая чайной ложкой густую рыбную варку.

За целый день, считай, у него и крошки во рту не было, и теперь он удивительно скоро расправился с двухлитровым пузатым чайником, сходил за водой и снова поставил его на огонь. После чая по всему утопленному телу разлилась такая приятная теплота, что ему захотелось укутаться поплотнее в свою малицу и тут же, прямо на нарте, заснуть крепким сном. Но он встрепенулся, усилием воли отогнал эти липучие, словно мокрый снег, мысли, и, заставив себя встать, пошел собирать сушняк для костра.

Все больше волновались олени, беспрестанно сновали теперь то в одиночку, то группами в поисках корма. Отвердевший за день наст не всегда выдерживал их тяжесть, и животные часто проваливались, больно царапая при этом бабки, и только это пока сдерживало их бег, мешало стаду превратиться в бесконечную, быстро перемещающуюся по острову живую массу.

По тому, с каким упорством возвращались к изгороди одни и те же олени, — он уже начал узнавать некоторых из них, — по тому, как упрямо простаивали они здесь, пробуя изгородь рогами, Арсин понял, что расчет его был верен: если что-то случится — стадо будет пытаться вырваться на свободу именно здесь. Пока что олени — прорвись они через изгородь — еще могли бы переправиться через неширокие забереги на лесную сторону. Но через день-другой такой возможности у них не будет — забереги разольются широко и мощно. К тому же начнется массовый отел, и вряд ли важенки с беспомощными оленятами сунутся в ледяную воду. А тем временем и Обь разольется, как море, затопит низкие берега, и ледоход начнется. Тогда стадо, конечно, не отважится на опасную переправу, хотя здоровым, кормленным оленям и весенняя бурная река не преграда...

«Вот эти два дня, семь мудрецов старины, мне и надо выиграть! — повторял себе Арсин, сидя у костра на нарте. Огонь он развел сильный — надо было обязательно подсушить обувь. — Нельзя пускать их на тальниковый мыс. Ни в коем случае нельзя». И

Арсин решил, что совсем не будет спать эту ночь, станет караулить оленей.

Надев успевшие подсохнуть чижы (подопрели слегка за этот колготной день), он натянул сверху еще теплые от огня тоборы, в которые натолкал сухого пырея. Ногам сразу стало тепло, будто он погрузил их в таз с горячей водой.

«Вот это другое дело, семь мудрецов старины, — удовлетворенно подумал Арсин, шлепнув себя по коленям. — Теперь хоть ветер вой, хоть пурга мети...»

А пурга, к слову, уже действительно начала понемногу пробовать свою силу. Внезапно налетающие порывы ветра приносили с собой несущиеся со свистом снежные заряды. Но у костра, под прикрытием таловых кустов, было пока терпимо.

Ближе к ночи разыгралась редкая для этого времени года, невиданной силы выюга. В одно мгновение все потонуло в воющей снежной круговерти. Бешеные свистящие порывы ветра, будто нарэпом-колотушкой, барабанили по ребрам тальниковых кустов, снежные заряды набрасывались, кажется, сразу со всех сторон — словно какие-то пришедшие в экстаз шаманы выплясывали свой буйный танец священным идолам Земли и Неба...

Олени, пережидая непогоду, совсем перестали подходить к изгороди, и Акар, оставшись без работы, притулился рядом с Арсином с подветренной стороны, хотя, помня службу, то и дело подергивал ушами, прислушиваясь к шорохам, даже привставал порой, но, удостоверившись, что никто не покушается на вверенную ему территорию, опять ложился у ног хозяина. Да и какое животное станет передвигаться в такую немыслимую пургу? Скорее всего, олени пережидали непогоду где-то в лесу, где потише, или улеглись в свои нарытые на ягельниках ямы...

Тем не менее Арсин продолжал свое дежурство. Уж кто-кто а он, человек севера, прекрасно знал, что олень едва ли не самое выносливое животное тайги и тундры, приспособленное к самым неожиданным капризам природы, а потому от стада можно ждать любого сюрприза...

Тальниковый куст спасал его плохо — порывы ветра пронизывали теплую малицу насквозь, и Арсин довольно быстро понял, что долго так не выдержит.

В то же время и покинуть это место он не имел права: если стадо подается вдруг сюда — вряд ли тогда в такой кромешной мгле Акар сможет удержать его в одиночку.

Прикинув, как быть, Арсин взял топор и направился к стоящим неподалеку и качающимся на ветру кустам тала, приказав собаке быть начеку.

Ветер чуть не свалил его с ног, пока он вырубил четыре длинных жердины. Арсин подтащил их к нарте, наполовину уже занесенной снегом, крепко связал концы и, воюя с ветром, установил жерди небольшим чумом. Пришлось сходить к кустам еще раз, нарубить тонких веток — ими он плотно обложил жерди, а потом долго вырезал рядом со стоянкой плиты затвердевшего наста. Этими тяжелыми снежными глыбами он завалил жердяной остов, обтянул для прочности свой необычный чум куском оставшейся капроновой сети. Жилище получилось на славу, если не считать, что порывы ветра все же сотрясали его. Это, конечно, никуда не годилось — так все сооружение могло и рухнуть, и тогда пришлось бы Арсину начинать все сначала...

Он обошел вокруг своего снежного чума и раз и два, осторожно попробовал его на прочность. Наконец нашелся, что сделать. Навалил внутрь снежного шалаша сушняка, сходил к стоявшей неподалеку молодой березке, надрал бересты и развел в чуме, где порывы ветра почти не ощущались, легко занявшийся костер. От жара снежные глыбы заблестели, закапали, начали проседать, теснее соединяясь друг с другом.

— Си! Все, семь мудрецов старины! — с удовлетворением сказал Арсин, затапывая огонь. Он притронулся к смерзшимся снежным плитам. — Сейчас и сердце спокойно, и голове хорошо. Не свалится дом.

Вот теперь у него было настоящее укрытие — ледяной чум, которому не страшны ни снег, ни самые злые порывы ветра.

Он снял с нарты оленью шкуру, выколотил из нее снег и расстелил внутри чума.

— Хорошо! — похвалил он свою работу, забравшись внутрь и усаживаясь поудобнее. — Живи себе да живи! Хоть песни пой, хоть сказки сказывай!

Высунувшись по пояс, он дотянулся до нарты, до

рюкзак с продуктами, внимательно посмотрел по сторонам. Поблизости, видно, не было ни одного оленя, иначе Акар бы не дремал, уткнувшись носом в лапы. Снова усевшись на шкуре, он подозвал пса ко входу — ему ведь тоже неуютно было на этом воющем и хохочущем ветру...

Арсин ободряюще потрепал Акара по загривку и достал из рюкзака пару сушек. Такой, по его подсчетам, полагался Акару пай из оставшегося на двоих скудного припаса.

Акар благодарно лизнул хозяина теплым языком в ладонь и только после этого принялся за сушки. Он грыз их осторожно, деликатно, подбирая самые малые крошки. Конечно же, пес не насытился угощением, а только раздражил аппетит; он еще долго умильно смотрел на Арсина, но в конце концов, поняв, что больше ему не перепадет ничего, улегся у ног хозяина, у самого входа в чум.

— Так, так Акар, — сказал Арсин, словно пес и впрямь понимал его. — Теперь сторожи. Нельзя нам спать. Наготове будь. Как снаряженный капкан.

Акар, словно поняв его, заскулил, завилял своим упругим хвостом.

Воющий на тысячи волчьих голосов ветер продолжал буйствовать и утром. Хотя снег перестал, солнца по-прежнему не было — видно, нырнуло куда-то далеко и надолго в страхе перед вернувшейся зимой. За ночь снежный чум наполовину замело снегом, превратило в какое-то подобие медвежьей берлоги.

Арсин с трудом выбрался из своего убежища. Он так и не сомкнул глаз, к тому же в тесном чуме было не повернуться, и за всю ночь он лишь несколько раз менял позу — облакачивался о землю то одной, то другой рукой. Он чувствовал себя усталым, разбитым — надо было хоть немного размять кости, разогнать кровь. Наказав Акару сторожить, сам пошел вдоль изгороди. Выпавший за ночь снег удержался лишь в хорошо защищенных от ветра местах — ураган смел его начисто, наст сделался настолько крепким, что должен был, по расчетам Арсина, держать оленей надежно. Вот уж теперь-то они понесутся по острову, закрутят свою карусель... Но зато и ледяная корка стала не по оленьим копытам твердой, и до ягеля, если он даже еще и уцелел на ост-

рове, им не добраться. Важенкам оставался теперь только тонкостебельный хвощ, черневший по берегу озера, да мелкая жестяная осока на макушках многочисленных кочек.

Арсин понимал, что такой скудный корм вряд ли насытит животных, что вскоре они, несмотря на неслабеющий ветер, станут опять лихорадочно метаться по острову.

Он не ошибся: едва решил повернуть назад от обрывистой кромки острова, как навстречу ему, высоко задрав головы, вынеслась большая группа животных.

Не на шутку встревожившись, Арсин заторопился на помощь Акару. Когда он добрался до стоянки, пес уже рвался на своей привязи, усердно лая на остановившихся против него оленей. Завидев человека, важеньки развернулись и потрусили к воде, которая, как обнаружил Арсин, резко поднявшись за ночь, намного сократила ширину охраняемой Акаром полосы; здесь они побежали, все убыстряя шаг, в глубину острова. Вслед за этой группой вскоре появилась другая, затем третья — все стадо опять пришло в движение. Так продолжалось, наверное, до полудня, когда олени наконец смирились со своей участью и, понемногу успокаиваясь, дружно взялись за низкий хвощ и мелкую осоку.

— Малость угомонились, семь мудрецов старины, — почесал в затылке Арсин. — Ладно, если этот корм хоть ненадолго удержит их...

Хотя он и не работал сегодня физически, не сделал и малой доли того, что наворочал вчера, но бессонные ночи и постоянное нервное напряжение — все сказывалось; он чувствовал, что все его тело наливается какой-то свинцовой тяжестью.

— Пора мне, пожалуй, и подкрепиться, — сказал он себе. — После некогда будет. Хотя и надо-то еще продержаться всего ничего. До ночи, ну хотя бы до вечера. А там река поможет. — Он скользнул взглядом по расширявшимся каждый час заберегам; вода поднималась на глазах, словно река, подобно сказочному великану, наполняла свою ненасытную утробу через семь огромных глоток...

Разведя костер, он еще раз сделал учет своим скудным припасам. От половины буханки осталась те-

перь четверть, пол-литровая банка с рыбной варкой опустошилась тоже наполовину. Он мог пока не ограничивать себя только в сахаре: в избушке у него был и сахар, и оставались от старых еще запасов две банки сгущенки. Он вскипятил чайник и, согрешись горячим чаем, подкрепился небольшим кусочком хлеба, пятью сухариками и парой ложек рыбной варки.

Верному Акару, как и вчера, кинул две сушки.

Немного повеселев, Арсин снова отправился в обход. Теперь картина на острове несколько изменилась: на открытом пространстве поймы, на берегах круглого озера увидел он сплошной лес рогов. Были тут и только что отелившиеся важенки — голов, наверное, пятьдесят. Оленята, еле поспевая за матерями, с трудом удерживали свои легонькие тельца на слабеньких ножках и, неуверенно переставляя их, скользили на твердом, как металл, насте, падали. Мать тут же возвращалась к детенышу, наклонялась над ним, подталкивала носом, давая, видимо, какой-то понятный только олененку сигнал; и вскоре малыш, напрягая, очевидно, все свои силенки, поднимался и опять следовал за матерью, не упуская случая приложиться к ее вымени.

Прикинув на глаз численность стада, Арсин понял, что здесь далеко не все олени, что он недосчитывается многих важенок, а среди них — и той, так памятной ему, белолобой.

Он было встревожился: наверное, где-то на другой стороне острова есть еще одно стадо... А потом, подумав, решил иное: «Ведь корма-то нигде больше нет, кроме как здесь. Видно, эти важенки, которых тут нет, сейчас как раз рожают детенышей. Может, уже облизывают их. Или в первый раз кормят...»

Он представил себе, как в этот самый момент белолобая олениха со всей нежностью, на которую способна лишь мать, вылизывает только что появившегося на белый свет младенца, и олененок, едва-едва расставшись с теплой материнской утробой, весь дрожит, оказавшись вдруг на таком адском ветру. Он представил себе, как новорожденный, следуя инстинкту, неуклюже пытается встать и, оказавшись на ногах, тут же, словно притягиваемый магнитом, начинает тыкаться матери в живот, находят полные животворящего молока соски, жадно приникает к

ним. И мать, подарившая ему жизнь, щедро отдает малышу все, что только может ему отдать. И, о чудо! Едва появившийся на свет комочек живой плоти уже сделал первый шаг навстречу самостоятельной жизни. Теперь он не пропадет, теперь он всюду будет следовать за своей матерью...

Небогатый был у Арсина опыт, а все же он хорошо знал, как происходит весенний отел. Это едва ли не самый ответственный период в жизни оленеводов, едва ли не самый сложный в жизни стада, но особенно много значит он в судьбе только народившихся, еще беспомощных оленят. Бывают случаи, когда важенка, если ее что-то сильно напугало, уходит от теленка, не облизав его и не накормив. Если пастух вовремя не обнаружит такого сиротку — его ожидает скорая гибель. Или умрет с голоду, или попадет в зубы песцов и лисиц, которые во время отела всегда держатся вблизи стада. Зачастую устраивают пир около мертвых телят и хищные птицы — орлы, вороны...

Размышляя обо всем этом, Арсин уже знал, что он, конечно же, обязательно пройдет по всему острову, а особенно — по хвойному лесу, посмотрит, как идут дела у новых мамаш, окажет, если потребуется, необходимую помощь новорожденным... Бывает, что телята — а это случается чаще всего у ослабленных важенок — не могут самостоятельно встать на ноги, дотянуться до спасительных материнских сосков. А мать, хотя и не уходит от детеныша, дожидаясь, когда тот поднимется на ноги, ничем не может помочь своему малышу. Вот тут-то как раз и нужна заботливая рука пастуха. Ох как нужна. Он поможет теленку подняться и, поддерживая его, приложит к материнскому соску. А уж когда детеныш наелся — он, словно набравшись чудодейственной силы, уже сам прочно стоит на ножках. Бывает, хотя и редко, что пастуху приходится подбирать оставленных матерью телят, выкармливать из соски. Такой теленок так потом приручается к человеку, что даже не уходит далеко от чума. Авкой называют пастухи таких оленят.

Арсин решил, что пройдет по острову позднее, ночью или даже вечером — пусть только вода вплотную подступит к костру, где он сейчас стоял и где за-

канчивалась изгородь. Тогда Акар вполне справится со своей задачей один. А если подъем воды будет продолжаться так же стремительно, к завтрашнему дню изгородь может вообще уже не понадобиться: важенки с неокрепшими оленятами уже не сунутся в разлившиеся широко забереги...

Оголодавшие олени были беспокойны, мешали друг другу пастись, то и дело можно было видеть, как то одна, то другая затевают драку, отталкивая рогами соседку от своего небогатого кормового участка.

Но как бы там ни было, а стадо пока остановилось на кормежку, и это немного успокоило Арсина. Он присел на нарту и снова почувствовал, как сильно устал за эти дни. Сон неодолимо накатывал на него, веки смежались сами собой, будто кто-то властно закрывал их, зашивал крепким лоном — ниткой из оленьей жилы...

«А что, если прикорнуть ненадолго? — смутно подумал он. — Что может случиться? Акар на месте... Еще целая ночь впереди, кто знает, может, опять спать не придется...

Стоило ему только допустить мысленно такую возможность, как сон тут же начал неумолимо затягивать его. Уже с трудом понимая, что делает, Арсин встал с нарты, добрался до своего снежного чума и, на ходу крикнув собаке: «Карауль!» — прилег под резкие посвисты незатихающего ветра на оленьей шкуре.

Ему снилось, будто он на пастбище, окарауливает темной осенней ночью стадо. Олени мирно пощипывают ягель, а он, от нечего делать, закинув за плечо карабин, любуется звездным небом, тоже почему-то напоминающим ему бескрайнее пастбище. И вдруг звезды резко спускаются вниз, и теперь на него смотрят из-за лохматых насулившихся елей волчьи глаза. Он понимает: вот-вот накинута хищники на замершее в страхе стадо. Тогда он стреляет в воздух и кричит своей собаке: «Хорта, хорта! Лай, лай!»

И тут действительно до его слуха доносится неистовый собачий брех. Во сне это или наяву?.. Сознание Арсина медленно выплывает из сонного небытия, да, кажется, и в самом деле лает собака... Какая собака? Его Акар? Он мгновенно все вспоминает и от-

крывает глаза: уже вечерние сумерки, а верный пес заходится в лае, хрипит, словно кто-то душил его.

Окончательно проснувшись, Арсин стремительно выкинулся из своего тесного обиталища, как горноста́й из норы, и сразу же увидел неподалеку темную движущуюся массу. Это стадо, рвущееся на тальниковую, не обследованную еще оленями часть острова, забыв от голода страх, напирало на Акара. Пес, вдохновленный появлением хозяина, стал бросаться на животных еще злее, залаял еще остервенелее... С десяток самых смелых важенок уже вошли в воду, собираясь миновать охраняемый собакой участок.

Арсин вмиг сообразил, чем это может кончиться, и, схватив короткую тальниковую жердь, бросился, размахивая ею, к берегу. Стоявшие в воде важенки вначале никак не среагировали на его крики, и только когда он в сердцах кинул в них свою жердину, животные метнулись назад, выскочили из воды на берег.

Размахивая руками, словно крыльями, Арсин пошел на остальных оленей, отгоняя их от собаки. Стадо нехотя зашевелилось, но не побежало, как раньше, в обратную сторону, а медленно двинулось вдоль изгороди на противоположный обрывистый берег острова. И Арсин понял: сейчас он их отогнал, но пройдет совсем немного времени, и стадо вернется, снова будет напирать, вновь и вновь стремясь попасть на тальниковый мыс...

Он вернулся к стоянке, на ходу погладил пса за верную службу, потрепал за ушами и тут же достал из рюкзака исхудавший ситцевый мешочек с сушками, кинул псу сразу четыре штуки — в знак благодарности за особое усердие.

Взглянув на одинокий месяц, он сообразил, что спал не меньше шести-семи часов. Сон освежил его — вновь возвращались к Арсину бодрость и силы.

Северный ветер задул еще резче, и снежные заряды, как и вчера, начали вновь, словно белым неводом, накрывать остров.

«Кой, семь мудрецов старины! — подумал Арсин. — И что это Вот Турам — Бог Ветров так разозлился?! Никак сердиться не перестанет. Наверное, на Сорок Овас Вот — на Сорок Северных Ветров повернул свое лицо. Кой! Коли так — не жди тогда хорошего...»

Нет, не помнил Арсин на своем веку такой весны... Хотя от отца слышал, что случалось в иные годы, когда северный ветер дул подряд сорок дней. Наверное, отсюда и пошло это название: Сорок Северных Ветров.

Пока пурга не разыгралась вовсю, он решил вскипятить чай. Костер развел на вчерашнем месте, за большим таловым кустом — здесь пока было сравнительно тихо. На сей раз ему пришлось довольствоваться осьмушкой буханки — половинкой оставшейся у него горбушки. Подсчитал сушки — их оказалось всего два десятка с небольшим.

«Совсем мало, — подумал он, взвешивая в руке маленький мешочек. Рыбной варки хватит тоже только на раз. — Вся надежда теперь на то, что кто-нибудь наконец приедет... Только бы лед скорее ушел... А если он задержится? Что тогда делать, семь мудрецов старины? Конечно, в крайнем случае можно какое-то время и без еды обойтись... Выживем, в партизанском отряде и не такое переносить приходилось...»

Ему вдруг припомнился случай, когда он, вот так же, в весеннюю распутицу, возвращался с товарищем из разведки, и они наткнулись на отряд карателей. Дело было к вечеру. Отстреливаясь, они отступили к большому болоту и, найдя в темноте, на ощупь небольшой клочок сухой земли, поросший мелким кустарником, залегли там. Ночью немцы не стали искать их — побоялись, что ли, а с рассветом принялись обстреливать из автоматов все крупные кочки — видно, были уверены, что после такого свинцового шквала вряд ли что осталось на болоте живым, но все же расположились на всякий случай на сухом берегу на стоянку: а вдруг какой-нибудь партизан да объявится посреди болота. Три дня стояли немцы на берегу, только на четвертый сняли наконец свою западню. И все эти три дня Арсин и его товарищ лежали, не двигаясь, в гнилой воде, без малой крошки во рту.

Вспомнив сейчас этот случай, Арсин подбодрил себя вслух:

— Ничего, семь мудрецов старины! Переживем. Руки-ноги целы, шевелиться еще могу... Не пропаду!.. — Но, поглядев на затянутую мглой северную сторону, не на шутку встревожился: — Смотри-ка,

опять ветер начинает с ума сходить. Если завтра к вечеру не утомонится — трое суток дуть будет...

В верности этой старинной приметы Арсин убеждался уже не раз...

Ветер опять стучал по стволам талов, гнал проносившиеся с противным присвистом снежные заряды. Неуютно было на таком ветру даже в теплой надежной малице, так и тянуло нырнуть в снежный чум, но как пойдешь, если олени, будто и не замечая начавшейся выюги носятся и носятся вдоль ограды?

Видно, животные, не один раз пробежавшие днем вдоль изгороди, не могли не заметить среди кочек на таловом мысу пучки прошлогодней травы. Успев уничтожить все, что могли, на этой стороне острова, они стремились во что бы то ни стало попасть на тальниковый мыс.

Тут была и еще одна причина. Сегодня Арсин видел, как некоторые важенки уже начинали, будто лоси, кормиться корой тала. Здесь, по эту сторону изгороди, были хвойные деревья, для еды непригодные, там, на той стороне — сплошь тал, который олени с неохотой, но все же ели в самых крайних случаях. Стало быть подошел этот самый крайний случай; вот почему и рвутся туда — там есть хоть какой-то корм...

Когда Арсин отправился в очередной свой обход вдоль изгороди, он обнаружил, что олени, занятые талом, уже не пугались его, как раньше. Они лишь ненадолго вскидывали головы и продолжали сгрызть кору с тех немногих кустов, что были по эту сторону корала. Тем, которым не хватило и этого, оставалось только подойти к самой изгороди и обдирать кору с ее жердей...

«Да-а, — думал Арсин, возвращаясь на свою стоянку. — Неважное дело. Кора — не ягель и не трава. Ой, много ее им пережевать надо, чтобы утолить голод. Шибко много, семь мудрецов старины...»

Ему было жаль животных, сбившихся вдоль всей длины изгороди — коры, и той на всех не хватало. Не было среди них только стельных самок — видно, матери, беспокоясь за судьбу потомства, держались с малышами в хвойном лесу, хоть как-то защищаясь от пурги.

Занятые корой, олени больше не подходили уже к

охраняемой полосе; ширина ее сузилась метров до пяти; хотя и стоял мороз, вода все прибывала и прибывала. Видимо, оленей уже можно было пускать на тальниковый мыс; если забереги успели так разлиться — вряд ли они смогут преодолеть это препятствие. И снова наказав псу стеречь, Арсин отправился на тальниковый мыс, чтобы увидеть забереги своими глазами.

«Если олени уже не смогут переправиться на коренной берег — так зачем же их мучить-то?» — задавал он себе резонный вопрос.

Конечно, в такой снежной круговерти, да еще и на открытом продуваемом месте вряд ли можно было толком разглядеть что-нибудь, но Арсин не зря охотился на острове каждую весну: у него тут были свои приметы, свои ориентиры, по которым он мог сейчас безошибочно определить уровень воды.

Закрываясь рукавицей от слепящего колючего снега, Арсин медленно продвигался вперед по самой кромке острова. Он часто оскальзывался, падал, но, переждав боль, снова осторожно, чтобы не быть опять брошенным на крепкий ледяной наст, вставал и так, шаг за шагом, двигался к узкой оконечности острова. Когда он вышел наконец к той поросшей мелким тальником кромке, где начиналась Малая Обь, он уже совсем обессилел. Тяжко дыша, Арсин свалился на большую листовенничную корягу, лежавшую на этом месте, как помнилось ему, не один десяток лет.

Вот где пурге было раздолье! Северный ветер хохотал словно дикий сказочный Менг-великан, готовый кинуться на все живое, цепко впиться в него и умчаться в свой лесной чум. Снежные заряды стегали по лицу, будто еловые лапы.

Ухватившись за толстые корни коряги, отдышавшись немного, Арсин наконец смог встать на ноги. Хотя вокруг все кружилось и вертелось, он все же разглядел снежную мутную мглу: вода стоит у коряги почти вплотную.

«О, семь мудрецов старины! — обрадовался он. — В самый раз поднялась. Шибко хорошо. Теперь-то уж точно не полезут олешки в воду, испугаются». Он не мог сейчас видеть противоположного края воды, но зато знал по предыдущим годам, что разлилась она уже широко.

На всякий случай Арсин решил все же убедиться, что глаза его не обманывают, что вода здесь, рядом, и, скользя по насту, прополз вперед метров десять. Скованная морозом снежно-ледяная масса дышала под ним, ходила ходуном. С трудом пробив рукой твердую корку, он услышал, как внизу сразу забулькало, заплескалось. Теперь уже не оставалось сомнений: вода поднялась так высоко, что важенки с телятами ни за что в нее не сунутся. Если, конечно, их не погонит туда какая-нибудь смертельная опасность...

Арсин засеменил назад, к стоянке, чтобы с ходу, разрубив веревки, сделать проходы в ставшей теперь ненужной изгороди.

И тут же стадо, как косяк рыбы, задержанный насильно заплотом, неудержимо хлынуло на тальниковый мыс.

Арсин с Акаром не мешали оленям, смотрели на них с подветренной стороны раскидистого талового куста.

5

Увидев, что важенки тут же принялись драть кору с тонкоствольных талов и совсем теперь успокоившись, Арсин прорубил проходы еще в нескольких местах, а потом направился к стоянке, чтобы погрузить на нарту весь свой скарб. Все, здесь ему теперь делать было нечего. Взяв на всякий случай Акара на поводок — чтобы не пугал зря только что отелившихся важенок (Арсин был уверен, что таких еще много в хвойном лесу), он двинулся в сторону избушки.

Порывы ветра подхватывали легко нагруженную нарту, то заносили ее в сторону, то гнали вперед, да так, что она обгоняла хозяина. И только когда начался хвойный лес, он сразу же почувствовал, насколько здесь слабее ветер. Время от времени ему встречались нарытые, видимо, загодя под прикрытием елей и кедров снежные ямы, в которых важенки укрывались со своими телятами. При его приближении оленуха тут же вскакивала, вслед за ней начинал неуклюже подниматься и малыш, норовя приложить-

ся к материнскому вымени; были и такие, что лежали в своих ямах пока в одиночку — этим, наверное, предстояло вот-вот отелиться.

До избушки было уже недалеко, когда Арсин, проходя подле чахлого низкого кедра, едва не наступил на лежавшую чуть не на самой его дороге важенку. Акар — очевидно от неожиданности — заскулил, затявкали, резко дергая поводок, и перепуганная важенка, стремглав покинув свою яму, потрусила по насту в направлении крутого обрыва, время от времени тревожно поглядывая назад. Наконец она совсем замедлила ход и стала, теперь уже неотрывно глядя в них с Акаром сторону. Так и прошел бы Арсин мимо, даже не заглянув в яму, — решил уже, что важенка еще не отелилась, как вдруг Акар заскулил и сильно потянул его назад. Арсин нехотя вернулся, не понимая, из-за чего волнуется пес. Яма была просторной, видно, важенка давно уже топталась здесь; нагнувшись, он увидел внизу, среди обнажившихся из-под снега кустов багульника, небольшой темный комочек. Его можно было бы принять и за пень, замшелую корягу, но Акар так скулил, так рвался к этому комочку, что Арсин понял — это лежит либо мертвый, либо вконец обессиленный олененок.

Арсин привязал Акара к ножке нарты и, присев над крохотным неподвижным существом, бережно провел рукой по его головке. Олененок едва приподнял ее и тут же уронил бессильно. Он весь дрожал от холода, и Арсину стало ясно: еще немного, и едва народившаяся эта жизнь угаснет навсегда. Скорее всего, этот слабенький детеныш появился на свет дня два назад; важенка, конечно, облизывала его все это время, но он никак не мог подняться на ноги, никак не мог дотянуться до вымени и потому был обречен. Не заметь его сейчас Арсин — и все бы кончилось сегодняшней ночью...

Арсин попытался осторожно поставить его, но неокрепшие ножки подкашивались, подобно слабым соломенным стебелькам.

Пастухи в таких случаях обычно отлавливают важенку-мать, приводят ее к теленку и насильно прикладывают малыша к вымени; и бывало, не раз бывало, что слабый олененок чуть ли не сразу после этого, словно после живой воды, начинал жить са-

мостоятельно, а вскоре уже мог и следовать за матерью.

Арсин огляделся, ища мамашу глазами. Важенка отбежала довольно далеко и поймать ее можно было только арканом. Но вот аркана-то у него как раз и не было. Да и времени на это, если бы даже он нашелся — тоже не было. Жизнь олененка висела на волоске: ему нужно было немедленно, прямо сейчас дать тепло и еду. Не раздумывая, Арсин снял притороченную к нарте оленью шкуру и завернул в нее, как в тулуп, беспомощного малыша. Идти стало труднее. Перекинув лямку через правое плечо, он взял олененка на руки и медленно, чтобы не упасть, понес к избушке. Важенка-мать проводила их жалобным взглядом, но за Арсином она не пошла, остерегаясь, наверное, похжей на волка собаки.

Дверь в избушке за эти дни чуть ли не до середины замело снегом, а сама она походила теперь на бредущего в сугробах огромного медведя. Арсину пришлось положить шкуру на нарты и быстро отгresti от двери затвердевший наст. Затем он внес олененка в дом. В печке уже загодя заготовлены были, как полагается, сухие дрова, береста для растопки, поэтому разжечь огонь было для него делом одной минуты. Дрова тут же занялись, изба наполнилась треском и шумом, по ней быстро начало расходиться тепло. Вслушиваясь в гудение огня в печи, в завывания выюги на улице, Арсин запалил керосиновую лампу и, не торопясь, развернул шкуру. От тепла олененок оживал прямо на глазах: вытягивал одну ножку, потом другую, облизываясь, беспокойно вертел головкой, словно что-то ища...

— Фу, старая башка! Фу, семь мудрецов старины! — выругал себя Арсин. — Совсем ума лишился, словно от мозгов трухи — и той не осталось. Что же я стою-то? Его ведь кормить надо. Вон как еды просит... — Он поднес к мордочке руку, и олененок тут же с жадностью схватил губами его указательный палец. — Проголодался! — смущенно закричал Арсин, ласково поглаживая малыша. — Ну, ничего, сейчас, потерпи чуток...

Как хорошо, что у него остались эти две банки сгущенного молока! Он тут же взял с полки одну, вскрыл ее. Хотел сначала накапать на палец и дать,

но тут же сообразил: вряд ли олененок сможет есть такую густую сладкую массу; Арсин схватил эмалированную кастрюлю, набив ее до краев льдистым снегом, поставил на горячую уже печку. Потом опять вышел на улицу — принес охапку таловых сухих дров, сразу же подкинул в печь. Новая чугунная печурка уже нагрелась до красноты, в избушке невозможно было сидеть в малице; Арсин с удовольствием скинул ее, бросил на нары.

Как только вода в кастрюле закипела, он распустил в ней две столовые ложки сгущёнки и как следует перемешал, а потом, чтобы пошло побыстрее остыло, выскочил, как был раздетый, на улицу, поставил кастрюлю в снег и, подождав немного, понес обратно в избушку.

Олененок по-прежнему вяло сучил ножками и все искал, искал вымя.

— Терпишь? — сказал Арсин и сунул в кастрюлю палец. Молочная жидкость была чуть тепленькой. — Ну, давай, — улыбаясь, поощрил Арсин и, наклонив кастрюлю, поднес ее к мордочке. Но олененок только зафыркал, замотал головой, заперхал. Арсин огорченно вздохнул, попробовал еще раз — получилось то же самое. Тогда он взял столовую ложку и, зачерпнув ею совсем чуть-чуть, сунул между губами олененка. Тот, видно, почувствовав на языке сладкую жидкость, распробовав ее вкус, вдруг с жадностью начал лакать язычком. И пошло у них дело — любодорого; Арсин только успевал подносить ложку.

— Ну вот, — приговаривал он, — видишь, какую мы тебе мамку сообразили!

Поразмыслив, он добавил в кастрюлю еще одну ложку сгущенного молока — чтоб получилось питательнее. Олененок заработал язычком еще энергичней. Войдя во вкус, разок даже попробовал лакать прямо из кастрюли, но из этого у него опять ничего не вышло — больше попадало на пол, чем в рот. Арсин был счастлив, как маленький — как же, ведь это он научил олененка есть, теперь можно не беспокоиться — не пропадет живая тварь.

Совсем уже оживший малыш облизывал губы, крутил головой, даже хоркал тихонько — видимо, просил еще, но Арсин решительно поставил кастрюлю на полку: если перекормишь — тоже плохо будет.

Он снял его вместе с оленьей шкурой с нар и положил на пол неподалеку от печки.

— Подкормился — теперь отдохни малость, — улыбаясь, разговаривал с детенышем Арсин. — Поспи, наберись сил. Потом и мамку твою найдем. А покамест и нам с Акаром подкрепиться надо. Да! — Вдруг хлопнул он себя по лбу. — А Буран-то! Вот старый дурень — совсем о Буране забыл. Он ведь сколько уж времени один тут, в голоде, в холоде — заскучал, наверное. И тут до него донеслось громкое ржание мерина — словно услышав его мысли, трудяга Буран сам о себе напомнил.

Арсин, на ходу влезая в малицу, заторопился к Бурану. Тот понуро стоял там, где он его привязал два дня назад, за толстой березой. Еще на бегу Арсин увидел, что конь давно уже подобрал все сено, которое было ему оставлено, изгрыз вокруг себя снег, пытаясь хоть как-то утолить голод и жажду.

— Ну-ну, не сердись, старый мудрец, — потрепал он Бурана по холке. — Не смотри на меня так сердито. Понимаешь, никак не мог прийти раньше, дела важные были. Ну, не сердись, не сердись, Буран.

Он оправдывался так виновато, будто конь и впрямь понимал его.

Он подскреб сено, что еще оставалось в кошелке, и положил перед меринком. Буран с жадностью набросился на долгожданный корм, а Арсин тем временем старательно стер с его хребта, со впавших боков снежную пыль. Довольный постоял рядом, слушая, как хрупают конь сеном, потом спохватился — забыл еще об одном важном деле! Он забежал в избушку, взял ведро и затрусил к вилявшей рядом протоке, которую уже всюю заливала вода.

Буран пил большими глотками, издавая от наслаждения какие-то звуки; холодные капли срывались с его губ, звонко падали в ведро...

Ну, кажется, все. Теперь он мог поесть и сам. Позволил себе проглотить две чайные ложки рыбной варки и половину оставшегося кусочка хлеба. Псу на сей раз перепала всего одна сушка.

Медленно гоняя во рту жеванный хлеб, не спеша его глотать, чтобы оставалось хоть какое-то ощущение сытости, Арсин смотрел на принесенного им оле-

ненка. Тот, разомлев от тепла, вольготно раскинулся на шкуре — крепко спал, набираясь сил.

И еще раз сходил Арсин на улицу — на этот раз за охапкой сырых березовых поленьев. Сейчас, когда печь раскалилась, и сырые должны были пойти за милую душу, да еще и выгода была от них: дольше гореть будут...

— Си! Все! — сказал он удовлетворенно, подсаживаясь поближе к печке. Теперь можно и покурить, и поговорить с веселым огнем. — Хорошо гори, дочь солнца! Много тепла дай, — негромко, будто заклинание, произносил Арсин. — Мои старческие бока не забудь разогреть. Хочу после хлопот немного в тепле поспать.

На нарах у него была припасена и еще одна оленья шкура. Разостлав ее, Арсин улегся. Он думал, что уснет сразу, едва лишь доберется до лежанки. Но сон, как ни странно — то ли от перенапряжения, то ли от выпитого крепкого чая — никак не хотел к нему идти. А может, виной тому было воспоминание о далеком уже времени, которое смутно сегодня шевельнулось в душе, когда он увидел в яме крохотного, погибающего олененка. Воспоминания были связаны с той его первой, после возвращения с фронта, весновкой, когда он узнал о замужестве своей любимой Таясь...

Он тогда на другой же день покинул дом, убежал подальше от людских глаз — в эту вот бревенчатую избушку.

...Недели две прошло, как Арсин сидел на острове со своей тогдашней лайкой Налтув. Он, конечно, припозднился, хоть и не по своей вине: охотничий сезон на полевую пушнину уже прошел, так что он успел взять на капканы всего лишь одну лису да двух чернохвостых горностаев. Надо было возвращаться в селенье, а он не в силах был ничего с собой поделать — не мог Арсин опять оказаться дома, жить рядом, зная, что она замужем за другим; никак не могло согласиться с этим его сердце...

У него вышли за эти две недели припасы, и пытался он теперь одними куропатками, которых во множестве ловил петлями по берегам тальниковой протоки.

Куропатки да хлеб, который он сэкономил. Потом кончился и хлеб, и Арсин, прихватив легкую нарту, сбежал на лыжах в селенье Шурышкары, сдал там в рыбкооп свои небогатые трофеи и купил на вырученные деньги продуктов. Теперь он мог, не думая ни о чем, жить в избушке до ледохода, а там будет видно — во всяком случае, всегда можно добраться по открытой воде до родного Поравата.

Ох как мучился, как терзался в ту весеннюю пору Арсин! Если бы деревья могли поведать, чего стоили ему эти дни, эти ночи! Если бы они могли передать хоть капельку того горя, которое заставляло его то беспрестанно ходить взад-вперед с опущенной головой, то носиться по острову, подобно взбесившемуся зверю... Если бы заговорили стены избушки о том, что они видели и слышали, если бы могли рассказать, как он страдал, как молил хранителя избушки — Священного Орла — помочь ему решить, что делать дальше, подсказать — стоит ли жить без Таясь, его единственной Большой Любви, его так нелепо потерянного Счастья... Да если бы они даже заговорили, стены, у них не нашлось бы таких слов, которые могли бы передать его Большую Любовь и его Безмерное Горе!

Он теперь вовсе не спал ночами, оживляя в памяти незабываемые часы и минуты, проведенные вместе с ней на острове. Десятки раз подходил к раскидистому кедру, на стволе которого были вырезаны буквы «Г» и «А» — свидетельство их клятвы...

Как раз к дереву клятвы шел он в тот вечер, когда все это и произошло...

Вот так же, как и сегодня, всю мела метель, завывал волчьей стаей ветер, хлестал в лицо снег, но Арсин, вконец измученный невыносимой тоской, шел через остров, снова и снова вспоминая Таясь и все, что у них было. Стоял мороз, а он брел, откинув капюшон малины — так легче было его истерзанному безысходностью мозгу. Он припал к стволу кедра, зашептал непослушными иззябшими губами:

— О священное дерево! Почему ты не помогло мне? Почему не смогло оберечь Таясь от злой судьбы? Ты же было свидетелем нашей клятвы в вечной Большой Любви. Ведь кора твоя до сих пор хранит свидетельство той клятвы... Так почему же ты не спасло нас от вечной разлуки?! Почему, почему, почему?!

Арсину казалось, что завывающая пурга подхватывает его горькие слова, забрасывает их на своих мощных крыльях за сто речных мысов, и уже оттуда доносится, перекрывая стозевое горло вьюги раскати-стое эхо: «Почему, по-чему, по-чем-му...»

Арсин словно впал в какое-то иступленное забытье. Он все задавал и задавал себе в тот пуржистый вечер эти бесчисленные «почему»? И если не к смерти, то к помешательству был близок тогда... Бесилась пурга, заливалась хохотом, как тысячи прожорливых чаек-халеев в радостной пляске над богатой добычей. А он впал в оцепенение, готовый замерзнуть здесь, под этим могучим кедром...

Невесть сколько длилось это его омертвление; вернулся к действительности лай Налтува; собака тьякала, жалобно скулила, лизала горячим языком лицо и снова лаяла, пытаясь что-то объяснить хозяину, сидящему неподвижно под деревом.

Арсин усиленным воли приподнял голову, погладил пса по спине.

— Что, друг? И ты меня жалеешь? Даже ты...

Но Налтув не дал ему договорить — опять громко залаял, подрагивая от нервного возбуждения хвостом и неотрывно глядя в сторону склоненной к земле ели, едва маячившей в мутной мгле.

«Зверь, что ли, какой поблизости? — начал приходить в себя Арсин. — Интересно, кто бы это мог быть? Росомаха? Волк? Олень?»

Налтув вдруг сорвался с места, полетел к косо́й ели, исчез за ней, тьякнул раз, другой, опять прибежал к Арсину, готовый тут же мчаться обратно. Всем своим видом пес показывал, что приглашает хозяина туда, где только что побывал сам. Ничего не понимая, Арсин, оставив свободным одно ухо, натянул капюшон на застывшую голову, прислушался. Ничего, кроме воя пурги. И вдруг, между порывами ветра, до слуха его донесся не то стон, не то какой-то слабый, едва различимый зов: «Э-э-эй! Аа-ыи... И-ии!»

«Человек?! Но откуда он мог взяться? Здесь, в такую погоду?! Заблудился кто-то?..» — Арсин тотчас вскочил на ноги.

Скинув остатки оцепенения, Арсин поспешил к наклоненной ели, на помощь человеку, взывающему о спасении. Еще не добежав до места, он различил за

толстым стволом фигуру человека, Арсин приблизился, человек лежал ничком, не подавая признаков жизни. Он был в женской ягучке, в платке... Сердце Арсина дрогнуло от мгновенно переменявшейся весь мир догадки. «Неужели она? — лихорадочно зашептал он. — Неужели Таясь?!»

И тут же эту его догадку погасило сомнение: «Нет, этого не может быть. Она замужняя женщина, что ей делать в такую пургу... Таясь сейчас дома, с мужем... Тем более — тяжелая она...» Он наклонился к женщине, чтобы помочь ей подняться; она вдруг слабо шевельнулась и снова, из последних сил, прокричала страшным каким-то шепотом: «А-а-ар-син, где-е ты... По-мо-ги...»

Он с трудом поднял Таясь на ноги, но она обесилела уже настолько, что сама совсем не могла двигаться; она только нашарила его руку, слабо пожала ее окоченевшими пальцами и опять повисла на нем всей тяжестью. Арсин не видел лица — оно было, как положено обычаями, закрыто платком, но теперь он и так знал, что это его Таясь, первая и единственная Большая его Любовь.

— Таясь! — прокричал он, пытаюсь вернуть ее в сознание. — Что с тобой, Таясь?..

В ответ она лишь слабо застонала и опять прошептала надрывно: «А-а-рси-ин!»

Осторожно поправив на ней платок, он смел с него снег, бережно провел пальцами по ее замерзшему лицу и так же бережно поцеловал в ледяную щеку.

Она вдруг открыла глаза и, видимо, приходя в себя, прошептала, еле переводя дыхание:

— Здесь плохо, Арсин. Холодно. В избушку надо...

— Да, да, я сейчас, Таясь, сейчас. Потерпи чуток, сейчас мы с тобой пойдем в избушку...

Он опять попробовал поставить ее на ноги, но они — от чрезмерной усталости, от лютого холода — совсем не держали ее.

— Ты погоди, Арсин, — тяжело дыша, прошептала она. — Я немного передохну... с силами соберусь... и пойдем. — И вдруг со стоном схватилась за живот.

Только теперь совсем не искушенному в этих делах Арсину стало ясно, почему Таясь не держат ноги; у нее начинались роды. Он растерялся от этого не-

ожиданного открытия, даже поглядел куда-то в сторону, туда, где за могучей рекой было родное селение — словно кто-то мог дать ему оттуда совет.

— Сейчас, Таясь, сейчас, — беспрестанно бормотал он. — Сейчас я тебе помогу... — А сам не знал даже, за что взяться, с чего начать...

Но заминка его продолжалась недолго, — к счастью, Арсин вдруг обрел ясный разум и, вспомнив о своей охотничьей нарте, побежал за ней.

— погоди, Таясь, ладно? Чуток погоди — я только за нартой сбегаю. Я мигом. — И помчался к избушке.

Устроив Таясь на крохотной нарточке, Арсин повез ее к домику; он спешил, помня о том, что вот-вот может начаться таинство рождения новой жизни; однако Таясь почти не могла держаться сама, и ему приходилось идти медленно, осторожно. Но, слава богу, ничего с ней не произошло, пока они добирались до зимовья. Он усадил ее на нары, помог развязать шнурки на лапах ягушки. Здесь, в тепле, она пришла в себя и первым делом попросила, чтобы он придумал для нее какое-нибудь сиденье — пониже, чем нары.

Сначала он хотел было усадить ее на чурбак, которым не раз и сам пользовался, но почему-то решил, что чурбак будет для нее слишком груб; и тут его осенило: он поставил рядом с ней низенький столик, на котором обычно ел. Хватаясь за живот и едва сдерживая все чаще вырывающиеся стоны, она с помощью Арсина медленно сползла с нар и почти рухнула на столик.

— Теперь все... — тяжело дыша, сказала она. — Не мешай... Подальше отойди...

В полумраке избы Арсин не мог видеть как следует ее лица, искаженного страданием. Не зная, чем еще помочь ей, он постоял в нерешительности, — вроде бы Таясь гнала его, но как же он может оставить ее в такой момент? Ему вдруг показалось, что в избушке стало прохладно. Он кинулся к железной печке, подкинул на догорающие головешки сухих дров; он сидел на корточках у открытой дверцы до тех пор, пока они не разгорелись, наполняя избушку ровным веселым шумом. Вдруг Арсин услышал за спиной необычайно долгий, надрывный стон, от которого ему стало страшно. В испуге обернувшись, он увидел, как Таясь, кусая губы, мыча что-то от боли, пытается,

корчась, освободиться от своей ягушки. Он кинулся, чтобы помочь ей, но не сделал и шага, как она, стыдливо отворачиваясь от него, простонала: «Уйди, Арси-ни... На улиду... ох... выйди!..»

Она сказала это так, что он не мог не подчиниться; пятясь задом, Арсин безропотно вышел, тщательно прикрыл за собой дощатую дверь.

Искаженное мукой ее лицо так и стояло перед глазами. Не видя ничего, он запнулся о нарту, оставленную у самого порога. Это возвращение к действительности было таким неожиданным, что он в сердцах пнул нарточку ногой, откинул ее подальше. Утирая вспотевшее лицо, сел на выложенную у стены невысокую полешницу.

Возбуждение было так сильно, что все внутри у него дрожало. Трясущимися пальцами Арсин вытащил кисет, набил трубку махрой. Но затянуться так и не успел, — полный нечеловеческого страдания крик донесся вдруг из избушки, казалось, в этом крике мгновенно растворилось все остальное: и хохочущая пурга, и словно качающийся на ее пружинистых крыльях остров, и затянутое серой мглой мутное небо, и сам Арсин...

Потом разум властно толкнул его: иди же, иди на помощь; он встал, чтобы бежать к ней, несмотря на запрет, но тут словно придавила его к земле внезапная тишина в избушке. Ни звука теперь не доносилось оттуда...

Арсину эти минуты страха, растерянности, душевных терзаний показались бесконечными; он чувствовал, что все внутри у него так устало, как никогда в жизни не уставал он — ни тогда, когда охотился, ни когда лежал под пулями на фронте. А самое страшное — он не знал, чем помочь так мучающейся за бревенчатой стеной женщине, и от этого чуть не сходил с ума, беспрестанно шепча про себя: «Кур Или Ики! Идол Жизни! Помоги ей! Патлам Хот Анрки! Мать Темного Дома! Облегчи страдания Таясь! Помоги ей!..»

И идолы словно и впрямь вняли молитве: Арсин услышал ее слабый голос:

— Арсин, где ты... Зайди в дом, помоги...

Осторожно, чтобы не выстудить избушку, он бо-

ком протиснулся в дверь и сразу увидел Таясь, держащую в руках что-то крохотное, неподвижное...

— Ножик возьми,— сказала она измученным шепотом.— Перережь пуповину... Ох, скорее же, Арсин... тяжело мне...

Арсин нерешительно вытащил из чехла, висевшего на поясе, нож, робко подошел к ней... Что резать, как резать?..

— Режь! — настойчиво сказала она, показывая на зажатую в пальцах пуповину.

Его замутило — все-таки это было живое человеческое тело, ее тело — как же он будет резать?! Но она вдруг тяжело охнула, и он, поверив, что так надо, что это принесет ей облегчение, сжал покрепче рукоять ножа...

— Держи,— едва слышно выдохнула она, передавая ему неподвижное тельце.— Сын твой. Кажется, мертвый... Не дышит...— И Таясь, закрыв глаза, бессильно привалилась спиной к нарам. Черты ее лица заострились, застыли — казалось, она и сама уже не жива. И только слезы горя, катившиеся по ее запавшим щекам, подтверждали, что жизнь не ушла из нее совсем, а только замерла где-то в глубинах ее существа...

Арсин, держа в руках крохотное тельце сына, появившегося на свет раньше положенного времени, и сам вдруг словно закаменел от внезапно обрушившегося на него горя. Уставившись на своего родового идола — Священного Орла — он иступленно шептал:

— Опаль Аси! Всевышний Отец! За что ты воткнул такой острый нож в мое сердце... За что?..

Но идол молчал, и тогда Арсин, посмотрев на уснувшую с выражением смертной муки Таясь, медленно пошел в противоположный от нар угол, положил мертвого младенца на широкую доску, служившую ему для разделки рыбы...

Беспредельно уставший, опустошенный, словно навсегда кончилась сегодня и его собственная жизнь, Арсин бесцельно вышел на улицу в ошалело свистящую пургу и долго бродил вокруг избышки...

Когда он вернулся, то понял, что Таясь, видно, приходила за это время в себя — ребенок был накрыт ее платком, а сама она лежала на нарах, укутанная

в ягушку. Стараясь быть бесшумным, как тень, он подтопил печь и, согревшись немного, опять вышел из домика — теперь он знал, что должен делать. Он собрал доски, которых много было рядом с избушкой, и сколотил крохотный гробик, куда и положил затем мертвое тельце.

Теперь ему оставалось только ждать. Он сидел на своем чурбаке, низко опустив голову. Он не спал, не уснул бы, если даже и захотел. Он сидел, думал... и терпеливо ждал, когда проснется Таясь.

Очнулась она только к полудню. Пурга с утра поутихла, постепенно развиднелось, и вдруг яркий солнечный свет заполнил весь дом.

Встретившись с Арсином глазами, Таясь отвернулась, пряча лицо, слезы опять покатались по щекам. Он взял ее за руку — рука была горячей, и это настоятельно Арсина. Он приложил ладонь ко лбу — лоб горел, как раскаленное железо.

Он дал ей воды, и Таясь выпила, стуча зубами о край кружки. И вдруг сказала, глядя на него пронзительным сухим взглядом:

— Видишь, Арсин, к тебе пришла.— Она откинулась на изголовье, покусывая тонкие губы.— Не выгонись меня, Арсин?

— Да что ты, Таясь? — Он крепко сжал ее руку.— Зачем ты мне сердце режешь?

— Спасибо, Арсин. Только, может, ты не понял — я насовсем пришла...

Он лишь еще сильнее сжал ее руку. Таясь провела ладонью по мокрым щекам и вздохнула.

— Спасибо тебе, Арсин. Мне ведь больше идти не к кому...— Говорила она с трудом, то и дело облизывая сохнувшие губы.— Домой идти, к родителям? Позора бы не выдержала... Ты не думай, Арсин, что навязываюсь. Скажешь «нет» — сейчас же уйду. Соберусь...— и чуть приподнялась, готовая и в самом деле тотчас уйти.

— Ты что, Таясь? — Он силой уложил ее на место.— Никуда тебя не пущу!..

— Спасибо, Арсин,— сказала она еще раз, и вдруг у нее судорожно заходили ключицы, она вырвала руку, закрыла лицо.

Он успокаивал ее, как мог, принес горячего сладкого чаю, но она оттолкнула кружку; лихорадочно

блестя глазами, заторопилась с рассказом, чтобы он сразу узнал все...

— Ты вернулся — ревность в Юхуре заиграла. Придираться стал по пустякам, мучить. Я долго терпела. Как мертвая рыба молчала. Только молчание его еще сильнее злило — видно, решил мне сполна за все отомстить... С женщиной другой погулять решил... Нашел себе... Знаешь Еквош, молодую жену многооленного старика Лозара? Уедет Лозар по дрова — Юхур сразу к ней. Отправится Лозар петли на куропаток осматривать — опять к ней. Никого не стеснялся. Мне бы наплевать, да люди в глаза говорить начали. Я терпела, терпела... Потом думаю: поговорю с ними сама... Позору-то сколько... Уехал Лозар на оленьей упряжке, а я вечером к нему в дом. Еквош даже двери закрыть на засов забыла от радости... — Таясь замолчала, положив вдруг руку под грудь, на сердце. — Я и рта раскрыть не успела... Как увидел меня Юхур... О, как же он оскорблял... самыми последними словами ругал. Что ты, мол, бегаешь, меня караулишь? Нажила позорно ребенка до замужества — так сиди, мол, и молчи, тише камня на дне реки должна быть! Мне бы, может, и смириться, промолчать — прав он... Да тут я вспомнила, что ты вернулся... Не люблю его, терпеть не могу, а он, оказывается, право имеет кричать... Какое право? Ну, сказала я ему что-то дерзкое... Уж и не помню, что сказала, а он, видно, только того и ждал: по щекам меня, за волосы... На улицу выволок, и там, на глазах у всего селенья, бьет и кричит: «Мана, посар! Уходи, гулящая! Уходи с моих глаз! Иди к своему посару! Небось ждет тебя не дождется!..» — Вот так, Арсин, все и произошло, — закончила она, пристальным, требующим чего-то взглядом посмотрев на него. — Ну вырвалась я от Юхура, бегу и плачу... А куда бежать-то? Домой? Домой, конечно, не пошла. Добрела до подруги своей Уят Нэ — помнишь ее, она тоже из наших мест, замуж сюда вышла. Хотела сначала у нее переночевать. А потом думаю: все равно теперь пропадать, так хоть увижу его напоследок... Встала ночью на лыжи и пошла.

— Господи, да как же ты решилась, Таясь! В такую даль да еще в пургу... Сама на сносях!

— Я ведь к тебе шла, Арсин, — мягко сказала

она. — Что мне пурга... Ветер вначале помогал даже — поддувал сзади. Чего там, думала, и идти-то — километров двадцать пять, если напрямую... А от Пароходного мыса тяжело стало — место чистое, ветер навстречу. Умру, думаю, и ладно — все равно никому не нужна... Ребеночек вот только... — Она замолчала, и слезы снова хлынули из ее глаз. — Хотела до нашего дерева клятвы добраться, до кедра раскидистого. А добралась кое-как всего лишь до той ели. Упала — и все, не могу больше встать. Арсин, ох, Арсин! Ты хоть веришь мне?..

— Как же мне тебе не верить, Таясь! Любимая моя, дорогая. — Он целовал ее в соленые глаза, в мокрые от слез губы. — Никому тебя не отдам, — шептал он. — От злого слова защищу. Любую беду отведу. Никому не отдам...

...Ребенка он похоронил за домом, у толстой березы на высоком бугре, куда и в самое большое половодье не доходила вода.

А Таясь надолго слегла тогда после преждевременных родов. Горела несколько дней как в огне. Пришлось Арсину вспомнить все, чему учил его когда-то на охоте отец. Заваривал он густой чай из березовой чаги и листьев черной смородины, кормил ее вареньем из плодов шиповника, собранных летом, поил медвежьей желчью, давал медвежий жир, — все это они с отцом хранили в избушке на всякий непредвиденный случай...

Был момент, когда он собрался, пока не начался ледоход, отвезти ее на нарточке до селения Шурышкары, где имелся фельдшерский пункт, но Таясь воспротивилась, ни за что не хотела с ним расставаться. Ну а потом болезнь, к счастью, пошла на спад. Уже прилетели к этому времени утки и словно взяли болезнь на свои крылья, унесли куда-то.

Арсин, отличный стрелок, носил ей теперь разную дичь: и длинношеих шилохвостей, и крикливых свиязей, и красивых соксунов, и чирков, и, конечно, турухтанов, мясо которых особенно нежно и вкусно. И эта свежая дичина быстро поднимала Таясь на ноги. А с разливом воды на протоках появилась у них на столе душистая уха из карася и зимовавших в живунах щекуров и нежной нельмы. К ледоходу, когда наступили теплые солнечные дни, Таясь попра-

вилась окончательно — ожившая природа словно вливала свои щедрые соки в измученное болезнью тело.

И опять она стала стройной, опять словно колокольчик звенел в тишине острова ее голосок, и ей самой уже казалось, что все прошедшее — дурной сон, что она никогда и не была замужем за нелюбимым Юхуром...

С уходом льда подступил срок, когда им надо было возвращаться домой, в Порават. Конечно, Арсин не мог не готовиться к этому дню; кажется, все обдумал, пока ждал его: как они сойдут на берег, что скажут, что сделают — все продумал. За себя он не волновался. А вот Таясь... Арсин понимал, что ей, конечно, придется тяжелей, чем ему, вдвойне, втройне... Еще бы! Никогда прежде не виданное должно было совершиться у всех на глазах. Арсин появлялся в селении вроде бы и с женой, но с женой, еще не разведенной с другим, фактически замужней, да еще и прилюдно опозоренной... Нет, такого в их краях, пожалуй, не бывало сроду. По крайней мере, ни он, ни она прежде о таком не слыхивали...

Ехали они на колданке — Таясь сидела сзади, рулила легким кормовым веслом. По пути решили заглянуть к ее родителям в селение Ванды — пусть хотя бы для ее стариков случившееся не будет неожиданностью.

Мать встретила Таясь слезами и попреками — мыслимое ли дело, исчезла неизвестно куда, да еще на сносях; отец угрюмо молчал, и видно было, что родители не знают: радоваться им, что дочь наконец нашлась, или печалиться обрушившемуся на семью позору... Оказалось, что для родителей во всем, что они сейчас узнали, большой новости уже не было — месяц назад к ним приезжал Юхур. Велел, чтобы они, как и принято в таких случаях у ханты, коли дочь их жива, либо вернули ее мужу, либо, если она не пожелает вернуться, возвратили обратно калым. Правда, не весь — половину, поскольку, как Юхур выразился, он тоже был мало-мало виноват в том, что Таясь сбежала из его дома.

— Что же теперь делать-то, доченька? — плакала мать.

— А что делать! — буркнул отец, которому, видно,

совсем не хотелось расставаться с оленями.— Вернется к законному мужу — да и все!

— Никуда Таясь не вернется! — решительно отрезал Арсин.— Поговорю со своим отцом, отдам, так и быть, Юхуру пять оленей. Пусть они у него поперек горла встанут. Знали бы вы, что он с вашей дочерью сделал!

— Кой! Кой! — замахал руками отец Таясь.— Не говори так. Я тоже, наверное, виноват, что дочь такая непутевая. Юхур нам все рассказал — в чем его-то вина? Так что нечего кипятиться, лучше потихоньку, мирно все порешим, раз уж так вышло. Не надо шума, и так позора столько, что в подола облаков не запрячешь...

И тут показала свой характер Таясь.

— О чем ты, отец? Какой же позор, если я выхожу замуж за любимого человека? Я как к нему ушла — сердце словно заново родилось. Так что не думай об этом. Оставайся здесь, не надо никуда ездить. Мы сами все уладим, правда, Арсин? А уж тихо, нет ли — как выйдет...

Расставаясь, мать вдруг спохватилась:

— А где же ребеночек-то ваш, Таясь?

— Там, — показала она рукой в сторону острова Шиян и слезы, как тогда, в ту вьюжную ночь, неудержимо хлынули из ее глаз...

Чуть ли не полселения собралось на берегу, когда они приехали в Порават. Прибежал и Юхур, которому кто-то сказал, что нашлась его пропавшая жена. Он едва дождался, когда они, причалив колданку, поднимутся из-под берега. И сразу, разъяренной рысью, кинулся на Арсина, схватил его за малицу, за грудки.

— Что, солдат, уворовал чужое и радуешься?!

Быть бы драке лютой, может, даже со смертоубийством, но тут властно вмешалась Таясь, вцепилась Юхуру в левую руку, сорвала ее с Арсиновой малицы, встала между ними.

— А ну, убери лапы, изверг! Ничего он не уворовывал, сама к нему пришла, когда ты меня перед всеми опозорил. Ты мне теперь никто, и я тебе тоже! По-

лучишь своих оленей обратно, не беспокойся... А ну, прочь с дороги!..

Юхур только заморгал от неожиданности своими узкими, заплывшими жиром глазками. Арсин смахнул с груди вторую его руку, и оба они — и Арсин и Таясь — прошли мимо него, как мимо пустого места.

— Ну погоди, погоди! — спохватившись, пригрозил вслед им Юхур.

А Таясь, взяв Арсина за руку, шла с ним к дому его родителей с гордо поднятой головой, без платка — она первой в их селении нарушила вековой обычай, по которому женщина не имеет права появляться на улице с открытым лицом...

6

«Да-а,— тихо протянул Арсин, вспоминая то время. Давно это было...» Он повернулся на другой бок — услышал вдруг, как захоркал лежавший на шкуре олененок.

— Ну что, герой, проснулся? — сказал он весело. — Пришел в себя? Вижу, вижу — ожил маленько. Хорошо, семь мудрецов старины! Еще разика два покормлю, глядишь — и на ноги станешь, запрыгаешь от радости.

Арсин слез с нар. Уже светало, керосин можно было не жечь. Он привернул лампу, погладил малыша по голове, по спинке.

— Ах ты, несмышлениш! — приговаривал он, ласково касаясь рукой мягкой короткой шерстки. — Такой малюсенький еще, как наперсток, а какие воспоминания в моей памяти расшевелил...

Арсин подбросил дров, поставил на печку кастрюлю со сладким пойлом.

На этот раз малыш действовал уже уверенней, почти свободно лакал прямо из кастрюли. Арсин только наклонял ее, чтобы олененку было удобнее. Навевшись, он опять долго облизывался, а потом вдруг вытянул передние ножки. Весь вид его говорил, что он собирается встать. Арсин осторожно помог, и малыш с трудом, весь содрогаясь от напряжения, поднялся, чуть не завалился опять на пол, но тут же освоился с новой, очевидно, приятной для него позой,

и вдруг... сделал крохотный шаг, потом другой и, слегка поддерживаемый Арсином, медленно пошел по дощатому полу. Сделав вместе с ним несколько кругов по тесной избушке, Арсин попробовал убрать руки. Олененок чуть-чуть покачался от неуверенности и, постояв в нерешительности еще немного, пошел сам.

— Вот видишь! — радостно засмеялся Арсин. — Уже и на ногах стоишь. Пойдет дело! И правильно! Без ног или без рук что в тайге, что в тундре — куда денешься? Пропадешь. И зверь с ногами, и зверь с крыльями покоя не дадут. А теперь — не то! Теперь ты врагам не дашься. Вот окрепнут немного ноги — на улицу выведу. Может, мама тебя признает. Вот когда счастье-то свое нашел бы... Да-а. — Арсин гладил его по ушам, по слабой шейке. — Ну, походи, походи еще. Порезвись в избе. А мне, брат, делом пора заниматься. Ох, сколько еще нужно сделать...

Арсин вскипятил чайник, посмотрел на полке: папка грузинского чая была уже на исходе, он решил оставить ее про запас, заварил чагу. С утра, по его расчетам, он мог съесть две сушки, Акару же пока не стал давать ничего — уж больно скуден запас, — но, однако, решил и не брать пса с собой в недолгое путешествие по острову. Надо, надо было обязательно посмотреть, как теперь ведет себя стадо.

Он затянул потуже тесемки на капюшоне малицы, взял топор, сунул на всякий случай за пояс обрезки веревок, что остались от сети, и вышел из избушки.

Снег больше не сыпал, а вот порывы ветра все еще продолжали свистеть между деревьями. Небо немного просветлело, сквозь белесую пелену замерзшим рыбьим глазом слабо проглядывало солнце.

«Пожалуй, — подумал он, — к вечеру спадет ветер. Куда ж больше? Три дня подряд шалит, пора и успокоиться».

Арсин неспешно шел обрывистым берегом острова. Теперь уже можно было спокойно изучать следы, оставленные оленями. Он лишний раз убедился, что животные, ища ягель, перепахали весь хвойный участок, подобрали даже бородатый лишай на стволах елей; понятно, почему теперь стадо почти полностью перекочевало на тальниковый мыс, где, наверное, не осталось уже и травинки — только кора молодого тальника...

Там, где Арсин нашел прошлой ночью погибающего олененка, стояла знакомая белолобая важенка, упорно принюхивалась к месту, где оставила детеныша.

— Ах, так это ты, значит, мамаша-то? — обрадовался Арсин. — Нашлась, выходит. Нехорошо, нехорошо свое дите бросать. Ладно, не волнуйся, в надежном месте твой младенец. Приведу потом к тебе, дай только остров обойти.

Пока Арсин добрался до тальникового мыса, он насчитал еще десятка два отелившихся важенок — одни кормили, другие нежно вылизывали малышей.

Стадо он нашел там, где и рассчитывал, — не обнаружив лучшего корма, важенки всю глодали кору талов. Рядом с ними резвились уже окрепшие телята. Их было здесь, наверное, не меньше сотни.

Арсин дошел до самого конца мыса и остановился передохнуть у вчерашней коряги; ее толстые, похожие на оленьи рога отростки уже почти скрылись под водой. Здесь, на оголовке мыса, оставался теперь всего один невысокий обрывистый уступ. По многочисленным следам Арсин сразу понял, что олени то и дело подходят здесь к самой воде, долго топчутся на месте, очевидно, изучая обстановку; о том же говорили и комочки оленьего помета.

«Так, так, — подумал Арсин, сравнивая со вчерашним уровень воды, покрывшей коренной лед. — Пожалуй, дня три до ледохода осталось. Ну, если только чуть больше — шибко нынче зима бесснежной была. Крепко настыл лед».

Обратно он возвращался другим берегом. И убедился, что олени нигде не пытались покинуть остров — видно, почувствовали, как это теперь нелегко. Вполне довольный результатами своего обхода, он направился к избушке. И опять наткнулся на белолобую важенку, топтавшуюся у своей родильной ямы.

— Ах ты, чуть не забыл про тебя. Ну что, бедняжка, все ждешь? — жалостливо сказал ей Арсин. — Погоди еще чуток. Сейчас только до избушки дойду, и тут же твое дитя в целости и сохранности доставлю. Не горюй, все у тебя в порядке!

И Арсин заторопился, опасаясь, как бы важенке не надоело вдруг стоять у ямы. Иди, ищи ее тогда по всему острову...

Чтобы не застудить олененка после теплой избы, Арсин закутал его в свой брезентовый плащ и заторопился назад, к белолобой важенке. Завидев ее, он освободил теленка и, держа его осторожно двумя руками, попытался подсунуть к ней поближе. Но белолобая осмотрительно отбежала в сторону. Сколько ни ждал Арсин, она при нем так и не решилась подойти к олененку. Тогда он поставил малыша на дно той ямы, в которой он появился на свет, а сам отошел, чтобы не мешать. Белолобая тут же направилась к детенышу, но когда приблизилась настолько, что уже могла бы лизнуть его, вдруг застыла, начала подозрительно принюхиваться, брезгливо шевеля ноздрями. Видно было, что запах малыша ей не нравится; она обошла свое чадо кругом, осторожно, даже с опаской потянулась к его мордочке, и когда малыш, повинуясь врожденному инстинкту, попытался сунуться под нее, достать до вымени, важенка, вся передернувшись, медленно, не оглядываясь, пошла прочь, словно это был не ее детеныш, и вдруг, звеня боталом, побежала рысью к тальниковому мысу.

«Дела-а,— сказал себе Арсин.— Не признала. Почуяла запах человека — и не признала. Верно пастухи говорят — нельзя трогать только что принесенного олененка. Тронешь — для матери он чужим станет. Раз нет у него на губах запаха ее молока — пиши пропало... Значит, и эта теперь не примет».

Арсин вернулся к яме, присел на крутолобый сугроб.

— Что же поделать, бедненький,— вздохнул он.— Не признала тебя мать. Видно, сиротинушкой останешься. Ну ничего, я тебе пропасть не дам. Поставлю на ноги. Как ветер будешь по тайге бегать... Только посиди пока в яме, ноги поразомни, к холоду попривыкни. А я тем временем покурю, подумаю. Ладно?

Олененок, медленно переступая ножками, принялся обследовать яму, водить носом над землей, как большой — будто искал себе корм.

Пуская струи табачного дыма, которые мгновенно уносило порывами ветра, Арсин опять перенесся мыслями к своей Таясь.

«Кой! — думал он.— Какова жизнь! Сложная до чего! У каждого существа — свой закон. Это же надо — не признать родное дитя! Эх, как бы радовалась

моя Таясь, если бы у нас ребенок родился.— Арсин стиснул руки с такой силой, что хрустнули пальцы, вздохнул.— И за что только бог наказал ее? Самого большого счастья лишил — иметь собственного ребенка... Да, видно, шибко много гадостей наделала тогда болезнь — ну, та, что после родов у нее приключилась. Так мне врачи толковали... Не ввали же... Бывает, мол, такое после преждевременных родов... И родственница одна дальняя так же потом сказала, слово в слово. Женщина, мол, иногда как засохший кедр становится, плодоносить перестает...»

Услышав вдруг хорканье малыша, Арсин взглянул на него — олененок попытался закинуть ножку за небольшой выступ, выкарабкаться из ямы.

— Кой, кой! — засмеялся Арсин.— Какой пустрый! Уже и тесно ему там стало. На простор рвется. Раповато тебе еще, ноги вначале силой налей. А то что это — не ноги, соломинки...

Разговаривая сейчас с теленком, Арсин вдруг пожалел, что нет здесь Таясь. Вот уж у кого особая нежность ко всем малышам на свете! Она бы этого заморыша даже лучше матери-важенки приласкала и выходила. А все, наверно, от того, что своего ребеночка бог не дал...

Едва подумал он о нерастраченном материнском сердце жены, как тут же вспомнилась ему еще одна страница их с Таясь жизни.

Они оба ждали все эти годы ребенка, но разве ж можно сравнить его ожидание с ожиданием Таясь! Седовласые бабушки и пожилые женщины старались при случае утешить Арсина, успокоить — не надо, мол, хоронить надежду, не все еще потеряно. И приводили ему случаи, когда женщины рожали впервые и на пятом, и на седьмом году замужества...

«А уж на тринадцатом-то году,— твердо обещали они,— если бог против вас зла не держит — обязательно наградит ребенком! И обязательно сыном! Тринадцатый год — он особенный...»

Арсин, простая душа, конечно же, верил этим байкам так же искренне, как верила им и его Таясь; он знал, что она то и дело ходит к бабкам, к многодетным матерям, а потом истово выполняет все их советы...

Как-то зимним вечером, это было на десятом го-

ду их совместной жизни, Арсин увидел рядом со своим домом богатую упряжку. Месяц его не было дома — охотился в тайге, и, кажется, в первый раз за все эти десять лет не выбежала навстречу ему Таясь. Уже это удивило его и встревожило — ведь раньше Таясь оказывалась на крыльце, едва заслышав на улице голос его охотничьей лайки. Но еще удивительнее было то, что на этот раз была даже заперта изнутри дверь. Он забарабанил в нее; на стук вышла в сенки Таясь, но дверь так и не открыла, сказала только, будто так и положено было встречать мужа:

— Обожди немного, Арсин, сейчас заканчиваем.

— Что заканчиваем? — в полном недоумении спросил он.

— Потом тебе все объясню...

Теряясь в догадках, он отошел от двери и удивленно посмотрел на окна, только теперь обнаружив, что в них нет света. Ну что ж, подождать, так подождать... Чтобы не терять времени зря, он пошел к своей охотничьей нарте, которую вместе с собакой тащил несколько десятков верст с верховьев таежной речки Шобам-Ёхан, начал распаковывать снаряжение и добычу...

Он еще не закончил развязывать поклажу на своей нарточке, как со скрипом растворилась дверь и к нему в одной легкой ягушке выскочила Таясь.

— Замерз, наверное, да? — прижалась она к Арсину. — Ты не подумай чего, просто не могла я тебя сразу пустить. Ты стучишь, а она дело свое еще не закончила...

— Кто она? Какое дело? — ничего не понимал Арсин.

— Овлэх Вош Ун Нэ у нас, вот кто. Старшая женщина из селенья Овлэх...

И только тут Арсин понял все. Овлэх Вош Ун Нэ была известная всей округе шаманка, пользовавшаяся особым уважением у женщин, считавших, что она лучше любого врача разбирается в их женских недугах, а уж про иные деликатные проблемы — и говорить нечего... Вот и Таясь, в отсутствие мужа, решилась испробовать последнее средство: пригласила шаманку на камлание, чтобы та упросила духов помочь ей стать матерью...

Арсин не стал упрекать жену — ведь не только Таясь, но и ему самому не хватало для полного счастья детей... А когда он услышал, что по предположениям Овлэх Вош Ун Нэ беременность должна наступить на тринадцатом году их жизни, он вместе с женой без всяких сомнений поверил в это предсказание. И даже распорядился на радостях, чтобы Таясь как следует отблагодарила гостью за такую добрую весть. Больше того, тут же сам сходил в амбарчик, чего никогда раньше не делал, принес для предсказательницы редкой красоты лисицу-крестовку...

Годы, словно облака исчезающие на небе, летели один за одним, грея сердце Таясь и Арсина ожиданием обещанного срока.

И вот однажды засияла в глазах Таясь, подобно внезапно выглянувшему из-за туч солнцу, долгожданная радость. Она прижалась к нему и, не скрывая своего счастья, сказала на ухо:

— Кажется, сбылось предсказание...

— Да?! — обрадовался Арсин, но вспомнив, как часто обманывала их надежда, спросил: — А как ты узнала?

— Ну, уже... — замялась она. — Недели две прошло уже... По срокам бы пора, а у меня, кажется, совсем прекратились...

— Что прекратилось? — опять переспросил Арсин, невольно заражаясь ее счастливой верой.

Она ему объяснила, как могла. И тут наконец до него дошло, что на этот раз все похоже на правду, что предсказание шаманки и впрямь сбывается. Он схватил жену на руки, жарко, как в юности, целуя ее, закружил по комнате.

— Наконец-то! — кричал он от радости. — Пумасипа, Кур Кут Ики! Спасибо, Бог Жизни! Услышал-таки нашу молитву... Ох, какой я счастливый, Таясь! — Он еще крепче обнял жену, но вдруг осторожно разжал руки, спросил с тревогой: — А я так не причиню тебе вреда? Худо не будет?!

Таясь только улыбнулась в ответ счастливой улыбкой.

Но радость их вскоре и угасла, как, бывает, угасает с первым же ударом мороза едва появившийся весной ручеек... Примерно через неделю задержка у Таясь кончилась, и она поняла, что не будет у нее

ребенка и на этот раз, и, похоже, теперь уже никогда не будет...

Арсин еще не видел жену такой тихой, такой подавленной, безразличной ко всему на свете. Она вдруг словно утратила интерес к самой жизни. В постель теперь ложилась как мертвая — ляжет и лежит неподвижно, даже дыхания не слышно. Но, как случайно обнаружил Арсин, ночами она не спала, ворочалась с бока на бок, тяжело вздыхала: видно, все время думала о чем-то...

Так продолжалось, наверное, дней десять, а потом Таясь снова очнулась от своего забытья. Однажды вечером она легла в постель много позже обычного и, убедившись, что Арсин еще не спит, долго ворочалась, будто лежала на колючих еловых лапах, побряхтывала, тяжело вздыхала и вдруг, не поворачиваясь к нему, сказала каким-то чужим голосом:

— Не спишь, Арсин? Все поговорить с тобой хочу — как дальше-то жить будем?

Сердце его сжалось от той муки, которую услышал он за этими словами, муки, которую носила она в себе все эти дни. Но спросил бодро, делая вид, что не понимает, о чем она.

— Что значит как? — и успокаивающе положил ей на плечо руку. — Как жили, так и будем жить...

— Ты же знаешь, Арсин, про что я... Как мы без ребеночка-то жить будем?

— А-а, — протянул Арсин, выгадывая время. — Вот ты о чем...

— Да, Арсин, да. Об этом. О том, сможем ли мы прожить без ребенка! — Она откинула теплую ягушку, придвинулась ближе и, оперевшись на локоть, пристально посмотрела ему в лицо, на которое падали тусклые отблески печного огня, — Таясь любила натопить на ночь как следует. — Я понимаю, Арсин, конечно, трудно говорить об этом... Ты ведь прекрасно знаешь, что я, я во всем виновата. Ты ничего не скажешь, но я ж не безмозглая, я ведь нутром чувствую, как тебе ребенка хочется. Да и не слепая я, вижу, когда приходим к подруге моей Уят Нэ, как у тебя сразу при взгляде на ребятишек глаза загораются.словно солнцем вспыхивают. Вспыхнут, а потом черная тень, как туча, на глаза твои набежит... Только я это вижу и только я знаю, отчего так... — Она го-

рестно вздохнула и быстро провела рукой по глазам.— Знал бы ты, какая зависть меня охватывает, когда ты ее ребенка берешь на руки... Ох как бы я хотела, чтобы это был мой ребенок! Мой и твой, Арсин. Как я просила ребеночка у Куркут Ики — Бога Жизни, как просила! — Она еле сдерживала рыдания, и Арсин попытался успокоить ее.

— Что ты, Таясь? Зачем так говоришь, зачем бедишь себе душу?

— Так и говорю, как думаю, Арсин. Я же знаю, ты хоть и не скажешь сам, не упрекнешь меня, но мне-то от этого не легче. Ведь дом без детских голосов — все равно, что дерево, лишенное корней. Все равно раньше времени засохнет... В общем, я надумала...

— Что ты еще там надумала?

— Не надо так, Арсин. Я долго о том размышляла — не одну пару кисов за это время смастерить бы можно, не одну малицу сшить...

Она вдруг отвернулась от него, вновь накрылась ягушкой, сказала еле слышно:

— Может, тебе оставить меня, Арсин?

— Как оставить? Не пойму что-то, — растерялся он. — Зачем?

— Ну... другую возьмешь. Которая родить сможет.

— Да ты что, Таясь? Ты в своем уме?

— А что тут такого? А то еще одну жену в дом приведи. Вон старик Митри — до сих пор двух жен имеет. Одна — старуха, от которой нет у него детей. И вторая, молодая — от этой два сына, как богатыри растут.

— Ты хоть думаешь, что говоришь, Таясь? Нет, что-то с тобой совсем неладно... Я уже не тот молодецкий Арсин, как когда-то, но клятвы нашей у старого кедра не позабыл! — Он поднялся, зажег лампу на столе, присел у постели на корточках. Погладил волосы, с состраданием вглядываясь в ее лицо.

— Да ну, что ты, в самом деле, Арсин, — смутилась она. — Нормальная я. Просто видишь, как все получилось... А теперь мысли в голове все перепутались, как сети, которые скользкий налим в тугой узел закрутил... — Она опять смахнула слезы. — Это какой-то нечистый меня малость ума лишил. Не бойся, Арсин, не буду больше так, не обижайся.

Они еще долго говорили в эту ночь. Трудно — словно длинную трехстенную муксуновую сеть ставили. И уж под утро порешили, что Таясь сходит к вдове Окуль, у которой прошлой осенью провалился под лед муж. Уже после этого несчастного случая, в Месяц Ветров, родила Окуль сыновей-близнецов. Четверо у нее стало. Нелегко ей, бедной, с такой артелью управляться. Так может, отдаст им одного сына? И Окуль полегче, и у них в доме детские ножки топтать будут... Может, согласится?

К несказанной радости, Окуль уступила горячим просьбам Арсина и Таясь...

Вот эта-то пора их с Таясь жизни и вспомнилась Арсину, склонившемуся над олененком, которого родная мать отказалась признать своим.

— Ну, что ж с тобой поделаешь? — сказал он, вставая с сугроба. — Донесу, так и быть, в последний раз до избушки. А завтра, думаю, сам ножками затопашь. — Арсин опять завернул олененка в брезентовый плащ и, взяв на руки, понес к зимовью.

У дверей постоял немного, решая: оставлять или не оставлять олененка на улице. Решил не оставлять — занес его в дом. Олененок обрадовался теплу, затопал копытцами. Арсин тем временем сходил к мерину, стряхнул с него снежную пыль и пошел к стожку сена. Кинул Бурану целую охапку, принес с протоки воды, напоил его.

Вот теперь можно было позаботиться и о себе самом. Он натопил печку, вскипятил чайник, съел положенные по норме две сушки. Одна досталась и Акару. От чая разлилось по всему телу приятное тепло, даже на пустой желудок неумолимо клонило в сон.

«Вроде, пока все нормально, — сказал себе Арсин, устраиваясь на нарах. — Стадо на месте. Помощников своих накормил. Можно и полежать немного, а дальше — видно будет... Хорошо бы, конечно, вздремнуть... Поспать бы, сил поднабраться. Сон в моем положении — дороже золота...»

Под монотонное посвистывание и завывание ветра, уже значительно ослабевшего, Арсин крепко уснул и очнулся только к следующему утру.

Прислушался. Тихо было на улице, не шумел больше ветер. Лучи рано встающего теперь солнца слабо посверкивали на покрывшемся тонким ледком стекле оконца. Посапывал на полу олененок, свернувшийся комочком на теплой шкуре.

Арсин обулся, вышел за порог. Небо — словно голубая гладь Оби во время полного штиля, и ни единого на нем облачка. Воздух прозрачен, переполнен весь какой-то духмяной свежестью, какая бывает только весной, в период пробуждения природы. Он вдохнул полной грудью, прислушался к звукам природы. Где-то невдалеке, скрипуче издавая свое «ха-пев, ха-пев» пересмеивались куропатки, радовались установившейся хорошей погоде.

— Эх, ружья нет! — подсадовал Арсин, почесывая висок. — Сейчас бы, с ружьем-то, вмиг бы на ва-рево себе добыл. Да только кто знал, что на столько дней придется к острову привязаться?

Потом он услышал трубные крики лебедей, донесшиеся со стороны озера.

«Да-а, — подумал Арсин, — постоит такая погода — гуси, утки как из мешка повалятся. Задержал их ветер на три дня, теперь нагонять станут... Эх! Пропала нынче у меня охота!»

Он еще постоял у крыльца избушки, радуясь чудесному весеннему утру. Потом спохватился: дела не ждали. Сначала напоил мерина, задал ему сена. Потом настала очередь олененка. Накормив его, Арсин позавтракал и сам — кружка чая из чаги и две положенные ему сушки — и пошел в обход по острову. Отелившихся важенок еще прибавилось — в двух местах он застал мамаш, всюю облизывавших только что появившихся на свет детенышей. Теперь Арсин за приплод особо не беспокоился: пурга — самый страшный враг для стельных важенок — миновала. Пришедшее с утром весеннее тепло мощно и напористо заливало окрестности.

Самое главное сейчас — чтобы у отелившихся важенок было в достатке полноценного корма. Только вот откуда ему здесь взяться, этому корму? Ягель они съели подчистую, от прошлогодней травы остались одни корешки. Только кора молодого тала...

Но обходя остров, Арсин обнаружил, что и стволы талов обглоданы теперь до того самого уровня, до ко-

того только могли достать олени. Обнаружил он также, что стадо опять пришло в движение в поисках корма. А этого сейчас никак нельзя было допускать: кормящие важенки моментально сбросят жир, отощат и вконец обессилеют. Оленям сейчас нужен был только покой, покой и корм — у важенок должно быть достаточно молока, чтобы телята окончательно встали на ноги.

«Что же делать, — упорно размышлял Арсин, — что еще придумать, чтобы спасти стадо?» Теперь он должен был полагаться только на себя: на пастухов он уже не рассчитывал, а люди из селений могли подъехать сюда только после ледохода. И хотя он видел, что разлившись забереги сегодня еще туже сжали ледяную грудь реки, когда тронется лед по-прежнему было неясно.

Стоя у своей разрушенной изгороди, Арсин обнаружил, что олени ободрали всю кору и с поперечных привязанных жердей, и с тех, что он бросал на землю, когда делал в корале проходы. И тут его осенило:

— До чего ж я глупый, семь мудрецов старины! — пробормотал он, хлопнув себя по бедрам. — Как же я раньше-то не догадался! Ведь олени объедают кору только внизу, в нижней части дерева. А верх-то нетронутый остается. Вот глупый! Кой, сколько там корма!

И Арсин с ходу принялся рубить таловые жерди, выбирая те, у которых стволы были потоньше. Начал он горячо, но хотя работа и не была тяжелой — на тонкомерное дерево требовался один, самое большее два взмаха — тем не менее Арсин, сидевший все эти дни впроголодь, начал быстро уставать; он часто останавливался, перекуривал и с удовольствием наблюдал, как следом за ним шли важенки и тут же жадно накидывались на кору.

Врубаясь в таловые кущи, Арсин прикинул в уме, что каждому животному, чтобы мало-мальски наестся, нужно не менее четырех-пяти деревьев в день. Вот из этого-то расчета он теперь и валил тал.

Из этого расчета... Это только сказать легко, а сделать... Он, конечно, быстро вспотел в малице и, скинув ее, продолжал орудовать топором в одной рубахе. А когда решил, что тала нарублено достаточно, и, утирая пот, отложил топор в сторону, солнце уже

подходило к полудню. Грело жарко, как раскаленная печка — словно наверстывало те дни, что были отобраны у него неистово бушевавшей пургой.

Снег понемногу начал оттаивать, в лунках заблестели капельки воды. Как ни крепок был наст, образовавшийся за эти дни, но и он под необычно жарким солнцем терял свою прочность, рассыпался, как олений мех во время линьки.

На открытых местах важенки теперь то и дело проваливались глубоко в снег, порой увлекая за собой шедших следом телят. И это была новая забота Арсина — без помощи человека олененок мог из ямы и не выбраться... Теперь ему приходилось прочесывать весь остров, выискивать попавших в беду сосунков.

В один из таких своих рейсов он увидел одиорогую важенку, проявляющую какое-то особо сильное беспокойство. Она топталась на месте, старательно разгребала копытами снег вокруг теленка, часто подходила к нему, ласково тыкалась в кончик его носика, как бы приглашая встать и последовать за ней. И хотя снег вокруг был уже разбросан и от ямы почти ничего не осталось, теленок на ноги стать почему-то не мог.

Арсин, догадавшись, что случилось что-то неладное, поспешил на помощь. Было странно, что важенка при его приближении не отбежала, больше того, она все время крутилась рядом, даже проявляла некоторую агрессивность, угрожающе наклоняла голову с единственным своим рогом: не трогай, мол, мое дитя. Не обращая на нее внимания, Арсин подошел к теленку вплотную, попытался поставить его на ноги, и тут все понял: правая передняя ножка у малыша была сломана...

«Да-а, брат,— грустно протянул Арсин, опуская олененка на снег.— Отбегался. Тут уж я ничего не смогу сделать.— Арсин покосился на важенку. Теперь она смотрела на него так, будто надеялась, что он сможет помочь ее беде, и Арсин вздохнул.— Придется малыша жизни лишать. А шкуру в совхоз после сдам. Все же не будет потерей считаться». Он поднял олененка на руки и понес его к избушке.

Важенка шла за ним по пятам, мотая головой и жалобно хоркая.

«Кой, семь мудрецов старины! — подумал он.— Не

хочется убивать на глазах у матери. Мне-то тяжело, а ей какво? Нет, только не при ней...»

Он хотел отогнать важенку от избушки, но отбежав на несколько шагов, она снова и снова упорно возвращалась к нему.

Пришлось занести раненого малыша в дом, а того, первого, что находился в избушке, вывести на улицу и привязать к кошевке. Важенка тут же подбежала к малышу, но, обнюхав и убедившись, что это не ее детеныш, отошла, остановилась подле старой засохшей ели, глядя на избушку.

Арсин отыскал сѣхар — острый узкий нож, повертел его, проверяя лезвие. Он медлил, никак не решался приступить к делу. Так не хотелось лишать жизни малое существо, этот удивительно живой комочек с мягкошерстой шкуркой. Ох, до чего же не лежало к этому сердце!

Наконец он собрался с духом. Зажмурившись, словно так проще было отогнать от себя жалость, Арсин надавил на кончик ножа...

Сделав свое неблагодарное дело, он открыл глаза и подивился: жалость и впрямь ушла из его сердца. Олененок все равно ведь был обречен. А теперь и вовсе — был уже не комочком живой плоти, а просто несколькими фунтами мяса. И какого! Самого нежного и вкусного!

Арсин быстро снял шкуру, распорол живот, извлек внутренности, положив их в миску, зачерпнул чашку душистой крови. Недоедавшему все эти дни Арсину так хотелось почувствовать на языке вкус парной печени, легко поддающегося зубам нежного мяса. Он уже хотел было отрезать ляжку, но неожиданная мысль вдруг остановила его:

«Что ты делаешь? Это же не твой олененок, совхозный... Да еще из стада, где бригадиром Юхур. Зачем же ты решил попользоваться чужим добром? А ну-ка, Арсин, вспомни, что случилось в тот раз, когда мойпар на стадо напал. Тебе ведь самому пришлось тогда расплачиваться за государственных оленей... И Юхуру, значит, придется...»

Холодный пот проступил на его лбу — ведь он только что готов был поступить не по совести; Арсин уже собрался отложить нож в сторону, но тут заговорил в нем другой голос.

«Да ведь олененок все равно бы умер, воронам достался. А ты голодный. Сам толком не ешь уже сколько времени, а стадо сумел сберечь. Ты больше чем мясо этого олененка заслужил.— И откуда-то, как это часто бывает в душе человека, когда борются в нем желание и совесть, напролом лезло наружу все оправдывающее, все разрушающее соображение: — Ты же один на острове, Арсин, кто тебя тут видит, кто слышит? Сам себе хозяин. Кто узнает-то! А хоть бы и узнали — что тебе оставалось делать?!»

Но как-то сами собой разжались вдруг пальцы, и нож выпал из рук.

«Нет! Не пойдет так! — твердо сказал он себе.— Прочь от меня, черные мысли, разум мой украсть хотели? Замутить, как налимы, своими скользкими хвостами чистую воду? Нет! Не будет этого! — Он встал со своего круглого чурбачка.— Я еще не потерял совесть. Голодный, да, а на это все равно не пойду, с семь мудрецов старины! Оставлю тушку олененка хозяевам. Пусть смотрят на переломанную ногу, пусть сами видят, как дело было. Никаких свидетелей не надо! Положу пока мясо в снег, ничего с ним не делается. А потом вместе со шкурой в совхоз сдам. А то начнет эта росомаха Юхур говорить потом, что Арсин, мол, для того на острове и остался, чтобы оленей кушать, да шкурки себе на шапку собирать. Ис нет, нет, семь мудрецов старины, в этот раз ему ко мне не прицепиться! Ничего у него не выйдет!..»

Решив так, Арсин, теперь уже спокойно, снова взял в руки нож, отрезал половину печени и долго смаковал ее, растягивая удовольствие. Почки и желудок он отложил в сторону — сварит потом бульон, мясо же олененка, как решил, закопал в снег за домом. Вывернутую шкуру повесил на поперечный шест, сушиться.

— Никто не может придраться к тебе, Арсин,— сказал он себе.— Никто теперь не скажет, что ты запятнал свою совесть, даже бывший твой недруг Юхур...

Хотя Арсин и не наелся, но после чашки теплой крови, после парной печени почувствовал себя совсем другим человеком — сразу ощутил, как в ослабевшие мышцы вливается если уж не сила, то, по крайней мере, какой-то бодрящий дух. А после надоевших-то

сушек — это была просто царская пища. Впрочем, он тут же подумал, что впереди его не ждет ничего хорошего: в запасе у него только восемь сушек да немного внутренностей олененка, и кто знает, на сколько еще дней придется все это растягивать...

Перепало кое-что от «царского» пирса и Акару — ему достался тот ливер, который человек в пищу не употребляет...

Жизнь текла дальше — приносили свой приплод важенки, кормились таловой корой; спасенный им малыш перешел уже ко второй банке сгущенного молока, крепко держался на своих тонких ножках и совершал небольшие прогулки рядом с избушкой...

7

А весна продолжала наступать широко и размашисто, она словно длинным крепким хореем сгоняла прочь задержавшуюся дольше времени упряжку зимы.

К вечеру воздух наполнился криками пролетающих птиц. Несколько лебединых и гусиных стай прошли над самой его головой, и охотничья страсть тут же полыхнула в Арсине, подобно пламени, вспыхивающем от сухих кедровых стружек... Эх, как все-таки жаль, что нет у него с собой ружья! Жадными глазами провожал он летящих к северу крякв и шилохвостей. А с наступлением сумерек со стороны Шурьшкарров и Супвоша начали, бередя сердце, доноситься до его слуха отдаленные ружейные выстрелы. Весенняя охота началась!

О, с каким нетерпением дожидался Арсин этого дня каждую весну, как старательно готовился каждый раз к открытию охоты! И нынче он тоже неплохо все сделал, вовремя, да вот ведь как жизнь рассудила — держит его здесь, на острове, да так крепко, что никуда ему пока и отлучиться нельзя...

А когда начался весенний перелет, воздух, казалось, весь наполнился звоном крыльев и разноголосьем пернатых странников. Стаи уток тянулись, в основном, по заберегам — там, где только и успела пока натаять вода; и, не найдя лучшего места для отдыха и кормежки, садились на разводья, сразу оживляя своим присутствием мертвую дотолле реку.

Долго бы еще мог Арсин стоять на берегу, любоваться долгожданными гостями из теплых краев, да что ж попусту бередить себе душу... Прихватив топор, он направился к тальниковому мысу — пора было снова готовить корм оленям, срубленные им накануне жерди были обглоданы подчистую.

— Кой! — сказал Арсин удивленно. — Лучше зайцев работают. Не знал, ей-богу, не знал. Коль и дальше так пойдет — совсем остров без тала останется. Кой, кой!

Делая свой обход, он обнаружил еще трех важенок, телята которых не могли сами выбраться из глубоких ям. Но детеныши стояли на ногах, сосали материнское вымя. Арсин, чтобы не спугнуть важенок, не стал вызволять оленят из ловушек, а сходил, нарубил тонкого тала, положил каждой ее порцию и даже, от нечего делать, наскоблил им ножом коры — пусть едят мамаша, не тратя лишних усилий.

Как и в прошлый раз, Арсин навалил тонкого тала с таким расчетом, чтобы хватило на всех важенок. А взглянув на свои труды, подивился: если вначале тальниковый мыс казался ему сплошным непролазным массивом, то теперь он так поредел, что начал то там, то тут просвечивать насквозь. Практически, не было уже такого места на мысу, где бы он не прошелся со своим топором. Нетронутыми оставались пока отдельные большие кусты многолетних, начинающих уже засыхать талов. Их он оставил про запас, на самый крайний случай.

...Так же утомительно и медленно, как длинная неуклюжая вереница связанных друг с другом лодок, прошли еще три дня.

Все эти три дня природа на его глазах бурно оживала. Заполнилась наконец водой та узкая протока, по которой он когда-то впервые привез сюда Таясь; надуло свои щеки и озеро, а сегодня оно даже соединилось с водами реки. Остров понемногу заливало. Ушла под воду низкая часть тальникового мыса, где росли молодые и сочные деревья, и теперь Арсину, чтобы заготовить корм, приходилось бродить меж кустов по колено в воде. Она была холодная, как лед, ноги в болотниках стыли, и он часто выскакивал на сухое, чтобы отогреться у специально разведенного костра.

Там, где из-за большой глубины высоты болотников не хватало, Арсин использовал колданку, нагружая ее до самых бортов срубленными жердями — отвозил, разбрасывая по берегу...

Стадо у него за эти три дня заметно прибавилось. С наступлением устойчивого тепла массовый отел пошел полным ходом, и хорканье оленят раздавалось теперь по всему острову, смешиваясь с перезвоном бубенцов.

Снег, став тяжелым и мокрым, резко осел, и важенки с телятами могли безбоязненно передвигаться по сухой части острова. Животные с необыкновенным старанием обнюхивали каждый клочок земли, щипали едва проклюнувшиеся листья карликовых берез, в который уже раз ворошили оставшийся снег. Но, конечно, вся надежда по-прежнему была на таловую кору, которой, увы, тоже стал виден конец... И это сразу сказалось на поведении животных. Все чаще важенки поглядывали на разлившуюся реку, и если бы не телята — давно бы уже рискнули преодолеть препятствие.

И еще одно сильно беспокоило Арсина: вода поднялась так высоко, что грозила совсем затопить его небольшой остров, а ведь не было еще даже подвижки льда...

«Что случилось с небом Семи Богов, — думал Арсин, чаевничая ввечеру. — Прямо-таки навечно лед задержался. Отел еще не закончился, важенки на глазах слабеют начали. Кой, как бы, не приведи господь, до падежа дело не дошло. Кой!.. Тогда оленей начнет валить, как траву косой».

И ему вспомнилась одна отелившаяся сегодня важенка — она настолько уже ослабела, что ее аж зашатало, когда начала кормить детеныша. Арсин тут же наскоблил ей побольше коры, принес даже охалку сена, урвав ее от и без того скудного пая Бурана. А потом еще отлил важенке половину березового сока, которого припас перед этим большую кастрюлю... Но ведь сколько важенок он мог бы поддержать вот так? Одну-двух, ну самое большое — десяток. А остальные?..

Да и его собственные силы были уже на исходе — сказывалось постоянное недоедание. Он осунулся, оброс колючей щетиной. У него уже временами кружи-

лась от слабости голова, но к оставленному в снегу олененку он, следуя своей клятве, ни разу не прикоснулся, забыл о том, что он есть... Еды у него — если это только можно было назвать едой, оставалось с сегодняшнего утра одна-единственная сушка. Теперь вся его надежда была только на ледоход, только на ледоход...

С тревогой думая обо всем этом, Арсин вдруг услышал через открытые двери донесшийся откуда-то издалека протяжный крик. Он отставил в сторону недопитую кружку с чаговым настоем и поспешил на улицу. Наконец-то пришли к острову люди! Акар, тоже изрядно ослабевший, пытался скулить, вертел хвостом, то и дело возбужденно вскакивая, глядел в сторону реки, опять ложился — словно предчувствовал встречу с хорошо знакомым, даже обожаемым человеком.

— Ар-си-ин!.. Где ты-ы? — уже явственно расслышал он.

— О, семь богов счастья! Это же Таясь! — шлепнув себя от радости по бедрам, воскликнул Арсин. — Как только она здесь оказалась, да еще в такую пору?!

И вдруг, испугавшись почему-то, что Таясь не дождетя его ответа, повернет обратно, закричал что было силы:

— Э-э-эй! Я здесь, zde-есь, Таясь!

Взобравшись по своей дозорной лестнице к вершинам лиственниц, он разглядел, что Таясь стоит на льду, у самого края заберегов.

— Таясь! — закричал он сильнее прежнего. — Подожди, не ходи по льду! Я сейчас за тобой приеду!

Он торопливо спустился вниз и, подбежав к колданке, столкнул ее одной ногой на воду, впрыгнул сам и погнал лодку по протоке.

Таясь — с большим узелком в руке, в легкой своей ягушке — терпеливо поджидала его все там же, у кромки льда, поднятого водой.

Арсин начал было сразу объяснять ей причину столь долгой своей задержки на острове, но Таясь, похоже, совсем не слушая его, развязала свой узелок и достала оттуда кусок жирного вареного мяса. Арсин, конечно, с жадностью накинулся на угощение. И только уж потом, на обратной дороге к избушке, Та-

ясь стала отвечать на его вопросы и задавать свои... Как могла, описала ему дорожные приключения.

— Выходит дело, ты меня искать пустилась?

— Да ты сам подумай, Арсин: отправился на два дня, а самого нету и нету. Забеспокоишься тут, особенно после такой пурги. Сколько людей в такую погоду сгнуло!

— Какая же ты у меня умница! Я ведь совсем без еды уж сидел. О, семь богов счастья, какой же ты молодец!

— Как это без еды? А олени-то на что? Неужели сам бы с голода помер, а оленей так и не тронул?

— О, глаза семи богов на небе! Не мог я их трогать, Таясь, клятву дал, что сохраню хотя бы до прихода людей. На пастухов-то у меня надежда плохая — им, конечно, и в голову не придет здесь искать, где-нибудь, наверно, в другом месте рыщут...

— Постой, постой, Арсин. Пастухи значит, да? А ты клейма в ушах не смотрел? Ну, из какого они стада?

— О, семь мудрецов старины! Как же не смотрел, смотрел. Это Юхура стадо. И белолобая важенка там, которая наша была...

— Юхура? — Она вдруг ухватилась за ручки гребей. — А ну, погоди-ка, Арсин. Значит, Юхурово стадо?

— Что такое, Таясь? Что-нибудь случилось? Ты вся бледная вдруг стала, как березовая кора...

— И, значит, ради него ты так старался? Голодный сидел? Он мою жизнь исковеркал, твою... Столько зла причинил. А ты... Ты что, забыл уже обо всем?!

— Ничего я не забыл, Таясь. Только, семь мудрецов старины, совсем я не ради него возился с оленями! Олени-то ведь совхозные, Таясь, государственные. Стало быть, наши с тобой — тоже... Ну, не мог я иначе, пойми...

— Не мог, не мог, — все так же сердито повторила Таясь. — А он почему мог? Забыл, как он тебе всю жизнь мстил? А уж когда председателем-то был — так и вспомнить тошно, что делал! Рыбачить — худшие плавные пески тебе отводил. В самую горячую пору охоты, когда люди пушнину голыми руками гребут — он тебя на какой-нибудь другой работе задержит.

Что? Не так разве? Специально назло делал! А ты для него вон как стараешься...

— Но Таясь... столько лет уж прошло... А самое главное — не его это стадо. Совхозное.

— Раз совхозное — значит, сам теперь помирай, да? Ладно, — махнула она рукой. — Делай, как знаешь. Умом я, конечно, понимаю тебя, но как вспомню о Юхуре... Ох!.. У меня в груди сейчас, наверное, огнем все горит... — Таясь покусывала губы, не пытаясь даже скрыть захлестывавшую ее злость. — Ну вот ты объясни мне: почему ты должен с голоду помирать, оленей его спасать, а он — мало того, что стадо отельное не укараулил — так еще и вино сейчас хлещет!

— Кто хлещет? — переспросил Арсин; на какое-то время он даже забыл про гребни.

— Как кто — Юхур. Своими глазами сегодня на Гусином острове видела.

— Как на Гусином? Он должен в стаде быть?

— В том-то и дело! О чем я тебе и толкую!

— Ничего не понимаю! Зачем он там оказался-то?

— Дай я тебе все по порядку расскажу... Иду я, стало быть, по льду, подхожу как раз к Гусиному, вдруг слышу женский крик. Пригляделась: женщина на мысу стоит, машет. Оказывается, Хорьяр — вторая Юхурова жена. Стоим друг против друга на расстоянии, наверное, двух бросков аркана. Ближе не подойти — забереги, да и глубоко ведь там... Ну, она мне все и рассказала. Тоже, видать, намучилась крепко. Гнали они отельное стадо, там еще пастух Рохтымов с ними был, и остановились, стало быть, на острове — приняли его ночью за коренной берег реки. Ну, Юхур с Рохтымовым и решили гульнуть как следует на природе, подальше от людских глаз.

— Да, да, там же рыбацкий домик есть, — кивнул Арсин.

— Вот в этом самом домике они и устроились. А тут ночью пурга. Утром Юхур продрал глаза, похмеллся и послал Рохтымова с собакой перегнать стадо дальше. А сам, стало быть, сказал, что нагонит его по дороге...

— А-а, семь мудрецов старины! — перебил жену Арсин. — Ну, теперь мне все ясно.

— Что ясно?

— Ну, пока они пили, пока дрыхли — вот часть стада и переправилась на таловую сторону. А Рохтымов с пьяных глаз того даже и не заметил... Ну ладно, говори дальше.

— Ох, так, видно, хорошо погуляли, что смех один получился. Юхур, оказывается, пожалел своих ездовых оленей, пустил на ночь покормиться. Пьяный — он ведь любой свой шаг считает хорошим... Ему бы утром их поймать, а он с больной головы про них даже и не вспомнил. Ну, они вместе со стадом и подались, его олени-то. Так Юхур с женой и остались на острове... две свои нарты пасти...

Арсин рассмеялся следом за женой.

— Ну и пастухи! Вот так пастухи!..

— Ну, Юхур то ли с горя, то ли с радости — опять за пьянку. Все равно, мол, пастухи за мной приедут, за бригадиром. А тут и пурга опять разгулялась...

Колданка мягко приткнулась к затопленному кусту тала, и Арсин тут же ухватился за него.

— Передохнем немного, ладно? Ты не узнала, что он, Юхур, собирается делать-то? Надо ведь, чтобы они оленей забрали... Телята тут...

— А что он собирается делать? Выбраться с острова как-нибудь... Уж Хорьяр умоляла меня, умоляла, узнав, что в сторону Ванды иду, чтобы зашла к ее родственникам, сказала, пусть, мол, за ними на Буране приедут. Тебе, мол, Юхур оленя за это подарит. Мне даже смешно стало...

— Ну, ты хоть зашла к родственникам-то?

— Конечно, зашла, Арсин, а что ж делать. Сказала. Если б Юхур меня попросил — для него бы и пальцем не пошевелила.

— А он-то где был, пока ты с Хорьяр разговаривала?

— Тут же и был, чуть поодаль. Молчал, словно рот у него зашитый.

— А, все-таки заговорила в нем совесть. — Арсин так сильно надавил на таловый отросток, что тот треснул. Он перехватился за другой, потолще. — Как ты все же узнала, что я на острове?

— А где же тебе еще быть? — засмеялась Таясь. — В Ванды пришла, народ порасспросила: не приезжали, мол, обратно. Никто не видел. Осталось тебя то-

лько здесь искать. Я уж, грешным делом, думала, не случилось ли что...

Но Арсин вдруг опять перебил ее с каким-то странным, отсутствующим видом:

— Так, говоришь, Юхура, значит, в Ванды должны вначале привезти?

— Ну да. А оттуда они с женой пешком нагонят стадо.

— Ну да, ну да. Дорогу знают... А потом, когда отел, стада ведь почти на месте стоят. Всего, наверное, два дня хода, дальше, поди, не успели уйти...— Видно было, что Арсин говорит это, а сам думает о чем-то своем. Неожиданно он нахмурился, свел брови и вдруг сказал, бросив на жену быстрый взгляд:

— Знаешь что, Таясь? Едем-ка обратно.

— Куда обратно? Зачем?

— В Ванды схожу. Здесь же близко. Скажу Юхуру, что часть его стада тут находится.

— А зачем сейчас, Арсин? На обратном пути и заедем...

— Нельзя, Таясь, опоздать можно. Вдруг он успеет на другой берег переправиться? На Уральскую сторону.

— Ну, давай я съезжу. Ты посмотри на себя — от тебя ведь одни кости скоро останутся!

— Эх Таясь, Таясь! Пожалей-ка ты глаза семи богов на небе,—засмеялся Арсин.— Да за кого ты меня принимаешь-то? Рано меня, бывшего фронтовика, со счетов списывать!..— И посерьезнел.— Нет, Таясь, тебе нельзя. А ну как лед тронется? Вот и растеряешься... А я-то не раз в таких переделках бывал.— И Арсин, отпустив таловый куст, развернул лодку в сторону разлившихся заберегов, где вода в вечерней тишине лоснилась, словно жир.

Вернулись они уже за полночь. Арсин, хоть и хорохорился давеча, еле волочил ноги. А вскоре, едва они с Таясь успели переправиться на остров, вдалеке показались две человеческие фигуры. Люди торопливо шагали по гладкому льду.

— Ну, вот и хозяйева стада, кажись, пожаловали,—сказал Арсин.— Вон тот, правый, на женщину смахивает. Поди, Хорьяр с Юхуром и есть.

— Да, похоже. Знаешь, Арсин, я, пожалуй, не по-

еду перевозить их на колданке, а? Ты уж давай сам как-нибудь, ладно?

— Ладно, Таясь, ладно. Иди давай в избушку. Печь натопи, чаек согрей...

— Это для Юхура, что ли? Кой? Сорни Турам — Золотое Небо! Да лучше пусть руки мои отсохнут, чем его чаем напою!

— Но ведь он же не просто так, Таясь, не в гости... К тому же не один, с женой. Она-то при чем?

— Ну ладно, езжай, — смягчилась наконец Таясь. — Там посмотрим.

...Юхур сошел на берег молчком — ни здравствуй, ни прощай, словно ему вдруг отказал язык. Постоял, огляделся, закинул за плечо аркан и, буркнув что-то жене, которая шла следом, с ходу направился смотреть, в каком состоянии отколовшееся по его вине стадо. Естественно, и Арсин не стал навязываться ему в попутчики, ушел вместе с Таясь в избушку — почаевничали, перекусили. Однако любопытство все же разбирало его, не удержался, залез на свою смотровую лестницу, чтобы поглядеть, что же все-таки там Юхур делает.

Тот долго ходил по острову, часто останавливался около тех важенок, которые еще не отелились. Яловых вылавливал, словно хотел сам еще раз убедиться в том, что теленка у нее и не должно быть. Глядя на этот явно затянувшийся осмотр, Арсин усмехнулся: «О, семь мудрецов старины! И как вы только послали такого человека на землю?! Глазам своим верить не хочет. Не съел ли, мол, Арсин, не упрятал ли куда-нибудь теленка. Только это, наверное, и есть в голове — а то с чего бы ему каждую важенку так тщательно ощупывать?»

Однако он и не думал мешать Юхуру: человеку стадо доверено, бригадир как-никак, вся ответственность за оленей на нем... А ему самому теперь, когда стадо передано с рук на руки, можно, пожалуй, и уезжать с острова, хватит, сколько можно здесь голодать...

Похоже, о том же думала и Таясь — подошла вдруг к лестнице, спросила у него негромко:

— Арсин, долго ты еще будешь там сидеть? Помоему, ты теперь свободен — не пора ли домой собираться? Давай хотя бы в Ванды поедем, что тут без еды торчат?

— Погоди немного. Пусть Юхур вернется. Может, помощь ему какая нужна...

— Да ты-то чем ему поможешь? То, что раньше делал — да, понятно. А сейчас? Наоборот, нам лучше бы поскорее в поселок попасть, сообщить обо всем в контору.

— Сообщать — это надо в Порават, а не в Ванды. А добраться ли нам теперь до Поравата — это еще вопрос... Это ж не шутки — полста верст вкруговую по льду. А ну, как он тронется? О, семь богов на небе! У ледохода знаешь, какая сила? Нашу лодку, как скорлупку сотрет. Если сообщать — надо что-то иное придумать. Как-то по-другому...

— Да что тут придумаешь-то? Мы же не птицы, крыльев нам бог не послал...

— Крыльев, говоришь, не послал? — Арсин даже скатился со своей лестницы. — Слышишь, Таясь? Здесь же вертолеты в сторону Горок пролетают. Каждое утро их вижу. Вот бы с вертолетом как-то весточку передать...

— Да что ты хоть говоришь, Арсин! Так он к тебе и сядет, вертолет!

— Можно вот что сделать... Что, если костер большой на льду разложить? А? И самим там стоять, махать платком. Может, увидит летчик, а? Как думаешь, Таясь?

— Ну, не знаю. Пусть у Юхура об этом голова болит. Его стадо.

— Ладно, Таясь. Давай не будем здесь болячки старые расковыривать... Голова у меня тяжелая что-то. Устал. Может, я вздремну ненадолго? Закончит Юхур свое дело — придет, разбудит.

И Арсин, едва добравшись до нар, тут же уснул.

Разбудил его скрип двери, быстрый женский разговор. От накопившейся за эти дни усталости, от гребей ныло все тело. С трудом открыв глаза, он увидел через окно, что солнце залило своим золоченым светом весь остров. Надо было вставать. Он сладко зевнул, одолевая ломоту, уселся на нарах.

И тут увидел, что у порога, не выпуская деревянной дверной ручки, стоит жена Юхура Хорьяр — в ярко-красном платке с длинными кистями, в красиво изукрашенной белой ягушке.

— Арсин аки¹, муж вас на улицу просит выйти. Разговор к вам важный имеет.

— Да ты заходи в избушку-то, — буркнул Арсин. — Кто так разговаривает: одна нога дома, другая — еще за порогом. Садись, попей с моей Таясь чаю.

Хорьяр как-то неуверенно пристроилась у самого окна.

— Сказываешь, разговор имеет? — переспросил Арсин, вставая с нар. — Ну что ж, выйдем на улицу, коли так.

Юхур, в надетой поверх малицы ситцевой сорочке, сидел на любимом Арсиновом «диване» и покуривал сигарету. Увидев Арсина, бригадир вдруг переменялся в лице — только что оно было спокойным, благодушным, а тут вдруг враз стало каким-то умильно-заяскивающим, и Арсин сразу насторожился.

«Вишь, как, и глаза уже не суживаются грозно, не мечут острые стрелы, как тогда в конторе, когда оленей мойпар угнал, — подумал Арсин. — Что, неужто вины своей так боится?» — Пытаясь разгадать, что у бригадира на уме, он, не заметив сам, так пристально вперился в него, что Юхур не выдержал и отвел глаза. Откашлялся, как будто у него вдруг запершило в горле и, не глядя на Арсина, тихо сказал:

— Знаешь, о чем я сейчас думал...

— Да где ж мне знать! Чужая мысль — как ловушка неосмотренная. Что-то она еще преподнесет?

— Ну, а если вдруг хорошего зверя? Стоящего!

— Ладно, не будем концы языков вхолостую стесывать. Говори, что хотел?

— Я, Арсин, знаешь ли, — замаялся Юхур, — о тебе тут думал... Много тебе пришлось попотеть, шибко много. Я ведь, как пастух, сразу все понял, еще когда ты только перевозил меня. А теперь своими глазами твою работу увидел. — Он сделал длинную затяжку и бросил окурок к ногам. — стыдно мне будет, Арсин,

¹ Уважительная форма обращения к старшему по возрасту мужчине.

если за такой труд не отблагодарю тебя. В старину знаешь, как в таких случаях говорили? Рыбу имеешь — самого жирного осетра отдай, мехами богат — драгоценной выдрой одели, оленями владеешь — самую породистую важенку не пожалей. А в старину люди толк знали...

Юхур опять посмотрел на него все тем же умильно-заискивающим взглядом.

— Так что, Арсин, ничего для тебя не жалко. Любую важенку в стаде выбирать можешь. С теленком вместе. И эту авку, которую приручил — тоже можешь себе забрать...

— Ох, какая щедрость! Да ведь это ж совхозные олени, не твои!

— Ну и что из того? — Юхур встал, подошел к Арсину поближе, понизил голос: — Эка важность — совхозные. Надо будет, спишем. Падеж. Мало ли при отеле оленей пропадает? Спишем — и кто узнает? Никто. Только мы с тобой и будем в курсе...

Арсин вдруг всем нутром почувствовал, что Юхур не сказал еще самого главного — что награду эту предлагает не просто так...

— Слушай-ка, Юхур, — начал он, осторожно пытаюсь выяснить, что же ему все-таки от него нужно. — Это ведь очень дорогой подарок. Мне, наверно, заплатить нужно будет кое-что, да?..

— Ни копейки! — тут же откликнулся Юхур. — Только молчи — и все!

— Как молчать?

— Очень просто. Чтобы в поселке, ну в конторе, не узнали про то, как стадо отбилось. До директора чтоб не дошло.

— Да разве ж можно такое дело скрыть? — рассмеялся Арсин. — Тут ведь не один олень. Стадо целое! Рано или поздно все равно известно станет!

— После — пусть, когда беда минует. Тогда уже не страшно. Забудется, простится...

— Что-то я, Юхур, никак в толк не возьму... Как же ты стадо-то собрался спасти, если сообщать не хочешь? Оленей ведь на другую сторону надо перевозить.

— В селенье Ванды рыбаков много. Перетолкую с ними.

— Рыбаки? А ведь им за работу ого-го, сколько платить придется!

— Ну, это уж мое дело. Может, рубль-другой в кармане найду.

— Ну хорошо, найдешь. Им же, оленям-то, корм нужен. Сколько уж они на коре сидят — того и гляди, падеж начнется.

— Говорю же тебе, Арсин, — это уже мое дело. Мое стадо — мне и думать. Я хозяин.

«Ну вот, — вздохнул про себя Арсин, — и повернул твой язык на любимую тропу. Десять лет в колхозе председательствовал — вот и приучился начальником быть. «Я хозяин» — и все тут. А что олени совхозные вот-вот погибнуть могут — на это ему, «хозяину», наплевать».

И Арсин, понявший теперь намерения Юхура, не удержался, сказал решительно:

— Нет, Юхур, не купишь ты меня. Целого стада тебе не хватит, чтобы меня купить. А главное — олени на это не согласятся.

— Брось ты эти прибаутки! Олени! Что они — заговорили, что ли!

— Да, Юхур. Неделю уже с ними разговариваю. Говорят: срочная помощь им нужна. Ослабли от плохой кормежки. Сенца им подвезти надо. Комбикормов, соли. А тут еще неизвестно, когда река уйдет...

— Как когда? Не останется же лед на лето. Сегодня-завтра и тронется.

— Ну, хорошо. Сегодня — завтра. А теперь подсчитай, сколько времени ты их будешь перевозить. Больше трех в одну лодку ведь не возьмешь, верно? Не возьмешь... Считай, неделя понадобится. Да через неделю они, без корма-то, совсем ноги протянут. Так что не проходит у тебя это дело, Юхур. Сколько можно животных мучить! Катер надо вызвать с площадкой. Три рейса — и все на лесной стороне окажутся.

— Ха! Хитер! Так он когда еще придет-то, твой катер!..

— Как сообщим — так и придет.

— Опять смеешься, Арсин. Ведь это та же самая неделя!

— Нет, Юхур, меньше. У меня мыслишка одна

есть... Вертолет попробовать остановить. Он здесь все время летает. И низко.

— Ох-хо-хо! — схватился за живот Юхур. — Ты, я смотрю, совсем здесь с ума спятил. Вертолет! Пома-нишь, значит, его пальцем — и он тут как тут, прямо к тебе на ладонь сядет, да? Ну и болтун!

— Ну что ж... Коли так — больше нам с тобой разговаривать не о чем! — отрезал Арсин и зашагал было к избушке, но Юхур остановил его.

— Не о чем значит, да? — Глаза его сочились злобой. — Нет, Арсин, есть о чем! За многое тебе теперь отвечать придется, ох за многое! Да так отвечать, что язык спать укладывать забудешь.

— Это еще с какой стати?

— А вот с такой! Во-первых, — он загнул указательный палец левой руки, — одна важенка — та, что с кривым рогом — отелнлась уже, я по соскам определил, а теленок где? Авка у твоей избушки — она почему без матери осталась? — Он загнул второй палец. — Что, молчишь? Небось уже на мясо загнал? Да ты, поди, только из-за этого и завесновал на острове! Если б по-доброму — давно бы уже весть подал. Сообщил, что олени тут. — И он загнул следующий палец. — Как ни крути, а не отвертеться тебе, Арсин. Жадное твое сердце и здесь к оленям крепко прилипло. Не отдерешь. Гони, давай, авку в стадо. Не твоя, небось. Нечего народное добро присваивать!

Вот когда наконец сузились его глаза, вот когда начали они, как прежде, метать острые стрелы. Арсин еле сдерживал себя. Пальцы сами сжались в кулак, словно превратились в камень; он уже готов был изо всей силы смазать Юхуру по наглой его роже — за все, за все пакости, за все подлости, за вымотавшую Арсина неделю, что провел на острове с оленями. И в этот момент он услышал донесшийся со стороны Салехарда далекий гул вертолета.

— Я-а! Таясь! — крикнул он. — Давай скорей! Вертолет летит!

Таясь тут же, словно только и ждала его зова, выбежала на улицу, искоса кинула на Юхура недобрый взгляд — все слышала, конечно.

— Давай скорее, Таясь, на лед, к чистому месту. Как раз успеем. Пока вертолет будет садиться в Суп-

воше, сдавать и принимать почту — не меньше полчаса пройдет. Успеем!

И Арсин с Таясь побежали к колданке, а вслед им донесся злобный голос Юхура:

— Бегите, бегите, все равно воровство свое не прикроете! Шибко ворованным-то не наедитесь!

Но Арсина эти слова никак уже не задели — не до Юхура было: надо было спешить делать дело — оленей спасать! Он закинул гребни на уключины. Таясь села на кормовое весло, подруливать. Когда они вылезли на кромку льда и вытащили колданку, вертолет уже поднимался еле заметной точкой над синющим на далеком берегу лесом.

— Бери платок, Таясь, маши! Бегай туда-сюда и маши. Не переставая маши! И кричи во весь голос...

А сам снял с себя малицу, вытащил из нее порядком изношенную сорочку и, схватив весло, отбежал от Таясь метров на двести ближе к середине реки, быстро привязал сорочку к веслу, приготовился давать вертолету знак.

Треща винтами, летающая машина приближалась к реке. Арсин широко размахивал наспех смастеренным флагом, поглядывая время от времени на Таясь. Да, летчики не могли их не заметить! Он вдруг увидел, что вертолет, еще далекий, в километре, наверное, от них, вдруг почему-то резко снизился у мыса Тушвош, и гул его, словно сеть, охватил всю окрестность. Вот зеленое брюхо винтокрылой птицы пронеслось над самой головой... Нет, не заметили...

Арсин, взмокший, отмотавший все руки, поставил весло на лед. «Да разве сядет он здесь? Мало ли кто пожелает ему махать...» — тоскливо подумал он и снова посмотрел на Таясь. Она по-прежнему трепала свой платок, махала, что есть силы.

— Перестань, — крикнул он ей устало. — Не видишь, что ли, улетают...

Он отвязал от весла сорочку, и едва успел натянуть ее, как услышал крик жены:

— Смотри, Арсин! Повернул!

— Семь богов счастья! — закричал, радуясь как ребенок, Арсин. — Заметили нас. Слышишь, Таясь, заметили! Давай, беги ко мне!

И в этот момент, сквозь забивающий уши вертолетный гул, он услышал ее перепуганный вопль:

— Мув Аси! Турам Аси! Бог Земли! Владыка Неба! Пропали!

— Что случилось?! — повернулся он в ее сторону и сразу увидел, что — огромная змеиная трещина пролегла между ними. — К берегу, к берегу беги! — закричал Арсин; о себе он не подумал, он думал только о том, чтобы Таясь успела... — К лодке поближе!

Взглянув в сторону острова, Арсин только теперь понял, что пока они ждали вертолета, пока махали, началась сильная подвижка — их, вместе со льдом, несло за тальниковый мыс. На коренном берегу Малой Оби, у переката, уже наворачивало горы торосов, а полынья между ним и Таясь, протянувшаяся от берега до берега, словно по мановению волшебного идола Сяси Ими, все увеличивалась; ширина ее была теперь не менее броска аркана...

Вода, будто сказочный Менг-великан, с грохотом напирала на сопротивляющийся лед и гнала, гнала его вниз по течению. И вдруг он услышал через весь этот грохот, этот треск свист разрезающих воздух стальных лопастей; Арсин поднял голову и чуть не заплакал — вертолет завис прямо над ним, он снижался! Машина не стала касаться колесами льда — чья-то рука выкинула из открытой дверцы лестницу, а потом замахала, приглашая его к себе, наверх.

«Как лучше сделать? — лихорадочно думал Арсин. — Передать через летчиков записку директору совхоза Косенко, а самому вылезти на острове? Или слетать в контору? Хотя слетать, конечно, может и Таясь». Он посмотрел в ее сторону — Таясь бежала что есть силы к краю на глазах расползающейся льдины...

Тут махавший ему человек в кожаной куртке и ушанке не выдержал, повис на лестнице, схватил Арсина за рукав, с силой рванул его вверх.

— Садись! — прокричал летчик, когда они оказались в вертолетном брюхе. — Сейчас и женщину подберем. Жена небось, да?

Еще не пришедший в себя Арсин только кивнул головой.

Таясь подобрали точно так же, выкинув лестницу, а когда дверца захлопнулась, человек в кожаной куртке спросил, крича Арсину в самое ухо:

— Куда вас довезти-то? Где высадить?

— Дело у меня важное есть, начальник. Шибко большое дело! — закричал ему в ухо и Арсин.

— Какое дело? Скорей говори!

— Стадо там... Олени погибают. Внизу остались, на острове, шибко плохо им.

— Понял, отец, понял. Чем тебе помочь?

— Да чем помочь! Бумагу вот надо нацарапать... А вы бы отвезли ее, а?

— Куда?

— В Горки. Директору Косенко.

— Знаем, знаем такого, летали по вашим стадам. Погоди, сейчас с командиром поговорю.

Человек в куртке недолго побыл в кабине, а выйдя оттуда, прокричал Арсину:

— Ты сам лететь с нами можешь? Есть кому за оленями присмотреть?

— Подожди, начальник, у жены узнаю, — Арсин наклонился к уху Таясь. — Летчики спрашивают: мы сами в совхоз поедем или бумагу пошлем?

— А лодка-то на льду, Арсин! — всплеснула она вдруг руками, как будто не в вертолете сидела, а в их избушке. — А лошадь с упряжкой?!

— Да ты что! Колданку несчастную пожалела?! — прокричал Арсин. — Руки целы пока, новую смастерю. И с лошадью ничего не будет. Директор, думаю, сам приедет оленей смотреть. Обязательно вертолет закажет, вот мы и...

— Ну, скорее, отец! — раздался голос летчика. — Время, время! Мы ведь только из-за ледохода к вам спустились, спасти вас...

— Едем, начальник! — прокричал Арсин. — Едем!

— Хорошо! — Летчик ушел в кабину, прихлопнув за собой дверцу.

Арсин почувствовал, как вертолет, напрягая могучие лопасти, взмыл вверх и, накренясь, повернул в ту сторону, где было селение Горки.

Он прильнул к иллюминатору и увидел внизу бескрайно разлившиеся забереги. Ледовый панцирь реки, расколовшийся, будто от удара гигантского молота на огромные глыбы, напирал на заросшие талом

острова посредине реки, наворачивал на них высокие ледяные горы, долбил каменные перекаты за мысами.

Поздний ледоход, словно медвежья лапа, мял и чесал скулы реки, уносил с собой скопившийся за зиму на берегах мусор...

На Оби начался мощный, все сокрушающий на своем пути, ледоход....

РАННИЙ ЛЕДОСТАВ

Утром, после большой перемены, вместе с учительницей Анной Михайловной в класс неожиданно вошел председатель колхоза Ай-Ваня, а за ним следом и председатель сельсовета Ярасим. Ребята насто-рожились: столь высокие гости бывали в школе неча-сто.

Ай-Ваня сдернул с головы неблюевую шапку с длинными ушами, поправил широкий военный ремень на лямке гимнастерке и, поставив поудобнее ногу с протезом, щекотнул указательным пальцем кончик носа — так он обычно начинал все свои речи.

— Большой разговор у меня к вам, ребята! — торжественно объявил Ай-Ваня. — Можно сказать — государственной важности. План у нас, ребятки, горит, вот она, штука какая. А с огнем ведь как? Туда дров только и подбрасывают. Вот и нам плану подбросили. Двести пятьдесят центнеров... Чуете?

Ребята зашевелились, заерзали на местах. Ведь у каждого из них отец или старший брат были рыбаками, и что такое двести пятьдесят центнеров сверх плана, да еще осенью, когда реки и озера вот-вот льдом закует, поселковые школьники, конечно «чуяли».

— Путина по открытой воде к концу подходит, — деловито продолжал Ай-Ваня. — Трудной она у нас нынче была, сами знаете...

— Знаем, знаем, — дружно отозвались семиклас-сники. — Вода большая стояла все лето...

— Ну, худо-бедно, а тысячу двести центнеров мы все же дали. Это вы тоже знаете. Однако, война, ребятки... Мало, ой как мало. Тысяча двести центнеров по нынешним временам... Еще нужно... Вот штука ка-кая... Как и справимся... — Ай-Ваня опять пощекотал кончик носа. — Дела на воде, прямо скажу, туго идут. Мох на запоры гонит, течение шибко крутит... На со-рах уже посрывало запоры... Не дай бог, здесь, подле

поселка, последние рухнут, где тогда рыбку возьмем, а? — Ай-Ваня с надеждой посмотрел на притихших ребят.

Анна Михайловна, учительница, спросила робко: — А на Оби? Разве нельзя? Ведь пока она станет, еще не один месяц пройдет...

Анна Михайловна приехала в поселок недавно, она очень хотела быть в курсе всех местных дел, старалась, чем могла, помочь колхозу, однако по молодости, по неопытности ничего не понимала в рыбалке.

Семиклассники засмеялись. Улыбнулся снисходительно и Ай-Ваня, подмигнул парням.

— Обь, Анна Михайловна, нам сейчас не помощница. Ну, будем мы осенними ночами с неводом по реке таскаться? Что наскребем? Центнеров десять — пятнадцать, не больше, да и то только ершей да шурогаев. Это ж разве рыба? Мусор! — И заведя руку с растопыренными пальцами за спину, Ай-Ваня изобразил колючего ерша.

Ребята так и покатались со смеху.

— Но! — Ай-Ваня вскинул вверх правую ладонь. — Выход у нас есть!

— Какой?! Какой?! — наперебой закричали школьники. А учительница, стусевавшись, слегка покраснела.

Ай-Ваня снова поправил ремень и разгладил складки на подоле своей фронтальной гимнастерки.

— Нужно собрать молодую, крепкую бригаду, которая поедет на верховья дальнего сора. За протокой Пор-Ехан. Там рыбы много. И там ее можно взять, ребятки. Вот ведь какая штука, чуете? Беда в том, однако, что опытных рыбаков у нас нет. Каждая пара рук на счету... Словом, колхоз на вас крепко надеется, на вашу помощь... Ну как, поможете?

— Поможем!

— Когда ехать-то?

— Наша северная рыбка стране нужна, фронту, нам тут, в тылу, дремать некогда! — вставил слово и Ярасим. — Нам за двоих, за пятерых работать надо, чтоб нашим солдатам помочь!

Не успел Ярасим и рта закрыть, как на середину комнаты выскочил Тикун:

— Ай-Ваня аки! Яраким аки! Можно я поеду на сор?!

— А почему только ты?! — ребята повскакивали с мест, закричали, перебивая друг друга.

— И я!

— Я тоже поеду!

Небольшая классная комната ходуном заходила. От ребячьего гвалта, казалось, рухнут стены.

— Ребята! Ребята! Успокойтесь! — всполошилась Анна Михайловна. — Разговор серьезный. Вы же не дослушали председателя!

Ай-Ваня опять потянулся к кончику носа.

— Я вижу, все вы готовы помочь фронту! Молодцы! Так и надо! Но ведь кто-то должен и в школе учиться, верно? На сор мы возьмем только самых старших и самых выносливых. Комсомольцев в первую очередь. Тех, кто умеет управляться с колданкой, орудовать тяжелыми гребями. Знаете, как осенью на воде? Холод до костей пробирает, вот-вот морозы грянут, белые куропатки в воздух взлетят.

— Я! Я поеду! — голоса не смолкали, вверх тянулся частокол рук.

Ярасим и председатель, улыбнувшись, переглянулись. Затем отвели в сторону Анну Михайловну и о чем-то тихо заговорили с ней. У Опуня в этот момент едва не оборвалось сердце: вдруг взрослые передумают и не станут брать школьников на сор? Или возьмут Тикуна, а его, Опуня, нет?

Но вот Ай-Ваня поднял руку, успокаивая «разбушевавшуюся стихию».

— Мы подумали, посоветовались и решили: в молодежную бригаду берем Ямру Карапа, Ребась Тикуна и Опуня Хартанова.

...Что и говорить: домой Опунь мчался, как на крыльях! Сам председатель признал его смелым и сильным! С этой минуты он не просто какой-то там школьник, а помощник настоящих рыбаков, ему доверено важное государственное дело! Щеки его пылали румянцем цвета спелой брусники, глаза лихо-радочно блестели. Плетенную из сухой травы сумку с учебниками и тетрадями он, вбежав в комнату, с размаху зашвырнул в угол.

— Ты чего это так рано явился? — подняла голову

отдыхавшая после обеда мать.—Что случилось-то? Как раскаленный камень, так жаром и пынешь!

Опунь скинул отороченную собачьим мехом малицу, бросился на тахар¹ рядом с матерью и, захлебываясь обуревавшими его чувствами, рассказал ей о просьбе председателя.

— Тоже мне, добытки! — засмеялась Еля. И махнула рукой в сторону окна, за которым желтела в неярком осеннем солнце маленькая березка.— Сперва дотянитесь затылком до веток! Кому вы нужны? Рыбакам только мелюзги и не хватает...

— Во-первых, какая это мы мелюзга? В седьмом-то классе? — обиделся Опунь.— А во-вторых, Ай-Ваня сам сказал: без нас им не обойтись...

— О, господи! — вздохнула Еля.— На сор — это значит в тайгу. А тайга — не игрушки: зверье, комарье, кругом ни души. Спятил наш председатель, что ли?

— Но мы же не одни поедем, мама! Старый Ансем аки с нами... И я, между прочим, не маленький. Мне ведь семнадцать скоро, забыла? Я уже в девятом мог бы учиться, а ты меня все еще ребенком считаешь!

— Ладно, ладно, не кипятись, — улыбнулась мать.— Конечно, ты мог бы учиться в девятом, но что поделаешь, коли в нашем поселке школу позднее, чем в других открыли? И все равно ты еще молод, чтобы рыбачить наравне со взрослыми. Работа эта тяжелая, надорваться можно. Много ли ты умеешь?

— Как не умею? — снова обиделся Опунь.— Что я, не на реке вырос?

Еля устало прикрыла глаза: вырастет сын, разве его теперь дома удержишь? И все же подумала: «Может, самой вместе с Опунем к рыбакам податься? Только вот с кем младшенького, Тавета, оставишь?»

Еля, повязав на голову цветастый платок, собралась на поле убирать картофель и уже в дверях наказала сыну:

— Никуда не бегай. Дождись брата из школы. Покорми его. Сам поешь. В дорогу я тебя вечером соберу.

Оставшись один, Опунь огляделся. На железной печурке остывала в чугунном котле уха. У окна стоял

¹ Тахар — циновка, плетенная из травы.

хуван¹ с кусками аппетитного муксуна. За короткий обеденный перерыв Еля успела позаботиться о сыновьях. Опунь услышал ароматный дух свежей ухи и тотчас почувствовал голод; понял — Тавета ему не дожидаться. Он достал с полки ломоть черного хлеба, приготовил для рыбы рассол. Затем налил себе полную миску ухи; придвинув столик к хомтэпу² принялся за еду. Уха золотилась в деревянной плошке, источая вкусный нежный запах. Куски муксуна Опунь почти машинально макал в рассол и отправлял в рот. Он вроде и не замечал ни вкуса, ни аромата того, что ел. Мысли его были заняты предстоящей поездкой на сор.

Завтра! Неужели завтра утром он уже будет в пути на Пор-Ехан? В тех краях ему еще не приходилось бывать, хотя от отца и двоюродного брата Иприня он не раз слышал о большом соре за этой протокой. Окрестная тайга там — сплошь мощные кедрачи да высокие лиственницы. Отец Опуня обычно ходил туда белковать. Богата тайга вокруг сора. В распадах там водится соболь, в близлежащих озерах — ондатра, завезенная сюда из Канады еще в тридцатые годы. В самом соре, в ямах, осенью скапливается множество рыбы — и муксун, и щекур, и сырок... Однако рыбачить здесь не так-то просто, да и улов вывозить далеко... Ипринь, вспомнил сейчас Опунь, рассказывал, что на русле сора, на протоке полно мелей, колданку частенько приходится подтаскивать на руках. Вот потому-то колхоз и не занимался там промысловой добычей. Только зимой те, кто охотились в этих краях, ставили в живунах-ямах небольшие сети, ловили понемногу себе на уху.

Опунь лежал на тахаре и думал, думал, невольно вспоминая о том, как нынче утром Ай-Ваня повел в контору трех счастливиц, как разговаривал с ними всерьез, на равных.

— Смотрите сюда, — сказал председатель и ткнул пальцем в карту, висевшую на стене его кабинета. — Вот здесь — вершина сора. Здесь нужно поставить крепкий запор. Пока не начался ледостав, будете ловить ставными неводами. Это первое. Второе. Всю

¹ Хуван — деревянное корытце для рыбы.

² Хомтэп — обструганный брус, отделяющий в жилых помещениях хозяйственный отсек от спальных мест.

выловленную рыбу нужно будет пересадить вот в это озеро, видите? — Ай-Вань показал на карте небольшое озерцо, что неподалеку от сора. — Пусть она там до морозов гуляет. Потом вы опять выловите, а зимой, когда рыба заледенеет, мы ее вывезем. Ясна задача? Учтите — она не из легких, не из тех, что на доске мелом решаются... Тут и попотеть, и померзнуть придется! Ну что добровольцы, не струсите? Не подведете колхоз?

— Не струсим!

— Не подведем!

— А когда ехать-то, Ай-Ваня аки?

— Завтра утром. В проводники дам вам Ансема, он рыбак опытный. Учитесь у него, набирайтесь ума-разума... Такая вот штука, ребятки! Ну, с богом, как говорится! Бегите по домам да снаряжайтесь в дорогу!..

2

Дома тепло, небольшое окошко изнутри все запотело. Тавета пока нет, и можно раскинуться на тахаре, положив под голову мягкую подушку. «Надо подогнать детальки», — думает, лежа, Опунь.

«Подогнать детальки» — это любимое выражение отца. Отец, прежде чем приступить к какому-нибудь делу, обдумывал его в мельчайших подробностях.

Опунь кладет ногу на ногу — так тоже любил делать Юхур — и прикидывает, что взять с собой. Ну, конечно, побольше теплой меховой одежды. Отцовские бродни. Алюминиевую кружку. Несколько книг, а может быть, и тетрадку: вдруг придется что-нибудь записать?

Неожиданно в эти деловые мысли впутался один совсем вроде бы неделовой вопрос: ну, хорошо, он, Опунь, уедет в далекую таежную глухомань, станет заправским рыбаком... А как же Тутья? Что с ней будет? И как он, Опунь, без нее обойдется? Всю радость Опуня словно ветром сдуло. И как это он раньше о ней не подумал? Эх, Тутья, Тутья... Черноглазая одноклассница Тутья... Опунь знает ее с самого детства. Они и в Шурышкарах вместе в интернате жили, и здесь, в поселке, в одном классе учатся. Тутья чуть

старше Опуня, ей уже семнадцать. И до чего ж она хороша... Самая красивая девушка во всей округе... Встанет из-за парты — словно вспорхнет легкокрылая бабочка, в глаза тебе заглянет — теплым летним солнцем озарит. Стройной красавицей нельмой, только что выпрыгнувшей из воды, кажется Опуню Тутья. Рядом с ней он даже дар речи теряет, и сам же корит себя за свою неловкость: «Вот глупый осетр! В сети запутался!»

Это чувство гнетет Опуня, связывает по рукам и ногам. То ли дело раньше? Раньше он болтал с Тутьей о чем угодно, мог и за косу ее дернуть, и посмеяться над ней, и рожу скорчить... А сейчас, едва завидев ее, краснеет, даже спотыкаться начинает, будто земля у него из-под ног уходит! Чтобы совсем не пропасть, Опунь старается избегать девушку, не попадаться лишней раз на ее пути. Зато на уроках, в школе, он научился незаметно скашивать глаза в ее сторону и любоваться красиво уложенными на голове косами, тонкими смуглыми руками, которыми она быстро-быстро перебирает страницы учебника или тетрадки.

По характеру девушка была бойкой, отчаянной, в обиду себя не давала, умела подыскать острое словцо. И от этого еще больше нравилась Опуню. Иногда, обернувшись, она дерзко и насмешливо взглядывала на него и бросала громко, на весь класс:

— Чего на меня уставился?!

Опунь в таких случаях готов был под парту залезть. Вконец терялся, отводил взгляд и начинал бормотать в ответ что-то невнятное на потеху ребятам.

А как он ее ревновал? Прямо ко всем на свете!

Тутья, конечно, знала о тайной страсти Опуня и частенько жестоко подшучивала. Или назло ему на виду у всех подолгу болтала с кем-нибудь из парней, весело хохотала.

Особенно терзался Опунь, когда Карап с важным видом разъяснял Тутье задания по математике. «Могла бы и у меня спросить! — обиженно думал он. — Я бы гораздо быстрее все рассказал. Не хуже Карапа учусь. А тот талдычит в ухо по десять раз одно и то же, будто рыбу в лодке из одного ящика в другой перекладывает!» Разнервничавшись, Опунь принимался бегать по классу, а один раз даже не выдер-

жал, стукнул кулаком о край стола, за которым сидели Тутья и ее «учитель». Кто-то из ребят засмеялся, а Карап, усмехнувшись надменно, спросил:

— Что это с тобой, Опунь?

И пригрозил остальным:

— Эй, вы! Отстаньте от человека. Не видите, он словно печка, докрасна раскалился.

Чтобы не затеять драку с этим нахалом, Опунь вылетел из класса на улицу и вслед услышал:

— Правильно! Беги, поостынь маленько!

И, что самое обидное, за спиной его раздался веселый смех Тутьи.

Но ей Опунь прощал все, а вот ненависть к Карапу накапливалась все больше и больше. Она уже походила на таежное озеро, готовое по весне от притока талых вод выйти из берегов. У этой ненависти была и еще одна причина: отец Карапа, старый Митри, был давним приятелем отца Тутьи, того самого Ансема, которого председатель Ай-Ваня снаряжал сейчас с ними на сор. Дома Митри и Ансема стояли рядом, не более одного броска аркана отделяло один от другого. Все праздники соседи отмечали вместе: Митри любил повеселиться, знал множество старинных песен и часами мог распевать про мойпара, про своих быстроногих оленей или прославлять собственный род и, в особенности, единственного сына — Карапа. А прошлой весной Опунь однажды слышал, как слегка подвыпившие дружки — Ансем и Митри — усевшись в обнимку на выездной нарте, горланили свадебный напев. А Митри даже симпровизировал похвальбу своему Карапу, из которого, дескать, выйдет неплохой жених для соседской дочки.

Пять резвых оленей
Он в нарту впряжет,
Невесту-красотку
С собой увезет!..

Опунь так и застыл тогда на одном месте, словно его ледяной водой окатили.

Но, к счастью, старики тут же повздорили.

— Кой! — вдруг вскинулся Ансем. — Какие такие пять оленей? Откуда они у тебя?

— Есть у меня пять оленей! — оскорбился Митри.

— Да ведь для сватовства нужны белобокие хоры¹, а у тебя только пегие!

На этот неопровержимый довод Митри не нашелся, что ответить. И Ансем с укоризной покачал головой:

— Язык твой, сосед, как пустой невод в реке болтается!

У Опуня немного отлегло от сердца, но разговор тот он помнил и все время боялся, что близкое соседство Тутьи и Карапа обернется когда-нибудь для него бедой.

И все же совсем не Карап был главным соперником, и не о нем думал сейчас Опунь. Карап — что, мальчишка... Это отец хочет его женить, а сам он о сватовстве и не помышляет... Вот Ляля, сын оленевода Махсарова... дело другое...

Говорят, ранили его на фронте, всего и повоевал-то месяца два, теперь в госпитале лежит и вот-вот домой вернется. Полгода назад, когда Лялю в армию забирали, Махсаров уже засылал сватов к Ансему...

Опунь тот день на всю жизнь запомнил. Весть тогда принес ему закадычный дружок Оська. Дома никого не было, Опунь только.

— Ты тут сидишь, а Тутью замуж хотят отдать! — закричал Оська прямо с порога.

От этих слов у Опуня руки-ноги задрожали, он чуть не выронил зайца, которого в тот момент свеживал.

— Откуда ты знаешь? — чуть слышно спросил он.

— Мать говорила.

— Что она говорила?!

— Что сватов Махсаровы к Ансему аки засылали. «Интересно, — спрашивала, — по-старинным обычаям свадьбу справлять будут или по новым». А может, выкрадут ее, как твою сестру Палаш? — выпалил Оська.

— Но, но, ты Палаш не трогай! — прикрикнул на друга Опунь. И хотя ему неприятно было вспоминать недавнюю, слегка нашумевшую историю, но в памяти поневоле всплыл этот случай. Опунь очень любил Палаш, скучал без нее. Рослая, сильная, она рыбачила летом наравне с мужчинами, ловко управлялась с муксуновой сетью, метала сено в стога, работала на лесозаготовках... Палаш никогда не унывала, даже

¹ Хор — олень-самец.

самую тяжелую работу делала легко, с улыбкой... Хорошо было дома с Палаш...

И вот однажды (в Месяц Весенних Ручьев это было) Опунь проснулся утром, откинул меховую ягушку и привычно окликнул сестру:

— Палаш! А Палаш! Светает уже. Вставать будем?

— Будем, будем,— отозвалась вместо нее мать.— Сейчас я растоплю печку, сынок, накормлю тебя...

— А Палаш где?

Мать почему-то замаялась, ничего не сказала, молча загромыкала пустым чайником.

«Странно,— подумал Опунь.— Неужто сестра уже ушла на работу? Даже не завтракала...»

— Палаш на работу ушла?

— Нет... Нету ее, сынок...

— Как это — нету?

Мать тяжело вздохнула.

— Увезли нашу Палаш, сынок. Выкрали.

— Выкрали?! — Опунь вскочил с постели.— Кто выкрал? Я убью его!

— Не шуми, успокойся,— заулыбалась мать.— Всякая девушка рано или поздно покидает свой дом. Ведь Палаш наша... давно уж невеста. Вот и нашелся для нее суженый.

— Какой еще суженый?

— Панка, охотник. В соседнем поселке живет. Ондатру, говорят, хорошо промышляет.

— А почему он сам к нам не приехал?

— Он Тылтам Нэ ко мне прислал, мы с ней все и уладили.

— Что уладили? Да расскажи толком!

— Ну, что Панка нашу Палаш украдет.

— Мама, что ты говоришь!

Еля засмеялась. А Опунь чуть не заплакал, так жалко ему стало сестру.

— Глупый ты еще у меня, как молодой олешек! Так исстари в наших краях делалось. Время-то сейчас какое? Военное, трудное. Панке тоже нелегко живется. Чтоб свадьбу по обычаю справить — деньги нужны, мяса много, рыбы. Где нынче взять? Вот и решили свадьбу потом как-нибудь справить, а пока, с моего согласия, конечно. Панка нашу Палаш к себе увез. Что тут плохого? Пусть живут!

Обидно стало Опуню, что сестра вот так, тайком от него, уехала, не попрощавшись даже. Не так ему виделось ее замужество...

В тот же день весь поселок узнал, что Палаш украла. От стыда Опунь сквозь землю готов был провалиться, на одноклассников и взглянуть не смел. А когда после уроков заглянул по делам в сельсовет да ненароком услышал разговор Ярасима с секретарем Дмитрием Коневым, то и вовсе загоревал.

— Слышал новость? — спросил Ярасим. — Опять похищение устроили! Говори им — не говори, а они все по своему делают!

— До чего хитрый народ! — вздохнул секретарь. — Знают ведь, что в сельсовете их не распишут: невесте-то еще нет восемнадцати, полгода не хватает. Надо бы построже с ними...

— Ладно, Дмитрий Ильич, чего уж. Еля, конечно, поторопилась, да ведь и парня понять можно. Один мыкается, мать парализована, отец на фронте погиб. А на севере как без хозяйки жить?

— Это верно... Только ведь не положено, по закону-то... В районе узнают, по головке нас не поглядят. Вон какой шум был, когда Нерку из поселка Лангвош в шестнадцать лет замуж выдали. Жених чуть под суд не пошел, помнишь, поди?

— Помню, конечно. Твоя правда, Дмитрий Ильич. Только и Еля права по-своему. Рада, что хорошего человека для дочки нашла. Говорят, Панка в наш колхоз перебраться хочет, а он мужик стоящий, работающий... Нам такие нужны... Да и Елю с детьми новый зять не оставит — и дровами, рыбой поможет... Трудно ей одной с двумя пацанами...

— Это так, — снова вздохнул Дмитрий Ильич, — только я все равно с матерью поговорить должен... Если все закон нарушать станут, что делать будем?

— Должен — поговори! — улыбнулся Ярасим. — Я разве мешаю?

Опунь тихонько выскользнул из конторы и помчался домой.

— А ты, оказывается, противозаконное дело затеяла! — строго сказал он матери. — До восемнадцати Палаш отдала замуж. Зачем так сделала?

Еля побледнела, стала оправдываться перед сыном:

— Палаш любит Панку, И Панка ее любит. Они же четыре года вместе в Шурышкарской школе за одной партой сидели! А уж как ждали, ждали, бедные, когда Палаш восемнадцать исполнится... Да и Панке тяжело одному управляться. Мать у него болеет, отца нет, а двух младших братишек и накормить и обстирать нужно. Палаш извелась вся, Панку жалеючи...

— Что-то я этого не замечал,— буркнул Опунь.

— Мало ли чего ты еще не замечаешь,— усмехнулась мать.— А я-то все знала. Думаешь, мне легко с такой дочерью расставаться? — Еля утерла глаза кончиком платка.— Ну да может, после ледостава, когда Палаш восемнадцать будет, свадьбу сыграем, и оба они сюда переедут. А там, глядишь, и детки у них пойдут. Будут у меня внуки, а у тебя племянники...

...Оська, принесший весть о сватовстве Махсаровых, продолжал тараторить, стоя в дверях, а Опунь, вспомнив о своей сестре, мучительно думал теперь о Тутье. Вдруг и она выскочит замуж против закона?

— Люди говорят, Ляля уже здесь. В стада к отцу подался. Скоро на оленях прикатит, невесту забирать.

— Как забирать?! — Опунь подскочил к приятелю, схватил его за ворот малицы.— А ты не врешь?!

— Чего мне врать-то? — обиделся Оська.

— А Тутья? Тутья-то что? Согласна?

— Почем я знаю? Отпусти ворот, давит.

Опунь отошел в сторону, отвернулся к замерзшему окошку. На душе у него вдруг стало темно и пусто, как в дупле трухлявого дерева. Неужто Тутью отдадут другому? И никогда, никогда ему даже не помечтать о том, как промчится он с ней на белоснежных свадебных хорах, правя выездной нартой...

— Слушай, Оська,— задумчиво проговорил Опунь, все еще стоя у окошка.— Я тут кое-что придумал. Поможешь?

— Землю для тебя есть буду! — преданно отозвался приятель.

— Чудак! — улыбнулся Опунь.— Какой толк от того, что ты себе рот песком набьешь? Лучше беги сейчас в сельсовет к Ярасиму, он там, я из школы шел — видел, его лошадь во дворе стоит.

— Ну? — не понял Оська.— Зачем мне Ярасим?

— Беги и скажи,— продолжал Опунь,— Ансем, мол, дочь замуж отдает, а ей еще нет восемнадцати...

Оська засопел, запереминался с ноги на ногу, удивленно таращась на друга. Он был на два года моложе Опуня и любовных терзаний еще не ведал.

— Чего вылупился? — прикрикнул на него Опунь. — Беги скорее! Только никому ни слова о том, что это я тебя подослал! Понял?

— Понял...

— Тогда — дуй!

Оська тряхнул своей лохматой головой и помчался в сельсовет. Поручение друга выполнил, потому что спустя полчаса Опунь увидел в окно, как Ярасим с озабоченным видом прошагал к дому Ансема.

А Ляля и в самом деле вскоре объявился в поселке, но так ни с чем и уехал обратно в тундру: отказали ему или отложили свадьбу, этого Опунь точно не знал.

Оська, хоть и не выдал друга, не назвал его имени, но о своей необычной миссии все же проболтался. Тутья после этого даже в школу ходить перестала. Анна Михайловна еле уговорила ее.

А еще Оська сообщил Опуню (он якобы своими ушами слышал), — Тутья, мол, подружке рассказывала, что замуж ее хотели насильно выдать.

...Опунь встал с тахара, налил себе из ведра холодной воды. После соленого муксуна сильно хотелось пить. Да, завтра в дорогу, но как же быть? Тутья ведь останется здесь. И кто знает, что ей взбредет в голову, пока его не будет в поселке...

С кружкой в руках Опунь расхаживал из угла в угол по комнате. Надо бы повидаться с Тутьей... Но как? Не может же он просто так, без всякого дела, взять и прийти к ней в дом...

Так Опунь терзался и мучился до тех пор, пока не появился школьный товарищ — Тикун.

Тикун, предвкушая завтрашнюю поездку на сор, уже щеголял в отцовской рыбацкой робе, в брезентовых броднях. Наброшенный сверху гусь поблескивал сухими рыбьими чешуями.

— Ты чего это так вырядился? — засмеялся Опунь.

— Хочу до ближнего запора сгонять. Рыба, говорят, нынче хорошо идет. Давай со мной? Повожаним!

— Хм, — задумался Опунь. Ведь и Тутья после

обеда частенько ездит на сор помочь отцу. А вдруг удастся там ее повидать? — Ладно, Тикун, поеду. Ты на колданке?

— Ага.

— Иди, я тебя догоню.

Опунь надеялся, что на берегу он отыщет Тутью и сможет перемолвиться с ней наедине. Может, она еще не уплыла к отцу на забор, возится с лодкой. О чем он будет говорить с девушкой, он и сам толком не знал... Знал только, что поговорить непременно должен.

Опунь быстро обулся, обмотав ноги теплыми сухими портянками, надел старую малицу с вытертым мехом, суконный гусь и выскочил вслед за приятелем. Тикун спускался к реке, вот он сел в колданку и оттолкнулся веслом от берега. Лодка Тутьи чернела на отмели: значит, девушка еще здесь!

Пока все складывалось как нельзя лучше. «Надо подождать,— сказал сам себе Опунь.— Забор никуда не денется, как стоял так и будет стоять, а вот Тутья... Скоро ли она придет?..»

Он направился к берегу. Спустился с крутизны, поросшей пожелтевшей уже травой, и начал нервно вышагивать по мелкому прибрежному галечнику. Колданочка Тутьи зарылась носом в песок — река за ночь отступила. Опунь взялся обеими руками за корму и толкнул лодку в воду: девушка придет и увидит, что никого не надо звать на помощь, колданка уже на плаву.

Опунь снял гусь, сложил его и бросил на сиденье своей лодки. Тутьи все не было.

— Э-э-э-й! Опу-у-у-нь! — донесся до него голос Тикуну.— Давай, греби сюда-а-а-а!..

Еще немного помедлив, Опунь сел в лодку и оттолкнулся от берега. Он неторопливо работал веслами, все еще надеясь увидеть девушку.

«Я скажу ей...— думал Опунь.— Я скажу, что она лучше и красивее всех девушек на свете. Что я люблю ее... Я спрошу, что она думает про сватовство Ляли... И еще спрошу, напрямик, что она думает обо мне... Нравлюсь я ей или нет...»

— Опу-у-у-нь! — снова раздался над рекой голос Тикуну.— Я зде-е-е-есть! Ле-ве-е-е бе-ри-и-и!..

«А если не нравлюсь?..»

От этой мысли Опунь весь съежился. Затем воображение нарисовало ему высокую ель, стоявшую на вершине холма на дальней окраине поселка. Она так могуча, так высока, что, кажется, будто подпирает макушкой небо. Как ни набрасываются на нее Овас Вот — северный ветер и Кев Вот — ветер с Урала, не удастся им согнуть это дерево, поломать его ветви. Ель эта для местных жителей — священна...

Опунь вдруг увидел, как он, подобно резвому соболю, взбирается на самую вершину дерева. Внизу суетятся люди, такие маленькие. «Что ты собрался делать, Опунь?» — кричат они.

— Я, — отвечает Опунь, — возьму сейчас и спрыгну вниз!

— С ума сошел! Разобьешься... Слезай, слезай скорее!

«Не слезу! — думает Опунь. — Ни за что не слезу, пока Тутья меня не попросит!»

Вот он нашел взглядом девушку, но та, дернув плечиком, молча отворачивает свое лицо. И тогда... Тогда Опунь размыкает пальцы... и камнем летит на землю, прямо к ногам Тутьи. Женщины вокруг плачут, мать с рыданиями бросается ему на грудь. «Постойте! — говорит дружок Оська. — Кажется, у него тут записка!» Он склоняется к Опуню, достает из-за пазухи бумажку и громко читает: «Прощай, Тутья! Я тебя любил!»

И тогда девушка со слезами на глазах припадает к нему, гладит ладонью его волосы... А Опунь вдруг открывает глаза, улыбается и говорит ей:

— Значит, и ты равнодушна ко мне? Видишь — я жив, ель-то священная!

Он встает, обнимает Тутью за плечи и на виду у всех ведет ее в свой дом...

В воде плеснулась рыба. Размечтавшийся Опунь от неожиданности чуть не выронил весло. Неужели Тутья еще дома? Он вгляделся в далекий берег. Колданочка, которую он спустил на воду, по-прежнему темнела под кручей.

За песчаным плесом начиналось русло вытянутого в длину сора. Вдали замаячил силуэт Тикуна, орудовавшего вожаном. Опунь остановился, прислушался и... уловил чуть слышные всплески весел.

«Тутья! — захолонуло сердце. — Наконец-то!»

Он застопорил гребни и резко повернул лодку. Колданка Тутьи приближалась. «Чишь-чишь, — шелестели в воде весла. — Чишь-чишь...»

Опунь заволновался. Все слова, которые он заготовил для девушки, мигом испарились. Ладони у него повлажнели; его бросило в жар.

«Чишь-чишь, чишь-чишь...»

Опунь решил сделать вид, что ремонтирует уключины. Достал из деревянного чехла, подвешенного к поясу, нож и принялся постукивать им по металлическим гнездам. Западный ветер потихоньку гнал лодку вдоль русла длинного сора.

Колданка Тутьи уже почти поравнялась с Опунем. Парню казалось, что Тутья слышит, как бьется его сердце. Она, конечно, сразу поймет, что он ее тут караулит, еще, чего доброго, поднимет на смех...

«Чишь-чишь, чишь-чишь...»

Вот она, совсем рядом... Опунь готов броситься вниз головой в ледяную воду...

Вместо того чтобы поздороваться с девушкой, он сидит нахохлившись и стучит ножом по уключинам.

— Что у тебя случилось? — спросила Тутья. — С гребями что-нибудь?

Голос ее прозвучал так приветливо, так нежно, что Опунь чуть осмелел. К нему даже дар речи вернулся.

— Да вот... заедает маленько. У тебя веревки не найдется?

— Сейчас посмотрю.

Порывшись на дне колданки, Тутья отыскала отрезок шнура.

— Годится? Держи.

Она протянула над водой руку, и Опунь стал медленно причаливать правым бортом к ее лодке.

«Скажу! Все ей скажу! Сейчас или никогда!» Но прекрасные, гладкие, как дуга радуги, слова еще недавно так складно звучавшие в его душе, рассыпались, будто ягоды из опрокинутого туюска. «А что, что говорить?!»

И тут вместо того, чтобы взять протянутый ему шнур, Опунь вцепился обеими руками в носовую перекладину колданки и стал подтягивать лодку к себе.

— Ты что делаешь? — испугалась Тутья. — Отпусти!

— Не отпущу!

- Пусти, говорят!
 - Постой, Тутья! Постой! Я... Я... Мне нужно у тебя спросить...
 - Тогда спрашивай, чего мямлишь?
 - Не сердись...
 - Говори скорей, я к отцу тороплюсь.
 - Скажи мне... Только одно слово скажи...
 - Какое такое слово?
 - Я... Я... Можно мне... надеяться?
- Опунь разжал руки, и колданка Тутьи стала медленно отдаляться по тихой воде. Девушка молчала, отведя взгляд в сторону. Затем она посмотрела задумчиво и чуть заметно качнула головой.
- Да или нет?
- Ответ был неопределенным.
- Опунь налег на гребни и так рванул лодку, что едва не вывалился за борт.
- Эй! — услышал он за спиной. — Шнур! Ты забыл шнур!.. Возьми, понадобится!
- Но Опунь даже не обернулся.

3

Рыбалка с Тикунном не задалась.

Опунь вернулся в поселок. Возле пристани покачивалась на волнах бударка старика Семко, неподалеку, словно рыбина, уткнувшаяся носом в песок, лежала на боку колданка Ай-Вани. Но ни председателя, ни Семко поблизости не было. И это обрадовало Опуня. Ему никого сейчас не хотелось видеть.

Опунь уселся на грубо сколоченный ящик для рыбы и стал смотреть на видневшийся вдали мыс Порах Нел. «Одноплечим», то есть одиноким мысом зовут его местные жители.

Ни да ни нет...

«Неужели и я останусь одноплечим? — с грустью подумал Опунь. — Ведь кроме Тутьи, мне никто не нужен...»

Выглянувшее из-за облаков солнце осветило верхушку мыса. Опунь усмехнулся, ему вспомнилась легенда, связанная с Порах Нелом, которую он слышал еще в детстве. Самое удивительное, что героиню этой легенды звали Тутья!

...Когда-то, в давние времена, гласила легенда, жил на еще безымянном тогда мысу смелый охотник по имени Нятама. Быстрыми были его ноги, крепкими руки. Самого сильного лося мог затропить он в снежную пору, одной стрелой мог сбить летящего гуся, а капканы на зверя ставил так хитроумно и ловко, что ни осторожной лисе, ни разбойнице-росомахе не удавалось их обойти. Своим хулты-пуном¹ Нятама не раз вылавливал из Оби больших осетров, а о прочей рыбе и говорить нечего — она сама так и шла к нему в сети. Всего у Нятамы было вдоволь: и запасов съестных, и мехов драгоценных. Одного не хватало удачному охотнику — счастья. Не было у него ни жены, ни невесты. Один он жил, бобылем. Тоска съедала его сердце.

И вот однажды сидел на мысу Нятама, печально глядел на бегущую мимо реку. И вдруг парус чьей-то бударки. «Чей это парус?» — подумал охотник.

Когда суденышко подошло к берегу, он увидел, что правит бударкой мужчина, а на корме сидит нарядно одетая молодая девушка.

Внезапно налетел сильный ветер и понес бударку на каменный перекат. словно вставшие на дыбы медведи, вспенились волны, ударил гром, и kloкочащий водоворот в одно мгновение поглотил лодку. Только дно ее мелькнуло в ревуших бурунах!

Когда Нятама подбежал к воде, мужчины уже не было видно, а девушка, как-то вынырнув, еще цеплялась руками за борт разбитой перевернутой лодки. Охотник спустил свою высокую листовенничную колданку и поспешил ей на помощь.

— Кто ты? — спросил Нятама спасенную девушку.

— Я невеста того человека, который погиб, — ответила она и заплакала. — Он увез меня из селенья Порават. Мы собирались с ним пожениться.

— Как твое имя?

— Тутья...

Нятама взял ее, обессиленную, на руки и понес в дом. Развел огонь, дал девушке сухую одежду, напоил горячим чаем, настоянным на брусничных и смородиновых листьях.

— Как ты красива, Тутья, — сказал он. — Никогда прежде не видывал я такой красоты!

¹ Хулты-пун — ловушка для рыбы.

Девушка и в самом деле была удивительно хороша. Нежнее первого весеннего цветка была ее кожа, ярче алой зари полыхал на щеках румянец.

На следующий день девушка заболела. Она бредила и стонала, металась в страшном жару. Словно малого ребенка, выхаживал ее Нятама: отпаивал травяными отварами, давал ей медвежью желчь, готовил сытную пищу.

Когда Тутья поправилась, Нятама спросил:

— Скажи, Тутья, могла бы ты стать моей женой?

Нелегко было вдове-невесте ответить на этот вопрос. Долго думала она, не одну чашку чая выпил за это время в сильном волнении храбрый охотник. Наконец Тутья сказала:

— Спасибо тебе, Нятама, за все! Ты жизнь мне спас, разве смею я тебе отказать? Но ведь я любила своего жениха... И не знаю, смогу ли полюбить тебя... Смогу ли принести тебе счастье...

— Но, может, со временем, сердце твое сжалится надо мной?

— Разреши мне пойти на берег. Я буду стоять там семь дней и ночей, прощаясь с душой моего жениха. А потом... отвечу тебе согласием. Ты же... всю эту неделю не приближайся ко мне.

Тутья встала у самой воды и устремила свой взор на речную глубину.

Так она провела семь дней и ночей. Солнце и дождь сменяли друг друга, а Тутья стояла, не шелохнувшись. Ветры несли на берег песок и мелкую гальку. *Всю неделю не пила и не ела девушка, только дождевыми каплями, попадавшими ей на лицо, утоляла иногда свою жажду.*

На седьмое утро, решив, что запрет уже кончился, охотник побежал на мыс... И увидел: девушку занесло песком — с правой стороны по самое ухо, с левой — до плеча. Принялся он ее откапывать, а она уж не дышит...

Так и осталась прекрасная Тутья верна своему жениху.

С тех пор мыс и прозвали Порах Нел, что значит: «Одноплечий».

...Тутья, Тутья! Чернокосая одноклассница Тутья! Зря, наверное, Опунь задал ей свой вопрос, по-

спешил он со своим признанием, поступил необдуманно. И вот теперь не знает, чего ждать в будущем, на что надеяться.

Вдруг Тутья все-таки ждет Лялю? Что ему, Опуню, известно об их отношениях? Но ведь слышал же Оська собственное признание Тутьи, что отец хотел выдать ее замуж насильно! А еще рассказывал Оська, как был недавно с матерью в доме Ансема. Мать увидела Тутью, развешивавшую во дворе юколу¹, сказала хозяину:

— Хорошая у тебя дочь выросла, Ансем. Словно молодая березка, налита соком.

— А разве у меня может быть плохая дочь? — улыбнулся довольный Ансем.

— Не может, конечно. Твоя правда. Скоро, наверное, украсит она чей-нибудь дом, а?

— Украсит. Давно я об этом думаю...

— А люди говорят, Ансем, сваты Ляли Махсарова от твоего порога ни с чем уехали?

— Уехали, — буркнул Ансем. — Тебе-то какое дело?

— А в поселке болтают, будто ты Ярасима испугался.

— Я?! Попридержи свой язык, Сяня Нэ! Больно длинный! Смотри, как бы тебя самое не хлестнул!

— А в поселке болтают, — не унималась Оськина мать, — что у тебя с Махсаровым все слажено было, и калым они тебе большой обещали...

Ансем, по словам Оськи, с досады крикнул и тут же хватанул стакан водки.

— На Махсаровых свет клином не сошелся, — якобы ответил он. — Жених для моей Тутьи всегда найдется...

— Найдется, как не найтись! — поддакнула Сяня Нэ. — Зачем в ста уголках земли шариться? Вон у нас сколько добрых парней подрастает.

— Кто, например?

— Ну, кто-кто... А вот хоть бы Елин старший сынок — Опунь. Ладный парень...

Ансем подергал себя за короткие косички.

— Э, смеешься ты надо мной, соседка, что ли?

— Я не девчонка, чтобы смеяться попусту. Дело тебе говорю.

¹ Юкола — вяленая рыба.

— Какое дело? Подумай сама! Знаешь, сколько моя дочь стоит? Самое меньшее — двадцать отборных оленей. Вот какова ей цена!

— Да, оленей у Ели нет, это верно. Да ведь время сейчас другое, Ансем! Не гоже дочь-то свою продавать...

— Э, чего ты ко мне пристала? — обозлился Ансем. — У меня и так голова кругом идет!..

Вот какой разговор слышал Оська, притаившись в углу.

«Я не верю, что Тутья на оленей польстится, не верю, — думал Опунь. — Не верю, что ей нравится Ляля... Она ведь не сказала мне «нет»... И как странно поглядела мне вслед... Совсем не так, как глядят на человека, от которого хотят избавиться. Что-то такое мелькнуло в ее глазах, потаенное, невысказанное...»

Опунь вспомнил, что и раньше, бывало, смотрела она на него точно таким же взглядом. И чего только не делал Опунь, чтобы заслужить такую награду! На уроках физкультуры, зимой, когда они катались на лыжах, он первым срывался вниз по крутому склону. В тридцатиградусный мороз колот дрова для пекарни, а пекарня в поселке как раз против Ансемова дома. Засучив рукава малицы, он лихо справлялся со здоровенными чурками, и силы его утраивались от одной только мысли, что Тутья может его увидеть. В осеннюю пору, когда начиналась охота на глухарей, Опунь вставал ни свет ни заря, отправлялся в тайгу. И, возвращаясь, нарочно делал крюк, проходил под окнами Тутьи. А вдруг она заметит его? Вдруг увидит, что его охотничья сумка набита дичью?

Иногда Опунь принимался фантазировать, изобретая разные ситуации, героями которых оказывались Тутья и он. То на нее, отправившуюся в соседнее селенье, нападали бандиты, и он, в самый последний момент, спасал девушку от неминуемой смерти. Потом брал на руки и нес к дому старого Ансема, рассказывал о случившемся. Тутья, очнувшись, дарила ему ласковый нежный взгляд... То он видел свою одноклассницу в утлой лодчонке — река бушует, колданку переворачивает, но никто не решается прийти ей на помощь. Только Опунь смело бросается в волны и спасает Тутью, словно храбрый Нятама из легенды об одноплечем мысе. И снова получает в на-

граду ее нежный, ласкающий душу взгляд... И при всем этом, конечно, присутствует Ансем. Отец Тутьи видит, что старший сын Ели — парень стоящий, несмотря на то, что нет у него жирных оленей...

...На берегу было холодно, дул резкий пронизывающий ветер. Опунь, все еще сидевший на ящике, сильно замерз. Взяв из колданки гусь, он уныло побрел к поселку. Тяжелые отцовские бродни вязли в песке.

Возле колхозного ледника Опунь увидел Ай-Ваню. С листком бумаги в руках он подошел к поселковой доске показателей, где ежедневно сообщалось о результатах лова, и стал вписывать туда свежие данные. Никого не хотел сейчас видеть Опунь, но председатель сам окликнул его:

— Эй! Ты чего такой снулый? Случилось что?

— Ничего не случилось,— буркнул Опунь.

— К рыбакам, что ли, ездил? — спросил председатель, глянув на Опуневы бродни.

— Да так, повожанил маленько. Хотел к ужину чего-нибудь наловить. Мать велела накормить Тавета.

— Ну иди, корми брата. Да, смотри, в дорогу соберись хорошенько.

— Соберусь.

— А все-таки ты унылый какой-то,— вздохнул Ай-Ваня.— Такая вот штука. Небось о матери беспокоишься,— как она тут без тебя управится?

— Ага! — соврал Опунь.— Беспокоюсь.— Хотя на самом деле он думал сейчас только о Тутье.

Председатель снова вздохнул и положил на плечо Опуню ладонь.

— Эх, ребятки! Тяжело вам приходится... Да что поделаешь? Всем сейчас нелегко. Мои сорванцы тоже целыми днями одни дома маются — мы с женой на работе, за ними и присмотреть некому. А у Ярасима? Детей мал мала меньше, жена болеет — ноги в реке застудила... Война, брат...

— Скорее бы она кончилась, Ай-Ваня аки!

— Кончится, сынок. Вон в газетах пишут — погнали наши фашиста... А от отца-то как, все еще ничего?

— Нет... ничего нету...

Председатель нахмурился, помолчал: Юхур, отец Опуня, пропал без вести. Желая утешить юношу, Ай-Ваня сказал:

— А я верю, найдется Юхур... Обязательно... Вот кончится война, победят наши, он и объявится!

— Мать тоже верит... К ней гадалка приходила, зырянка. Говорит: «След твоего мужа покуда не замело! Выходит, живой он!»

— Жив, непременно жив! — горячо откликнулся председатель. — И ты тоже верь, Опуны!

— Я верю...

— Ладно, беги домой. Уже смеркается. Дел у нас с тобой много. Вечерком, попозже, когда Ансем с рыбалки вернется, еще раз встретимся. Приходи в контору, кое-что обговорить надо.

— А сколько времени мы в верховьях пробудем, Ай-Ваня аки? — спросил, все еще занятый своими мыслями, Опунь. — Месяц? Или больше?

— Кто его знает? — почесал в затылке председатель. — Может, и больше. Пока план не дадим. Я ведь утром вам говорил... — Ай-Ваня ткнул пальцем в доску показателей. — До ледостава, кровь, как говорится, из носу, центнеров двести взять надо. Такая вот штука!

4

Когда оранжевый шар заходящего солнца уселся на оленьи рога тальников, видневшихся на противоположном берегу Оби, маленькая бригада собралась в новом бревенчатом доме, где располагалась контора. Подвернув под себя полы малицы, парни уселись на пол. Старый Ансем то и дело подправляя пальцем заложенный за нижнюю губу табак с утлапом — мелкой стружкой из тала, зорко оглядывал будущих своих помощников. От него сильно пахло спиртом, так как табачное крошево он обычно сдабривал чем-нибудь горячительным: для «крепости», как он сам объяснял. Крепость иногда бывала столь ощутимой, что Ансем сжигал себе слизистую оболочку рта. Именно по этой причине в конторе он всегда сидел у дверей, чтобы можно было время от времени выскакивать на улицу и сплевывать месиво.

Ай-Ваня табак не жевал, но зато беспрестанно смолил свою трубку. Курил он и сейчас, откинувшись к стенке и покачиваясь на табурете. Так он, намотавшись за день, видимо, отдыхал.

— Где забор будешь ставить, Ансем? — спросил председатель.

— В районе Кедр Шапки, однако, — степенно отозвался рыбак.

— Почему там?

— Дело к зиме идет, председатель! — повысил голос Ансем. — Сам, что ли, не знаешь? А возле Кедр Шапки избушка есть. Зимовье.

— Правильно, есть. Но от зимовья до забора километра два каждый день топать придется. Об этом ты не подумал? Может, забор у острова Ём-Пухар сделать? Там удобнее.

— А где жить станем?

— Эко дело! Новую избушку срубите. Что, леса в тайге вам не хватит?

— Леса хватит, конечно. Времени у нас мало! Или дом строить или рыбу ловить! — сказал, как отрезал, Ансем.

Ребята на полу переглянулись. Опунь не ожидал от старого Ансема такой решительности. Она внушала ему не только уважение, но и некоторые опасения. С таким отцом Тутье, наверное, трудножато живется.

— Ладно, быть по-твоему, — улыбнулся Ай-Ваня. — Кедр Шапка, так Кедр Шапка. Место, конечно, хорошее.

Потом взрослые толковали о том, как лучше пересадить выловленную рыбу в ближайшее к сору озеро, как ее зимой взять неводом и заморозить; говорили о снаряжении бударок, о том, кто с кем поедет в одной лодке.

— Карапа я к себе возьму, — заявил вдруг Ансем. У Опуня внутри все похолодело.

«Это неспроста! — подумал он. — Значит, Ансем от Ляли отказался, а с Караповым отцом Митри о новом сватовстве сговорился».

Ай-Ваня встал, давая понять, что совещание окончено.

Ребята вышли на улицу.

— Ура-а! — крикнул во весь голос не умевший

сдерживать своих чувств Тикун. — Ох и порыбачим на воле! — Обхватил Карапа за пояс, крутанул его и бросил на землю. Оба расхохотались. Потом принялись прыгать через коновязь, стоявшую у конторы. В другой раз Опунь непременно составил бы парням компанию, но сейчас ему было не до забав. В конце улицы показалась Тутья.

«Мне нельзя, нельзя о ней думать! — сказал себе Опунь. — Вот возьму сейчас — и отвернусь!»

Но не отвернулся. Наоборот, сделал несколько шагов ей навстречу. Поравнявшись с ним, девушка — или это ему лишь показалось? — слегка улыбнулась.

— Эй, Опунь! — окликнул его стоявший на крыльце Ансем. — Ружье завтра с собой возьми.

— А что? — оживились Карап и Тикун. — Охота будет?

— Водится, однако, в тайге еще кое-что! — усмехнулся Ансем. — То лось забредет, а то и мойпар из берлоги вылезет.

— Ура-а! — опять завопил Тикун.

«И чего орет? — подумал с раздражением Опунь. — Делать ему нечего!»

— Спускайтесь к амбару! — позвал их завхоз Туонен. — Снаряжение возьмите!

В холодном, словно погреб, амбаре бригада получила двести метров мережи с тридцатшестимиллиметровой ячеей, несколько мотков веревки, курьевой невод, пустые мешки, нитки. Затем Ансем повел всех к пекарне и магазину. Здесь они взяли продукты — черный хлеб, сухари, комковой сахар, муку, соль и прочую бакалею. Все это сложили в сарайчик на берегу реки, поближе к лодкам.

Тем временем уже совсем стемнело. Солнце скрылось за отрогами Полярного Урала. Тикун и Карап отправились по домам. Ансем ушел еще раньше, он к сарайчику не спускался. Пора было возвращаться и Опуню, тем более что наказ матери накормить младшего брата он не выполнил. Но Опунь все медлил — уж так получалось сегодня, что ему нужно было побыть одному...

Не в силах унять вновь охватившее его беспокойство, Опунь принялся вышагивать вдоль берега. Мощное дыхание реки остужало его разгоряченную голову. На дальнем тальниковом островке зажегся маяк и

сразу высветил похожий на спину гигантского осетра песчаный голец, высунувшийся из воды. Из-за темных облаков вынырнула луна. «Эх, повидать бы еще разок Тутью!» — подумал Опунь.

Но не только мысли о Тутье одолевали его теперь. Как-то сложатся его отношения со старым Ансемом? Сумеет ли он завоевать его уважение? Если Опунь понравится старику, шансы заполучить Тутью могут сильно повыситься. «Буду работать день и ночь! — твердо решил Опунь. — Пусть Ансем аки увидит, на что я способен».

В поселке Ансем слыл опытным рыбаком, но прижимистым, жадным до денег хозяином. У него было пять дочерей. Тутья родилась третьей. Старшая уже давно была замужем за пастухом, который считался в округе многооленным. Поговаривают, что он вручил тестю немалый калым: десятка два важенок или что-то около этого. Вторая дочь пока еще сидела в девках. Сватались к ней не раз, но Ансема женихи не устраивали — то он объявлял, что они староваты, то, мол, недостаточно работащи. Но, скорее всего, за вторую дочь давали меньший калым. Хотя в точности никто этого утверждать не мог: Ансем был осторожен и о своих личных делах обычно помалкивал. Приверженец старых хантыйских обычаев, он хорошо понимал, что времена настали совсем иные и болтать о калыме не следует.

Односельчане прозвали Ансема «Ат Тарамлы» — что значит «ненасытный». У этого прозвища была своя история. Когда-то, давным-давно, Ансем рыбачил вместе с Шолтыкупом на плавных песках Калнанг Пан. Перед последним заметом он сдал всю выловленную рыбу приемщику, чтобы получить побольше денег, даже на еду ничего не оставил.

— погоди, — пытался остановить его напарник. — Не сдавай улов подчистую! Оставь на ужин! Хоть муксунишку на малосол!

Но Ансем сделал по-своему. И, как назло, в последний замет они ничегошеньки не поймали. И хлебали вечером пустой чай. Шолтыкуп пришел в ярость и в сердцах крикнул Ансему:

— Ах ты, жадюга! Настоящий ат тарамлы! Сиди теперь голодный!

С тех пор прозвище это и прилипло к Ансему.

Но как ни посмеивались над скуповатым рыбаком в поселке, Опуню ясно: без согласия отца Тутья и шагу не сделает. Таковы в их доме обычаи. Здесь ждут богатого жениха для третьей дочери, им нужен человек с оленями или, по крайней мере, с положением. А кто такой он, Опунь? Просто мальчишка! Сын безоленной Ели, у которой муж пропал без вести.

Правда, Ансем мог бы вспомнить, что на реке нет Опуню равных среди молодежи в гребле, он даже не раз его за это похваливал.

— Хорошо бударку разгоняешь! Молодец! Есть в руках сила!

Мог бы припомнить и то, как в один из ненастных дней, когда на Оби во всю гулял южный ветер Нум. Вот, Опунь с Тикуном пришли к нему на помощь. Ансем тогда слишком далеко закинул сеть, и она зацепилась за какую-то корягу. Штормило так, что никто из поселка не осмелился выехать на подмогу. И наверняка пришлось бы Ансему резать сеть, если бы не Опунь. Опунь догадался спустить в воду якорь, пошарил им по дну и вытащил затонувшую лесину. Ансем тогда здорово благодарил парней, улыбался, в особенности ему, Опуню.

«Интересно,— подумал Опунь,— догадывается ли Ансем аки, что я люблю его дочь?»

В вечерней тишине послышалось громкое ржание лошади. Приглядевшись, Опунь увидел на мыске, поросшем осокой, своего любимца — колхозного коня Чалку. И, неожиданно для самого себя, по древнему обычаю ханты, обратился с мольбой к духу лошади:

— Эх, Чалка, милый мой Чалка! Где, в каких краях витает сейчас твой дух-идол? Пусть он поможет мне, Чалка! Твой дух это умеет. Он может быстро, на волшебных крыльях, залететь в сердце Ансема. Может внушить ему добрые мысли... Сделай так! Попроси своего духа-идола! Вспомни, как я кормлю тебя летом сочной травой, как купаю в жару в прохладной реке! Пусть Ансем аки получше ко мне приглядится, а уж за мной дело не станет, ты ведь знаешь меня, Чалка!..

Опунь не заметил, как ушел по берегу далеко от поселка. А когда очнулся наконец от своих мыслей и вспомнил, что так и не накормил брата, заспешил к дому.

Мать, когда он вернулся, поглядела на него с укоризной. Тавет так и остался нынче без обеда.

Похлебав ухи, Опунь решил сразу лечь спать. «Соберусь утром», — решил он, вспомнив слова отца, который всегда вставал очень рано: «Поднимайся до зари и тогда увидишь, сколько человек за день может успеть!»

— За день человек и родиться может и умереть! — вторила мужу Еля. — Это и мой отец говаривал...

И еще одно дело отложил Опунь до утра. Утром, едва закурятся над поселком дымки, девушки пойдут по воду. Пойдет, конечно, и Тутья. Если встать часов в шесть, можно ее перехватить на реке и еще раз поговорить с ней.

Уснул Опунь — как в бездонную яму провалился.

Когда проснулся, утренняя заря за окошком уже начинала медленно поднимать свой парус. Опунь вскочил на ноги, натянул холщовую рубаху, штаны. Нашарил у печи отцовские бродни.

— Куда ты в такую рань? — удивилась мать.

— Хочу маленько в лесу побродить. Вдруг глухарь подвернется... — ответил Опунь, снимая со стены ружье.

— А-а... На Аншанг Соям пойдешь? Где лиственницы?

— Туда.

— Долго не ходи. Тебе ведь ехать надо...

Опунь выскочил на крыльцо и, ежась от утренней прохлады, сбегал к реке. За ним тотчас увязалась соседская лайка Кутюв.

Еще по-настоящему не рассвело. В утренней мгле лежащие на песке рыбачьи лодки походили на спящих лосей. Опунь нашел свою колданку и присел на корме.

Появится Тутья или нет?

Соседский Кутюв зашелся пронзительным, хриловатым лаем. Ему тотчас ответили поселковые собаки. А из-за угла прибрежного, рубленного из толстых плах колхозного амбара выскочил Налтув, лайка старого Ансема. Звякнули пустые ведра. Тутья!

Одетая в легкие унты из оленьего меха, она неторопливо спускалась к реке.

Унты обрадовали Опуня. Ага! Ведь, чтобы набрать чистой воды, нужно зайти по колено в реку. В мехо-

вых унтах этого не сделать. Значит, Тутье потребуется помощник. А он — вот он, здесь! Выпрыгнув из лодки, Опунь поспешил навстречу девушке.

— Доброе утро, Тутья!

— Здравствуй, — тихо ответила она и встала как вкопанная, словно чего-то вдруг испугавшись.

— Ты за водой?

— А зачем же еще? — усмехнулась Тутья.

Опунь растерялся, топчась на влажном песке в своих тяжелых брезентовых броднях. Подходящих слов, словно монет в пустом кармане, не находилось.

— А ты чего здесь делаешь? — спросила Тутья. — Меня подкарауливаешь?

Это был удар, как говорится, «под дых». Хорошо, что в темноте никто не разглядел бы, как вспыхнули у будущего жениха уши!

— Я?.. Да я так... — промямлил Опунь. — Что-то не спалось сегодня...

— Это почему же?

— Ты не вздумай в воду лезть! — вдруг выпалил Опунь. — Она ледяная. Давай твои ведра!

— Что я, воды сама не наберу, что ли? — насмешливо отозвалась Тутья.

Присев на край одной из лодок, она принялась стаскивать унты.

— Без резиновых сапог?! Ты же простудишься! А ну, дай сюда ведра! — голос Опуня прозвучал властно и твердо. Не обращая внимания на Тутью, он шагнул в реку и, наполнив оба ведра до краев, поставил их рядом с девушкой на песок.

— Вот! Идем, я помогу тебе донести.

Но не зря же Тутья славилась бойким своим язычком! Заглянув в ведра, она разочарованно протянула:

— А илу-то сколько!.. Словно специально для меня постарался. Разве такую воду можно пить? Если только собакам...

Опунь пнул ведра броднями и опрокинул на прибрежную гальку. Затем снова схватил их и ринулся в свою колданку. Не успела Тутья и рта раскрыть, как он уже греб к середине реки.

Через несколько минут рядом с девушкой снова стояли наполненные ведра, но теперь вода в них была кристально чистой. Запыхавшийся Опунь подтягивал колданку к берегу.

Тутья надела на ногу снятый унтик.

— Спасибо! — сказала она. — Только я сама смогла бы набрать.

Опунь оглянулся — девушка с улыбкой смотрела на него, и взгляд ее был приветливым, добрым.

Смутившись, он молча переминался с ноги на ногу. И, не зная, что сказать, пробормотал:

— Вкусная будет вода. Настоящая!

«Какие глупости я говорю! — пронеслось у него в голове. — Что Тутья обо мне подумает? Решит, что я просто хвастун!»

— Да, вода ничего! — подтвердила девушка.

Это ободрило Опуня.

— Придешь еще раз? Я тебя подожду. Или поднимусь с тобой на пригорок, а потом мы вместе к реке спустимся.

— Да куда мне столько воды! — засмеялась Тутья. И, подхватив оба ведра, быстро пошагала к дому. Опунь не решился ее догнать, лишь проводил взглядом, пока она не скрылась за углом амбара. Тем более что навстречу девушке уже спускалась по воду мать Тикуна, а за ней, конечно, потянутся и другие женщины. И вряд ли теперь удастся улучшить минуту, чтобы побыть с Тутьей наедине.

Опунь тоже направился в поселок, досадуя, что не сумел как следует воспользоваться моментом и сказать Тутье еще раз что-нибудь о своих чувствах. «Растяпа я, растяпа! — корил он себя. — Вечно у меня так. Когда надо говорить — язык немеет, как у кукушки весной».

И все-таки настроение у него было отличное!

Тутья улыбнулась ему, подарила свой ласковый взгляд, к тому же удалось хоть немного, но все же помочь ей.

Вот теперь можно отправляться на сор.

5

Бригаду Ансема на берег Оби пришли проводить председатель колхоза Ай-Ваня, Ярасим, родители. Опунь втайне надеялся, что придет и Тутья — как никак отец ведь уезжает надолго, — но девушки не было: наверное, она в школе. А жаль! Не мешало бы

ей поприсутствовать на этих проводах! Пусть бы поглядела, на какое важное дело отправляются ее одноклассники!

— Что ж, — сказал на прощанье Ай-Ваня, пожимая руку Ансему. — Пора трогаться! Сорок километров — путь неблизкий. Не сорок шагов. А к вечеру вам надо быть на месте. Пока устроитесь да первый огонь разведете, попотеть придется. Такая вот штука, товарищи! Будь здоров, Ансем. И вам, ребята, всего хорошего. Я надеюсь на вашу ударную бригаду. Не струсите?

— Да вы что, Ай-Ваня аки! — рассмеялся Тикун. — Мы же к воде и работе привычные!

— Все будет в порядке! — заверил председателя и Опунь. И поглубже надвинул на лоб капюшон малицы.

— Тогда — в дорогу!

Ай-Ваня с Ярасимом оттолкнули груженную продуктами колданку Опуня. Затем лодку Ансема, в которой восседал сияющий Карап.

Опунь резко рванул гребни, и колданка легко заскользила по темно-зеленой осенней воде. За ним двинулась лодка Тикуна. Замыкала флотилию бударка Ансема, бугрившаяся смотанной мережей, неводом, охотничьими лыжами, походной нарточкой и прочим промысловым снаряжением.

Через пару часов, у входа в устье большого сора, остановились передохнуть.

— Устали? — спросил Ансем у ребят.

— Нисколечко! — выпалил Опунь, хотя глаза ему заливало потом.

Ансем усмехнулся и посоветовал парням размяться — поделать плечами круговые движения, чтобы снять напряжение в спине.

От запора сор расширялся и поворачивал на север. Поднявшийся свежий юго-западный ветер был очень кстати — он поддувал лодкам в корму. И все же идти против течения было трудно: вода, мутная от глинистого ила, бурлила на перекатах, струи ее, сопротивляясь лодкам, будто скручивались жгутами.

— Будем ставить парус! — распорядился Ансем. — Ветер попутный. Добрые духи нам, видать, помогают. Теперь быстро доберемся.

Карап, не меньше ребят уставший от гребли, но,

как и они, радостный и довольный, стал быстро разматывать парус, лежавший на носу бударки.

— Ай, спасибо! Ай, спасибо! — благодарил неизвестно кого повеселевший Ансем. — Повезло нам с ветром! Теперь-то мы полетим, как на крыльях. Видите, как спадает вода. словно на длинных ногах уходит. Вода-то нас больше всех и торопит.

— А почему торопит? — спросил Карап.

— Почему? А как же? Сам подумай. Рыба тоже мозг имеет. Уходит вода из сора, и ей нужно убираться. Вот нам и надо успеть поставить запор на вершине. Пока вся рыба оттуда не скатилась.

— Так можно было рыбу здесь задержать и выловить.

— Что ты, Карап! Видишь, сколько моху вода гонит. Видишь, как жерди на запоре погнуло. Через день, самое большое через три — сорвет запор. И рыба тогда, как из мешка вывалится. Попробуй задержи ее!

Парус наполнился ветром, и бударка Ансема легко заскользила вперед. Колданки Опуня и Тикуна шли за ней на буксире. Можно было дать рукам передышку.

Ансем, откинувшись на корму, вытянул ноги и достал из кармана деревянную табакерку. Насыпал на ладонь табачного крошева с утлапом и заложил его за нижнюю губу.

Вдали, словно клюв гигантской гагары, уже виднелся остров Ём-Пухар.

Ребятам было весело. Их радовал быстрый бег лодок, подернутые синеватой дымкой берега родной реки, и, главное, — предстоящее мужское дело, рыбалка! Тикун, любивший попеть, завел «Катюшу». Опунь и Карап, как умели, подтягивали ему.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой!..

— А вот и Кедр Шапка! — вглядываясь вперед, сказал старый Ансем. — Ай, спасибо тебе, ветер! Помог ты нам нынче. Здорово подсобил. Кабы не ты, и полпути бы еще не прошли.

Опунь пристал к берегу первым. Рядом приткнулась колданка Тикуна.

Берег был здесь пологим, кусты тальника и ольхи подступали почти к самой воде, по которой, кружась, плыли опавшие листья — желтые иголки лиственниц, еловые и кедровые шишки. За прибрежными кустарниками темнела тайга.

Ансем молча побродил взад и вперед, придирчиво осматривая окрестность.

— Выгружайтесь! — наконец распорядился он. — Запор здесь будем ставить. — И еще раз повторил: — Место хорошее! Молодец, Опунь. Глаз у тебя острый. И ширина сора тут подходящая, и глубина в самый раз.

Ребята принялись переносить на берег мережу, мешки с продуктами. Солнце стояло еще высоко.

— Собирать дровишки для костра? — спросил Карап.

— Э-э, погоди, парень. Сначала дело сделаем! — сказал Ансем. — Рубите колья для запора. Навесим мережу, тогда и лясы у костерка поточим. «Сделал дело, гуляй смело», — такую поговорку я от русских людей слышал.

И Ансем подмигнул Опуню.

— Верно я говорю, а?

— Верно, Ансем аки! — горячо поддержал его Опунь. Схватив топор, он первым ринулся в тайгу, сучья под его ногами так и затрещали — словно в лес вломился молодой лось.

Карап недовольно скривился.

— Чайник из лодки принеси, — попросил Ансем.

Карап пошел к лодке. Неосторожно ступив, он увяз броднями в глинистой жиже. Пришлось ему вылезать из сапог и, прыгая зайцем, добираться до сухого места.

— Куда ж ты смотришь? — упрекнул его Ансем. — Скачи обратно, сапоги спасай. Потом воду из них выльешь, сухой травы подстелишь.

Карап кое-как вытащил увязшие бродни.

— Оставайся на берегу, — недовольно проворчал Ансем. — Готовь костер. Чай кипяти, пока мы колья рубим.

— Ансем аки, а вы говорили, что возле острова Кедр Шапка избушка есть. Что-то ее не видно, — спросил Тикун.

— Есть избушка, — подтвердил бригадир. — Ве-

чером туда пойдём. Ночевать в ней будем. Если, конечно, какие-нибудь бездельники не сожгли зимовье. Случается иногда и такое. Вот запор сладим и пойдём.

— А не заблудимся? — сказал, всматриваясь в сплошную стену тайги, скисший Карап.

— Э-э, не бойся, парень! — рассмеялся Ансем. — Я в этих местах каждую тропинку знаю, каждое деревцо на моих глазах выросло! Старый человек, вроде меня, в тайге не пропадет!

Ансем направился к опушке, где Опунь уже во всю махал топором. За ним побрел и Тикун.

Старик подошел к Опуню, молча посмотрел на его работу и одобрительно крякнул:

— Крепко за топорище держишься! Есть в руках сила! Молодец! Только суетишься много. Смотри, как старый человек делать будет!

Поплевав на ладони, Ансем взялся за свой топорик. Но он не спешил рубить. Сначала побродил по лесу, приглядываясь к елкам, к березкам. Наметив два-три дерева высотой не более трех метров, он ловко, в несколько взмахов, свалил их наземь. Затем, передохнув, спокойно, даже как будто медленно, очистил стволы от сучьев, обрубил вершины, а уж потом заострил комли. Выбрал еще два-три дерева, срубил, раскряжевал, заострил...

Умело хозяйничал в тайге отец Тутьи, ничего не скажешь! Опунь невольно залюбовался его работой. Вот бы и самому так научиться!

— Я еще порублю, а вы колья на берег носите, — велел старик.

Поначалу колья показались Опуню совсем легкими. После топора эта работа была чем-то вроде отдыха. Но Ансем быстро углублялся в лес, расстояние до воды все увеличивалось, и парни почувствовали, что рубахи под малицами мокры от пота.

— Ничего, потерпите, скоро кончим, — подбодрил их старый Ансем. — Сотня кольев уже есть. Наверное хватит. Забирайте последние да пойдём чай пить.

— Ура! — крикнул Тикун.

— Рано радуешься, — пресек его Ансем. — Главное дело у нас впереди. Речку перегораживать, на замок ее запирасть — вот тут мы посмотрим, на что вы годны, какие из вас работники!

— А что? — улыбнулся Опунь, вытирая влажный лоб. — И посмотрите, Ансем аки!

— Посмотрим, — хмыкнул старик.

6

После еды работа пошла веселее.

Колья погрузили на бударку и отчалили от берега. Выбрав место для будущего запора, установили первые колья, связав их вершинами так, чтобы получилась своеобразная крестовина, или, как назвал ее старик, — «козлиная».

— Крепко стоит! — сказал, потрогав козлину руками, Опунь.

— Никакое течение такую не свалит, — улыбнулся Ансем. — Ставьте козлины поперек всего сора. Только осторожно, не упадите в воду.

Ребята распределили обязанности так: Тикун поддерживал бударку на месте, а Опунь с Карапом поочередно втыкали колья.

Поглощенный работой, Опунь не сразу заметил, как солнце уже коснулось лучами лиственных вершин на острове Ём-Пухар. Ветер утих. От воды веяло свежестью и прохладой. Ставить запор они почти закончили, но главное было еще впереди: предстояло навесить «занавес».

— Таскайте из лодок кирпичные таши¹, — сказал Ансем. — А кто-нибудь пусть дерна нарубит.

Опунь тотчас схватился за лопату.

Скоро на берегу уже лежала кучка аккуратно выкопанных земляных кубов. Таши и дерн привязали к нижней подборе. Затем завесу перекинули поперек течения, и верхнюю подбору привязали к козлинам.

— Ф-ф-ф-у! — облегченно вздохнул Ансем, когда все было закончено. — Взнуздали речку!

Парни обрадовались, запрыгали на песке.

— Ладно, не шумите! — посмеиваясь, добродушно проворчал Ансем. — Еще не известно, какой улов возьмем. Рано скакать-то. Давайте пока повыше запора воткнем сетку, на уху наловим. На одном чае далеко не уедешь.

¹ Таши — грузила для невода.

— Тикун, пойдём! — позвал друга Опунь, доставая из мешка сеть.

— Удачи вам, — напутствовал Ансем. — А мы с Карапом пока поглядим, что с собой в зимовье тащить. Подгребайте потом к стоянке.

Опунь направил колданку вдоль берега. Не успели воткнуть второй кол ставной двадцатипятиметровой сети, как в ней заиграли поплавками две больших черноспинных рыбины.

— Вот это да! — восхитился Тикун. — Широкие, словно доски!

Когда они со своей добычей пристали к берегу, Ансем уже успел собраться в дорогу.

— Ансем аки, глядите! — похвастался Опунь, поднимая вверх муксунов.

— А-а! Няр хул! — разулыбался бригадир. — Свежая рыба! Няр хул есть, значит, быть на ужин уха! Щедрая тут вода, хорошо одарила нас. Спасибо!

Взяв поклажу, ребята тронулись вслед за Ансемом по узкой тропе, тянувшейся вдоль воды среди густых зарослей тала. Потом свернули вверх по склону пологого холма, поросшего кедрачом, среди которого белели отдельные березки, облепленные чагой.

— Долго еще идти, Ансем аки? — взмолился Карап. — Может, передохнуть? Ноги устали!

— Скоро придем, не ной, — прикрикнул на него старик. А Опунь подумал: «Хорошо, что я промолчал, хотя ноги и у меня гудят».

Наконец за густым невысоким ельничком показалась охотничья избушка.

— Мой отец ее когда-то построил, — сбрасывая на землю мешок, сказал Ансем. — Лариван его звали. Белку здесь зимой промышлял, соболя. Рыбу в живунах вылавливал.

Зимовье было почти развалившимся: перекосившаяся дверь болталась на одной петле, ступеньки на крыльце прогнили.

— Ничего! — подбодрил приунывших парней Ансем. — Главное, была бы крыша. Не пропадем!

— Не пропадем, Ансем аки! — первым отозвался Опунь и прислонил к бревенчатой стене зимовья двустволку.

Тикун и Карап с облегчением сбросили на кусты

багульника малицы — оба в дороге изрядно упарились.

Ансем открыл скрипучую дверь избушки, оглядел полутемное помещение, затем слегка стукнул кулаком о дверной косяк:

— Кей, кей, домик-старичок! Просыпайся! Люди к тебе пришли! Не замышляй против нас дурного, слышишь, домик-старичок?!

— Для чего он все это говорит? — шепнул Опуню удивленный Тикун. — Разве у дома есть уши? — и засмеялся.

— Тише ты! — прикрикнул на него Опунь. — Не мешай, старик знает, что делает.

Ансем обернулся к парням.

— Может, надо с домом разговаривать, может — не надо, никому не известно. Только в старину всегда в наших краях так делали. Зачем нарушать обычаи предков? Верно я говорю?

— Верно, — поспешил кивнуть головой Опунь и заметил: бригадир взглянул на него одобрительно. Это был еще один маленький шаг к Тутье, о которой он продолжал неотступно думать.

Продукты, котелки, посуду, оленьи шкуры сложили в углу зимовья. Опунь наломал в лесу веток и подмел пол.

— Однако еще раз к берегу придется вернуться, — вздохнув, объявил Ансем. Он достал табакерку и присыпал табаком возле стены, обращенной к востоку, на восход солнца. Лишь затем заложил щепоть себе за нижнюю губу.

Тикун, опять хихикнув, пихнул в бок Карапа, у которого слипались глаза: охотнее всего тот, наверное, завалился бы сейчас спать прямо под крылечком, завернувшись в теплую малицу.

— Неужели еще надо куда-то идти?

— Может, завтра за остальными шмотками сходим? — вяло протянул Карап.

— Э-э, да я смотрю, ты лентяй! — сказал Ансем. — Какой из тебя таежник? Вещи все надо перенести — на душе спокойней будет.

— А что с ними станется? — огрызнулся Карап. — Тут же никого на полста верст кругом нету.

— Пошли! — строго сказал Ансем, не удостоив Карапа даже взглядом.

На берегу еще оставались мешки с мукой, хлебом, сухарями. Карап схватил, что полегче — сухари, а прочее оставил товарищам. Опунь взвалил себе на плечи муку. Плотный, тяжелый мешок больно надавил на спину.

— Не надрывайся, — посоветовал бригадир. — Лучше вдвоем с Тикунном возьмитесь. Сделайте из кольев носилки.

— Да я донесу, Ансем аки! Что я, маленький? Сколько рыбы дома перетаскал — по центнеру случилось поднимать за раз...

— Слушай, когда тебе старый человек говорит! — нахмурился Ансем. — Надорвешься, а мне потом отвечать?

Когда вновь подошли к зимовью, на небе уже сыпали звезды. Лохматые ели и плечистые кедры казались в темноте таинственными идолами, стоявшими на страже вокруг избушки.

Растопили ржавую железную печку, зажгли свечу. Ансем разделал муксунов: одного сунули в котелок, на уху, а второго слегка присолили. Усевшись вокруг низкого столика, бригада принялась ужинать. Ел старик с нескрываемым аппетитом, даже, можно сказать, с жадностью. Прихватив пальцами пласт мякоти, он слегка прикасался куском к лежавшей на бумажке соли, затем макал его в сочившуюся из надреза в хвостовой части рыбины кровь, клал себе в рот и у самых губ молниеносным движением отсекал излишек острым ножом. Причмокивая и прижмуриваясь, он наслаждался едой, ничего не видя и не слыша вокруг. Отведав шевелящейся от стекающего жира спинки муксуна, взялся за печень. Обглоданные кости он, не смущаясь, сбрасывал в котелок с дымящейся ухой.

«Такой за жирный кусок и дочери не пожалует! — с неприязнью подумал Опунь. — А я еще хочу ему понравиться!» Стараясь не смотреть на Ансема, он уткнулся в миску с горячей ухой.

Напившись чаю, заваренного чагой, и расстелив на деревянных нарах оленьи шкуры, легли наконец спать.

— Первый день у нас не худо прошел, — сказал, задувая свечу, Ансем. — Запор наладили, речку пере-

крыли. Посмотрим, что сети нам утром покажут. Есть на Кедр Шапке рыба или нет?

— Да ее здесь полным-полно! — воскликнул Карап. — Вон как муксунов сегодня поймали. Р-раз — и готово!

— Гляди-ка, какой быстрый! — усмехнулся Ансем. — Две рыбки на ужин это одно, а полтора ста центнеров — совсем другое. Есть рыба под водой, нет ее — кто знает? Глаз своих мы туда не спускали. — Он, тяжело вздыхая, заворочался на нарах. — Спать, однако, пора. Завтра подниму рано.

Через минуту бригадир уже захрапел.

Заснули и Карап с Тикунном. Только Опуню почему-то не спится, он, уставясь в маленькое окошко, долго следил взглядом за падающими звездами, которые то здесь, то там вспыхивали на небосклоне.

Наконец сон одолел и его.

7

Наутро первое, что услышал Опунь, это скрип двери. Затем раздался голос Ансема:

— Эй, ребята! Э-гей! Верхушки елок уже давно в солнце купаются!

Опунь, превозмогая желание полежать еще, вскочил, принялся будить товарищей.

— Кончай дрыхнуть! Чайник на печке пляшет!

На широких кедровых плахах подметенного вчера пола забегали солнечные зайчики. Тикун и Карап, кряхтя, словно старики, сползли с нар и отправились умываться. Опунь, сев к столу, разглядывал избушку, где им предстояло провести не одну неделю. Да, зимовье совсем ветхое. Однако видно, что простоят оно еще долго, еще не раз послужит таким вот промысловикам, как они. Стены его сложены из толстых кедровых бревен, внутри насквозь прокопченных. Опунь хотел было написать на стене имя любимой, но вовремя отдернул руку.

Печка стояла на каменных «подножках» в углу, со всех сторон ее окружали специальные вешала для сушки одежды. Под нарами пылились заготовленные кем-то распорки для ондатровых и горностаевых шкурок. Над подслеповатым окошком был вбит здоро-

венный гвоздь, на котором висело своеобразное ожерелье: нанизанные на бечевку медвежьи и волчьи когти, клыки. Когти еще одного зверя — росомахи — валялись на подоконнике. Лосиные рога ветвились в углу возле входа. Сквозь открытую дверь на лесной поляне виднелось кострище. На пожухлой осенней траве белели оленьи кости и черепа...

В зимовье не было никакого уюта, но Опуню здесь нравилось. «Расскажу про все это Тутье! — подумал он. — Все-таки избу строил ее дед».

Тем временем Ансем приготовил завтрак: заварил кипятком чагу, зажарил на сковородке остатки вчерашних муксунов, положил на стол несколько юкол. Вернулись в дом Карап и Тикун.

— Что делать сегодня будем, Ансем аки? — спросил за завтраком Опунь.

— Невод ставной поставим на запоре. На озеро пойдем. Осмотрим его хорошенько.

— Какое озеро? — зевая, поинтересовался Карап.

— То самое, куда нам выловленный улов спускать придется.

Еще не достигнув берега, они услышали резкие крики обских чаек-халеев.

— Я-а! — насторожился бригадир. — Кажется, не зря мы вчера речку перегородили.

— Да, похоже на то! — сказал Тикун. — Халеи попусту кружить не будут: чуют добычу.

Ребята прибавили ходу, но старый Ансем их все-таки опередил: столь велико было его рыбацкое нетерпение!

Над запором гомонил целый птичий базар. То и дело халеи пикировали вниз, где стояла выставленная вечером сеть.

— Я-а! Я-а! — радовался бригадир. — Думаю, с уловом нынче будем. Найдется, что в озеро перевозить!

Карап и Тикун сели в лодку. Оттолкнул от берега свою колданку и Опунь. Сеть, словно живая, извивалась и трепетала; почти из каждой ячей торчала голова или хвост то муксуна, то щекура.

— Вот это да! — восхищенно прищелкнул языком Опунь. — Красота!

— Выпутайте из сети рыбу, — велел Ансем. — Мы кое-какие припасы себе сделаем.

На дне лодок прыгали, разбрасывая слизь, серебрястые муксуны.

Выкинули улов на берег. Опунь и Карап принялись разделять тушки; старый Ансем делал в них с внутренней стороны два продольных надреза. Тикун подсыпал крупной соли. Не успел бы, наверное, вскипеть на костре чайник, как на подстеленных ветках тала уже лежали свежепосоленные муксуны и щекуры.

— Ну вот, ребята! Без ухи теперь не останемся. Вечером я вам жира рыбьего натоплю. Хорошее блюдо к чаю будет. От него, знаете, какая сила в кровь идет? В старину мы здесь никакого масла и в глаза не выдывали, только рыбьим жиром и обходились, — сказал довольный Ансем.

— Мать у меня тоже все на рыбьем жиру готовит, — вставил Опунь. — Вкусно!

Тикун с Карапом переглянулись. Они уже успели заметить, что их приятель всегда первым спешит согласиться с бригадиром и понимали, что это не просто. Опунь увидал насмешку, блеснувшую в их глазах. Неприятно, но что поделаешь? Ему необходимо завоевать расположение старика! От этого зависит многое! От этого зависит его жизнь!

Бригада подъехала к запору ставить ставной невод. Непростая это была работа. Надо было смастерить огромную ловушку, чтобы улов не ушел.

— Осторожней! Внимательней! — приговаривал бригадир, давая указания парням. — Следите, чтобы не было ячей порванных. Колья покрепче в дно всаживайте. Не то рыба хвостом вильнет — только ее и видели!

— Да куда она денется? — с досадой буркнул Карап, его раздражала суетливость старика и постоянный догляд.

— Найдет — куда! Не понравится ей наш невод, крутанется — и обратно в живуны уйдет. Ищи их потом по всему сору, ямины эти!

— То есть как это не понравится? — засмеялся Опунь. — Разве может рыбе что-то нравится или не нравится?

— Глупый ты еще! — нахмурился Ансем. — Дума-

ешь, рыба ума не имеет? У нее ума побольше, чем у нас с тобой.

Карап с Тикуном развеселились, слыша, как бригадир отбрил Опуня.

Ансем вздохнул:

— Кому вообще-то в невод попасть охота? Вы вот зубы скалите, а сами небось в ловушку не сунетесь. Так и рыба. Очень даже может от нас уйти! Потому нечего заранее улову радоваться. Всякое на реке бывает.

К обеду у запора, на двухметровой глубине стоял прочный невод с просторной горловиной и двумя карманами-крыльями.

— Теперь — на озеро! — скомандовал бригадир.

Снова пошли вдоль берега по тропе среди тальников, вниз по течению.

— Видите кедр? — спросил Ансем. — Вон тот, который на острове?

— Видим, Ансем аки.

— Смотрите, какая у него округлая пушистая вершина. Словно меховая шапка. Потому и остров так называется — Кедр Шапка. Сколько себя помню, дерево это тут стоит. Его еще мой дед заприметил.

— А долго нам идти? — уныло спросил Карай.

— Недолго, ребятки. Озеро близко.

Раздвинув руками тальник и сухой пырей, Ансем исчез.

— Идите сюда! — позвал он из зарослей.

На расстоянии броска аркана от кромки берега сверкало в солнечных лучах круглое озеро, шириной, наверное, не более ста метров. Вода в нем казалась глубокой и темной. С северной стороны озеро окаймлял густой лес. Ели подступали почти к самому берегу.

— Хорошее озерко, а? — любуясь, весело спросил Ансем. — В самый раз рыбу сюда упрятать.

— Ничего себе — упрятать! — усмехнулся Карап. — На руках, что ли, таскать ее будем?

— Как потребуется, так и будем! — резко одернул его бригадир. — Что ты все ноешь?

— Я посмотрю озеро? — предложил Опунь.

— Я сам посмотрю, а ты иди к запору, колданку сюда пригони. Надо глубину промерить.

Скинув на песок суконный гусь, Опунь побежал за колданкой.

Когда он вернулся, Ансем в задумчивости стоял возле пересохшего русла небольшой протоки, соединившей в половодье озеро с речкой.

— Вот, однако, где первый след проложим,— сказал он.— Самое место. Тальника почти нет, лодка легко пойдет.

— Да мы с Тикунем в одну минуту ее перетащим! — хвастливо заявил Опунь.— Здесь до озера три шага.

Ансем, закашлявшись, рассмеялся.

— Гляди-ка, шустрый какой! Пустую колданку я и один перетяну. А вот как в ней рыбка заиграет да вода заплещет...

— Вода заплещет? — удивился Тикун.— А для чего в озеро воду таскать? Ее тут хватает...

— Ты без воздуха можешь жить? — прикрикнул на него Ансем.

— Нет, конечно!

— Так и рыба без воды. Задохнется и поплывет по нашему озеру вверх брюхом!

— Кой, кой! — схватился за голову Тикун.— Поработать придется!

— Так ведь мы сюда не играть приехали. План давать!

— Верно, Ансем аки! Разве мы чего говорим? — поспешил успокоить старика Опунь.

— Где колданка-то?

— Сейчас.

Опунь с Тикунем, вцепившись руками в поперечину на носу лодки, переволокли ее по высохшему руслу к озеру.

— Дорожки разровнять нужно,— глядя на усилия ребят, заметил бригадир.— Няши подсыпать, пырей повыдергать. Накатается волок, легче будет...— И, нагнувшись, первым ухватил серый голыш, торчавший из колеи, выбитой днищем лодки.

Проложив путь для будущих перевозок, Ансем присел отдохнуть — привалился спиной к травянистому обрыву и заложил себе за нижнюю губу махорочное крошево с утлапом. Опунь сразу определил, что табачок сдобрен спиртом. Где старик его прячет? Ведь

никто из ребят, пока переносили вещи с берега сора к зимовью, никакой бутылки не видел.

Переведя дух и даже маленько вздремнув, Ансем велел своим помощникам срубить в лесу подходящую жердину метра в три длиной и поплыл на колданке по озеру, время от времени тыча шестом в воду. На середине жердь едва доставала дна, по краям было помельче.

— В самый раз будет! — крикнул бригадир ребятам. — Хватит нашей рыбке воды. Есть где разгуляться. И корм, я смотрю, найдется. Хорошее место!

Солнце тем временем скатилось почти к самому горизонту.

Ансем подогнал колданку к берегу.

— Домой пойдем? — спросил Карап.

— Не спеши. Дорогу нашу еще оглядеть надо. — Старик придирчиво стал рассматривать русло. Что-то ему там не понравилось, и он достал из-за пояса походную лопату. «До чего же у Тутьи отец предусмотрительный! — с уважением подумал Опунь. — Все у него под рукой!»

Ансем кое-где подровнял края углубления, подсыпал земли.

— А если мы еще жерди по кромке колен с двух сторон проложим, чтобы упираться можно было? — предложил Опунь.

— Дело говоришь, — согласился Ансем. — Действуй!

Польщенный похвалой Опунь старался изо всех сил, на косые взгляды приятелей он не обращал никакого внимания. Натаскав из лесу веток, добавил к ним еще и таловый сухостой. Теперь уже, таща груженую колданку, ноги почти не проваливались в глинистый грунт.

— Молодец! — похвалил его еще раз бригадир, и сердце Опуня счастливо екнуло. А вдруг Ансем расскажет о его работе своей дочери?

Тутья!.. Тутья!.. Чернокосая красавица Тутья! Если бы знала она, как тоскует по ней один из членов маленькой рыболовецкой бригады, заброшенной в верховья дальнего сора, где на сто верст кругом нет ни души!..

Едва подумал о ней Опунь, как тотчас увидел в розовых отсветах вечернего солнца ее лицо. Мельк-

нуло на долю секунды — и растаяло в легкой дымке, поднимающейся над водой... Сколько дней и ночей им еще предстоит «давать план» председателю Ай-Ване?

«Не Ай-Ване, а всем людям, фронту! — поправил сам себя замечтавшийся Опунь. — Что это со мной? Хватит!»

— А ну, попробуем протащить здесь колданку! — сказал Ансем. — Тикун, Карап, поднимайтесь!

Парни ухватились за поперечину.

— Нет, нет! — запротестовал бригадир. — Не так! Воды в лодку начерпайте. До половины. Надо все проверить как следует.

Колданку заполнили водой.

— Опунь, потяни, попробуй!

Опунь рванул на себя колданку: она сдвинулась на самую малость и встала.

— Ох, нелегко нам будет, — огорчился Тикун.

Ансем лукаво сощурился.

— Сделайте легкой. Ну чтобы колданку одной рукой можно было тащить. Словно пустую!

— Как пустую, Ансем аки? — удивились ребята

— Догадайтесь!

— Не знаем...

— А вот у меня сейчас уточкой проскочит! — засмеялся Ансем. — Смотрите!

Подойдя к лодке, он зачерпнул ведерком воды и плеснул на глинистую канавку. Затем легко перетянул колданку от озера к речке. Плеснул еще — и снова, без особых усилий, двинул ее в обратном направлении.

Сжав губы, Опунь пристально следил за действиями бригадира.

— Догадался! — наконец заявил он. — Вижу!

— Что видишь?

— Днище у лодки в глине измазано. По мокрому как по рыбьей слизи, скользит.

— Правильно. Голова у тебя, парень, работает, — и Ансем похлопал его по плечу.

— Подумаешь! — обиженно сказал Карап. — Не велика премудрость. Сообразить нетрудно.

— Невелика, но ты не сообразил! — засмеялся добродушный Тикун. — И я тоже.

— Ладно, — улыбнулся Ансем. — Пора нам к дому. Еще разок сеть возле запора проверим.

Рыбы в ячеях опять было много. Выбрали ее и засолили. Отдельное ведро наполнили истекающими жиром рыбьими внутренностями.

— Хороша варка будет! — потирая руки, радовался Ансем. Настроение у него было приподнятое. — А видели вы, ребята, как вода над нашим ставным неводом кругами ходит? Думаю, кое-что там уже есть. Завтра ловушка даст нам ответ — зря мы старались или не зря?

Подхватив за жабры подсоленных муксунов, бригада наконец тронулась к избушке. Уставшим за день, развалюха и в самом деле показалась родным домом.

Неутомимый Ансем, едва они вошли в жилище, взялся хозяйничать. Впрочем, «кухонной» работы хватило всем. Бригадир самолично разделывал рыбы потроха, выскабливал желудки, затем резал их на мелкие части. Ребята, ошкерив несколько рыбин, распластали их на куски.

— Приступаем к варке! — торжественно объявил Ансем. — Костер у нас жарко горит?

— Жарко, Ансем аки! — поворошив угли, сказал Опунь.

— Давайте котел!

В большой казан сложил нарезанную рыбу, подплавшие жиром рыбы желудки. Вскоре над зимовьем поплыл щекочущий ноздри аромат рыбной варки, как называл готовящееся блюдо Ансем. Сам он, вооружась деревянной ложкой, время от времени осторожно помещивал в котле горячую рыбную массу.

— Вот это еда! — отведав варки, воскликнули ребята. — Вы просто мастер, Ансем аки!

— Кто такой еды поест, того никакие болезни не возьмут, — сказал довольный бригадир. — А сил у него будет — ого-го-го!

Крепко спалось в ту ночь маленькой бригаде после такого ужина!

8

Предположения Ансема оправдались: утром в ставном неводе рыба ходила ходуном. От темных спинок щекуров и муксунов вода казалась черной.

Били упругими хвостами, разбрасывая серебряные брызги, муксуны, щекуры, сырки, пыжьяны — словно крылья диковинных птиц, трепетали в воздухе их плавники. Невод бурлил так, что дрожали крепко вбитые в грунт колья.

Какое зрелище для глаз рыбака!

— Я-а, ребята! — хлопнул в ладоши Ансем. — Что я вам вчера говорил? Будем с рыбкой! Теперь гоните сюда скорее колданку...

Опунь подгрёб к неводу.

— Заливай водой до половины, — распорядился Ансем. — А я пересаживать буду.

Через пару минут и колданка вскипела от трепещущей в ней рыбы.

— Правь к озеру, Опунь, — сказал Ансем, когда они загрузили лодку. — А Тикун берегом пойдёт. Осторожней езжай, не перевернись. Мы с Карапом следующую колданку наполнять будем.

«С Карапом», — отметил про себя Опунь и метнул исподлобья ревнивый взгляд в сторону одноклассника.

Примостившись на коленях на сиденьи колданки, осторожно работая гребями, Опунь поплыл к озеру, и вскоре пристал к месту, откуда начинался подготовленный вчера волок. По примеру бригадира они смочили канавку водой и потащили лодку.

Это было уже потруднее, чем перебросить пустую колданку! Первый рывок дался им с огромным трудом, правда, потом «сработала» мокрая глина и дело пошло веселее. У самой береговой кромки озера колданку перевернули, и свежий улов, взрывая воду неистово бьющимися хвостами, ринулся на глубину.

Одиннадцать раз в этот день пришлось ребятам перетаскивать груженую лодку. С каждой ездкой становилось все тяжелее. Облепленные скользкой глиной жерди скользили под ногами. Опунь даже упал и расшиб себе нос, ударившись о корму. Нижняя одежда насквозь промокла от пота, а верхняя — от водяных брызг. Перевернув последнюю колданку, Опунь и Тикун, как подкошенные, рухнули в густой пырей. У обоих кружилась от перенапряжения голова, онемели руки и ноги. Опунь, откинувшись на какую-то кочку, неподвижно смотрел в небо. Даже облака,

проплывавшие в вышине, казались ему сейчас похожими на рыб.

— Как ты думаешь, сколько мы сегодня рыбы в озеро выпустили? — спросил Тикун.

— Не знаю. Много. С тонну, наверное. Или больше.

— А сколько еще надо?

Опунь не ответил, он задремал и во сне вдруг увидел главного идола рода Хартановых — священную лошадь, похожую на Чалку. «Проси у меня, Опунь, что хочешь», — сказала она человеческим голосом. И Опунь, ни на минуту не задумываясь, изложил главному идолу свое заветное желание: «Я хочу показать себя на работе настоящим мужчиной! И хочу, чтобы отец Тутьи это увидел, и мысли его повернулись в мою сторону». — «И-и-и-и! — звонко заржала в ответ священная лошадь. — И-и-и!»

— Спите, значит? — услышал Опунь над ухом голос Ансема и с трудом разлепил сомкнутые веки. Рядом протирали глаза осоловевший Тикун — он тоже успел заснуть.

— Отдыхайте, отдыхайте, — улыбнулся бригадир. — Знаю, тяжело с непривычки.

— Нет, ничего, Ансем аки, — сказал Опунь. — Мы не устали. Правда, Тикун?

— Правда, — не очень уверенно протянул тот. — Мы так пока...

Ансем, присев на торчащее из земли корневище, подзаправился своим табаком. Подняв вверх кривой указательный палец, он чутко прислушался.

— Слышите, рыбка наша плескается в озере? Новый дом обживает. Хорошо, хорошо... Если и дальше так будет, дадим план! Только рыбу все же побыстрее взять нужно. Не дай бог, обратно в живуны уйдет! Пожалуй, надо сегодня еще один ставной невод наладить. Как вы думаете, ребятки, а?

Карап печально вздохнул, а Опунь кивнул головой:

— Нужно — значит, поставим.

— С двумя неводами мы вдвое больше возьмем. Тогда и домой вернемся скорее!

«И я раньше увижу Тутью!» — подумал Опунь и тут же вскочил на ноги.

— Я готов, Ансем аки! Идемте!

— Ладно, ладно, не спешите. Отлежитесь немного. Поедем. Чайку попьем. Часа три еще будет светло. Успеем.

Бригадир уже позаботился об обеде: на берегу речки потрескивал костерок, а рядом с ним на траве лежал разделанный трехкилограммовый муксун.

Упрашивать никого не пришлось: аппетит у ребят был прямо-таки зверский — огромная рыбина исчезла в один момент.

Второй невод поставили быстро — сказывался уже, пусть небольшой, но все же опыт. Солнце еще не коснулось макушки величавого кедра, а у них уже стояла новая ловушка.

— Ура! — забив последний кол, крикнул Тикун. — Все!

— Пусть этот невод будет Караповым, — хитро подмигнув, сказал Ансем. — Посмотрим, каково у него рыбацкое счастье...

Такое неожиданное предложение бригадира повергло Опуня в уныние: вот тебе и на! Стараешься, стараешься, а все внимание лентяю Карапу! Даже невод ему Ансем решил «подарить»... Неспроста это, нет — неспроста...

Опунь помрачнел.

— А почему, Ансем аки, невод только Карапу? Мы же его все вместе ставили? — спросил тоже, видимо, недовольный такой щедростью бригадира Тикун.

— Обиделся? — засмеялся Ансем. — Не обижайся! Первый, вчерашний невод пусть будет твоим и Опуня. А сегодняшний не только Карапа, но и мой...

У Опуня немного отлегло от сердца. Однако не совсем: почему Ансем решил «поделить» невод именно с Карапом?

9

Когда взошло солнце, Опунь еле-еле заставил себя подняться с нар. Ломило спину, плечи, икры ног, пальцы на руках казались деревянными. Хорошо, что он проснулся первым и никто не видел, как он сползает на пол, кряхтя, словно столетний дед. «Ничего! — успокоил он сам себя. — После тяжелой работы та-

кое бывает. Я знаю. Это пройдет. Вот разомнусь немного — и все будет в порядке».

Опунь вышел на крыльцо, плеснул в лицо холодной воды. Стало и в самом деле полегче. На нарах в избушке уже, постанывая, ворочались Карап и Тикун. Только старый Ансем поднялся легко, как ни в чем не бывало.

Пошли к запору.

Внезапно Опунь, шедший по тропе первым, вскрикнул:

— Ой! Здесь кто-то был! На песке следы!

Все поспешили на берег.

— Кой-кой! — покачал головой Ансем. — Плохи наши дела!

— А что такое, Ансем аки?

— Вор к нам наведывался. Росомаха! Надо скорее наш малосол посмотреть — цел или нет?

Опунь белкой вскарабкался по обрывчику, где они вчера запрятали свой рыбный запас.

— Вся трава разворочена! — объявил он сверху. — Росомаха тут пировала!

— Кой-кой, вот разбойница!

Ансем, Карап и Тикун поднялись к Опуню.

Вокруг хранилища всюду валялась обглоданная рыба. Часть малосола росомаха оттащила в сторону, к лесу, где попыталась зарыть, натаскав прошлогодних листьев и сучьев.

— Эх, капкана у нас с собой нет! — загоревал Ансем. — Насторожить бы на эту ворюгу. Ведь не успокоится, пока не прикончит всю рыбу. Я ее повадки знаю!

— А если петлю поставить? — спросил Тикун. — Петли же у нас есть.

— Есть, но на зайцев. А росомаха зверь сильный, сорвет петлю, как тоненький волосок.

— Чего же тогда делать?

— У меня ведь ружье! — стукнул себя кулаком в грудь Опунь. — Я ее подкараулю.

— Не так это просто, парень. Росомаха человека издалека чует. Ладно, соберите рыбу. Придумаем что-нибудь.

— Что здесь можно придумать? — пожал плечами Карап.

— Можно! — хитро прищурился Ансем. — А ну,

тащите сюда свои походные сумки! А ты, Тикун, сучьев да сухой травы набери.

Порывшись в мешках, старик отобрал несколько ненужных тряпок. Из сучьев соорудил что-то вроде каркаса. Замаскировал его травой и тряпьем.

— Глядите-ка, человек получился! — воскликнул с удивлением Карап. — Только уж больно страшный.

— Настоящее чудище! — засмеялся Тикун.

— Не чудище, а чучело, — поправил его Ансем. — Сейчас мы его к нашей рыбе приставим. Думаю, росомаха больше сюда не сунется. Лишь так ее запугать и можно, воруогу лесную!

Ребята засмеялись, только Опунь, отойдя в сторону, помалкивал. Сын опытного охотника, он в такие игрушки не верил. Какой прок от тряпичного страшилища? Росомаха зверь коварный, смелый. Она обязательно снова найдет путь к их запасам. Помочь может только ружье. Его, Опуня, двустволка, из которой так метко стрелял отец...

В ставных неводах рыбы и сегодня оказалось много.

Двенадцать раз пришлось перетаскивать тяжеленную колданку к озеру. К полудню первый ставник был вычерпан.

— Отдохнем! — распорядился бригадир. — Пообедаем здесь же, на берегу, чтобы не терять времени.

Ребята сварили жирную нельму, до отвала наелись ароматной ухи. Потом, немного поспав, принялись выбирать второй невод.

Теперь, по совету Ансема, колданку на озеро возили втроем. Так дело двигалось чуть быстрее. Но все же после обеда, хоть они и плотно поели, силы были уже не те. Опунь не чувствовал ни рук, ни ног. Все чаще приходилось присаживаться, чтобы перевести дыхание. Они не разговаривали между собой, двигались, словно в каком-то полусне. Опунь откинул капюшон малицы: волосы на голове были мокры от пота. Превозмогая усталость, он тем не менее старался за двоих.

— Вижу, парни, тяжело вам! — успокаивал их бригадир. — Но ничего, потерпите. Скоро дневную норму выполним. Совсем немного осталось. Я-а!

— Может, завтра закончим, Ансем аки? — взмолился Карап. — Не могу больше!

— Так ведь и рыба больше не может! Тесно ей в неводе. До утра вся задохнется. Что тогда делать с ней будем? Выбросим?

— Нельзя выбрасывать! — сказал Опунь. — Председатель Ай-Вая говорил: фронту наша рыба нужна. Для победы. Мы сейчас, Ансем аки, передохнем только...

— Хорошо, — согласился бригадир. — Перекур!

«Перекуривал» в бригаде он один, а ребята в своих облепленных глиной броднях просто повалились на землю. Комок грязи, случайно поддетый ногой Карапа, угодил Опуню в лоб.

— Ты что, ослеп? — в ярости заорал он на приятеля: уставший и взмокший, Опунь уже не владел собой.

— Чего кричишь? — с таким же раздражением вскинулся на него Карап. — Я же случайно.

— У тебя все случайно! Сухарики легкие подхватил, когда приехали, тоже случайно. Дрыхнешь утром дольше всех — и это случайно. Мы с Тикунном вдвоем до сегодняшнего дня в колданке надрывались, а ты у бригадира в бударке сидел, лясы точил — и это, скажешь, случайно?!

Маленькие глазки Карапа вспыхнули рысью злобой.

— Тебе не нравится, что я с Ансемом аки разговаривал! А сам?! Только и мечтаешь, как бы к нему подлизаться! Думаешь, я не вижу? Не понимаю, в чем дело?!

Сжав кулаки, Опунь брооился на Карапа. Но Тикун опередил его, заслонил собою приятеля.

— Вы что, ребята? С ума посходили? Подумаешь, комочек глины не туда отлетел! Меня тоже задело. Не в классе же мы — на рыбалке. Карап просто ногу не так поставил... подвернулась нога...

— Не так, не так, — пробурчал, отступая, Опунь. — Знаю его! Все у него не так...

Обошлось без драки. К счастью, и Ансем, покуравший за ближним мыском, перепалки не видел.

Перекур окончился, бригадир снова взялся за сачок. Ребята, с трудом поднявшись, пошли к наполненной рыбой колданке. Ансем посоветовал перетя-

гивать ее с помощью брезентовой лямки, потому что у всех, особенно у Опуня и Тикун, ладони давно уже покрылись кровавыми волдырями. «Бурлаки» впряглись в груженую лодку и поволокли ее к озеру. Легче не стало, но так, по крайней мере, можно было дать роздых саднящим ладоням.

Сделали еще с десятков ездов.

Начало темнеть.

— Ладно! Кончай! — крикнул наконец Ансем. — Хватит на сегодня.

В изнеможении ребята сели на землю и тупо уставились на речку. Перед запором вода словно кипела. То и дело выскакивали, изогнувшись дугой, маленькие нельмушки, со свистом проносились взад и вперед зубастые щуки, закручивая над собой воду воронками, толклись на одном месте мускулистые щекуры.

— Видеть ее не могу, — указывая пальцем на рыбу, признался Тикун.

— Чего это она разбушевалась? — спросил Карап.

— Выхода ищет. Нереститься пора, — пояснил Ансем. — Вот и торкается в невод, как безумная. Нет, нам времени терять ни минуты нельзя! Жаль, что уже темнеет. А то бы еще поработали...

— Ой, Ансем аки! — только и вздохнул в ответ Тикун.

А Карап встал и уныло побрел в сторону зимовья.

— Подождет до утра. Никуда не денется, — бросил угрюмо через плечо.

— Куда ты торопишься? — окликнул его Опунь. — Постой. Дай дослушать разговор старого человека. Умник нашелся!

— Ладно, Опунь, — вмешался Ансем. — Не ругайтесь. — Он слегка кашлянул и поправил косички на голове. — А вот насчет рыбки — как знать! Все, что впереди, ребятки, темно.

— Почему? — спросил, не поняв, Опунь. — Раз рыба собирается на нерест, она на наш запор все время идти будет.

— Она-то будет, а вот запора может уже не быть, — вздохнул Ансем. — Дождь пойдет, вода поднимется. Течение все сметет на своем пути. Раз — и нет нашего запора.

— Ко-о-ой,— протянул Опунь.— Значит, зря мы старались?

— Почему зря? Может, и не случится такого... Большие осенние дожди вроде уже прошли. Ну, берите по муксуну, пошагали!

Закинув за плечи промокшие насквозь гуси, побрели к зимовью. Со стороны протоки Сэзынг Соям мохнатой медвежьей шкурой напелзал холодный густой туман.

— Я-а,— прошептал тихо Ансем.— Зима, кажись, к нам торопится. Утром, наверное, иней ляжет...

10

На следующий день Опунь снова поднялся раньше всех — такое «задание» он дал себе еще с вечера. Одевшись, снял со стены отцовскую двустволку и тихо выскользнул за дверь.

Как и предсказывал старый Ансем, тайга за ночь закуржавела. В кустах багульника, на ветвях деревьев — всюду поблескивал, серебрился иней.

Зарядив ружье дробью, Опунь стал спускаться к речке. Не доходя до берега, остановился. Откуда сегодня дует ветер? Кажется, с северо-запада, навстречу. Это хорошо: росомаха не сможет его учуять.

Было тихо. Лишь изредка потрескивала под ногой ветка прибрежного тала.

Подойдя к обрывчику, где хранились запасы малосолевой рыбы, Опунь огляделся. Растопыренное чучело грозно возвышалось над пустынным берегом.

«Неужели росомаха все-таки испугалась и не придет больше? — разочарованно подумал он.— Эх, и зачем только Ансем аки такую штуку придумал?»

Но вот со стороны речки послышались частые всплески.

«Здесь она!» — решил Опунь и, затаив дыхание, стал медленно стаскивать с плеча двустволку.

Зверь был где-то возле запора. Сильные широкие лапы били по воде, как лопасти гребей.

Пригнувшись, почти на четвереньках, Опунь подкрался поближе к воде. Скрылся в густом ольшанике и прислушался: бульканье и шлепки в реке продолжались. Опунь вытянул шею, надеясь разглядеть,

что же там происходит. Вот возле невода мелькнула чья-то черная мокрая голова...

Опунь почувствовал, что у него слегка дрожат колени. Охотничий азарт все больше и больше овладевал им. Проверив еще раз ружье, он выскочил из ольшаника.

Барахтавшийся в реке зверь, почуяв опасность, громко рыкнул. «Да это медведь?!» — опешил Опунь.

Ладони у него сразу стали влажными. Пришлось опустить ружье.

Меж тем медведь, выдернув лапу из ячеи ставного невода, отфыркиваясь, поплыл к противоположному берегу.

«Медведь... Медведь... — твердил про себя ошеломленный Опунь, — Сот хоятпи ляль... Сот хоятпи ляль...» Почти машинально он называл сейчас хозяина тайги древним именем: «Сот хоятпи ляль» означало по-хантыйски «Зверь, имеющий силу ста лучников».

Медведь доплыл до ближайшей отмели, выбрался на песок и отряхнулся. Затем пристально поглядел на Опуня и длинными прыжками устремился в тайгу.

Опунь стоял на месте как вкопанный. Удивление и даже суеверный страх сковали его. Но вдруг взгляд его уловил какое-то мельтешение возле ставного невода.

«Это же рыба уходит! — с ужасом понял Опунь. — Медведь разорвал мережу!»

Опунь бросился к лодке и, прежде чем сесть за гребни, поднял ружье и выстрелил в воздух. «Пусть медведь напугается и убежит подальше». Все-таки в этих пустынных местах, в такой ранний час Опуню было жутковато.

Медведь и в самом деле распорол невод. В образовавшуюся прореху серебристой подвижной цепочкой уходил их улов. Опунь вытащил тонкий шест, которым поднимали и опускали нижнюю подбору. Мережа была здорово попорчена. Уже за те мгновения, что он разглядывал проделанную медведем дыру, десятка два горбоносых щекуров, взрывая воду хвостами, вырвались на свободу. И вообще рыбы в неводе было гораздо меньше, чем вчера. «Все что впереди, ребятки, темно» — вспомнились слова бри-

гадира. Выходит, снова прав оказался осторожный старик! Будто чуял опасность...

Отыскав в рыбном ящике большую иглу, подтянув к себе на колени порванный невод, Опунь стал зашивать его суровой нитью. «Ну и силища у медведя... Крепкую мережу, словно паутинку порвал!» Наконец Опунь снова опустил в воду шест и расправил залатанную снасть.

— Порядок! Вовремя я успел! — Он развернул было бударку к берегу, как вдруг заметил на воде какие-то шевелящиеся круги. Вот мелькнул в воздухе черный плавник... Значит, еще дыра?

Опунь нагнулся к самой воде и увидел, как сырки, пыжьяны, величественные муксуны торопливо исчезали в глубине.

Опунь сунул руки по локоть в реку, крепко зажав в пальцах иглу. Сделал несколько стежков наугад, все время чувствуя удары и покалывания суetyщихся рыбин. В ледяной воде руки тотчас онемели.

Уже совсем рассвело, и солнечные лучи золотыми искорками вспыхивали на верхушках деревьев. Речка переливалась разноцветными бликами, будто всю ее осыпали чешуей.

Опунь на секунду-другую откинулся затекшей спиной на корму. Красота осеннего утра поразила его. Куржак на прибрежных березках походил на хрустальную сеть. Заиндевевшая трава казалась седым ягелем. И среди этой белизны особенно ярко выделялась свежая темная зелень елок и кедров.

Но расслабляться было нельзя. Размяв окоченевшие пальцы, Опунь снова полез в воду, на этот раз опустив руки до самых плеч. Сколько он провозился, затягивая прореху, Опунь не знал. Ему казалось, что возился он целую вечность и еще казалось, что промерз настолько, что до берега уже не добраться. Но он все-таки зашил дыру! Щекуры и пыжьяны, повертевшись у лодки и не найдя больше выхода, успокоились. Теперь-то уж они никуда не денутся! Все будут тут, в неводе!

Подогнав бударку к берегу, Опунь снова привязал ее к коряге. Потом набрал заиндевевой травы, скинул малицу и растер себе руки и плечи. Стало немного теплее. На прибрежном песке отчетливо виднелись большие медвежьи следы. «Ну и сила! —

снова подумал Опунь.— Вот это лапища! Шириной с мои две ладони, а то и больше!» Опунь поежился: его вдруг охватил озноб, то ли от холода, то ли от ощущения еще близкой опасности. Пожалуй, надо поскорее вернуться в зимовье.

В избушке уже проснулись. Дымила печка, закипал чай.

— А-а, вот он, пропащий! — улыбнулся Ансем.— Мы уже тут тревожимся: куда парень делся?

Опунь молча поставил в угол ружье.

— Это он за росомахой бегал,— подмигнул Карапу Тикун.

— Прославиться хочет,— съязвил тот.— Чтобы девушки им восхищались...

— Заткнись! — буркнул Опунь.

Ансем налил ему чаю, подвинул рыбную варку.

— Пей! Замерз?

Опунь отхлебнул из кружки горячего кипятка, заваренного чагой, и стал рассказывать обо всем, что произошло на запоре.

Тикун слушал, разинув рот, а Карап небрежно заметил:

— Вранье! Никакого медведя там не было.

— Э-э, парень! — замотал головой старый Ансем.— Зачем не веришь человеку? Он правду говорит! В тайге какого только зверя не встретишь! Особенно в этих глухих местах. «Старик»¹ вполне мог наш невод проверить... Только я думаю,— здесь Ансем вдруг повысил голос,— просто так он приходил. Ради шутки!

— Ради шутки? — удивился Опунь.— Хороша шутка! Он в двух местах ставник попортил. Сколько рыбы ушло!

— А я говорю — пошутил он! — прикрикнул Ансем и нахмурился.— Не спорь, когда старый человек разговор ведет!

Опунь примолк, не желая навлекать на себя гнев отца Тутьи, но вместо него высунулся Карап:

— Но почему все-таки медведь пошутил, Ансем аки?

— Хочет, чтобы о нем поговорили, чтобы не забывали о том, что в лесу есть хозяин! Вы что думаете—

¹ Старик — так ханты иносказательно называют медведя.

те, рыба ему наша нужна? Осенью еды в лесу много.

— А вернуться он может?

— Вроде зла ему никто не сделал... Незачем ему больше приходить,— не очень уверенно ответил Ансем.

— У, проклятая зверюга! — не сдержался Опунь, вспомнив свои утренние мытарства.

— Тихо! Тихо! — испуганно замахал руками Ансем.— Ему нельзя угрожать! Нельзя о нем говорить плохо!

— Почему? — спросил Тикун.

— А потому, что он все слышит!

— Что-что? — не поняли ребята и с недоумением переглянулись.

Но Ансем только махнул рукой и встал из-за стола: что им можно объяснить, этим молокососам? Разве поймут они всю сложность отношений человека со «стариком», которую прежде каждый ханты постигал с детства? Сейчас времена иные. Древние поверья уходят в прошлое. Начнешь растолковывать — только язык зазря устанет!

— Ладно,— проворчал Ансем.— Собирайтесь, на запор пора.— И, улыбнувшись, похлопал Опуня по плечу: — А тебя хвалю. Сообразил мережу залатать! Это не всякий взрослый сумеет.

11

За работой дни бегут быстро.

Уже знакомой до последнего камешка стала тропа от зимовья до речки и озера.

В ставных неводах появилось больше пыжьяна, сырка. Ансем объяснял это тем, что рыба поважнее, вроде муксуна, щекура и нельмы ушла к живунам.

Ребята привыкли к работе, окрепли; теперь они уже не уставали так, как в первые дни. Колданку с пойманной рыбой перетаскивали без суеты — каждый хорошо знал свои обязанности. Опунь впрягался в лямку, Тикун научился ловко опрокидывать лодку в озеро, Карап исправно поливал глинистую дорогу водой — в иные дни ее уже схватывало ледком. Колданка тогда скользила совсем легко. Больше всего ребятам сейчас досаждали бродни, сшитые из тяже-

лого брезента. Они быстро намокали и при ходьбе вода в них хлюпала, словно в переполненном бочонке,— казалось, что на ногах у ребят пудовые гири. Время от времени они скидывали бродни и работали босиком. Но тотчас начинали коченеть ноги. Приходилось натягивать оленьи кисы, согреваться хоть ненадолго, потом снова месить мокрую глину голыми пятками. У всех троих подошвы уже были сбиты в кровь.

Озерко заполнялось рыбой, как девичий сундук приданым. Довольный Ансем поглядывал, как то в одном, то в другом месте вскипала вода.

— Видите, щуки шныряют? — показывал он ребятам круги на поверхности озера.— Ну, пусть, пусть порезвятся. Все равно им наша рыбка не по зубам, придется по-прежнему окушками довольствоваться. А потом все в неводе окажутся, до единой! Может, какая из них и в мой котелок попадет, ухой побалует? А?

И Ансем начинал смеяться своим хриловатым, дробным смешком, который почему-то раздражал Опуня.

Еще неделю назад бригадир предсказал, что реки сей год станут рано. К тому, видно, и шло. Участились заморозки. Мелкие лужицы по утрам затягивало ледяной коркой, мягкой желтой подстилкой легли на землю опавшие иглы лиственниц, оголились березки. Созревшие шишки на разлапистых кедрах ярко коричневели, словно уцепившись оскаленными зубами за ветви.

В один из морозных утренников Опунь, совсем рядом с избушкой, увидел сидящего на елке огромного глухаря и уложил его первым же выстрелом. На обед у них был вкусный глухаринный суп.

— Вот так еда у нас нынче! — то и дело повторял, склонившись над миской, Ансем.— Приятно мясо поесть! А то все рыба да рыба. Надоело уже.— И, сыто рыгнув, размечтался: — Эх, обменять бы нельму или муксуна на олений бок!

— Где тут обменяешь? — тоскливо вздохнул Карап.— Пустыня!

— Для кого пустыня, а для кого и нет,— прищурился Ансем.— По этой земле не мы одни бродим. Если умом пораскинуть, можно нужных людей най-

ти. И охотнички здесь промышляют, и пастухи забрести со своими оленями могут.

— Колхозные стада в других местах кочуют,— сказал Опунь.

— Так то — колхозные. Но и у добрых людей олешки имеются... Не все еще, слава богу, повывелись!

И Ансем снова неприятно засмеялся.

«На что старик намекает? — встревожился Опунь.— Вдруг Лялю, бывшего жениха Тутьи, в памяти держит? Не хочет от выгодного сватовства совсем отказываться? Может, стада Махсаровых где-то тут, поблизости? И Ансем это знает?»

И, словно в подтверждение этих мыслей, бригадир вдруг сказал:

— Оленины, если поискать, раздобыть можно. Глядишь, кто с верховий Казыма до нас доберется, на нартах, по раннему-то ледоставу!

— Да ведь Казым же далеко! — удивился Опунь.— Кто оттуда поедет?

— Кто-нибудь да поедет,— загадочно усмехнулся Ансем.— Захочет нашей рыбки отведать, вот и объявится...

И, поднимаясь из-за стола, старик, довольный, потер себе руки.

— Доедайте суп, а я пойду погляжу, какая завтра погода нас ожидает. Думаю, не долго нам тут сидеть: рыбы много взяли — план уже, по-моему, есть! Да сверх плана еще!

— В озере? — уточнил дотошный Тикун.

— В озере. Но ведь оттуда мы уже, как из кладовки рыбу брать будем. Главная-то работа позади.

— Сколько же раз мы колданку перетаскивали? — стал прикидывать Опунь.

— Не меньше пятисот,— вздохнул Карап.

— Ты считал, что ли?

— Считал.

— Это он часы считает, не может дождаться, когда домой вернется! — захохотал Тикун.

От этих слов Опуня всего передернуло. «К Тутье торопится», — со злостью подумал он о Карапе. Возможно, Карап и в мыслях подобного не держал, но ревность слепа, ничего не поделаешь... Эх, знал бы

наивный Тикун, какую больную струну, сам не ведая, задел во влюбленном товарище!..

Ансем вернулся в избушку, ежась от холода.

— Есть одна новость, ребятки! Речка-то наша, Пор-Ехан затихла. Ни рыбка не плеснет, ни льдинка не звякнет. Похоже, станет не сегодня завтра.

Это было радостное известие! Схватит речку льдом — можно будет оставить запор, перейти на озеро и брать неводом собранную там рыбу. На севере холода наступают быстро: со дня на день теперь жди морозов.

— Ура! — крикнул Тикун.

— Ура! Ура! — поддержали его приятели. От только что мучавшей неприязни к Карапу у Опуня и следа не осталось. Все трое гордились, что сумели справиться с нелегкой мужской работой, не обманули доверие председателя, «дали план» родному колхозу.

Доволен был и Ансем. Ничего не скажешь, повезло ему нынче с помощниками. Хоть и пацаны еще, утята желторотые, а толк из них будет, от трудного дела в жизни не побегут. Пускай отдохнут немного — на речку после обеда можно и не ходить.

— Работать сегодня не будем, — сказал старик. — А на Пор-Ехан наведемся.

— Лодки? — догадался Опунь. — На берег вытащить, пока в лед не вмерзли?

— Лодки, — подтвердил Ансем. — С ними быстро управимся. А там — гуляйте, сколько хотите.

Уже издали, пробираясь сквозь тальники к берегу, ребята увидели, как речка поблескивает серебром.

Карап подхватил с земли какой-то сук и швырнул в Пор-Ехан. Сук с легким свистом заскользил по свежему льду.

— Сейчас бы да налегке, по ледку — прямо в поселок! — размечтался Тикун. — Я по своим соскучился. По маме, сестрам, братишкам... Я б живо дотопал!

— И я тоже, — сказал Опунь, думая о Тутье. — Тебя, наверное, обогнал бы.

— Нет, я обогнал бы! — засмеялся Карап.

И Опунь опять с ним чуть не схватился, но вовре-

мя сдержался, заметив укоризненный взгляд бригадира.

По сравнению с перетаскиванием груженой колданки, очистка ото льда бортов была не работой — игрой. Через час все было готово.

— Теперь давай к озеру, глянем, что там делается, — сказал Ансем.

Озерко тоже покрылось льдом. Правда, еще прозрачным и тонким. Ребята хотели было на радостях побегать по льду, но бригадир приказал им держаться у самого берега.

Опунь расчистил покрытый мохнатым инеем пласт прибрежного льда подошвой — и замер от изумления! Под его ногами, словно под стеклом, сновали сверкавшие чешуей большие и малые рыбины. Выросший на воде, он впервые видел такое чудо.

— Идите сюда! — подозвал он приятелей. — Смотрите!

Все трое долго любовались открывшейся им картиной. Наконец засобирались к зимовью.

— Идите, идите, — напутствовал их Ансем. — Я еще хочу запор проверить, в лодках кое-что поискать. Меня не ждите.

Если не торопиться, любой путь кажется коротким. Вот уже избушка мелькнула за деревьями — прибыли!

— Чем займемся? — спросил Тикун. Неожиданное безделье уже начинало его тяготить.

— Хм, — задумался Карап. — Может, шишек пособираем? Вон их сколько...

— Здорово придумал! — обрадовался Тикун. — Давай мешок!

Опунь же взялся за свою двустволку:

— А я пойду посмотрю, может, еще глухарь попадется!

«В какую сторону двинуться? — размышлял он, а ноги меж тем сами несли его обратно к речке. — Там Ансем аки, один, — мелькнуло у него в голове. — Спрошу что-нибудь о Тутье... И вообще надо поговорить с ним...» О чем говорить — Опунь опять, конечно, толком не знал, но чувствовал: он должен, должен укрепить дорогу к сердцу отца! В этом залог другой дороги — к сердцу любимой... «Я подойду и спрошу, как поживает Тутья, — думал, убыстряя шаг, Опунь. —

Просто спрошу — и все.— Но тут же понял, что вопрос глупый: как ответит на него Ансем, который сидит с ними на Пор-Ехане, далеко от дома? Может, лучше тогда выведать, как он ко мне относится? Но как, как это сделать? Вдруг старик догадается обо всем да поднимет меня насмех? Куда, скажет, ты, безоленный, к моей дочери лезешь...»

В мучительных раздумьях Опунь остановился на небольшом мыске, начертил носком бродня на замерзшем песке большую букву «Т» и принялся ее разглядывать.

Он стоял так долго, что ноги у него заоченели. «Нужно будет завтра чижи¹ надеть»,— подумал он машинально и, понурив голову, побрел обратно к зимовью, не решившись на этот раз повидать Ансема наедине...

Тикун и Карап во всю готовились шишковать: достали мешки, вырубили себе здоровенный колот...

— Ну что, нашел глухаря? — ехидно осведомился Карап.— Или медведя встретил?

— Оставь ружье, идем с нами,— позвал Тикун.

— Пусть в избе сидит, печку топит. Видишь, какое у него лицо кислое. Словно клюквы наелся. Только настроение нам испортит.

«Стукнуть его?» — прикинул в уме Опунь, глядя на ненавистного соперника. Однако драться сейчас не хотелось.

— Мои глухари от меня не уйдут,— решил отшутиться он.— А вот твои шишки могут и пустыми оказаться.

Карап сердито зыркнул в его сторону, но Тикун уже тащил его за руку к ближайшему кедрачу.

Опунь посидел на нарах, принес в избушку дров, протопил печурку. Ансема все не было.

«Поброжу еще немного с ружьем»,— решил он. Насмешка Карапа все же задела его. Еще не хватало, чтоб считали его неудачником! А то и трусом! Что имел в виду Карап, когда сказал про медведя? Может, думает, что он скис оттого, что ему стало страшно в лесу?

¹ Чижи — меховые чулки.

Схватив двустволку, Опунь снова отправился в тайгу. О глухарях сейчас нечего было и помышлять — их вылет давно закончился. Разве что выводок рябчиков попадетсЯ, или, если повезет, — наткнешься в березняке на косачей.

Под броднями звонко похрустывал мерзлый ягель, хлестали по голенищам цепкие ветки багульника. Эх, нет здесь собаки! Разве это охота, без хорошего пса?

Занятый своими мыслями, Опунь брел кедровой гривой. Земля была усеяна расклеванными шишками — кедровки здесь потрудились на славу! «Посмотрим, много ли вы орехов насобираете!» — Усмехнулся про себя Опунь, вспомнив приятелей с их тяжеленным колотом. Подобрал несколько нетронутых птицами шишек, сунул их в заплечную сумку. «Угощу Карапа, если ни с чем вернется!» Настроение у него поднялось, и он с удовольствием поел подмерзшей и оттого особенно сладкой брусники, которая всюду краснела под первым снежком.

Грива вывела его на высохшее кочкастое болотце, поросшее осокой. За ним виднелся распадок. Опунь пересек его и оказался вдруг на берегу Пор-Ехана.

Сняв с плеча ружье, Опунь шел по отмели, где темнели глубокие лосиные следы. Зверь, наверное, собирался переплыть речку, но почему-то раздумал и, вытоптав глину на одном месте, повернул обратно в лес. Вспомнилась недавняя встреча со «стариком». Опунь подавил вспыхнувший было страх и присел на вывороченный ледоходом ствол какого-то дерева. Задумался. И тотчас ему привиделась Тутья. «Как она там? Вспоминает ли хоть изредка обо мне? — думал он сквозь дрему. — Или не вспоминает вовсе, а соскучилась по Карапу? А может, ждет Лялю? Вдруг он после госпиталя приезжал в поселок, красовался там перед девушками своей выправкой и медалями!»

При мысли о Ляле Опунь стряхнул с себя подкравшийся сон. Ревнивое чувство обожгло его, словно язычок пламени от костра. Но странная это была ревность! Да, Опунь очень боялся, что Тутье понравится бравый Ляля. Но в глубине-то души Ляля нравился и ему самому! Мало того — Опунь отчаянно

ему завидовал! Ведь тот воевал, заслужил боевые награды! Как и его, Опуня, отец!

Подняв с земли голыш, он с силой швырнул его в стынущую реку. Эх, и почему он так поздно родился? Если б не возраст, Опунь давно был бы на фронте... Может, даже воевал бы рядом с отцом...

Опунь вдруг ощутил острую тоску по отцу. Где он сейчас? Жив ли? Почему не дает о себе знать?

Последнее письмо с фронта они с матерью получили полтора года назад. Вернее не письмо — отец грамоты не знал. Он просто вложил в конверт фотографию, на обороте которой чьей-то рукой, наверное, однополчанина, было приписано несколько слов: Юхур, мол, жив и здоров, бьет фашистов и шлет семье горячий привет.

На снимке отец был мало похож на самого себя — слишком непривычно выглядели пилотка и гимнастерка, на которой красовалась медаль. «Эту медаль «За отвагу» Юхур получил на днях, — писал товарищ отца. — А за что — прочитаете сами. По-сылаем страничку из дивизионной газеты «За Родину».

Страничку ту мать хранит дома в самом заветном углу, а Опунь знает текст наизусть. «Когда у рядового Ю. Хартанова кончились патроны, он не растерялся. Сразив штыком насевших на него двух фашистов, он завладел немецким автоматом и начал поливать врага из трофейного оружия. Около десятка гитлеровцев уложил рядовой Ю. Хартанов в этом жестоком и трудном бою...»

Как гордился Опунь смелостью и находчивостью своего отца! Он показал заметку учительнице, ее зачитали вслух перед всем классом. В сельсовете тоже узнали об отваге земляка и не раз говорили о нем на собраниях. Знала обо всем этом, конечно, и Тутья.

Опунь невольно распрямил плечи, и темные брови его сошлись треугольником на переносице — точно также, как у отца на том фронтовом снимке. Да, с Лялей ему, подростку, тягаться трудно, он младше, не воевал, но что из того? Силы и ловкости ему тоже не занимать, и здесь, в далеком северном тылу, он,

Опунь Хартанов, постарается быть достойным сыном своего отца!..

Писем от отца больше не приходило, но окольными путями, от кого-то из воевавших ханты, дошел слух, что бойцов-северян перевели на Карельский фронт, и многие стали каюрами боевых оленьих упряжек.

— Кой! — заволновалась тогда мать. — Кой! У него же кроме шинели да гимнастерки ничего нету. Ну, может, полушубок и валенки дали. Только для севера это разве одежда? Малица нужна, кисы нужны, шапка теплая, капюшон!..

И Еля побежала в контору к Ярасиму — узнать, можно ли отправить на фронт посылку.

— Можно, — сказал Ярасим. — Только номера полевой почты ты ведь не знаешь.

— Не знаю... — пригорюнилась мать. — Но малицу я все равно сошью. Из ягушки своей переделаю. День и ночь шить буду! Пошлем посылку на Карельский фронт. Не моему Юхуру, так кому-то другому достанется. Люди за нас бьются, такую тяжелую работу делают — им тепло нужно...

В тот же день Еля взялась за иглу, а за ней и другие женщины поселка. Через леса, реки, горы и тундру пустялись в дальний путь к Мурманску посылки с меховыми вещами — кисами, чижками, малицами из оленьих шкур. Пришли в ответ письма, открытки с благодарностями, из района Еле прислали Почетную грамоту за добрый почин, а вот известий от Юхура все не было и не было...

А затем принесли короткую повестку: рядовой Ю. Хартанов считается пропавшим без вести.

— замерз... — прошептала побелевшими губами Еля. — Снегом его засыпало... Не дошла, видать, до тебя, Юхур, моя малица...

И с коротким, сдавленным криком упала лицом на постель:

— Не верю!..

С тех пор у Хартановых о Юхуре почти не говорили. Но и мать, и Опунь, и сестра Палаш продолжали его ждать, не верили, что отец погиб.

Опунь поднялся со ствола поваленного дерева и побрел вдоль берега реки. Идти было трудно. Земля подмерзла, но еще не очень сильно, ноги отяжелели

от прилипающих к подошве комьев осенней грязи. Скорее бы ледостав! Тогда можно будет соорудить себе быстрые лыжи и пуститься по льду в поселок. Слетать туда хотя бы на пару часов — повидать Тутю. Интересно, как она его встретит? Пусть ничего не скажет, пусть промолчит — он по глазам поймет, рада она ему или нет!

Мечты Опуня, как всегда, резво понеслись дальше. Вот он, обессиленный от стремительного броска на лыжах — до поселка-то добрых полсотни километров! — почти без чувств падает к ногам любимой.

— Что с тобой? — волнуется Тутя. И, протянув руку, кладет ему на лоб прохладную ладонь.

Он молчит, не отвечает ей.

И тогда Тутя прикикает ушком к его груди, слушает — бьется ли его сердце. А он, очнувшись, обнимает ее обеими руками и шепчет:

— Милая!.. Ты любишь меня? Любишь?..

Так Опунь, вероятно, мог бы фантазировать до самой ночи, но мысли его вдруг прервал чей-то протяжный крик.

— Помогите!.. На помощь!..

Опунь сдернул с головы капюшон малицы. Кажется... голос Ансема?!

Он помчался вверх по реке, к запору: ведь Ансем оставался именно там, у лодок.

Бежать пришлось довольно долго: дорогу то и дело преграждали разлапистые коряги, загромождавшие берег, выдававшиеся в воду мыски, лесные ручьи, сбегавшие в Пор-Ехан. И все это время, пока бежал, Опунь слышал крики Ансема.

— Ребята!.. Сюда!.. Помогите!..

«Тонет он, что ли?» — в испуге подумал Опунь. Но вместе с испугом он вдруг ощутил и нечто похожее на радость: отец Тутьи в беде и он, Опунь, придет ему сейчас на помощь! От этой мысли силы его словно удвоились. Вскоре он, запыхавшийся, стоял у запора.

Посреди речки сразу же увидел барахтавшегося в ставном неводе бригадира. Скорее всего, тот запутался в мереже и не мог оттуда выбраться. Тонкий лед проломился под тяжестью человека, и с каждым движением Ансем все глубже погружался в ледяную

воду, хотя и держался обеими руками за деревянную козлину.

— Опунь!.. Опуны!.. — застонал, увидев его Ансем. — Замерзаю... Спасай!..

Схватив на берегу какую-то палку, Опунь ступил на лед.

— Не лезь! — заорал Ансем. — Оба утонем. Лед не держит! За кустом, погонная веревка есть... Метнешь ее... Да поживей!..

В окрестной тиши было явственно слышно, как у старика клацали от холода зубы.

— Сейчас, сейчас, Ансем аки! — заторопился Опунь. — Держитесь!.. Я мигом!

К счастью, веревку удалось найти сразу. Собрав ее в связку наподобие аркана, Опунь бросил свободный конец Ансему.

Одной рукой старик обмотал себя веревкой за пояс.

— Си! Все! — сказал он. — Тащи!

Упершись ногами в ближний от берега кол, Опунь потянул изо всех сил. Ансем отпустил козлину и, не умея плавать, отчаянно забился в воде, будто муксун, попавший в сеть. Но все же он сумел добраться до кромки льда и попытался выкарабкаться. Тонкая кромка тут же под ним треснула. Он еще раз повторил попытку, и снова хрупкий лед не выдержал тяжести. Наконец Ансем, тюленем навалившись на припай, все же выбрался из воды; держась за веревку, прополз немного вперед и в конце концов достиг берега.

Опунь развел костер. Затем усадил старика возле огня, стянул с него сапоги, отжал промокшие насквозь чижи, укутал в свою малицу.

— Скорее... Скорее... — бормотал Ансем. — Надо идти в зимовье... Скорее...

— Пойдем, Ансем аки, — успокаивал его Опунь. — Только согрейтесь сначала, обсушитесь маленько.

Когда они добрались до избушки, Ансем так и рухнул на нары. Сильная дрожь сотрясала его тело. Тикун с Карапом еще не вернулись — видно, увлеклись шишкованием. Домик успел выстыть. Опунь начал снова растапливать печь. Для большего жара он подбросил в топку бересты, за которой сбегал на бе-

резовую полянку. Вскоре в избушке стало тепло, как в деревенской бане.

— Там... В углу... Посмотри в моем мешке... — слабым голосом попросил Ансем.

— Что посмотреть?

— Есть... Кое-что...

Опунь порылся в бригадировой торбе и достал алюминиевую флягу.

— Дай сюда! — протянул руку Ансем. — Чего ты там возишься?

После несколько глотков, старик порозовел и сразу приободрился.

«Вот, значит, где он хранит свои запасы!» — отметил про себя Опунь.

Мокрую одежду Ансема он раскинул на вешалах возле печки. Вскипятил чайник, заварил чагой чай. Ансем слез с нар, придвинулся поближе к огню.

— А! — выдохнул он. — Хорошо! Кажется, я ожил, — сказал он, прихлебывая заботливо приготовленный Опунем чай.

— Ансем аки, а как вы в невод-то угодили?

— Кой-кой, — запричитал старик. — Все мои мозги, наверное, повисохли. Совсем я ума лишился! Кой!..

— Что вы такое говорите, Ансем аки?

Ансем стукнул себя ладонью по лбу и потрянул тоненькими, слившимися косицами.

— Глупый я, глупый, как только что поднявшийся на крыло глухарь! За рыбой полез. Пару муксунов решил на уху взять.

— Так ведь у нас малосол еще есть.

— А мне свежатины захотелось. Подползу, думаю, тихонько по льду да несколько рыбин за жабры вытяну. Они снулые сейчас, а все равно у запора толпятся. Ну подполз. Вдруг вижу, подо льдом нельма трепыхается. Вот такая! — Старик развел обе руки в стороны. — Так и сверкает чешуей, так и играет. Аппетит у меня разгорелся — как у волка! Вот, думаю, уха будет!

— Да, из нельмы уха добрая! — подтвердил Опунь. — Я ее тоже люблю.

— Ну вот. Взял я багор и давай лед долбить. Потом стал ждать, когда моя нельма в лунке окажется.

— А она скоро приплыла?

— Скоро. Куда ей из ловушки уйти? Я руку протянул, хочу ее схватить, а она увертывается, не дается.

— А вы?

— Ладно, думаю, я тебя, окаянную, все равно достану! Сунул в воду багор, да, видно, неосторожное движение сделал. Ну и провалился сам под лед. Глупый старик с заплесневевшими мозгами!

Ансем еще отхлебнул из фляги.

— Не забуду я, парень, что ты мне второй раз на помощь пришел! Будет случай — отблагодарю.

— Ничего мне не нужно, — забормотал покрасневший до ушей Опунь. — Несчастье со всяким случиться может. — А сам подумал: «Может, заговорить с ним про Тутью?» — Но так и не смог — язык словно льдом сковало.

— Нет, ты все-таки молодец! — продолжал расчувствовавшийся Ансем. — Добрые духи тебя в такую минуту ко мне послали. При глазах Матери огня говорю! — И старик ткнул кривым пальцем в полыхавшую топку раскалившейся печки.

В избушке стояла невыносимая жара.

— Открой двери, — вернувшись на нары, попросил Ансем. — Упарился я совсем.

Опунь исполнил его просьбу, а сам вышел из домика. Ему тоже было жарко. Лоб покрылся испариной. Пригладив влажные волосы, Опунь присел на дрова, сложенные у стены зимовья. «Дурак я, дурак! Таким случаем не воспользовался! Старик ведь растаял, стал мягким, как нежная рыбья печень. Все сейчас готов для меня сделать! Спросить бы хоть об одном: думает он Тутью замуж отдавать или нет? А если задумал, то за кого? За кого именно?»

— Вот возьму сейчас и спрошу! — неожиданно для самого себя выкрикнул вдруг Опунь. — Чего мне бояться?

Вскочив, яростно дернул полуотворенную дверь, чуть не сорвав ее с кожаных петель. Когда он вошел в избушку, вид у него, наверное, был так безумен, что Ансем, приподнявшись на нарах, спросил испуганно:

— Что с тобой, парень? Щеки огнем горят, Мо-

жет, напугал тебя кто? Говори! Здесь всякое поме- рещиться может — тайга!

Опунь, опустив глаза, отрицательно покачал го- ловой.

— А в чем тогда дело? Если мучает что — рас- скажи. Посоветуйся со стариком. Одному и колданку с места иной раз не сдвинуть, а двоим она легче пу- ха покажется.

«С чего бы начать? — лихорадочно думал Опунь. — Хоть бы какую-нибудь зацепочку придумать!» Взгляд его упал на сушившуюся одежду.

— Я... Я... — начал он, запинаясь, — про завтраш- ний день думаю.

— Про завтрашний день? — удивился Ансем. — А чего о нем думать? Можно еще, пожалуй, и отдох- нуть. Выходной устроить.

Словно молодой неуклюжий белаяк, робкая мысль Опуня выбиралась наверх из заветных глубин ду- ши.

— Мне... Я... Беспокоюсь, высохнет ли до утра ваша одежда?

— Высохнет.

— Но ведь малица и чижы покоробятся. Их раз- минать придется.

— Разомнем.

— Размять-то разомнем, — притворно вздохнул Опунь. — Только ведь у нас как следует не получит- ся. Здесь женские руки нужны, нежные.

— Да, женские, конечно, были бы лучше, — улыб- нулся старик. — Одежа — бабье дело, известно. Моя Сантара быстро бы управилась. Хоть и немолода уже, а проворна, как белка. Ансем знал, кого в жены брать! — и старик хвастливо приосанился, спустив ноги на пол.

— А... А... Дочка ваша?..

— Которая? — насторожившись, спросил Ансем.

— Тре... Третья... Тутья... Я с ней в одном классе учусь. Она... Она... тоже проворная?

— Кой! — рассердился старик. — Зачем такой воп- рос задаешь? У Ансема все дочери работающие. Я ни- кому спуска не давал. Все делать умеют. И малицу сшить, и оленью шкуру размять, и еду приготовить. Нет, моя Тутья перед будущим мужем в грязь лицом не ударит.

Опунь тревожно вскинул глаза.

— А... А кто... будущий муж?

Ансем недовольно наморщил лоб.

— Больно ты любопытен, парень. Зачем тебе это знать?

— Да так... Просто...

— Просто... Просто... — проворчал Ансем. — Не знаешь разве наш обычай: пока невеста порога в новом доме не переступила, о ее замужестве не говорят. Зачем зря языком трепать?

Сам поражаясь своей смелости, Опунь брякнул:

— В поселке говорят, Ляля к вам сватов засылал.

Ансем еще больше нахмурился, засопел сердито.

— Ляля, говоришь? — помолчав, произнес он с тяжким вздохом. — Был Ляля, да сплыл.

— Как это — сплыл? — пряча невольную улыбку, переспросил Опунь. Надо же, ведь это он, он отвел тогда от Тутьи нежеланное для нее сватовство! Знает ли об этом Ансем? Нет, конечно! А если бы знал?

Додумывать Опунь не стал.

Разволновавшись от разговора, Ансем потянулся за табаком.

— Эх, парень! Молод ты еще, ум твой силой не налился. Что ты в таких делах понимаешь? Ляля!.. — И, снова помолчав, пробурчал себе под нос: — Один узел дважды не завязывают!..

Заправившись табачком, на который он предварительно — уже не таясь — плеснул спирта, Ансем встал у открытой двери. Видимо, желая переменить разговор, он потрепал Опуня за волосы:

— Если б не ты, кормить бы мне нынче пыжьянов! — и хрипло засмеялся. — Будем теперь друзьями! На, держи мою руку!

И Ансем протянул Опуню раскрытую ладонь.

Опунь поспешил пожать ее. Стать другом отца Тутьи! О, это могло иметь далеко идущие последствия! От радости он заулыбался.

— Нет, ты и вправду стоящий парень! — продолжал нахваливать его Ансем. — Настоящий мужчина из тебя вырастет.

«Пусть добрые думы обо мне корнями дерева прорастают в твоём сердце,—колдовал про себя раскрасневшийся от смущения Опунь.—Пусть все твои чувства ко мне укрепятся! Помогите мне в этом, добрые духи! Помогите! Как я помог сегодня отцу Тутьи!»

Заметив, что губы Опуня шевелятся, Ансем настороженно взглянул на него.

— О чём это ты шаманишь, а?

«Неужели догадывается?!» Отпрянув в темный угол, Опунь сел на лавку и затих там. Нельзя, чтобы старик раньше времени узнал о его мечте! Нельзя! Так можно все испортить.

Ансем сплюнул коричневую табачную жвачку.

— Куда это Тикун с Карапом запропалились?

— Они шишковать пошли.

— Может, заблудились где?

— Я пойду поищу их,—поспешно предложил Опунь и с облегчением выскочил на улицу. Разговор со стариком измотал его.

И в то же время он был счастлив! Перепрыгивая через низкорослый кустарник, Опунь, словно молодой хор, помчался в тайгу. Теперь было наверняка известно: Ляля ему не соперник! Известно теперь и другое: Ансем убедился, что Опунь становится настоящим мужчиной! Он сам об этом сказал!

12

Через день морозы окончательно сковали речку и озеро.

Прорубив топором маленькую лунку, Ансем одобритительно цокнул языком:

— Лед подходящий! С три пальца толщиной, пожалуй, будет. Теперь по озеру ходи сколько душе угодно. Завтра же неводить начнем.

— Ура! — обрадовались ребята, уже соскучившиеся по работе. Им не терпелось приступить к серьёзному промыслу, которым ни один из них ещё до сих пор не занимался. За ужином они забросали бригадира вопросами:

— А не может быть так, Ансем аки, что рыба

из нашего озера куда-нибудь исчезла? — спросил Тикун.

— Дурень! — заржал Карап. — Под землю она, что ли, провалится?

— Напрасно зубы скалишь! — прикрикнул на него старик. — Бывают такие случаи. В таловых озерах. Они близко друг от друга находятся, и меж ними подземные токи иногда возникают.

— А наше озеро — таловое? — с тревогой спросил Опунь.

— Наше — нет. Не бойтесь, рыба здесь вся целехонька. Что перевезли из Пор-Ёхана, то и возьмем.

Утром, чуть свет, вся бригада была уже на Кедр Шапке. Ансем с багром в руках прошелся по озерному льду, припорошенному легким снежком. Разметил, где долбить лунки. Ребята взялись за пешни. Затем, орудуя подо льдом обструганным щестом с прикрепленной к нему прогоночной веревкой, они протянули под всей поверхностью озера невод.

— Теперь готовьте закраину! — сказал Ансем.

Вчетвером они пробили у берега большой «карман».

— Выбирай невод!

Ухватились за края мережи и потянули ее на себя. Уже через несколько минут в «кармане» заплескались сырки и пыжьяны, а когда показалась мотня невода, вода словно вскипела от мечущейся в ней крупной рыбы. Ансем с Опунем выбрали нижнюю подбору, и весь сегодняшний улов оказался в мотне, как в мешке.

— Си! Все! — засмеялся Ансем. — Наша рыбка! Теперь только черпай ее отсюда, как уху из котла!

Он первым схватил лупах¹ и выбросил на лед пару здоровенных муксунов.

Взялись за сачки и ребята. Выбирали рыбу попарно, чтобы впустую не тесниться у закраины. На льду росли, похожие на свежие сугробы, кучи мук-

¹ Лупах — сачок.

сунов, щекуров, сырков. Попадались и зубастые щуки и плоские, золотистые караси.

Несколько больших нельм бригадир отложил в сторону.

— Строганички на ужин отведаем!

К концу рабочего дня они выбрали из озера тонны четыре.

— Ох! — застонал Карап. — У меня вся спина задеревенела!

— И у меня поясница, словно пилой распиленная, — вторил ему Тикун.

Опунь тоже еле шевелил руками-ногами, но, верный своему желанию окончательно завоевать расположение бригадира, помалкивал, не подавал виду.

Еще раз оглядев добытую рыбу, Ансем велел грузить мокрый невод на нарту.

— Пусть невод с нами в избушке ночью погрееется, — сказал он. — А не то он железным станет.

Ребята впряглись в нарту.

— Хей, олешки! Вперед! — рассмеялся старик. — Был бы сейчас хорей, вы у меня быстро бы побежали!

Но вместо хорей в руках у него оказалась короткая толстая палка. Ею Ансем подоткнул со всех сторон похрустывающий на морозе невод, а затем, когда двинулись в путь, подталкивал сзади нарту.

Поверх невода на нарте красовались предназначенные для строганины жирные нельмы.

Дотащить невод до зимовья оказалось не так просто: он то и дело соскальзывал. Приходилось останавливаться и укладывать его снова. Но при первой же кочке невод опять сползал с нарты.

Наконец прибыли.

Карап взялся растапливать печь, Тикун затащил невод в дом и разложил его в теплом углу. Опунь подмел пол.

— Ох и поедим сейчас! — зачмокал губами Ансем. — Где мой нож? Тащи, Опунь, нельму да пожирнее бери!

— А мне кажется, рыба в озере похудела малость, — заметил Тикун. — Все же корма у нее там меньше было, чем в речке.

Нарезая длинными розовыми стружками нельму, Ансем возразил:

— Нет, похудеть она не успела! Мы ее быстро взяли. Смотрите, рыбий желудок застывшим жирком, словно снегом облеплен. Упитанная рыбина, в самый раз! Хватайте скорее стружки, ешьте!

Строганина из нельмы таяла во рту. Проголодавшиеся ребята уплетали за обе щеки. Часть рыбы Ансем опустил в котел, стоявший на печке.

— Еще и уши похлебаем! — сказал он, облизывая пальцы. — Завтра нам много сил нужно.

13

Морозы забирали все крепче. Холод щучьими зубами покусывал щеки. На пронизывающем северном ветру мерзли пальцы, и ребята то и дело, по примеру бригадира, втягивали руки внутрь малиц. Там можно было сунуть их подмышки и отогреть. Коченели ноги. В броднях работать было уже нельзя — они сильно скользили, а меховые кисы в ледяной каше быстро промокали и совсем не грели. Приходилось время от времени плясать вокруг закраины, чтобы не окоченеть окончательно.

Летевшие от лупахов ледяные брызги окатывали малицы и тут же застывали. Сначала ребята пытались счищать лед с одежды, но потом поняли — усилия их напрасны. Отдираешь, отдираешь коросту, а она тотчас нарастает снова.

Целую неделю работала бригада на озере. Наконец мотня невода стала приходить почти пустой.

— Ну что ж, — подытожил Ансем, — думаю, работа наша к концу подходит. Центнеров двести пятьдесят мы взяли, больше даже. Есть план! Да сверх плана не один лупах наберется!

Всю сложенную на льду рыбу Ансем тщательно укрыл еловым лапником, а сверху еще и снежком присыпал — это, чтобы не заветрила, чтобы не потеряла свои вкусовые качества.

— Вижу, вижу, утомились вы, парни, — сказал Ансем. — Молоды еще для такой работы, ну да ни-

чего, справились. Так Ай-Ване и доложу: ударно школьники потрудились!

«Нечего подчеркивать, что мы школьники,—с обидой подумал Опунь.—Мы, конечно, ходим в седьмой класс, но по возрасту уже не дети. Не наша вина, что школу у нас поздно открыли».

Работу на озере бригада закончила. Оставалось только отлправить рыбу в поселок. Нужно было кого-то послать к Ай-Ване: пусть готовит подводы, посылает сюда людей. Они свое дело сделали.

Но Ансем почему-то медлил.

— Чего нам спешить? — отвечал он на нетерпеливые взгляды ребят.— Можно теперь денек-другой и отдохнуть, пожить в свое удовольствие...

Вставали они теперь поздно, весь день топили печку да щелкали кедровые орехи, которые набрали Тикун с Карапом, лакомились строганиной, ухой из карасей — их брали в другом озерке, поменьше, неподалеку от тригонометрической вышки.

Тикун и Карап ходили шишковать, решив запастись орехами на всю зиму. Опунь бродил по тайге с двустволкой, добывая рябчиков. Вечерами Ансем, напившись чаю с рыбной варкой, рассказывал им всякие охотничьи и рыбацкие истории.

— Спешить некуда, — повторял он. — Хорошо! А выловленная рыбка не улетит — она ведь не птица! Думаю, скоро в поселке про нас вспомнят. Кто-нибудь да приедет. Подождем маленько.

Время от времени они наведывались на озеро — посмотреть, не подобралась ли к рыбе жадная росомаха или еще кто-нибудь из лесных жителей. Но пока все было в порядке.

На четвертый день, утром, угревшийся на нарах Опунь, — он еще толком и глаз не продрал, — услышал вдруг в избушке чей-то незнакомый голос. Выглянув из-под оленьей шкуры, он сразу увидел гостя. Это был мужчина в ладно сшитой неблюевой малице, подпоясанной широким кожаным ремнем, на котором висели богатые украшения: медвежьи и волчьи клыки.

«Откуда он взялся?» — подумал Опунь. И вспом-

нил, что Ансем как-то заговаривал об оленеводах с верховий Казыма, которые кочуют в здешних местах со стадами собственных оленей. Может, один из них?

Ансем что-то тихо говорил мужчине, но, заметив, что Опунь проснулся, умолк. Затем, улыбнувшись, воскликнул:

— Я-а! Вставай, вставай, парень! Что-то ты разоспался нынче. Совсем они у меня разленились без дела, Ольсан,— подмигнул он гостю.

Незнакомец Ольсан метнул на Опуня быстрый настороженный взгляд. И тут же заговорил:

— Хорошо у вас здесь,— голос у него был высокий, почти как у женщины,— тепло! А я от своих отбился, ночью метель поднялась, вот я и заплутал маленько. Был у речки Шобам-Ехан, а теперь у Пор-Ехана оказался. Сам не знаю, как такое случилось!

— Не беда, Ольсан,— сказал Ансем.— Светлеет уже. Найдешь дорогу.

— Днем-то, конечно, другое дело,— гость закивал головой.— Глаза и ноги сами к дороге тянутся.

— Вставай, вставай, Опунь! И Карапа с Тикунем буди. Завтракать будем!— заторопил ребят бригадир.— Я уже котелок с ухой на печку поставил. Сегодня в поселок пойдете, хватит тут торчать. Домой пора.

— Кто пойдет?! — тотчас соскочил с нары Опунь.

— Я пойду! — мигом проснулся Карап.

— Нет, я! — закричал Тикун.

— Ладно, ладно, не спорьте,— засмеялся Ансем.— Поднимайтесь живей. Дело это серьезное, потом решим. Сперва поесть надо, почаевать. Ольсан в дороге промерз.

Ребята наспех умылись, вырывая друг у друга из рук комочек хозяйственного мыла и потрепанное, довольно замызганное полотенце. Уселись за стол. Опунь украдкой изучал Ольсана. Мужику было наверное лет шестьдесят. Плоский широкий нос напоминал клюв утки-соксуна. Под густыми бровями поблескивали серые хитроватые глазки. Длинные космы волос спадали на плечи.

Когда Ольсан встал, чтобы бросить на освободившиеся нары свою неблюевую малицу, сверкнули рас-

шитые бисером и яркими цветными полосками меховые кисы.

«Многооленный хозяин,— отметил Опунь.— Богатый. Другой разве станет в будничные день в таких кисах щеголять?»

Ансем приоткрыл крышку котла, и зимовье наполнилось ароматом карасевой ухи.

— Вкусно едите! — поцокал языком Ольсан.

— Так мы ж рыбаки,— улыбнулся Ансем.— Вот рыбкой и пробавляемся. У кого что: у пастухов — мясо, а у нас — нельмочка!

Ансем водрузил котелок с духмяной ухой на стол, деревянным черпаком разлил по плошкам. Потом каждому положил по куску карася с зернистой желтой икрой. Ольсан снова поцокал от удовольствия языком.

После ухи пили горячий, заваренный чагой чай. Наконец Ансем перевернул свою кружку вверх дном и объявил:

— Мое решение такое: в поселок пойдут двое — Тикун и Карап.

Опунь опечалился — неужели он не увидит Тутью? Карап увидит, а он — нет... И почему это ему так не везет? Однако спорить с бригадиром он не осмелился. Вместе с огорчением пришла и другая мысль: «А может, это и не так плохо, что он останется здесь с Ансемом? Будет ему единственным помощником, сумеет еще больше завоевать его доверие. Ладно, пусть ребята идут, да поскорее, чтобы не растравлять Опуню душу».

— К ночи, думаю, дома будете,— продолжал Ансем, обращаясь к Тикуну с Карапом.— Утром пойдете в контору, Ай-Ване доложите. Скажите, Ансем просит подводы готовить. День на это, конечно, потребуется. Ну, а на следующее утро обратно пускайтесь. Будем вас ждать. Ясно?

Выскочив из-за стола, ребята бросились готовить лыжи и провиант в дорогу.

— Спички не забудьте,— крикнул им в раскрытую дверь Ансем.

— Не забудем!..

Опунь вышел во двор вслед за приятелями. Прислонясь к стене, он ревниво следил за их оживленными сборами. Интересно, расскажут они в поселке о

том, как он, Опунь, спас Ансема? Ему представилось, как Тутья, приоткрыв розовые губки, слушает Карапа. Впрочем, вряд ли этот хвостун будет распространяться о чужих подвигах, небось самого себя нахвалять станет.

И Опунь раз мечтался о том, как Ансем, вернувшись в поселок, сам поведаст дочери о своем спасителе. Вот было бы здорово! Как всегда, воображение влекло его дальше: в долину на Пор-Ехане угождает не Ансем, а... сама Тутья. А он, Опунь, прямо с берега ныряет в ледяную воду и на руках выносит девушку на берег.

— Теперь я знаю, как ты меня любишь,— шепчет она.— Знаю, какой ты отважный и смелый...

— Ансем аки, у нас все готово! — крикнул Карап. Бригадир вышел из избы.

— А чайник походный вы не забыли? — строго спросил он.— В такой путь без чайника никак пускаться нельзя. Мало ли что?

Поленившись тащить за спиной лишнее, ребята о чайнике умышленно вспоминать не стали.

— Да мы до поселка единым духом домчим! — сказал Тикун.

— Кой! Какие скорые! — проворчал Ансем.— Чаек горячий на все случаи жизни хорош: и от холода спасет, и сил прибавит. Опунь, чего, словно пень, стоишь? Тащи сюда чайник! Да еще рыбьего жиру с полки прихвати, он тоже не хуже чая согреть может.

Объяснив ребятам, где можно сократить путь, срезая мысы, и как пересекать замерзшие болота и лесные озера, Ансем махнул рукой:

— Трогайте!

Вскоре Тикун с Карапом скрылись за поворотом таежной тропы.

Ансем вернулся в зимовье, а Опунь продолжал стоять, прислонившись к стене. «И все-таки, кто такой, этот Ольсан? — думал он. Почему-то не верилось, что тот просто заблудился.— О чем Ансем шептался с ним утром? А вдруг это новый богатый сват? Вон, как он нарядно одет! Для обычной работы так не одеваются! Наверняка у Ольсана есть взрослый сын, которого пора женить...»

Опунь завернул за угол зимовья и оглядел оленью

упряжку нежданного гостя. Хоры здоровые, упитанные. Пятиножная нарта так же богато украшена, как и кисы хозяина. Что-то непохожи эти олешки на измученных дальней дорогой!

Резко рванув на себя дверь избушки, Опунь вошел в зимовье. Ансем, снова тихо о чем-то говоривший с Ольсаном, запнулся на полуслове, словно чего-то испугавшись. Глаза его плутовато забегали.

— Ты чего, парень? — с раздражением спросил он. — Забыл что-нибудь?

Пожав неопределенно плечами, Опунь опустился на чурбачок возле печки. Ансем, явно недовольный этим, заерзал на месте, ни с того ни с чего начал смеяться своим дробным, визгливым смехом. Наконец нашелся:

— Гостя, пожалуй, угостить еще надо, а? — Он подмигнул Ольсану. — Строганинкой побаловать! Знаешь что, Опунь, беги-ка на озеро, возьми там нельму... да пожирнее...

— Хорошо, Ансем аки, — сказал Опунь, вставая. — Я сбегаяю.

— Больно-то не спеши, — посоветовал бригадир. — Ольсану, конечно, задерживаться у нас нельзя, дела ждут, но время еще есть.

Опунь пошел за рыбой. Всю дорогу какое-то неприятное предчувствие не покидало его.

День стоял солнечный, ясный, небо голубело сквозь быстрые, легкие облачка. На неглубоком, искрящемся снегу четко виднелись птичьи следы. Внезапно еще один след привлек внимание Опуня: прямо к озеру вела свежая колея нарты. Кто-то объехал вокруг рыбные кучи и снова повернул в лес. Конечно, это след оленьей упряжки Ольсана. Чей же еще?

«Что он здесь делал? — взволновался Опунь. — Может, рыбой нашей запасался?»

Но нет, весь улов был цел.

Опунь достал крупную нельму из той кучи, которую они отложили для себя, сунул ее подмышку и, насвистывая, отправился обратно в зимовье.

В избушке весело потрескивала печка, в цинковом ведре подтаивал снег для чая. Вспотевшие от жары Ансем с Ольсаном, сняв малицы, сидели на низких лавках, пожевывая табак. В избушке пахло спиртом.

Увидев нельму, гость оживился.

— Вот это еда! — воскликнул он. — У меня сразу слюнки потекли, а то в лесу все мясо да мясо. Приелось.

Старики многозначительно переглянулись, и это не ускользнуло от настороженного внимания Опуня. «Они о чем-то договорились? — забеспокоился он. — И Туття уже просватана?! Недаром же Ансем меня на озеро отослал...»

Приуныв, Опунь положил нельму на столик. Ансем взял топор и принялся обрубать плавники. Затем ловко ободрал кожу и острым ножом начал строгать ровные тонкие пласты.

— Давай скорее соли! — сказал он Опуню. — И хлеба нарежь.

— Недавно, вроде, и завтракали, — заулыбался Ольсан, — но разве от такой рыбки откажешься?

Он с жадностью накиннулся на строганину и в миг опустошил добрую половину деревянной площадки, подвинутой ему Ансемом. Наевшись до отвала, откинулся на нары и прикрыл глаза.

— Подремать хотите? — спросил Ансем. — Ложитесь удобнее.

— Нет, я только на минуту. Ехать надо, — ответил Ольсан.

Он и в самом деле вскоре поднялся и пошел во двор готовить упряжку.

— Ну что, парень, дадим человеку рыбки на дорогу? — подтолкнул Опуня в бок тоже разомлевший от сытной еды и тепла Ансем. — Подкинем маленько щекуров? Пусть у себя в чуме побалуется!

Выйдя к Ольсану, он что-то шепнул ему, потом поманил рукой Опуня и все трое уселись на нарту. Здоровенные, хорошо отдохнувшие хоры, резво помчали их по лесной дороге.

Когда упряжка остановилась у озера, Ансем взял дорожный мешок Ольсана и наполнил его до половины. Опунь вновь прикрыл рыбу свежим лапником, подсыпал снегу.

Ольсан, простившись со стариком за руку, вскочил на свою нарту, взмахнул хореом, и олени взяли с места крупной размашистой рысью. Вскоре гость скрылся из виду.

Ансем, задумавшись о чем-то своем, посасывал табак. Отложив лопату, которой подгребал снег, Опунь спросил:

— Чем теперь займемся, Ансем аки?

— А! — беспечно махнул рукой бригадир. — Ничем! Хочешь, поброди по тайге с ружьем, хочешь спать отправляйся.

Молча добрались до избушки. Ансем сейчас же полез на нары, а Опунь, последовав его совету, взял двустволку и ушел в лес.

Ветра не было, и мохнатые кедры, легкие, убранные инеем березки, стройные ели стояли не шелохнувшись. Завороженный красотой зимней тайги, Опунь снова начал думать о Тутье. Хорошо Карапу с Тикунном! Они уже завтра побывают у председателя, и весь поселок узнает, что их маленькая бригада дала колхозу план. Услышит об этом, конечно, и Тутья. Но кто ей сможет рассказать вот об этом заснеженном лесе, о том, как сверкает под солнцем река, о громком крике взлетающего поутру глухаря? О медвежьих следах на пустынном берегу Пор-Ехана? А вот он, Опунь, рассказал бы! Он нашел бы такие слова... такие слова, что Тутье показалось бы, будто она сама здесь побывала, будто видела все своими глазами... И почему только Ансем не послал его в поселок? «Но ничего,— утешал сам себя Опунь.— Ничего... Через пару дней придут подводы, мы погрузим рыбу, и я обязательно попрошусь на первую. Наверное, потянет лучший из колхозных коней. Может быть, Чалка... Мы украсим упряжку красными флажками, и в руке у меня тоже будет развеваться флаг. Настоящий флаг! Я сделаю его из платка, который дала на дорогу мать... Платок алый, так и переливается, так и горит на свету! Заметив обоз, весь поселок выйдет на улицу... А учительница Анна Михайловна скажет ребятам: «Смотрите! Из далекого похода возвращаются наши славные рыбаки! Они с честью выполнили важное государственное задание! Давайте прервем урок и поспешим им навстречу».

И первой выбежит на улицу Тутья.

Опунь тронет вожжами Чалку, тот помчится навстречу девушке, взметая копытами снег, а когда подвода поравняется с Тутьей, Опунь, крикнув «Тр-р-р!», приостановится ненадолго, тихо скажет:

— Вот я и приехал! Ты рада?

Тутья опустит ресницы, ничего не ответит, но по улыбке, дрогнувшей на ее губах, он поймет, рада!

...Под ногами у Опуня хрустнул сучок, и он очнулся от своих мечтаний. Ну что ж, а с другой стороны, может и неплохо, что он остался здесь с Ансемом. Уединенная жизнь вдвоем в подобной глуши сближает — ведь он так стремится понравиться отцу девушки! И стремится не даром: у ханты в брачных делах многое, почти все зависит от согласия родителей. Плохо это или хорошо — об этом Опунь еще не задумывался, он просто знал: иначе и быть не может...

«Зачем все же приезжал Ольсан? — Иглой лесного шиповника колола Опуня эта мысль. — А может, взять и открыться во всем Ансему? Не ходить вокруг да около? Прямо сегодня и поговорить по душам?»

Приняв такое решение, Опунь даже повеселел. Полдня шатался он по тайге. Раза три упустил взлетавших из-под ног глухарей, которые лакомились подснежной брусникой. Под шелест их могучих крыльев он с досадой думал, что не будь так растревожен как сейчас, ни за что не упустил бы верной добычи. А сегодня даже не заметил глухариных следов, хотя они отчетливо видны на снегу.

Только на обратном пути, уже совсем недалеко от зимовья, в осиннике, Опунь подстрелил двух косачей, клевавших мерзлые почки.

Ансем сидел возле раскалившейся печурки, на которой пофыркивал пузатый закопченный чайник. На столе лежала горка строганины из муксуна. Видимо, рыбу с мороза Ансем принес только что: стружки еще не успели оттаять. Увидав косачей, старик обрадовался:

— Я-а! Да ты, я вижу, не даром ходил! Без супа теперь не останемся. А пока садись, поешь строганины. Только что настрогал — будто чуял, что ты на пороге.

Опунь присел к столу. Он был голоден, но ел без всякого аппетита. Он мучительно размышлял, как приступить к задуманному в лесу разговору. И настоль-

ко ушел в себя, что даже не расслышал хрипловатый окрик Ансема:

— Ты что, парень? Третий раз тебя окликаю! О чем думаешь?

— О чем? — Опунь поднял глаза на старика. — О Тутье...

Заветное имя он произнес твердо, с нажимом.

От неожиданности Ансем хихикнул.

— По школе соскучился? Ты же с моей дочкой на одной парте сидишь? Или нет? На соседней? — старик отхлебнул из кружки чаю и вдруг глянул на Опуня, хитро прищурившись. — О Тутье, значит, помышляешь? Да?

Готовый провалиться сквозь землю от страшного смущения, красный, словно болотная клюква, Опунь прошептал:

— Да, Ансем аки... Я люблю вашу Тутью... Очень люблю... — Ансем молчал, пристально разглядывая юношу. — Я... Я... — продолжал выдыхать слова Опунь. — Я знаю, вам другого зятя хочется. Чтобы у него родня большая была, олени водились. А у меня мать, братишка да сестра, и та в другом поселке живет. Но... я...

Сердце у Опуня билось попявшей в силлок куропаткой. Не в силах совладать с собой, весь вспотевший, Опунь пинком распахнул дверь избушки и выскочил на мороз. Он сказал все, что хотел, а теперь — будь что будет!

Отбежав, словно загнанный лось, к ближайшему кедрачу, он остановился там, не зная, что делать дальше. Мысли метались в разгоряченном мозгу подобно осетру, угодившему в гимку¹. «Что я натворил! — с ужасом думал Опунь. — Ансем аки мне ничего не ответил. Он рассердился, видеть меня теперь не захочет...»

В этот момент со стороны зимовья послышался голос бригадира:

— Опу-у-унь! Опу-у-унь! Где ты? Замерзнешь!..

Ансем вынырнул из темноты. В руках он держал малицу.

— На, накинь! Выскочил из дому, словно огонь из костра. Вот чудак!

¹ Гимка — ловушка для рыбы или зверя.

Опунь послушно надел теплую малицу. Он весь дрожал от пережитого волнения и не мог произнести ни слова.

— Будет, будет, сынок, — ласково положил ему ладонь на плечо Ансем. — Зачем так дергаешься? Любое дело спокойно надо делать. Обдумать все хорошенько. Даже чайник вскипятить не так просто, — не доглядишь, вся вода убежит, а в таких делах, о которых ты подумываешь, спешка уж совсем ни к чему.

Вспыхивая кисами снег, они шли к избушке. Густо-синее небо, усеянное, как морозкой, спелыми звездами, широко простиралось над ними.

— Зачем нам с тобой торопиться? — продолжал Ансем доверительным тоном. — У дверей выездная нарта пока не стоит. Нынче ведь как? Иная дочь замуж выскочит, родителей не спросит. Времена меняются. Что я, слепой, не вижу? Конечно, мои дочери не такие, без моего согласия ничего не сделают. Но все же пускай она сама решает. Вот вернемся в поселок, подумаем... Один к нам уже сватался...

— Ляля? — выпалил Опунь.

— Ляля, Ляля, — засмеялся Ансем. — Мы с тобой уже о нем говорили. Знатный был жених, ну да что о нем жалеть? Я хоть и старею, но кой-какой ум еще остался. На Ляле свет клином не сошелся. Есть и другие парни. И против тебя, Опунь, я ничего не имею. Узнал за последнее время. Вижу — надежный ты человек. От работы не бегаешь, ко всякому делу с душой относишься. А это, скажу я, поважнее богатого калыма будет. Да, поважнее. Старый Ансем еще не спятил, чтобы такого не понимать.

— Правда, Ансем аки?! — обрадовался Опунь. — Правда?!

— Правда, сынок, правда.

Не зная, как выразить свою благодарность, Опунь бросился бригадиру на шею, чуть не опрокинув его в снег.

— Тише ты, тише, навалился, словно медведь! — улыбнувшись, сказал Ансем. — Разве так можно? Совсем меня задушил...

— А вы не раздумаете? — робко спросил Опунь, вдруг засомневавшись в услышанном. — Значит, я могу надеяться? Правда?

— Слово Ансема ясное, как цвет небесной радуги! — высокопарно произнес старик и для большей убедительности ткнул себя пальцем в грудь.

14

Наутро Опунь проснулся с таким ощущением, что накануне, в лесу, набрал семь туесов счастья. Хмурый нынешний день казался ему теплым и солнечным. Совсем по-весеннему пели птицы на ветвях осинок и елей. Празднично искрился снег, и особенно «вкусным» казался морозный воздух. Даже не напившись чаю, Опунь выскочил из зимовья. Сидеть сейчас на месте он просто не мог. Ему хотелось куда-то бежать, лететь, двигаться вперед и вперед... Надев лыжи, в малице с откинутым на спину капюшоном, он ринулся по заметенной лыжне в тайгу. Стройные березки, опустившие под тяжестью инея легкие ветви, казались ему похожими на Тутю. Солнце, выглянувшее из-за сизых туч — тоже походило на нее, и даже широкоплечий кедр, одиноко вставший посреди поляны, почему-то напоминал ему черные косы любимой.

Опунь шел по распадкам, холмам, пересекал замерзшие болотца, побывал на речке, вернулся обратно в лес... Сколько он так проплутал, не чуя под собой ног? Времени Опунь не считал, но когда вдруг стало смеркаться, понял, что пора возвращаться в избушку: что подумал о нем сегодня Ансем? Наверняка тревожится, хотя и знает, что Опунь просто бродит по лесу...

Подул низовой северный ветер. Казавшаяся только что жаркой, малица уже почти не грела. Опунь прибавил шаг. Перед ним лежало широкое, покрытое кочками, зарослями багульника и мелкого ельничка болото. «Куда это я забрел? Неужто заблудился?» Поднялась поземка. Еще немного, и все следы в лесу заметет... «Ничего, — успокаивал себя юноша. — Уж очень-то далеко я уйти не мог. И потом, у меня есть спички, три патрона с пулями...»

Уже совсем стемнело, когда он наконец отыскал свою лыжню.

Пошатываясь от усталости, почти в полночь Опунь ввалился в избу.

— Ты что делаешь? — набросился на него бригадир, но — Опунь отметил это — не очень строго. — Разве так можно?! Я уж чего только не передумал. Тайга есть тайга, тут всякое может случиться. Где пропал?

— Сам не знаю, Ансем аки, — честно признался Опунь. — Утром так хорошо в лесу было, хотел прогуляться. Шел, шел, потом смотрю — места незнакомые.

— Прогуляться! — недоверчиво фыркнул старик. — Небось зверя какого-нибудь выслеживал. Если так, то я, конечно, тебя понимаю... Сам смолоду за песцом мог на край света уйти, не знал удержу. Ни дня, ни ночи не замечал. Бывало такое. Ну так что за зверь тебя вдаль позвал? Говори! — в глазах Ансема блеснул интерес. Видно, и вправду он в молодости был азартным охотником.

— Нет, Ансем аки. Зверь здесь не при чем. Я и следа-то сегодня не видел.

— Так в чем же дело?!

— Я же сказал — сам не знаю! — засмеялся Опунь. — Не знаю — и все!

— Ладно, — проворчал Ансем. — Пей чай. На полке рыбий жир возьми. Иначе и простудиться недолго. Зима ведь.

— Хорошо, Ансем аки.

Опунь налил себе крепкого чаю и, взяв кружку обеими руками, стал прихлебывать обжигающую жидкость. Старик тоже подсел к столу. Правда, на этот раз он насыпал себе не чаги, а невесть откуда взявшейся в зимовье настоящей заварки. Пил, громко фыркая и причмокивая губами.

— А-ах! Вот это чай так чай! — время от времени приговаривал он. — Попьешь такого — словно десять лет с плеч долой. Хочешь, и тебе подсыплю?

— Не-а, — замотал головой Опунь. — Я с чагой люблю. А откуда у нас такой чай, Ансем аки?

— Добрый человек подарил, — усмехнулся старик.

«Ольсан, что ли?» — подумал Опунь, но вслух ничего не сказал: глаза у него слипались.

— Иди ложись, отдыхай, — сказал Ансем, доста-

вая из кармана табак.— А я посижу, печку покараулю. Днем выспался, пока тебя не было.

Опунь нырнул в дальний угол нары и сразу уснул. Ему приснилось, как он вместе с бригадиром мчит по бескрайнему зимнему полю на легкой ездовой нарте. Три белобоких хора вспахивают копытами снег. Ансем поднимает хорей, и олени, послушные ему, летят вперед, как на крыльях. Ветер яростно хлещет в лицо, насвистывает в ушах: «Туть-я, Туть-я...» Вдалеке Опунь видит крутящийся снежный ком.

«Кто-то едет навстречу!» — кричит он. — Да, едет! — кивает Ансем и вiovь взмахивает хореем. Вынырнувшая из снежного вихря упряжка, стрелой проносится мимо них. «Ансем аки! Остановитесь!!! — кричит Опунь. — Ведь это же ваша дочка, Тутья! Видите?! Поворачивайте! Ее нужно догнать!..»

Опунь очнулся оттого, что бригадир тряс его за плечо.

— Ты что, парень?! Почему во сне кричишь? Страшное что привиделось?

— Нет, ничего,— буркнул Опунь. Отбросив со лба взмокшую прядь волос, он попытался снова уснуть — ведь Тутью нужно было непременно догнать, пока она не скрылась за горизонтом! — но сон больше не шел, растекался словно вода из пригоршни. Наконец Опунь впал в дремотное полузабытье. Сколько времени лежал так, не помнит. Наверное, можно было успеть запрячь не одну оленью упряжку. На долю секунды перед ним снова мелькнуло разрозовевшееся от быстрой езды лицо Тутьи, затем, будто в тумане, он видел Ансема, скорчившегося на скамеечке у печурки. Вот он выпрямился... встал, надел малицу... Подпоясая широким ремнем — тихо брякнули подвешенные к нему волчьи клыки... «Куда это он на ночь глядя собрался? — вяло подумал Опунь. — Может, дров нарубить хочет?» Эта мысль заставила его очнуться. Он протер сонные глаза и сладко зевнул. «Чего же я тогда разлегся? Нужно помочь старику...»

Окончательно стряхнув сон, Опунь спустил ноги на пол. Обулся в кисы и вышел на улицу.

Ночь стояла светлая. Ярко горела, похожая на медную сковороду, луна. Ветер почти утих, лишь отдельные резкие порывы заставляли вдруг шептаться дере-

вья, и лес наполнялся протяжным стоном. Ансема на дворе не было.

«Кой! — удивился Опунь. — Куда же он так внезапно исчез? Недавно вроде бы был в избе... Или это спросонья так кажется?!»

— Ансем аки! — крикнул, приставив ладони к губам, Опунь. — Ансем ак-и-и!

Никто не отзывался.

Опунь вернулся в дом, оделся потеплее. Потом снова обошел вокруг избушки... Вон оно что — здесь побывал гость! На примятом снегу, в лунном свете отчетливо видны были оленьи следы и отпечатки полозьев большой нарты. Они вели в лес, на ту дорогу, по которой они обычно ходили к озеру.

Опять Ольсан? Или еще кто-то из оленеводов? И почему хоров четверо? Обычно ездят на двух, реже — на трех оленях. Четвертого добавляют, если нарта сильно нагружена. Отчего Ансем ему ничего не сказал? Ведь он, похоже, знал что кто-то приедет... Потому, наверное, так быстро исчез... Куда они поехали?

Опуня опять терзали ревнивые подозрения. Может, Ансем, желая от него отделаться, надавал ему обманных обещаний, а сам продолжает подыскивать дочери жениха? И нарочно отъехал с незнакомцем подалее от зимовья, чтобы никто не мешал им вести переговоры?

Недолго думая, Опунь схватил ружье и, надев лыжи, устремился по следу. Луна четко высвечивала углубления в снегу, оставленные оленьими копытами. Упряжка двигалась легко, нарта явно была пустой: хоры не «зарывались» в снег, их следы темнели ровной аккуратной цепочкой.

Цепочка прямехонько вела к озеру, где стыли под луной большие рыбные кучи.

На открытом месте, у речки, порыв ветра принес снежный заряд. словно стаи белокрылых чаек замельтешили вдруг в переливах лунного света. Видимость пропала, и дальше Опунь двигался наугад. Впрочем, тропа к озеру была ему хорошо знакома. По ней он прошел бы и с закрытыми глазами!

Вскоре ветер донес чьи-то голоса, поскрипывание льда, какие-то глухие удары.

Опунь нащупал камусом лыжи русло, по которому

они перетаскивали колданку. Еще с десятков шагов — и будет озеро.

Утих ветер. Снежинки, словно белые куропатки, распластав крылья, прильнули к земле. На льду озера Опунь различил два темных силуэта.

Ансем и Ольсан?

Один орудовал лопатой, другой загружал колхозной рыбой объемистые мешки. Три мешка уже лежали на стоявшей неподалеку нарте.

Опунь остолбенел. Он не верил собственным глазам. Да, бригада брала здесь рыбину-другую для общего котла, что было естественно. Да немножко щекуров дали недавно Ольсану в дорогу. Так принято в их краях, это тоже естественно. Но ведь сейчас исчезали десятки, сотни килограммов улова! Улова, который взят такой ценой! Государственного улова... Предназначенного для фронта! Опунь словно воочию увидел, как они месили сбитыми в кровь ногами холодную глину, как пытались растереть друг другу занемевшие руки и спины, как падали вечером на нары от свинцовой усталости... Вспомнилось суровое лицо председателя Ай-Вани и его слова: «Наша рыба фронту нужна, ребята. Такая вот штука!» Острой болью пронзила мысль о пропавшем без вести отце, которого они с матерью все еще ждали... Кого решил обмануть Ансем? Ради чего?

Опунь подошел поближе.

В ночной морозной тиши отчетливо слышались голоса:

— Еще один наберу — и хватит. Больше мои олени не довезут.

— Раз, два, три, четыре... — пересчитал мешки с рыбой Ансем. — Ты только своих обещаний, Ольсан, не забудь.

— Не забуду. Лучшую важенку для тебя выберу. Сюда приводить или в поселок?

Ансем на минуту задумался.

— В поселок веди. Скажешь, давно мне оленя должен.

— Ладно... Возьму еще несколько нельм. Уж больно жирны!

— Бери, бери. Жалко, что ли? Ведь не свое отдаю! — и Ансем засмеялся тем дробным хриплым смешком, который так раздражал Опуня.

Ольсан арканом привязывал мешки к нарте.

— Слушай, а где твои пацаны? — вдруг спросил он.

— Двоих я в поселок услал, ты же знаешь... Только завтра, наверное, объявятся. А третий — дрыхнет. Десятый сон, поди, видит. Весь день по тайге болтался, умаялся — пушкой не разбудить.

— Как думаешь, не заметит никто, что рыбки тут поубавилось?

— Не твоя забота, — усмехнулся Ансем. — Ты давай уезжай быстрее. Дело сделано — нечего время попусту тратить.

Услышав это, Опунь насторожился.

— А вдруг этот, третий, — как его, — который спит здесь, завтра что-нибудь заподозрит?

— Не заподозрит. Ветром и снегом все заметет. А если чего и увидит — уж мне-то его бояться нечего!

— Это почему же — нечего?

— А он в зятя ко мне метит! — хихикнул Ансем.

— Ну тогда, конечно... Родственник родственника всегда прикроет. На том свет держится! — заявил Ольсан.

— Табачку на дорогу? — Ансем предложил гостю свою табакерку.

Оба потолкали за нижние губы табачного крошева. Послышалось посасывание и почмокивание — старики, свершив сделку, наслаждались любимым занятием. Олени нетерпеливо топтались на озерном льду. Их ветвистые рога отбрасывали на снег причудливые тени.

Опуня било, как в лихорадке. Он до крови прикусил губу. Надо, надо на что-то решиться!

Один его шаг — и дорога к дому Ансема навсегда будет закрыта! Дочери на Севере все еще покорны своим отцам. Тутье запретят и глядеть в его сторону, не то что разговаривать с ним! Не спросив ее согласия, выдадут замуж, увезут на нарте в неведомые края. И тогда прощай любовь, прощай мечта — ни на каких оленях ее не догонишь!..

«Никто меня не видел, — мелькнуло в голове. — Тихо отползти в сторону. Если поторопиться, можно опередить Ансема, забраться на нары и притвориться спящим...»

они перетаскивали колданку. Еще с десятков шагов — и будет озеро.

Утих ветер. Снежинки, словно белые куропатки, распластав крылья, прильнули к земле. На льзу озера Опунь различил два темных силуэта.

Ансем и Ольсан?

Один орудовал лопатой, другой загружал колхозной рыбой объемистые мешки. Три мешка уже лежали на стоявшей неподалеку нарте.

Опунь остолбенел. Он не верил собственным глазам. Да, бригада брала здесь рыбину-другую для общего котла, что было естественно. Да немножко щекуров дали недавно Ольсану в дорогу. Так принято в их краях, это тоже естественно. Но ведь сейчас исчезали десятки, сотни килограммов улова! Улова, который взят такой ценой! Государственного улова... Предназначенного для фронта! Опунь словно воочию увидел, как они месили сбитыми в кровь ногами холодную глину, как пытались растереть друг другу занемевшие руки и спины, как падали вечером на нары от свинцовой усталости... Вспомнилось суровое лицо председателя Ай-Вани и его слова: «Наша рыба фронту нужна, ребята. Такая вот штука!» Острой болью пронзила мысль о пропавшем без вести отце, которого они с матерью все еще ждали... Кого решил обмануть Ансем? Ради чего?

Опунь подошел поближе.

В ночной морозной тиши отчетливо слышались голоса:

— Еще один наберу — и хватит. Больше мои олени не довезут.

— Раз, два, три, четыре... — пересчитал мешки с рыбой Ансем. — Ты только своих обещаний, Ольсан, не забудь.

— Не забуду. Лучшую важенку для тебя выберу. Сюда приводить или в поселок?

Ансем на минуту задумался.

— В поселок веди. Скажешь, давно мне оленя должен.

— Ладно... Возьму еще несколько нельм. Уж больно жирны!

— Бери, бери. Жалко, что ли? Ведь не свое отдаю! — и Ансем засмеялся тем дробным хриплым смешком, который так раздражал Опуня.

Ольсан арканом привязывал мешки к нарте.

— Слушай, а где твои пацаны? — вдруг спросил он.

— Двоих я в поселок услал, ты же знаешь... Только завтра, наверное, объявятся. А третий — дрыхнет. Десятый сон, поди, видит. Весь день по тайге болтался, умаялся — пушкой не разбудить.

— Как думаешь, не заметит никто, что рыбки тут поубавилось?

— Не твоя забота, — усмехнулся Ансем. — Ты давай уезжай быстрее. Дело сделано — нечего время попусту тратить.

Услышав это, Опунь насторожился.

— А вдруг этот, третий, — как его, — который спит здесь, завтра что-нибудь заподозрит?

— Не заподозрит. Ветром и снегом все заметет. А если чего и увидит — уж мне-то его бояться нечего!

— Это почему же — нечего?

— А он в зятя ко мне метит! — хихикнул Ансем.

— Ну тогда, конечно... Родственник родственника всегда прикроет. На том свет держится! — заявил Ольсан.

— Табачку на дорогу? — Ансем предложил гостю свою табакерку.

Оба натолкали за нижние губы табачного крошева. Послышалось посасывание и почмокивание — старики, свершив сделку, наслаждались любимым занятием. Олени нетерпеливо топтались на озерном льду. Их ветвистые рога отбрасывали на снег причудливые тени.

Опуня било, как в лихорадке. Он до крови прикусил губу. Надо, надо на что-то решиться!

Один его шаг — и дорога к дому Ансема навсегда будет закрыта! Дочери на Севере все еще покорны своим отцам. Тутье запретят и глядеть в его сторону, не то что разговаривать с ним! Не спросив ее согласия, выдадут замуж, увезут на нарте в неведомые края. И тогда прощай любовь, прощай мечта — ни на каких оленях ее не догонишь!..

«Никто меня не видел, — мелькнуло в голове. — Тихо отползти в сторону. Если поторопиться, можно опередить Ансема, забраться на нары и притвориться спящим...»

Но руки сами потянулись к ружью.
Подняв двустволку, Опунь выстрелил в воздух.
Ольсан с Ансемом, как пораженные громом, мгновенно вздрогнули и обернулись...

— Стоять! Стоять на месте!

Опунь вышел на лед и решительно направился к нарте Ольсана...

ПО СЛЕДУ

Пиляп и Мартин разложили на прошлогодней сухой траве дымящееся жаркое — двух жирных самцов-шилохвостей, добытых сегодня утром. Вкусный запах возбуждал аппетит и обещал хороший обед.

Устроившись поудобнее возле костра, охотники принялись за еду. Мартин первый с хрустом переломил жареное утиное крылышко:

— Вкусно, — сказал он, облизывая губы. — Первая удача на весенней охоте!

— Да-а, — ответил Пиляп. — Щедрa природа дарами. Не забыл нас Вой Шавиты Ики.

— Это кто такой? — спросил не слишком искушенный в старых хантыйских поверьях Мартин.

— Идол, охраняющий дичь. — Пиляп почему-то медлил с едой, подозрительно поглядывал по сторонам и вдруг тревожно завертел головой. — Тихо! Подожди! Слышишь?

Мартин насторожился. В прибрежном тальнике что-то колыхнулось, раздался треск сухих сучьев.

Охотники переглянулись: что за зверь?!

Треск за протокой усилился. Потом над крутолобым, просевшим с южной стороны сугробом, вдруг резко обозначился в слепящем солнечном свете силуэт огромного косматого зверя.

— Старик! — сдавленно прошептал Пиляп. — Он! Поставь кружку, не время языки мочить.

Медведь зашевелился и, мотая головой, медленно двинулся вдоль протоки Ай-Варов. Полоса серебряной талой воды шириной метров в двести отделяла его от охотников.

— Что будем делать? — спросил Мартин и потянулся к ружью.

— С ума сошел? Утиной дробью по Старику палить вздумал? Постой, я с ним поговорю.

— Поговоришь?! — удивился Мартин. И усмехнул-

ся: — Ну поговори, поговори, а я послушаю, что он тебе ответит...

Но Пиляп на эти слова не обратил никакого внимания. Прикрыв глаза и обернувшись лицом к медведю, забормотал:

— Кой, Старик! Зачем ты вышел из лесу к нам на дуга? Разве здесь есть для тебя пища? И мыши сейчас не найдешь! А найдешь — удастся ли тебе ее сцапать? Ведь ты ослаб в своей зимней берлоге, обленился. Возвращайся в тайгу! Вон она, синееет у тебя за спиной. Там ты все найдешь, что тебе нужно! Прошу тебя, Старик, уходи!

Медведь, словно услышав обращенную к нему речь, остановился и затоптался на месте. Затем развернулся и медленно удалился в низкий тальник.

Пиляп с облегчением вздохнул.

— Видишь, я все же договорился с ним!

— Договорился... но ведь он все равно обратно пожалует. Сам знаешь.

— Знаю.

Пиляп задумался. Это надо же, чтобы мойпар весной на заливных лугах показался! Редкий случай. И он снова вздохнул, на этот раз озабоченно: медведь, объявившийся не вовремя и не в своих местах — большая опасность. Он голоден, свиреп и хитер, как сам дьявол. Пиляпу вдруг стало жарко, он откинул назад капюшон малицы: суеверная мысль обожгла его — а что если это ТОТ САМЫЙ мойпар?! И пришел неспроста, а потому, что Ему настала пора встретиться именно с ним, с Пиляпом?

Ветер трепал седые волосы старого охотника, но он не замечал этого, не чувствовал. Волнение охватило его.

Мартин тем временем осматривал охотничье снаряжение.

— Н-да! — заявил он. — Плохи наши дела. Я думал, может, хоть одна пуля в мешке заваялась.

— Так ведь на уток шли, — очнулся Пиляп. — Откуда ж ей быть, пуле? Ну ладно, давай доедим дичину, чаю попьем. Пустой желудок ни ума, ни силы не прибавит. А тут вопрос непростой...

Они молча принялись за еду, и каждый из них думал примерно об одном и том же. Днем, конечно, медведь их не тронет, а вот ночью — покоя не жди.

И почему только собак в этот раз не взяли? Конечно, от весенней ледяной воды их убереечь хотели, да кто же знал, что такое случится? Надо бы поскорее уйти... Но как расстаться с заветными охотничьими местами? Ведь столько ждали эту охоту, столько снвлась она в долгие зимние ночи...

Пиляп и Мартин переглянулись и поняли друг друга без слов: первым делом нужны пули.

— Может, перелить попробуем? Дроби хватит,— предложил Мартин.

Пиляп кивнул и тут же сам взялся за дело. Принес из лодки-колданки жестянку, срезал с сетей четыре пенопластовых поплавка-балбера.

— Давай расколю,— предложил Мартин, берясь за острый нож-сѣхар.

— Только режь аккуратней, с дулом ружья сверься.

Скоро были готовы две круглые формочки для пуль шестнадцатого калибра. Сквозь маленькие отверстия залили туда расплавленный свинец, слегка остудили, затем комочки металла подправили и чуть раскатали. Получилось шесть довольно приличных пуль, с которыми уже можно было чувствовать себя спокойней. Мартин весело подмигнул Пиляпу:

— А что? Может, попробуем поискать Старика? Наверняка залег где-то поблизости.

— Уж больно ты расхрабрился, голову до небес вскинул,— проворчал Пиляп. Но ружье зарядил: ему не терпелось проверить свою догадку.

— Так как? — подзадорил старшего друга Мартин.— Пойдем или нет?

— погоди, не царапайся языком. Дай подумать.

— А чего тут думать, растягивать мысли в длину женского волоса?

Пиляп нахмурился:

— На Старика идти — затея нешуточная. Уж я-то знаю. Когда с оленями кочевал по Уралу, повидал всякого — чуть не за руку с мойпаром здоровался. А четырех — домой привел.

Мартин засмеялся:

— Привел! Слово о корове говоришь.

— Не зубоскаль! Не знаешь разве? По старым обычаям про медведя нельзя говорить «убил». Духи прогневаются.

Мартин притих и тоже зарядил двустволку. Он хорошо знал охотничий азарт своего товарища — еще минута и тот сдастся.

Именно так и вышло.

— Ладно, — заявил Пиляп. — Садимся в лодку. Нож не забудь.

На крутоносой широкой колданке, тихонько подгребая, они переправились на противоположный берег протоки. Приткнулись к затянутой илом коряге.

Пиляп выбрался из лодки и устроился с ружьем на влажном стволе, положив рядом свои охотничьи лыжи.

— Я здесь останусь. А ты поезжай дальше, за тальник. Думаю, он на остров подался. Услышишь — гони на меня. А я учую — к тебе направлю. Не стреляй только раньше времени — на половину броска аркана сперва подпусти.

Мартин кивнул в ответ и, оттолкнув колданку, бесшумно заскользил к видневшемуся за зарослями тальника мысу.

* * *

Пиляп достал из кармана свою трубку, не торопясь набил ее махоркой, сделал пару глубоких затяжек. Над водой поплыл голубоватый дым. Трубка у старика самодельная, когда-то Пиляп собственноручно выточил ее из кирпичного, обкатанного рекой таша — грузила для невода. Трубки из березового капа, которые делали местные умельцы, быстро прогорали, никаких других в продаже в ту пору не было. Вот и пришлось мастерить самому. Трубка получилась тяжеловатой, зато — надежной.

Накурившись, Пиляп надел лыжи, взял ружье и решил сам пойти поискать медведя. Подтаявший снег проседал под его тяжестью, несколько раз он проваливался до колен. Идти приходилось медленно, с большой осторожностью: здесь, под хрупким настом, могла оказаться вода. Минут через двадцать Пиляп сильно вспотел под своей малицей. «А каково Старикку? — подумал он. — Тоже ведь в шубе! Я хоть на лыжах...»

На сером мокром снегу отчетливо виднелся отпе-

чаток могучей медвежьей лапы. Пиляп нагнулся, чтобы получше разглядеть его — в последнее время зрение резко ухудшилось. Один глаз уже почти затянуло пленкой. Если б не это, он, конечно, по-прежнему пас бы оленьи стада, кочуя по предгорьям Полярного Урала. Но и охота, и рыбный промысел были для него делом привычным — он с младенческих лет на реке да в тайге.

Медведь шел назад тем же путем, каким выбирался к протоке. Следы вели к густому тальнику, темневшему неподалеку.

Пиляпа так и тянуло в этот тальник, но он сдержал себя: Старик — не волк и не лось, весной с ним один на один, да еще без собаки, в зарослях, лучше не встречаться. Пошел дальше по следу.

Примерно через полкилометра опять выбрался на луга.

Ага, снег раскидан, помята прошлогодняя трава. Здесь Старик лежал до того, как почуял охотника. Потом он, вспахивая вокруг снег, побежал дальше.

Пиляп понял: он где-то рядом, придется гнать его в сторону Мартина. Только бы тот не струсил, не выстрелил раньше времени, не выдал себя суетливым движением!

В эту минуту раздались один за другим два выстрела.

Сердце Пиляпа тревожно забилося.

Он замер и тут же увидел, как по луговине навстречу ему мчится здоровенный мойпар.

— Остановитесь! Остановитесь, Старик! — прошептал Пиляп, следуя обычаю старых хантыйских охотников, утверждающих, что при таком заклинании зверь непременно должен остановиться.

Но медведь и не думал останавливаться. Он продолжал мчаться вперед, не замечая опасности.

«Странный какой-то», — мелькнуло в голове у Пиляпа, а руки тем временем сами привычно взялись за ружье...

Медведь рывкнул, затряс задней лапой и ринулся в сторону протоки.

Пиляп оторопело смотрел ему вслед. Как же так? Почему не попал? Что помешало ему хорошенько прицелиться?

И снова суеверный страх заполз в душу. Этот мед-

ведь еще надеется встретиться с ним, иначе не ушел бы от пули!

Пиляп повернул назад. Выйдя к протоке, увидел, как Старик, сильно загребая лапами, наискосок пересекает полоску блестящей на солнце воды. Вот он выбрался на другой берег, отряхнулся и, внезапно обернувшись, пристально взглянул на Пиляпа, словно стараясь его хорошенько запомнить. Потом, почувствовав себя в безопасности, спокойно ушел в сторону тайги.

Пиляпу стало не по себе. Как у всякого старого ханты — а ему перевалило за шестьдесят, — у него были весьма запутанные отношения с медвежьим племенем. Он верил многочисленным преданиям о них, в юности не раз участвовал в знаменитых медвежьих плясках, а бессонными ночами, случалось, не раз размышлял о том или ином мойпаре, с которым сводила его охотничья тропа. Ведь ни один из них не похож на другого!

Вот и этот Старик — кто он такой? Что ему надо? Зачем появился на его, Пиляпа, пути в неурочный час?

Над этим нужно было серьезно подумать, и охотник опять присел на берегу.

Вскоре из-за мыса показалась колданка. Вздурженный Мартин издали размахивал рукой и что-то кричал — видно, встреча с медведем не прошла для него даром.

Пиляп поднялся ему навстречу, помог подтащить лодку.

— Промазал я! — заявил запыхавшийся Мартин. — Сам не пойму, как такое случилось!

Пиляп усмехнулся; чего уж тут непонятного? Разнервничался, заторопился, ну и выпалил, ничего толком не видя. Впрочем, и сам он нынче стрелял не лучше.

— Ничего, — утешил он Мартина, — ушел, значит, так надо. По-моему, больше он не вернется — отстояли мы свои охотничьи угодья! — И, помолчав, добавил, словно убеждая самого себя: — Не наш был Старик. Не к нам приходил.

— Может, не к нам... Только я узнал его...

— Узнал?!

— Да! Это позапрошлогодний шатун. Честное сло-

во — он! С белым ободком на шее. Я хорошо разглядел! Он на расстоянии броска аркана от меня был. Белый ободок — редкая примета.

— Белый ободок... — сдавленно прошептал Пиляп. — Не может быть...

— Он, он!

— Ладно, давай к палатке, чаю польем. Гребни! — сказал Пиляп, стараясь не выказать своего смутения.

Мартин взялся за весла, Пиляп сел к рулю, и колданка плавно вывернула на середину протоки Ай-Варов, упруго ударяясь носом в поднявшуюся под внезапно налетевшим ветром волну.

«Нен-гась, нен-гась» — монотонно поскрипывали уключины, нарушая окрестную тишину. И под этот скрип Пиляп в тайной тревоге думал свою думу...

«Неужто сегодняшней медведь и в самом деле ТОТ САМЫЙ, с белым ободком?! Тот, который...»

Не в силах додумать фразу до конца, Пиляп даже застонал. Но тут же притворно закашлялся: зачем до поры до времени будоражить Мартина?

Конечно, в пылу охоты можно и ошибиться. А вдруг белое пятно просто снег, налипший на медвежью шерсть? Тогда возникала куча новых сомнений...

Старика упустили — это хорошо или плохо?

С одной стороны можно быть спокойным: у ханты существует примета — шатун должен попадаться медвежатнику СЕДЬМЫМ. Справился с ним — без страха охотиться дальше. Нет — пеняй на себя, удачи потом не будет. Нынешний же мойпар явился ПЯТЫМ. Значит, все было правильно? Но если это ДЕЙСТВИТЕЛЬНО Белый Ободок, и он уже второй раз ускользает от охотника целым и невредимым?

От такой путаницы в мыслях Пиляп нервно выхватил изо рта недокуренную трубку и в сердцах с громким стуком выбил ее о край лодки. Мартин удивленно посмотрел на товарища.

Лодка тем временем мягко ткнулась в прибрежный песок.

Возле купы тала темнела их четырехместная палатка.

— Хорошее место мы выбрали для стоянки! — залюбовался Мартин. — Здесь тебе и Обь, и сор рядышком, и коса песчаная! Уток сюда так и манит. Пойдука я постреляю...

Мартин ушел, а Пиляп нырнул в палатку и лег ничком на оленьей шкуре в надежде уснуть.

Сон, однако, к нему не шел...

* * *

Позапрошлой зимой Месяц Замерзания Оби выдался пуржистым и снежным. Из низких темных облаков так и сеяло крупными белыми хлопьями — словно кто-то снимал чешую с огромной рыбы.

Помнится, в тот день снегу нанесло особенно много. Пиляп еле-еле выбрался утром из своего зимовья и невольно залюбовался розово-белым пушистым покрывалом, укутавшим тайгу. Мартин и Курпелак-Ванька, рыбачившие вместе с ним в ямах-живунах на вершине Ханты-Питлярского сора, ворчали: «Опять берись за лопаты и откапывай самого себя из-под снега!»

Однако за завтраком они успокоились и, благодумствуя за горячим чаем, стали мечтать. Курпелак-Ванька вспомнил, что у Пиляпа в кармане целых две неиспользованных лицензии на отстрел лосей.

— Денек-то какой, а? — начал издавека Мартин.

— Снег... Небольшой ветерок... — вторил ему Курпелак-Ванька. — Тальник шумит. Лось слышать перестает.

— Точно! С подветренной стороны — бери его голыми руками.

— Я вчера сам следы видел.

— Рыбу есть уже не вмоготу. Надоела!

— Вот бы лосятинки! Представляю, до чего она сейчас жирная... Вкусная...

У Пиляпа от этих разговоров засосало под ложечкой: что правда, то правда — самый подходящий день тропить лося! Не хотелось только сразу соглашаться с товарищами (такой уж у него характер), чтобы не выдать вспыхнувшую в нем охотничью страсть.

— Я бы сам ружьишко подхватил да пошел, — прижал руку к груди Курпелак-Ванька, — деревяшка проклятая мешает! — и он потряс в воздухе костылем.

— И я пошел бы! — вздохнул Мартин. — Только Ваньке без меня не управиться.

Все это было ясно, как день, но Пиляп для виду

еще немножко поупирался, не спеша покуривая свою трубку. И наконец не выдержал, широко улыбнулся:

— Пожалуй, правильно говорите. Пойти, что ли, потаскаться по тайге часок-другой?

— Пойди, пойди, — обрадовались рыбаки. — На вот, поешь как следует.

Перед Пиляпом сразу выросла горка тающей во рту строганины из муксуна, задымилась чашка тетеревиного наваристого бульона. Он не возражал — на охоту надо отправляться сытым: всякое может случиться, иной раз тайга так заведет, так закружит, что и через два дня не выберешься.

Наевшись, Пиляп выглянул на крыльцо. Все еще шел снег — перед глазами словно мельтешила мелкоячеистая сеть. «Надо полегче одеться, — подумал он, — тяжелая одежда быстрее намокнет, и какой тогда из меня охотник?»

Минут через десять, тщательно почистив лыжи, обитые оленьим камусом, сменив малицу и перекинув через плечо двустволку, Пиляп отправился в путь.

Сперва он шел густым кедрачом, затем пересек Карасевое озеро, взобрался на Горелый холм. Местность отсюда открывалась довольно угрюмая — чахлый кустарник, одинокие черные лиственницы с засохшими ветвями, вдали новые холмы, на одном из которых темнел силуэт топографической вышки. Вряд ли тут могло понравиться лосям, если бы не молодой осинник, видневшийся в ближней ложбине...

Пиляп достал походный бинокль, осмотрелся. Сквозь налипающий на стекла снег все же разглядел — или ему почудилось?! — два силуэта.

— Сохатые! — невольно вскрикнул он. — Сохатые!!

Он быстро зарядил ружье пулей и, бесшумно скользя на лыжах, устремился к осиннику. Путь ему преградила протока — видимо, Пор-Ёхан. Сверху он ее не заметил: тонкий еще ледок замело снегом. Похоже, придется идти в обход. Пиляп огорчился — это сильно удлиняло путь.

Время приближалось к полудню.

Ветер усилился, идти по открытой местности было трудно. Но он все же достиг осинника, остановился передохнуть. И тут вдруг с оглушительным треском из близкого уже леса выдрались два больших лося и, срезая копытами тонкие деревца, припустили к вид-

невшемуся у Пор-Ехана мысу, поросшему редким березняком.

Догнать их теперь невозможно. Кто знает, где они остановятся... Лось может бежать без передыху несколько часов кряду...

— Э, какой из меня лосятник! — посетовал на себя Пиляп. — Староват, видно, стал для такой охоты! Зря взялся!

Он решил отдохнуть и подкрепиться. Смахнул снег с поваленной ураганом лиственницы, достал из походной сумки кусок вареной тетеревиной, краюху хлеба.

Присев, почувствовал усталость. «Это все непогода, — решил Пиляп. — Вои как облака свои подолы распустили!»

Прежде, когда был помоложе, он развел бы большой костер, заночевал бы в тайге, а спозаранку снова побежал преследовать зверя... Теперь силы были уже не те... Придется возвращаться ни с чем...

Он тяжело поднялся с лиственницы и пошел к зимовью, думая о том, что сегодняшняя неудача не обошлась, конечно, без вмешательства недоброго духа, и не иначе как он, Пиляп, в чем-то повинен и терпит за то наказание.

Подумал он и о том, что лосей в осиннике кто-то испугнул. Волки, наверное.

Быстро темнело, и к охотничьей избушке Пиляп добрался уже в полной мгле.

Мартин и Курпелак-Ванька выскочили ему навстречу.

— Пиляп?! Ну, наконец-то! А мы тут места себе не находим!

Было, конечно, приятно, что напарники беспокоятся, но Пиляп тем не менее удивился: впервой, что ли, он в тайгу ходит? Есть из-за чего волноваться!

Он пожаловался на сумасшедших лосей.

— Как бешеные сорвались — только я их и видел! Не отведайте вам нынче лосятины. Может, я еще завтра за ними побегаю?

Но Мартин с Курпелаком ничего не сказали, только озабоченно переглянулись.

— Слушай, а Старик тебе не встречался?

Пиляп засмеялся:

— Кой! В берлоге у него небось теплее, чем в нашей избушке!

Но приятели не оценили шутку. Мартин сказал:
— Он сегодня был здесь, пока мы рыбачили. Под окнами натоптал. Сети трогал.

Пиляп насторожился:

— Когда приходил?

— Днем, перед обедом. Мы как следы увидели — извелись. Думаем: Пиляп-то один, без собаки. Еще немного и пошли бы тебя искать.

— Так вот кто напугал лосей...

Как всегда при упоминании о мойпаре, Пиляп взволновался. Перекинув через поперечный шест малицу — просушить возле печки, достал из кармана трубку: обычно он перед сном не курил.

«Прямо с утра отправлюсь за ним, — решил он. — Далеко не уйдет... Иначе этот Старик натворит беды — рядом-то оленья пастбище...»

— Завтра пойдем его искать, — словно подслушав его мысли, сказал Мартин. — А то он жизни никому не даст!

* * *

Утром Курпелак вскочил спозаранку, жарко натопил железную печь. За окном нехотя разгоралась волчья заря¹.

Курпелак распластал острым ножом четырех икряных карасей и принялся колдовать над ухой, кипятить чай.

Пиляп поспешил к оленям, пригнал упряжку к зимовью. Мартин напоил свою лошадь, снарядил сани.

— Уха готова! — гордо объявил Курпелак-Ванька. — По-моему, ничего получилась — есть можно.

— Сейчас посмотрим, коль обманываешь — берегись... — шутливо пригрозил ему Пиляп.

Мартин достал с полки три миски.

— Четвертую давай! — строго сказал Пиляп.

— Для кого это?

— Для Старика. Пусти-ка, я налью ему ухи! Может, тогда у него злобы поубавится!

Курпелак одобрительно взглянул на Пиляпа, а Мартин, как всегда в таких случаях, рассмеялся: чудят старики, все в сказки верят, что с них возьмешь?

¹ Волчья заря — время, когда волк уходит с охоты.

Уха и в самом деле удалась — так и светилась янтарным жиром, а хлопья икры таяли на языке.

— Ну, спасибо, Курпелак! Накормил в дорогу. Теперь сиди здесь, жди вестей.— Пиляп первым поднялся из-за стола и взял стоявшее в углу ружье.— Пошли, что ли?

Медвежьи следы отчетливо видны были на свежем снегу: чтобы разглядеть их, не надо было даже слезать с упряжки.

Оказывается, мойпар почти все время сопровождал Пиляпа на вчерашней охоте. Двигался сзади, метрах в трехстах, а иногда забегал сбоку и шел почти параллельно с лыжней. Значит, лосей в осиннике он заметил одновременно с охотником. И успел опередить его, проскочив тальником. Он тоже не решился преследовать добычу — понял, это бесполезно. И на охотника Старик нападать не стал, побоялся.

Пиляп усмехнулся: до чего же умен! Кто говорит, что медведи не умеют думать?

Потерпев неудачу, мойпар поспешил наведаться к рыбакам, на остров Ём-Пухар. Там он действительно обнаружил сеть, заброшенную накануне Мартином и Курпелаком. Из сетевых лунок выудить ничего не смог, но сложенных на снегу щурят подъял. Они, конечно, не могли утолить голода, и Старик с досады разломал ручку лежавшей на льду пешни и далеко откинул топор.

Потом ушел в дремучий кедровик.

Ём-Пухар далеко выдается в сор и соединяется с берегом длинной узкой косой, поросшей рябиной и талом. Пиляп с Мартином остановились посоветоваться. Старик на острове — это ясно. Обратных следов нет. Наверное, он забрался в чащу и залег там. Главное сейчас — не спугнуть его, затаиться, выждать.

— Но и проверить, там ли он — не мешает,— сказал Мартин.— А вдруг ускользнет, кустами проскочит?

— Да,— согласился Пиляп.— Он хитрый, этот Старик.

Наконец порешили так: Мартин возьмет оленей и объедет остров по окружности, а Пиляп «замкнет» косу — другого выхода с Ём-Пухара нет.

Мартин прыгнул в нарту и, взмахнув хореем, тихо присвистнул. Упитанные хоры, раскидывая копытами снег, скрылись за поворотом.

Пиляп принялся кружить на месте, посасывая холодную трубку — закуривать он не стал, ведь Старик может учуять запах дыма.

Минут через двадцать Мартин вернулся.

— Здесь он! Точно, — сообщил шепотом. — Вокруг острова чисто.

Пиляп велел Мартину пойти вперед, по следу медведя, тем более что с ним была охотничья лайка Пеля — умная, надежная собака, умевшая, когда нужно, молчать, а когда нужно — лаять без устали. А сам остался подкарауливать зверя на прежнем месте, предварительно заведя оленью упряжку в густой рябинник и привязав вожжи к копылу нарты.

Позицию для себя он выбрал очень удобную — скрылся за стволом большой ели, одиноко стоявшей на косе.

Вскоре послышался яростный лай собаки. Пеля явно облаивал мойпара.

«Сейчас поднимут Старика», — определил Пиляп, взводя курки своей двустволки, и забормотал свое обычное заклинание:

— Остановитесь, Старик, остановитесь...

Зверь послушался, на расстоянии броска аркана вдруг резко притормозил и присел — словно опрокинулся на задние лапы.

Пиляп прицелился, задержал дыхание и хотел было уже нажать на спусковой крючок, но... не выстрелил.

Как он мог забыть, безмозглая голова, что шатун должен быть седьмым?

— Не нужны вы мне... Уходите! — сказал он Старику, по древнему хантыйскому обычаю обращаясь к нему на «вы».

Несколько долгих, как вечность, секунд они пристально смотрели друг на друга — человек и зверь. На мохнатой шее медведя отчетливо виден был ободок.

Но вот Старик двинулся на Пиляпа...

Охотник выстрелил в воздух.

Медведь рывкнул, подскочил на месте и... побежал.

— Кой! Кой! — завопил ему вслед Пиляп. — Быстрее! Кой!

Старик вихрем промчался по косе и скрылся в лесу.

Пиляп вытер ладонью вспотевший лоб: только сейчас он почувствовал все невероятное напряжение этих минут.

Когда прибежали Мартин с Пелей, он без колебаний соврал:

— Промахнулся!

Это была его первая встреча с белошеим мойпаром.

* * *

А когда же произошла вторая? Кажется, осенью, вскоре после того, как Пиляп вышел на пенсию и ездил в Салехард к главному врачу. Он вернулся из города в начале Месяца Подъема Щекура.

Воспоминания охотника прервал выстрел. Это Мартин отводил душу, стреляя пролетающих над косою уток. Да, место для охоты они выбрали удачно...

Пиляп вышел из палатки, выплеснул на землю испитый чай.

Ветер стих. Вода на протоке блестела и лоснилась, словно смазанная жиром. Вечернее солнце неподвижно застыло, усевшись на оленьи рога лесных верхушек. Закат горел, как раскаленные бока железной печки. Со стороны речушки Сорт-Ёх тянуло весенней сыростью.

Погода для охоты тоже была подходящей.

Можно было от всей души радоваться этому дню, но бродяга с белым ободком на шее вторгся на их территорию и теперь грозил сорвать им охоту.

Пиляп казнил, что не узнал его сам — видно, подвело-таки зрение. А Старик, конечно, разглядел, кто поднял на него ружье и ранил в бедро. Недаром он так пристально смотрел на него сегодня из-за протоки! Он-то хорошо запомнил Пиляпа!

Сердце старого охотника неходило тревогой.

Он облегченно вздохнул, когда из тальника наконец вынырнул Мартин с целой связкой дичи.

— Садись, садись, — Пиляп захлопотал у костра. — Сейчас я тебе чаю согрею.

Но и Мартин, видно, неотступно думал о мойпаре.

— Простить себе не могу, что промазал! — сказал он, бросая добычу на землю. — Это же не медведь — преступник! Ведь ты знаешь, что он натворил в поселке Питляр?

— Знаю, — помолчав, глухо отозвался Пиляп и схватился за трубку: она всегда успокаивала его в такие минуты.

— Слушай, — не унимался Мартин, — а прошлой осенью, на Мелексимском сору, мне Ипринь говорил, вы с ним охотились, медведи вам попались — этого среди них не было?

— Был, — опять помолчав, сказал Пиляп.

— Расскажи подробнее.

Пиляп сделал глубокую затяжку.

— Лил дождь. Мы забрались с Ипринем в палатку. Сидели, чай пили. Что еще делать в такую погоду? Вдруг что-то как бы ударилось о брезент снаружи. Сильно ударилось. Я хотел выйти, а Ипринь говорит: «Брось, это сушняк ветром свалило». Сидим, пьем чай. Вдруг собака залаяла — Нявар мой. Потом слышим Старик заревел. Схватили мы ружья, выглянули из палатки...

— Ну и что?! Что вы увидели?! — Мартин сгорал от нетерпения.

— Медведицу увидели. И двух медвежат. Притихли, смотрим.

— А потом? Потом?

— Из пырея Старик вывалился. Страшный, лохматый. Медведица, и та его испугалась: так и шарахнулась. И детей в кусты погнала.

— Так это что же — наш шатун был?

— Похоже, он.

— С белым ободком?

— С белым.

— И что же вы?

Пиляп выпустил изо рта струю сизого дыма:

— А что мы? Погрузили в лодку палатку, взяли Нявара да уехали... Их все же целая семья была...

— Да-а, — протянул Мартин. — Если медведица с медвежатами, тут уж надо поскорее сматываться. Что верно — то верно.

Пиляп усердно попыхивал трубкой, уставясь взглядом на полыхающий закатным жаром солнечный диск. Лучше бы Мартин не поминал того, что взбудоражило весь поселок Питляр,— теперь впереди бессонная ночь...

* * *

В прошлом году кто-то повадился разорять неподалеку от поселка древнее родовое кладбище. Ханты не роют глубоких могил — их заменяет невысокий, с оленью нарту, деревянный сруб, закрытый сверху досками и плотно заложенный мхом.

Разворошить такое захоронение легко. Но кому придет в голову тревожить вечный покой ушедших?

Однажды люди вернулись с кладбища перепуганные, потрясенные: несколько срубов кто-то разворотил, и на земле белели следы варварского, страшного пиршества.

От такого хоть у кого волосы встанут дыбом!

Преодолевая суеверный страх, Пиляп сходил тогда на кладбище, тщательно осмотрел землю вокруг оскверненных могил и понял: тут побывал медведь. Он, конечно, сразу подумал о белошеем, и смутное, тяжелое предчувствие закралось ему в душу. Но прямых доказательств не было — это мог быть и какой-то другой, ошалевший от весенней голодухи, бродячий мойпар.

Люди стали по очереди дежурить подле кладбища, и мохнатый мародер, видно, учуяв опасность, больше не появлялся.

...В конце Месяца Замерзания Малых Ручьев Пиляп с племянником Митри рыбачили на своих родовых угодьях — вокруг полузаброшенного селения Ханты-Питляр. Здесь хорошо скатывалась рыба — муксун, щекур, сырок — нагулявшая жир в тихом со-ру. Утром поставишь сеть — вечером бери богатый улов.

Пиляп с племянником вялили рыбу, подсаливали ее то мелкой, то крупной солью. Днем они уходили в кедровник, где шишковал Митри, а сам Пиляп на

склонах брусничных ёхамов¹ ставил петли на глухарей да тетеревов.

Тайга была к ним щедра.

В лиственничном дровянике на вешалах уже красовались с полтора десятка упитанных глухарей, лежало два мешка кедровых орехов, стояли бочонки с соленой рыбой и сочной, ярко-красной брусникой.

Начало подмораживать. Ночью уже выпадал иней, белым неблюевым мехом ложась на крыши; мелкие речки кое-где прихватывало ледком.

Как-то вечером Пиляп при свете керосиновой лампы «молния» готовил ужин — ощинывал глухаря, варил суп. Митри в ожидании еды сидел рядом.

Вдруг, насторожив уши, заскулили собаки — Нявар и Лопас.

— Пет! — прикрикнул на них Пиляп. — Лежать!

— Лошадь, наверное, прошла, — предположил Митри. — Пойти посмотреть?

— Сиди, — сказал Пиляп. — Вон, еда уж готова. Давай положу.

Но собаки не унимались.

Пиляп прикрутил фитиль в лампе. Стало темно, зато высветлилось небольшое оконце.

— Ох! — тихо выдохнул Митри. — Гляди, дядя Пиляп!

В окне, за стеклом, на фоне затухающей вечерней зари четко вырисовывался силуэт огромного медведя, ухватившегося передними лапами за наличник.

— Сейчас выдавит стекло... — прошептал, бледнея, Митри.

— Не бойся. Там валерная сетка...

Пиляп, подавляя невольный страх, приблизился к окну. Теперь медведь был от него на расстоянии вытянутой руки. Явственно слышалось его сиплое, тяжелое дыхание, видны были маленькие свирепые глазки, вцепившиеся в дерево когти, настороженные, изогнутые уши.

На шерсти, покрывавшей горло, проступал белый ободок.

Опять он! Шатун, Пятый — и тем самым недоступный для него, Пиляпа!

¹ Е х а м — небольшой холм.

— Дядя! Ну что же ты! Вот ружье! — Митри заметался по избе.

Собаки зашлись в неистовом лае.

Но Пиляп словно ничего не слышал. Он отпрянул от окна и рухнул на лавку, закрыв руками лицо.

Наконец совладав со своим смятением, он сказал Митри:

— Ладно, высушь в дверь дуло — пальни дробью вверх, пугни его.

— Но ведь у нас пули есть?!

— Делай что велено! — прикрикнул на него Пиляп.

Митри схватил двустволку и бросился к дверям.

А Пиляп обернулся к окну и еле слышно проговорил, словно увещевая медведя:

— Ну что же вы? Грешно через окно лезть!

Грохнул выстрел, гулким эхом отозвавшись в окрестной тайге. Медведь отпрянул от окна и скрылся в кустах. Собаки выскочили на улицу. Их лай тотчас стал удаляться в сторону сора, к мысу Торнанг Вош. Значит, Старик подался туда.

Митри вернулся в избу. Взглянув на дядю, он поостерегся выказывать недовольство. Они молча поужинали и легли спать.

На рассвете повалил снег, белоснежными песчаными шкурками устилая землю. Оголенные березы преобразились, словно накинув на себя узорчатые хантыйские платки с кистями.

Медвежий след, конечно, основательно замело, так что охотники не сразу разглядели, что дверь дровяника чуть поцарапана — на старых высохших кедровых досках, словно острыми гвоздями, было прочерчено пять линий. Старик, видно, пытался здесь похозяйничать, да не смог, что-то помешало ему.

Митри выругался, а Пиляп тихо проговорил:

— Зачем вы так? Не стыдно ли? Все другие мойпары уже ложатся в берлоги. Листья осыпались, снег выпал, а вы все шастаете!

Племянник с удивлением выслушал эту странную речь — молодым не понять взаимоотношений старых ханты со зверем, с тайгой, они выросли в другое время — и суеверный страх старших им неведом. Однако, уважая Пиляпа, промолчал.

Вернулись в избу. Надо было одеться потеплее да

пойти проверить сети. Но оба отчего-то медлили — ведь ночной гость был явно неподалеку.

— Ай! — вдруг воскликнул Пиляп, схватившись за левый висок. — Ай! Как стрельнуло!

Это была плохая примета.

— Напрасно ты так, — упрекнул он собственный висок. — Зачем несчастье пророчишь?

Пиляп снова представил злобные глазки старого знакомца — медведя с белым ободком на шее. Не иначе как беда придет от него...

Опасаясь за своего племянника — у Митри как-никак жизнь впереди, — Пиляп решил, что пора, наверное, заканчивать промысел. Разве только напоследок еще разок закинуть сеть, чтобы увезти домой свежей рыбы.

— Поедем на плавной песок, — сказал он Митри. — Там более серьезная рыба ловится.

Нумпан, плавной песок, лежит километрах в трех от Ханты-Питляра, вверх по Оби.

Митри, пока ехали, подготовил сеть.

— Попадись, попадись большой осетр, попадись, попадись большая нельма! — приговаривал Пиляп, забрасывая в свинцовую воду конец сети.

И река словно послушалась старика. Вскоре они вытащили с десятков крутогорбых муксунов и одного икряного — килограммов на тридцать — осетра. Какая удача! Осетр настолько заплыл жиром, что боковые хрящи его еле видны.

Пиляп даже усомнился вдруг в верности недоброй приметы, встревожившей его утром. Сбудься она, вряд ли бы так расщедрилась кормилица Обь!

Осетр бревном лежал на дне лодки, она даже осела под его тяжестью.

По древним обычаям ханты, поймав осетра, сразу идут на кладбище навестить близких. Четыре года назад, в глубокой старости, скончалась мать Пиляпа. Покоится она неподалеку от родного села Ханты-Питляр. Самое время проведать ее, угостить хорошенько, показать, как удачлив в рыбной ловле ее сын...

...Вернувшись в избу, они разделали осетра и, выбрав самый лучший кусок, положили его в мешок. Прихватили еще четырех вяленых муксунов, несколько рябчиков. Пиляп достал из чемодана припасенную еще в Питляре бутылку марочного портвейна.

Приплыв к кладбищу, прежде, чем пойти к могильному срубам, Пиляп отстегнул и бросил в лодку свой широкий кожаный ремень, украшенный четырьмя медвежьими клыками — по числу приведенных им мойпаров.

— Зачем ты это сделал? — поинтересовался Митри.

— Не хочу мать пугать, — кивнул в сторону сруба Пиляп. — Если она увидит клыки — ни за что не подойдет к нашему угощению. И тогда не узнает, на что я еще способен. Набери-ка в ведро воды да чайник возьми...

— А вода для чего?

— Мать угостится — захочет чаю попить.

Митри зачерпнул в эмалированное ведро воды, и они зашагали вверх по прибрежному склону.

Пиляп шел к могиле матери справлять поминальный обряд, но настроение у него, как ни странно, было светлым, приподнятым. Его грело горделивое чувство, что он исполнит этот обряд достойно, как настоящий мужчина — рыбак и охотник — и что не зря, значит, живет он на белом свете.

Маленькое лесное кладбище густо заросло кустарником и травой, что сейчас, осенью, топорщились высохшими прутьями и будыльями. Только мшистые верхушки срубов еще бархатно зеленели среди присыпанных сентябрьским снегом голых ветвей. Многие холмики были тут Пиляпу знакомы. Проходя по кладбищу, он, по хантыйскому обычаю, постукивал кулаком по крышкам срубов, под которыми покоились его близкие и дальние родственники.

— Надо же всех поприветствовать! — объяснял он племяннику. — Вот, смотри! Когда-нибудь и со мной будешь так здороваться.

Впереди, гордо вскинувшись ввысь, словно часовой на карауле, встала темная густохвойная ель. Еще несколько метров, и Пиляп склонит голову у последней материнской постели.

Он откинул капюшон малицы и зашагал быстрее.

Митри немного поотстал, давая возможность дяде побыть одному. Он даже отвернулся, но тотчас вздрогнул, услышав хриплый крик.

Бросившись вперед, Митри увидел застывшего в

ужасе Пиляпа, — тот даже не опустил ноги, поднятой для очередного шага. Лицо его было страшно искажено.

— Что?! Что случилось?!

Говорить Пиляп не мог — губы его дрожали. Он только указал рукой вниз.

Митри перевел взгляд и тоже оторопел.

Могильный сруб был взломан. Кругом валялся раскиданный дерн, поломанные доски, домашняя утварь, которую ханты обычно кладут в свои захоронения. Внутри чернел искромсанный, помятый гроб.

Они, оцепенев, долго стояли молча, не решаясь приблизиться к могиле.

Потом Пиляп, закрыв лицо руками, упал на землю. Митри не знал, что делать. Наконец он поднял старика, обхватил за плечи, пытаясь утешить:

— Ветер недавно был... Настоящий ураган! Вот, наверное...

— Нет, нет! — застонал Пиляп. — Нет! Я знаю, кто это сделал...

— Может, лось пробежал, задел невзначай...

— Какой там лось! Старик это! Тот самый. С белой шеей! — И он затрясся, запричитал, затопал ногами. — Кой! Что тебе моя мать сделала?! Что?! Чем я перед тобой провинился?! — Тут Пиляп резко выбросил вперед правую руку. — Тем провинился, что не убил тебя раньше! Позволил безнаказанно по тайге бегать! Все думал, раз ты Пятый — тебя и трогать нельзя! За темноту свою я наказан! Ведь знал, что не мойпар ты — разбойник. В Питляре еще знал. Вот он — мой левый висок!

Митри обхватил Пиляпа за плечи:

— Успокойся, дядя! Пойдем! Шатун здесь недавно был — может вернуться. А у нас ни собак, ни ружья...

Пиляп вдруг сник, ослабел.

— Забудь, забудь, что я сейчас сказал... И ты тоже ничего мне не говорил... Нельзя на кладбище Старику грозить...

— Идем же!

— Нет! Прибраться надо.

Все еще глухо постанывая, Пиляп собрал разбросанную утварь, сложил ее в сруб. Достав топор, нож, привел в порядок доски, заложил ими могилу. Митри

собирал мох, уже успевший промерзнуть, и клал его ровными рядами сверху.

Когда все было закончено, Пиляп сказал:

— Разжигай, Митри, костер. Раз мы пришли справлять поминки — справим их, как положено.

Над костром он повесил ведро с водой. Митри быстро почистил и нанизал на прочный сук рябчиков, просолил свежую осетрину. Когда все было готово, Пиляп разлил по кружкам портвейн.

— Вот, мать, гляди! Мы пришли к тебе и принесли хорошее угощение. Будь добра, посиди с нами, попробуй рыбы, поешь жареной дичи — все это мы добыли своими руками!

Перевалившее полуденную черту оранжевое солнце безмолвно глядело на них из своих небесных глубин, внизу под обрывом холодно блестела осенняя Обь...

Пора было ехать.

Они спустились на песчаную, застывшую от первых морозов отмель и сели в лодку. Пиляп яростно рванул шнур мотора.

Надо было завернуть в Ханты-Питляр, чтобы забрать припасы. Они бросили якорь у обрывистого берега и направились в поселок. Навстречу им уже бежали их лайки — Нявар и Лопас, обе сильно взбудораженные.

Пиляп и Митри, не сговариваясь, сразу устремились к дровянику. Щелястая дверь висела на одной петле, поскрипывая на ветру.

Митри заглянул в сарай.

— Пусто! Ни глухарей, ни рыбы. Посмотри, дядя, что он тут натворил...

Опрокинута бочка с брусникой, ягода вся раздавлена, на земляном полу кедровые орехи, перемешанные с глухаринными перьями...

Пока они ездили справлять поминки, Старик побывал у них дома. Он словно насмеялся над людьми!

Пиляп сильно расстроился. Он ведь уважал мойпаров, так за что же Старик наказывает его? Нет, такую обиду охотник ему не простит... Теперь Пиляп не успокоится, пока не найдет белошеего...

Если б не Митри, он, наверное, прямо сейчас пустился бы по следу мойпара, но парень торопился

домой, в Питляр, а оттуда в оленье стадо, на практику — Митри учился на зоотехника. Отпустить племянника одного он не осмелился.

* * *

Мартин и не знал, какие воспоминания одолевают сейчас его старшего друга, вроде бы задремавшего на теплой оленьей шкуре.

Но Пиляп не спал. Он мучительно решал для себя вопрос: что делать со Стариком? Теперь он твердо верил, что упущенный им шатун — его личный враг, мойпар с белым ободком на мохнатой шее. Да, он пришел Пятым, как и в прошлый раз. Ну и что? Может, не стоит придавать значения приметам? Вон молодые, не больно-то в них верят... Надо найти белошеего... Надо встретиться с ним один на один, пока тот не натворил еще большей беды...

Можно бы пойти по следу прямо утром, но нужны собаки — без них на медвежьей охоте нельзя. Кроме того, нужны настоящие пули, а не те комочки свинца, которые они отлили с Мартином в пенопластовых балберах.

Да, он пойдет на мойпара один, только заглянет ненадолго в Питляр — взять снаряжение. Мартину он ничего не скажет. Во всяком случае сейчас. Просто попросит кого-нибудь из поселковых передать охотникам: мол, Пиляп в тайгу ушел, если долго не будет — отправляйтесь искать.

Пиляп заворочался, забормотал:

— Что ж, Старик! Сам виноват — вынудил поднять на тебя громкокричащую палку! Будь ты другим...

По старинным поверьям ханты, беседуя с медведем, нельзя называть ружье ружьем — требуется какое-нибудь иносказание. И Пиляп, ненавидя белошеего, не решился все же нарушить древний закон. Хорошо, что Мартин к этому времени уже спал и не слышал его заклинаний.

* * *

Дома, в поселке, Пиляп прежде всего хорошенько накормил лаек. Смазал, почистил, трижды перепроверил двустволку. Весь вечер он старался ни о чем серь-

езном не думать — на медвежьей охоте нужны крепкие нервы, ясная голова.

Наутро легкая колданка заскользила в сторону знакомой протоки Ай-Варов. Нявар и Лопас, настрожив чуткие уши, сидели на носу лодки, зорко вглядываясь в даль, словно зная, что им предстоит важное дело.

Вот и коса, на которой они с Мартином вчера охотились на уток, остров Ём-Пухар, поросший рябиной и тальником, сверкающая полоса протоки. Начинать поиски надо отсюда, хотя, конечно, Старик мог за сутки уйти далеко.

Вытащив на песок лодку, Пиляп постарался припомнить то место, где он в последний раз видел медведя и где тот на него пристально посмотрел. Там обязательно должны быть следы.

Пустив вперед лаек, Пиляп медленно шел вдоль протоки, оглядывая каждый куст.

Как он и предполагал, след нашелся довольно быстро. Зверь припадал на одну ногу — значит, это был тот, кого он искал.

Нявар и Лопас глухо заворчали и ринулись вперед.

Через пару часов — за это время Пиляп так разогрелся в быстрой ходьбе, что ему захотелось сбросить малицу, — он заметил в талом снегу свежий медвежий помет: значит, мойпар был здесь совсем недавно.

Пиляп вытер ладонью покрывшийся испариной лоб. Огляделся. Тальник остался позади, впереди синел густой ельник. Лопас с Няваром исчезли там — только хвосты мелькнули.

Еще секунду-другую передохнув, Пиляп пошагал за ними.

Теперь он читал медвежьи следы, как линии на раскрытой ладони.

Мойпар долго шел по лесной тропе, ведущей к речке Сорт-Ёх. Достигнув истока, он не стал пересекать болотистые верховья, а направился вниз, продираясь через кусты багульника и мелкий тальник.

Пиляп уговаривал себя не спешить, но невольно все прибавлял и прибавлял шагу. Хвоя разлапистых елей и сосен колола руки, лицо, за ноги цеплялись

низкорослые карликовые березки. Потом идти стало еще труднее — медведь свернул в сторону топкой низины, покрытой крутыми, пружинищами кочками. Ноги с них так и соскальзывали — приходилось переваливаться с боку на бок, чтобы не увязнуть в трясине, лишь сверху затянутой тонким весенним ледком. Такое передвижение изматывало, и Пиляп стал нервничать.

— Кой! — пробормотал он, обращаясь к медведю. — Зачем в такие дебри забрался? Я тебя все равно найду!

Сейчас ему не хотелось называть мойпара на «вы», как обычно.

Уже в сумерках охотник остановился передохнуть. Выбрал место посуше, положил в снег рукавицы и сел на них. Достал из заплечного мешка флягу, кусок хлеба и вяленую рыбу и совсем уже было приготовился перекусить, как вдруг услышал стремительно приближающийся собачий лай. Из зарослей выскочил Нявар и, покрутившись возле хозяина, снова исчез в тайге.

Это был верный знак!

Пиляп взволновался, сунул обратно в мешок еду, схватил ружье. Собаки надрывались где-то совсем рядом. Он пошел на их голоса и вскоре очутился на открытой поляне, за которой виднелся молодой кедрач.

Медведь, наверняка, прячется там.

Пиляп приблизился к кедрачу на бросок аркана. В чаще шла схватка — хвойные ветви покачивались, взлетали вверх комья снега, доносилось громкое рычанье собак и рев озлобленного мойпара.

Лайки старались удержать Старика в кедраче, не выпустить его на поляну. Охотнику входить в такой момент в гущу леса — все равно что безоружным выйти на разъяренного зверя.

Пиляп громко кашлянул. Лопас с Няваром поняли его сигнал и повернули к олушке кедровника. Охотник укрылся за стволом ближнего дерева.

Он видел, как резко качнулись, словно подрубленные, молодые кедры. Одна из лаек вылетела вперед, и вслед ей молнией метнулась простертая медвежья лапа. Собака кувыркнулась в воздухе и душераздирающе завизжала. Это был Нявар.

Тотчас показался лающий взмах Лопас, за ним — Старик.

Мойпар попытался достать и эту собаку, однако не смог. В ярости он присел, оскалил клыки и глухо зарычал.

Пиляп вскинул ружье. Зверь метнулся вправо и скрылся за невысокой елкой. Сквозь хвою белел ободок на его шее.

Стрелять было нельзя — пуля могла срикошетить. А если испуганный Старик подастся обратно в кедряч, его оттуда больше не выманишь.

Пиляп, стараясь не дышать, сделал шаг-другой...

Теперь медведь увидел его. Они снова взглянули друг на друга — глаза в глаза.

Охотник выстрелил. Но за какую-то долю секунды до этого мойпар резко рванулся в сторону, и пуля, видимо, угодила ему в правую лопатку.

У Пиляпа заныло сердце — этот зверь был словно заколдован!

— Остановитесь, Старик, остановитесь... — машинально прошептал он побледневшими дрожащими губами, но мойпар, подскочив, развернулся и бросился назад в кедровник.

Видимо, он все-таки был сильно ранен — на мокром снегу остались пятна крови.

Охотник рванулся по следу, но тотчас опомнился: нужно было помочь покалеченному Нявару.

Раненый пес жалобно скулил, мотал головой и дергал передними лапами. Пиляп опустился перед ним на колени, ощупал теплое тело собаки. Нявар притих, с надеждой уставился на хозяина. «Плохи дела... — сразу определил охотник. — Перебит позвоночник...» А вслух сказал:

— Прости, друг, не уберег я тебя...

Взрывая снег, подполз Лопас, лег рядом с Няваром, лизнул его языком.

Медлить было нельзя. Зачем продлевать мучения верного друга? Пиляп достал из вещмешка капроновый шнур, подозвал Лопаса и, отведя его в сторону, за деревья, крепко привязал к стволу могучего кедра.

Затем вышел на открытое место, повернулся лицом к югу, где находился Ампат-Лух — залив Священной Собаки и тихо запричитал:

— Гляди, гляди, мать Священной Собаки! Ты ви-

дишь, как мучается мой Нявар. Чем я могу помочь? Ничем! Мне остается только одно — прекратить его страдания. Пойми меня и укрепи в этом тяжелом решении! Ты все понимаешь, мать Священной Собаки!

Уже в темноте прозвучал одинокий выстрел...

— Слушай, слушай, мать Священной Собаки! Все кончено...

Долго стоял Пиляп, понурясь и не в силах тронуться с места, возле несчастного Нявара. Потом разгреб снег, собрал мох и укрыл им собаку. Сверху набросал сучьев.

Надо было идти дальше, но Пиляп почувствовал себя обессиленным и опустошенным. Ноги словно одеревенели, подтащивало от голода — ведь он так и не успел поесть.

Он подошел к Лопасу, ласково потрепал его по загривку. Тот жалобно тьякнул в ответ.

— Вот мы с тобой и остались одни, — сказал Пиляп. — Будем устраиваться на ночлег.

Согревшись возле костра, Пиляп накормил Лопаса. Но тот, против обыкновения, ел вяло. Да и сам он без всякого аппетита пожевал вяленой рыбы, запил кипятком.

Потом, поплотнее завернувшись в малицу, попытался уснуть. Сон, однако, не шел. Мысли о коварном мойпаре бередили душу.

Старик снова обидел его — отнял любимого пса. Но Пиляп отчего-то больше не чувствовал к нему ненависти, той, что горела в нем утром, когда он шел на охоту. На смену ей пришли мысли о вечном единстве людей и природы и вечном противоборстве. Вот он, Пиляп, старый ханты, в тайге рожден и вскормлен тайгою. Чем был бы он без нее? Что делал бы в жизни? Однако, вооружась «огнедышащей палкой», он рыщет по лесу, разыскивая медведя и страстно желая его убить. Не зря, видно, древние ханты обожествляли мойпаров, обращались на «вы»... Они сознавали свой грех перед живущими на земле...

Пиляпу теперь хотелось, чтобы Старик ушел подалее в тайгу, чтоб скрылся в глубокой чаще... И в то же время он знал: как только забрезжит рассвет, он снова пойдет по медвежьему следу...

Наконец, Пиляп задремал, но и сквозь дрему он продолжал терзаться сомнениями. Ведь Старик с бе-

лым ободком на шее не был Седьмым — он пришел Пятым! Значит по закону, трогать его нельзя... Но он решил, решил отомстить коварному зверю... И он настигнет его, он отомстит... И это будет его последней медвежьей охотой...

Заскулил Лопас...

Пиляп поднялся, подбросил в затухающий костер сучьев, вскипятил чай.

Небо поглубело, верхушки деревьев позолотили первые солнечные лучи. С шумом пролетели, растопыря веерами хвосты, тетерева.

Пиляп взял собаку на поводок и углубился в лес — он не хотел рисковать второй лайкой: раненый медведь страшен и зол, как сот хоятпи ляль — зверь, равный по силе ста лучникам.

Следы Старика хорошо были видны на снегу. Вдоль всей цепочки следов тянулись алые пятна крови. Километра через полтора зверь начал терять силы — он какое-то время отлеживался в густом ельнике, зализывал рану. Шаг его сделался тяжелым и неуклюжим — он то и дело проваливался в рыхлый весенний снег.

Пиляп шел почти машинально, преодолевая в себе желание повернуть назад...

Да, странная это была охота...

След вел к устью Сорт-Ёха, к Ханты-Питлярскому сору.

Взобравшись на небольшой холм, покрытый прошлогодними прибрежными травами — муксунем и осокой, — Пиляп осмотрелся. Лопас рванул поводок и встал на дыбы, заходясь неистовым лаем: он первым увидел медведя!

Прихрамывая и озираясь, мойпар торопливоковылял к руслу сора, где чернела на песке перевернутая колданка.

«Видно, Курпелак-Ванька ее здесь оставил», — подумал Пиляп: он знал все лодки своего поселка.

Сор поблескивал истончившимся ноздреватым весенним льдом. Едва ступив на него, мойпар провалился в воду. Выскочил на берег и стал отряхиваться. Затем, будто давая выход своей злобе, принялся крушить колданку.

Пиляп спустился с пригорка, приблизился к зверю. Когда между ними осталось метров пятьдесят, он

пал на колени и, тщательно прицелившись, выстрелил.

Промах!

Выстрелил снова — и опять промазал.

— Лопас! Вперед! — крикнул Пиляп.

Мойпар завертелся на месте, рыча и махая лапами, затем бросился обратно в сор и, круша лед, понесся прямо по мелководью.

Пиляп еще раз выстрелил. Но неведомые силы словно оберегали этого шатуна: пуля — в который раз! — прошла мимо.

— Нет! Не уйдешь! — прошептал Пиляп. — Ни за что не уйдешь!

Он подбежал к разломанной лодке, выбрал два обломка бортовой доски и капроновым шнуром привязал их к подошвам, соорудив нечто наподобие лыж. Сделав два-три пробных шага по льду, Пиляп пустился в погоню.

Медведь пересекал русло. Бежал медленно, тяжело. Лопас мешал ему: он громко лаял, заходил то спереди, то сзади.

Приблизившись к берегу, Старик обернулся и, как показалось Пиляпу, взглянул на него торжествующе: видно, он считал себя в безопасности.

Но охотник уже настигал его.

Подняв ружье, он нажал на спусковой крючок.

Медведь взвыл, дернулся и повалился на влажный песок. По горлу с белым ободком прошла волной предсмертная судорога...

Пиляп, охваченный смятением, смотрел, как уходит жизнь из мощного тела могучего зверя...

Потом, отойдя в сторону, он упал лицом в снег, и плечи его задрожали. Лопас ткнулся носом в руку хозяина, заскулил.

Пиляп приподнялся, сгреб ладонями снег и бросил комочек в своего верного друга¹.

¹ Когда убивают медведя, ханты, по обычаю, бросают снег в человека или любое другое живое существо, отдавая таким образом дань уважения медведю, по преданию — предку человека.

ЛАНГИ

Тавет, закинув за плечо двустволку, шел по берегу неширокой протоки Васяхово, которая к осени обмелела настолько, что местами ее можно было переходить вброд. С правой стороны поднимался коренной берег, поросший молодыми березками, кедрами и лиственницей.

Первые осенние заморозки уже тронули все вокруг, и листья берез, отрываясь от веток, словно распластанные стрижи в полете, плавно падали на землю.

Но солнце еще было теплым. Тавет с удовольствием подставлял его лучам свое смуглое лицо. Был он среднего роста, широк в плечах. Темноволосая голова крепко сидела на короткой, толстой шее. В поселке иногда посмеивались над ним:

— Эй! Шею-то куда подевал? Может, она у тебя с затылком срослась?

Тавет на подобные шуточки не обращал внимания: пусть себе зубоскалят, если им делать нечего!

Гораздо больше его задевало, когда подтрунивали над Ланги, полуторамесячным щенком охотничьей лайки, которого он начал выводить с собой на охоту. Вот и сегодня утром, когда сосед Ай-Паял крикнул ему вдогонку:

— Хватит людей смешить! Кто таких мальков в тайгу берет?

Тавет хмуро огрызнулся:

— Не твое дело, Ай-Паял!

Сейчас Ланги, загнув хвост колечком, весело бежал рядом с хозяином. Среди осенней желтизны четко выделялась его темная, густошерстная спинка. А когда пес оборачивался, на груди мелькало белое, похожее на бабочку-капустницу, пятнышко. Стоило Тавету остановиться — останавливался и Ланги. Уши у него вставали торчком, а в черных, словно угольки, глазах

загорался вопрос: в какую сторону мчаться? Кого догнать?

«Добрая растет собака!» — радовался Тавет и наклонялся, чтобы потрепать Ланги по мягкому загривку.

Давно мечтал он о чистопородной лайке, с которой можно будет зоревать весной и осенью, надолго уходить в тайгу. Без хорошего пса что за охота? Блуждание в потемках! «Один умный пес надежней ста помощников. Зверь шерстинку на траве оставит, и то собака его сыщет», — говаривали старики-ханты. Нынче мечта сбылась — зоотехник Хозяинов, чья лайка недавно оценилась, отдал ему кобелька. Тавет долго выбирал щенка — кобельков было двое — взвешивал каждого по очереди на ладони, водил пальцем по кончику носа, шупал уши и зубы: чутье, слух у будущей охотничьей собаки должны быть безупречны! Наконец он остановился на том, у которого на груди белела отметина.

— Назову тебя Ланги! — сказал он щенку. — Ланги, слышишь? Это значит — «бельчатник».

— Красивое имя! — одобрил Хозяинов. — Звучное!

— В старину у нас говорили: «Кто лайкой на белок не владеет, у того ни рук, ни ног, ни глаз нету», — засмеялся, пряча щенка за пазуху, Тавет.

Поблагодарив зоотехника, он поспешил домой — обрадовать мать; та в молодости была хорошей охотницей и знала толк в собаках.

Матери щенок понравился.

— Маленький, да удаленький! — сказала она, погладив Ланги. — Смотри-ка, как разумно посматривает!

Щенок, смешно затребая неокрепшими лапами и переваливаясь с боку на бок, пустился обследовать комнату.

Мать завела ему вслед старинное причитание:

— Песца пушистого следы
Будешь ты тропить умело,
За лисицей быстроногой
Смело пустишься вдогон.
Белок, скачущих по веткам,
Зорким взглядом не упустишь,
Птиц застреленных отыщешь
И хозяину снесешь!..

Тавет заботливо ухаживал за щенком. Он даже попросил на работе небольшой отпуск. Сам кормил его, выгуливал и, думая о наступлении холодов, смастерил во дворе добротную конуру, обшитую дерматином. По вечерам он читал книги по дрессировке охотничьих собак, и не было в поселке старика из бывших опытных охотников, с которым бы Тавет не затеял обстоятельной беседы о натаскивании лаек. Ланги научился подавать хозяину то правую, то левую лапу, без разрешения не принимался за еду и вообще проявлял редкую сообразительность.

— Молодец! — хвалил щенка Тавет. — Умнейший пес! Умник!

Довольный Ланги вилял хвостом и радостно повизгивал...

Разумеется, Ай-Паял прав: полуторамесячного щенка выводить в лес рановато, но разве знает сосед, каких успехов достиг Ланги, как стремительно он развивается? Собаку к охоте надо приучать смолоду, и не на словах, а на деле — только тогда из нее выйдет настоящий помощник!

Кое-где в лесу лежал выпавший накануне и не успевший растаять первый осенний снежок. Самое время подстеречь выводок рябчиков или даже косачей! Интересно, как поведет себя, учуяв дичь, Ланги?

Шагая вдоль протоки, по которой шла шуга — вода жила уже последним дыханием, — Тавет вдруг приметил за песчаным мыском двух уток-турпанов. Вскинув ружье, он замер на месте. Утки, в поисках корма, скрылись в зарослях. Тавет подкрался ближе к берегу. Ланги, насторожившись, последовал за ним. Когда турпаны появились вновь, прогремели два выстрела.

Тавет был метким стрелком. Не промахнулся он и сегодня. Теперь предстояло работать Ланги! Управлять щенка не пришлось. Негромко, энергично залаяв, молодой пес короткими прыжками понесся к протоке, и не успел Тавет присвистнуть ему вдогонку, призывая к осторожности, как Ланги, ступив на тонкий ледяной припай метрах в двух от берега, провалился в холодную осеннюю воду.

С досады Тавет даже пристукнул себя кулаком по лбу: надо же быть таким дураком! Вывел, называет-

ся, пса на охоту! Долго ли щенку простудиться? Правильно насмешничал Ай-Паял, слушаться надо умных людей, а не огрызаться в ответ!

Протока была мелкой, утонуть Ланги не мог.

— Ко мне! Ко мне! Назад! — крикнул Тавет.

Но, к его удивлению, щенок не послушался — лишь мельком взглянул на хозяина и все рвался вперед, к добыче, с треском ломая лапами лед. Впереди блестела на солнце полоса чистой воды.

— Куда ты?! — закричал Тавет, бросаясь к протоке. Он еле-еле успел схватить Ланги за загривок: еще мгновение, и пес пустился бы к уткам вплавь — видно, свой охотничий долг он осознавал в полной мере!

Ланги был очень возбужден. Он чуть не вырвался из рук Тавета и глухо заворчал, когда тот попытался его слегка обтереть и обсушить. Чтобы щенок опять не ринулся в воду, Тавет привязал его ремешком к невысокому сетевому колу, торчавшему у протоки. Отыскав подходящей длины жердину, сам побрел по воде за утками. Пес смотрел на него хмуро, исподлобья.

— Ладно, ладно, не сердись, — попытался утешить его Тавет. — Поохотились мы с тобой не худо, но ровнато тебе еще со мной в тайгу ходить. Придется подождать малость. Пусть зубы окрепнут, шерсть гуще отрастет. Тогда тебе никакая вода страшна не будет. Потерпи, песик! Мы с тобой еще не раз и зверя и птицу перехитрим. Вот увидишь! Ведь ты у меня умный, смысленый, отважный!

Обычно в ответ на подобные похвалы Ланги радостно повизгивал, но сейчас он молчал.

Тавет встревожился: что-то неладное происходило с собакой. Неужели обиделась на хозяина?

— Я же хотел тебе помочь, глупыш! — стал оправдываться Тавет. — Ну простыл бы ты, заоченел окончательно — вода-то ведь уже ледяная, — и что бы тогда было?

Ланги не отзывался, а если бы он умел говорить, то, наверное, сказал бы примерно следующее:

«Привязал меня тут. Как дворняшку какую. Уток сам палкой из воды достаешь. Зачем тогда меня натаскивал? Птичьи крылышки заставлял тебе приносить? Беличьи хвосты? Разве плохо я это проделывал?

Ты же сам меня хвалил, рыбки или мяса в награду давал, а то и косточкой баловал! Один раз хвоста не принес — так ты со мной и разговаривать не захотел! Я ведь должен был этих турпанов взять! Должен! Я твердо это знал до сегодняшнего дня, а теперь вот — не знаю. Должен или не должен? Лезть мне в воду за дичью следующий раз или не лезть?..»

Но Ланги даром речи не обладал, и Тавету оставалось лишь догадываться, почему загрустил его веселый щенок. Беспокойство в душе осталось, но большого значения происшествию он все-таки тогда не придал.

Вернулись домой. Тавет разогрел уху из щуки, поел сам и накормил Ланги. Пес в дороге все же устал и теперь быстро опустошил свою миску...

За зиму Ланги изрядно подрос, превратился в крепкую молодую лайку. Тавет с нетерпением ждал весны, чтобы испробовать своего любимца в новой охоте.

Как только открылась вода, он снарядил моторную лодку и, посадив пса на корму, поехал вниз по Горной Оби к Птичьему острову. Здесь во время весенних перелетов любили ночевать дикие гуси и утки.

К вечерней зорьке Тавет и Ланги, с трудом переступая через пружинившие, покрытые прошлогодней пожухлой травой кочки, добрались до озерка, где водилось особенно много дичи. Тавет притаился в тальниках. Рядом расположился вымазанный жидкой глиной Ланги.

Ждать им особенно не пришлось. Четыре шилохвосты взлетели из камышей и кругами пошли над озером, высматривая место для новой посадки. Тавет выстрелил дуплетом. Утки стали падать вниз. Но один из шилохвостей был, видимо, лишь ранен — забившись в воде, он поплыл в прибрежные заросли.

— Ланги! Ищи! — скомандовал собаке Тавет.

Пес не двинулся с места.

— Ланги! Кому сказано?!

Собака вскочила и — юркнула в кусты, в противоположную от озерной отмели сторону.

— Куда?! — закричал Тавет. — С ума сошел, что ли?!

Но Ланги и след простыл. Сколько ни звал его хозяин, сколько ни метался по берегу — все было тщетно. Обозлившись, он сам побрел на поиски уплывшего шилохвоста. Но и тот куда-то запропастился. Забился, наверное, подальше в камыши, поди его теперь сыщи без собаки в желтовато-бурых весенних травах!

Подобрав лишь одну утку, Тавет, уставший и злой, стал караулить других шилохвостей. Но время было уже упущено — вечерняя зорька догорела, и в сгустившейся темноте слышался теперь только посвист пролетающих птиц, да в вышине мелькали их неясные силуэты.

Ланги все не было. Тавет, разыскивая его, едва не сорвал голос. Наконец решил вернуться к лодке... Пес, как ни в чем не бывало, сидел на носу моторки. Заметив хозяина, он легко спрыгнул на берег и затрусил к Тавету. Обнюхал единственного шилохвоста, болтавшегося на ремне и протянул Тавету лапу, — настроение у пса, судя по всему, было отличное. Еще бы, ведь он не помешал хозяину охотиться, дал ему самому спокойно поискать раненую утку!

Тавет разозлился еще больше.

— У-у-у! — сердито прикрикнул он на Ланги и замахнулся на него прикладом ружья. — Пошел прочь от меня! Видеть тебя не могу! Всю зорьку мне испортил!

И тут вдруг с высоты на освещенную молодой лунной гладью Горной Оби ухнула стая белокрылых турпанов. Мгновенно прицелившись, Тавет нажал на курок. Один из турпанов стал падать в воду.

— Ну! Ланги! Вперед! — с надеждой скомандовал собаке хозяин.

Но ситуация повторилась — пес отступил от берега и растаял в зарослях.

В растерянности Тавет присел на корягу. Хорошенькая история! Это что же, теперь всегда так будет? Мечтал, мечтал об охотничьей лайке, и вот — на тебе — все труды впустую.

Над рекой гулял пронизывающий ветер. Стало совсем темно. Тавет сильно промерз, а Ланги все

не появлялся. Еще не хватало тут из-за него ночевать!

Раздосадованный Тавет снова по влажному песку, свистел, кричал, и когда наконец из-за кустов выскочил Ланги, швырнул в него первой попавшейся палкой. Какой это было ошибкой, он понял мгновение спустя — пес снова исчез!

Измучившись и охрипнув, подзывая собаку, Тавет сел в лодку.

— Раз так, — крикнул он напоследок, — я тебя проучу! Оставайся здесь один. Проголодаешься — сам реку переплывешь, авось, умнее станешь! Уже не шенок, чтобы я тебя из холодной воды вытаскивал, — шерсть вон, как у медведя! — и дернул за шнур; мотор заревел, дюралька, кренясь, полетела к дому...

2

Ссориться с собакой ничуть не легче, чем разругаться с близким другом.

Весь следующий день Ланги не появлялся, и Тавет просто места себе не находил — мотался по окрестностям, словно олень, донимаемый в летнюю жару гнусом. То и дело он бегал к реке, всматривался в направлении песчаной косы Кев-Ур, откуда, по его расчетам, мог приплыть провинившийся пес. Но никого не было видно на пустынном берегу, только снежные шапки отрогов Полярного Урала, сверкавшие на солнце, слепили глаза.

И зачем он только вчера поддался своему раздражению, уехал, бросив собаку? Да, Ланги вел себя скверно, но разве не он сам, Тавет, в том виноват? Грубо кричал, швырял палкой. А тогда, прошлой осенью? Ведь он просто не понял Ланги, помешал ему исполнить свой охотничий долг и тем самым посеял в нем смятение. Ланги сбит с толку, не знает, как вести себя на охоте, в его поведении есть своя логика, и бессмысленно теперь на него сердиться. Нужно было проявить побольше терпения, поработать с собакой, добиться послушания лаской, а не безобразными криками.

Под вечер, взяв ружье, Тавет спустился к Оби и завел моторку. Он быстро пересек реку, достиг места вчерашней охоты, тщательно осмотрел все вокруг. На песке никаких следов — Ланги и не думал искать хозяина. В груди шевельнулась обида, но Тавет подавил ее: нечего упрекать животное, сам во всем виноват!

Он стал не спеша обследовать окрестность. Перебрался на лодке к поросшему кустарником островку: вдруг Ланги приплыл сюда? Здесь можно разжиться дичью, а то и зайца поймать, косые любят на острове лакомиться корой молодых тальников. Ребятня из поселка всегда ставит тут капканы и петли. Теша себя мыслью, что пес добыл пищу и теперь лежит где-нибудь в подтверенном ложке, отдыхает, Тавет время от времени принимался ласково подзывать его:

— Ланги! Ланги! Умный пес, умник! Иди сюда! Я привез тебе косточку! Ланги!

Стало смеркаться. Но Тавет решил не уезжать, пока не отыщет собаку — только так он сумеет загладить перед ней свою вину!

Вернулся на коренной берег, тщательно всматриваясь в исхоженный чайками-халеями и утками песок. Ничего!.. И вдруг, когда он уже почти перестал надеяться, в устье небольшого ручейка глаза заметили что-то похожее на отпечаток собачьей лапы. А может быть, это след лисы? Но нет, тот был бы помельче. Неужели Ланги?!

Сердце у Тавета забилося сильнее — теперь он уже не сомневался: собака на острове! Нужно только как следует обшарить все тальники и заросли.

Утром Тавет снова отправился на поиски. Наконец в густом березняке на западной оконечности острова он вдруг услышал какие-то странные звуки: не то царапанье по корью, не то шорканье по земле. Кинулся в чащу. Среди корявых полярных березок что-то темнело. Неужели Ланги?!

Ланги!

Но что случилось с собакой?! Тавет глазам своим не поверил: крутясь и извиваясь среди поломанных веток, пес пытался освободиться от захлопнувшего морду капкана! Так вот почему он не откликнулся на зов хозяина...

Тавет бросился к собаке, разжал ножом пружину капкана, настороженного, видимо, на зайца или лисицу, и высвободил Ланги. Пovyше переносицы у него кровоточила довольно глубокая рана. Заскулив, Ланги благодарно прильнул к хозяину и лизнул ему руку.

Слезы подступили к горлу Тавета. Он обнял пса, горячо шепнул ему в ухо:

— Прости меня, песик, прости!

И, словно отвечая на эту просьбу хозяина, Ланги еще теснее прижался к нему.

Тавет промыл и просушил кровоточащую ранку, зашил порванную кожу оленьей жилкой. Затем из кармана ватника достал сухари, косточку и вяленую рыбу. Поращенная капканом морда у Ланги еще, конечно, болела, но угощение он съел с аппетитом.

— Поедем домой! — сказал Тавет и пошел было вперед, уверенный, что пес побежит за ним, но вдруг услышал за спиной жалобное поскуливание. Пытаясь догнать хозяина, Ланги волочил по земле перебитую лапу. Упав на колени, Тавет осмотрел собаку. Как это он сразу не заметил, что у Ланги перебита нога? Правда, больное место скрывала густая черная шерсть, запекшуюся кровь на ней не было видно. Неужто в него стреляли? Похоже на то! Наверно, на острове побывал вчера утром кто-то из молодых неопытных парней-охотников.

— Мерзавцы! — выругался вслух Тавет. — Собаку от зайца отличить не могут!

Подняв Ланги на руки, он понес его к лодке.

3

Дома Тавет, осторожно положив лайку на пол в сенках, побежал к зоотехнику Хозяинову.

— Николай Петрович, выручайте! Мой Ланги за-немог.

Зоотехник посмотрел пса и покачал головой:

— Плохи дела! Рана на бедре загрязнилась, может начаться гангрена. И кабы он, бедняга, мог себе кровь сразу зализать! Собачья слюна дезинфицирует

лучше всякого лекарства. Но тут случай особый, морду ведь капканом замкнуло...

Тавет повез Ланги в районную ветлечебницу. Там ему прочистили рану, сделали несколько уколов.

После этого случая Ланги еще больше привязался к хозяину. Однако охотничьи навыки привить ему так и не удалось.

— Да,— вздыхала мать всякий раз, как Тавет собирался идти в тайгу,— не повезло тебе, сынок. Зря ты тогда, в первый раз, отогнал его от раненой утки. Вот он и считает, что убитую дичь трогать нельзя, а от выстрелов лучше спрятаться.

— Хватит, не трави душу, сам знаю,— мрачно отзывался Тавет. Обидно было потерять такую собаку. Но что поделаешь? За собственную глупость надо расплачиваться.

Впрочем, Ланги даром своего собачьего хлеба не ел — он теперь видел свой долг в том, чтобы везде и всюду охранять хозяина. По утрам он сопровождал Тавета до школы, где тот работал учителем. Бодро трусил впереди, и не дай бог повстречать им какую-нибудь собаку! Ланги вихрем налетал на нее и отгонял в сторону. В его сердитом лае так и слышалось: «Прочь с дороги, бездельник! Не мешайся под ногами, когда мой хозяин спешит на работу!»

Пока шли уроки, Ланги лежал под школьным крыльцом. И какая бы на дворе ни стояла погода, сколько бы ни задерживался Тавет на занятиях, пес не покидал своего поста. Потом они вместе возвращались домой. Здесь Ланги ждали и другие обязанности: стеречь дом, предупреждать Тавета о любой опасности или наоборот — о появлении друга. На каждый такой случай пес лаял по-особому, Тавет понимал его, как говорится, с «полуслова».

К трехлетнему возрасту Ланги так возмужал, что ни одна поселковая собака не решалась вступать с ним в драку по пустякам. Только соседская овчарка Рекс постоянно задирала его — видно, горделивая осанка Ланги не нравилась ей. Рекс был сильнее, но не отличался изворотливостью, и Тавет испытал истинное удовольствие, наблюдая, как Ланги однажды перехитрил агрессивного соседа.

В заборе, который разделял участки, имелся лаз. В него сравнительно легко мог протиснуться Ланги.

Он это местечко хорошо знал и не раз им пользовался, когда требовалось почесать во время линьки густую шерсть на спине. В этот вечер Рекс вел себя особенно нагло. Ланги глухо заворчал, опасаясь вступить в открытую схватку. Потом, словно что-то надумав, все-таки приблизился к овчарке и начал кружить возле нее, то подскакивая, то отступая. Таким маневром он заманил Рекса к самому забору. Потом события развернулись следующим образом: Ланги, изловчившись, куснул овчарку. Разъяренный Рекс оскалил зубы и грудью налетел на противника. Тогда Ланги вдруг припал к земле и скользнул в лаз. Рекс, на секунду опешив, ринулся вслед за ним — но не тут-то было! Более крупная и плотная овчарка застряла в дыре, зажата со всех сторон деревянными плахами, а лайка как ни в чем не бывало разлеглась в огороде на травке!

Тавет от души хохотал, глядя из окна на эту сценку. Потом он подозвал Ланги и потрепал его по мохнатой шее:

— Умнейший пес! Умник! — А Рексу сказал: — Знай наших! Впредь не будешь обижать собрата!

Однако решительный бой с Рексом был у Ланги впереди.

Неподалеку от дома Тавета, на крутояре, стоял колхозный склад. В начале зимы подле него обычно забивали скот. Разумеется, все собаки поселка сбегались в эту пору сюда. Здесь разыгрывались ожесточенные драки, и не один пес потом зализывал себе раны.

Ланги и тут проявил редкую сообразительность. Пока собаки, слепившись в один бешено вертящийся шерстяной ком, дрались из-за какой-нибудь требухи, сама требуха оставалась как бы ничейной. Ланги это заметил. Теперь он, явившись к складу, первым кидался к выброшенному куску, провоцируя тем самым драку. Собаки, пытаясь отогнать Ланги, затевали схватку. Пока они визжали и кусали друг друга, Ланги быстренько оттаскивал в сторону «забытую» всемирную добычу.

Рекс, видимо разгадав тактику соседа, решил ему отомстить: сбив изрядную собачью ватагу, в один прекрасный день окружил Ланги в его собственной конуре. Тому — хочешь не хочешь — пришлось прини-

мать ближний бой. Но, видно, добрые духи были на стороне Ланги: когда клыки Рекса уже коснулись его горла, какой-то гвоздь, валявшийся на земле, впился овчарке в лапу. Взвыв, она подпрыгнула вверх, а лайка успела отскочить к дому, откуда уже в тревоге выбегал Тавет.

После этого случая Рекс уже никогда не посягал ни на владения Ланги, ни на его собачье достоинство.

4

— Коль унес ноги от верной смерти, другая уже не настигнет: ей ведь через тень первой перескочить потребуется,— приговаривала иногда мать Тавета, поглаживая Ланги по спине. Она тоже привязалась к собаке, даже, пожалуй, больше, чем сам Тавет.

Самые лакомые кусочки из общего семейного котла доставались Ланги, а в сенках на полу появилась теплая лосиная шкура, на которой он спал в зимние холода. Мать еще и укрывала его своей старой ягушкой.

— Зачем ты балуешь собаку? — рассердился однажды Тавет.— Ведь она не ребенок.

Мать в ответ пристально посмотрела на своего взрослого сына, и Тавет сразу умолк — столько было в ее глазах невысказанного страдания. И дернул же кто-то его за язык: «Ребенок!» Разве не знает он, как та давняя трагедия разрывает матери сердце, не дает покоя ни днем, ни ночью?

...Время было послевоенное, трудное, жили впроголодь. Чтобы хоть как-то прокормиться, летом всей семьей выезжали на плавной лодке куда-нибудь в дальние, глухие места. О лодочных моторах тогда еще и мечтать не смели, ходили на гребях или под самодельным парусом. Гребли все — и взрослые и дети. Тавета возили с собой в берестяной люльке, он был совсем маленьким.

По реке гулял сильный ветер. К полудню он усилился, волны стали закручиваться белыми пенными барашками. Мать умоляла мужа поднять сеть пораньше и укрыться где-нибудь в тихой заводи, но рыба шла

хорошо, и отцу Тавета не хотелось терять лишних муксунов или нельм. Когда же наконец стали выбирать сеть, оказалось, что она зацепилась под водой за «задеву» — корягу-топляк. Лодку начало захлестывать, дно залило водой. Сеть все не отпускало. Отец тянул ее на себя изо всех сил, три старших брата Тавета — мальчишки-погодки — помогали ему.

— Брось сеть! — кричала сквозь ветер мать. — Брось! Утонем!

Но отец и в момент опасности оставался рыбаком: бросить сеть для него было равносильно тому, чтобы покинуть в беде верного друга.

Но вот сеть подалась и... в это мгновение огромная волна накрыла лодку. Бударка пошла ко дну. Отец метнул в воду спасательный круг, крикнул матери:

— Хватай люльку и плыви!

Отец и три старших сына утонули. А мать каким-то чудом добралась до берега. Чудом было и то, что Тавет не захлебнулся в своей насквозь промокшей берестянке. Обоих подобрали потом жители близлежащего поселка...

С тех пор прошло много лет. Мать стала известной в их краях охотницей, и не было женщины в округе смелее ее: ведь ей пришлось пережить такое, после чего и собственная смерть не страшна. Всю силу своей материнской любви перенесла она на единственного оставшегося в живых сына Тавета, мечтала о внуках, а пока что баловала собаку...

5

Тавет продолжал ходить с ружьем в тайгу. Ланги он всегда брал с собой, хотя тот по-прежнему не прикасался к подбитой дичи. Особенно он любил сборы на охоту, и первым бежал по длинному спуску к дюральной лодке, где важно усаживался на переднее сиденье, поджидая хозяина.

В один из весенних дней, в субботу, они отправились на остров Горелый, названный так из-за сильного лесного пожара, некогда на нем бушевавшего. От

поселка до острова — километров тридцать по изви-
листой, неширокой протоке Осхем.

Пристав к острову, Тавет выбрался из лодки и по-
шел на разведку. Ланги потрусил за ним. Они пере-
секли несколько небольших болотец, взобрались на
песчаную гриву и вдруг услышали вдали гортанные
крики диких гусей.

Тавет молниеносно перезарядил ружье, сменив чет-
вертый номер дроби на более крупный — нулевой. Гу-
си! Надо же, такая удача! Теперь только бы не про-
махнуться!

Вот со стороны Куншольского сора показалась
небольшая стая. Кружа над болотом, гуси высматри-
вали место для посадки. Тавет выругался с досады:
птицы явно не собирались подлетать ближе, а с такого
расстояния целиться бесполезно. Чем бы их подма-
нить? Наконец его осенило, — как же он мог забыть,
что гуси всегда реагируют на бегающую по земле со-
баку?

— Эй, Ланги! — крикнул он. — Вперед! Туда! — и
указал на болото. Для верности он сдернул с головы
и швырнул подальше свою шапку. Шапка — не утка,
Ланги обязательно постарается ее принести. А гуси
наверняка заметят пса.

Так и произошло. Гуси, увидев собаку, подались
к песчаной гриве. Укрывшись за березой, Тавет взвел
курок. Но помешала мелькнувшая перед глазами ве-
точка — она вдруг прикрыла мушку. Пришлось выска-
кивать на открытое место, время было потеряно, и он,
конечно, промазал. Гуси тем временем отлетели уже
далеко. Раздосадованный Тавет пнул носком болотно-
го сапога нарастаявший ком снега. И тут случилось
непредвиденное: под снегом, видно, оказался какой-то
пенек. Тавет от неожиданности потерял равновесие,
споткнулся и начал падать. Инстинктивно отводя в
сторону руку с заряженным ружьем, он нечаянно на-
жал пальцем на курок. Прогредел выстрел, и левое
бедро пронзило резкой болью.

«Дурак! — выругал он сам себя. — Я же забыл по-
ставить предохранитель!»

Кровь теплой струйкой побежала вдоль икры. Пре-
возмогая подступившую сразу слабость, Тавет сел на
ягель и стал стаскивать с себя сапог и толстые ват-

ные брюки. Как хорошо, что он надел сегодня именно их: иначе весь заряд сидел бы в ноге!

Сильно шла кровь. Но вена, кажется, осталась неповрежденной. И почему только он не взял походную аптечку? Всегда берет, а сегодня, как назло, оставил в лодке... «Что же делать?» — лихорадочно думал он. И вдруг вспомнил: мать говорила, что внутренние пластинки березовой коры хорошо останавливают кровь. С их помощью она однажды спасла соседа, проткнувшего себе в лесу руку острым ножом-сѣхаром.

Кое-как доковыляв до росшей неподалеку березки, Тавет отодрал кусок белой коры, отщепил прозрачную берестяную пленку и наложил на рану. Потом, разорвав нижнюю рубаху, перевязал бедро. Попробовал идти — но на раненую ногу ступить не смог. «Неужели задета кость? — Он снова опустился на ягель. — Да... в хорошее положеньице я угодил!.. — с горечью усмехнулся Тавет. — И главное — сам опять во всем виноват!»

Нужно добраться до лодки, но как? Ведь до нее не менее километра, а идти он не может... тем более по болоту, по кочкам... И еды с собой нет... Ведь мать приготовила, а он от нее отмахнулся: дескать, зачем лишнюю тяжесть таскать, к вечеру вернусь, поем. Боль в ноге становилась все нестерпимей. Но Тавет все же потащился к березняку, охотничьим ножом срезал молодое деревце. Расщепил его слегка по середине, сделал небольшую поперечину. Опираясь на это сооружение — нечто вроде костыля, можно было немного передвигаться. Но далеко, конечно, так не уйдешь.

Тавета охватило отчаяние. Вечерело. Солнце, словно рыба, купалось среди облаков. Скоро станет темно. Тавет почувствовал, что сильно проголодался. «Может, удастся подстрелить хотя бы утку? — подумал он. — Но ведь Ланги не допросишься за ней сбегать... Пустой номер! А чирки и шилохвости, как нарочно, то и дело низко пролетали над самой его головой. Не утерпев, Тавет все же сделал пару выстрелов. Две утки упали в болото.

— Ну! — с надеждой сказал Тавет крутившемуся неподалеку псу. — Ну же, Ланги! Сделай такую милость! Возьми уток!

Но собака, услышав просительные, ласковые интонации в голосе, подбежала к раненому хозяину и, лапаясь, протянула ему правую лапу в знак особой благожелательности.

— Тьфу! — сплюнул со злости Тавет. — И в кого ты только такой уродился? Разве что в меня, дурака?

К счастью, чирки свалились неподалеку. Опираясь на костыль, Тавет все же сумел подобрать их. Кое-как развел костерок и бросил уток в раскаленные угли. Никогда в жизни жареный чирок не казался ему таким вкусным. Одного Тавет, поделившись с Ланги, съел, а второго оставил про запас.

Подкрепившись, он решил все-таки добраться до лодки. Пожалуй, надо идти по песчаной гриве. Это гораздо длиннее, но, по крайней мере, будет сухо, в случае чего и присесть можно, передохнуть — не то что в болоте.

Уже в сумерках Тавет двинулся в путь. Все небо заволокло тяжелыми черными тучами. Дул холодный северный ветер. Не успел он пройти и сотни метров, как повалил снег.

— Скорее, Ланги, беги вон в тот ельничек. Зимовать будем! — сказал Тавет приунывшей собаке.

В ельнике они застряли надолго — до самого утра. Слава богу, удалось развести костер, да и чирок у них был. Еще раз перекусив, Тавет прижался спиной к улегшемуся Ланги, прикрыл себе ноги еловыми лапами и забылся тяжелым сном.

Проснулся он на рассвете, дрожа от холода. Снег перестал, а ветер наоборот усилился. Все кругом заволокло пеленой — уже не разберешь, где болото, где песок. Разворошив кострище, Тавет нашел несколько тлеющих угольков и снова развел костер. Идти дальше он пока не решался: пусть хотя бы уляжется ветер. Ланги заскулил. Крылышко чирка не слишком обильный ужин для здорового, сильного пса, а на завтрак ни ему, ни хозяину не досталось и этого.

— Все четыре лапы у тебя в порядке. Промысли себе что-нибудь, — посоветовал Тавет собаке. И приказал: — Иди! Ищи!

Лайка, порывав в ельничке, нашла мышьиные следы. Комья земли так и полетели в разные стороны,

но мышинная норка оказалась пустой. Ланги, зарывав, помчался по гриве в сторону берега.

Одному Тавету стало совсем тоскливо. Нога болела все больше и больше — не началось бы заражение. Озноб сменился сильным жаром, явно поднималась температура.

Ланги не было довольно долго. Но каково же было удивление Тавета, когда он вдруг увидел своего пса... с увесистым зайцем в зубах!

— Ну, Ланги! — обрадовался Тавет. — Такого я от тебя не ожидал! Молодчина! Умнейший пес! Умник!

Неужели в собаке наконец проснулся инстинкт охотника? Или Ланги затравил зайца в порыве горячего желания помочь раненому хозяину?

Как бы то ни было, пища теперь у них есть, огонь тоже, а с этим ханты ни в какой тайге не пропадет. Теперь надо только набраться сил, а там видно будет, что делать дальше.

Тавет освежевал зайца, и вскоре над заснеженными болотами поплыл аппетитный запах жареного мяса.

— Шашлык на острове Горелом! — пошутил Тавет. — Будем его потом вспоминать, а Ланги?

Пес ответил радостным заливистым лаем.

Еще через час Ланги приволок к костерку растрепанного ястреба-тетеревятника, и Тавет понял, откуда у лайки на носу глубокая ссадина: Ланги со свойственной ему хитростью воспользовался случаем. Ястреб терзал зайца, а пес, оказавшись свидетелем этой маленькой лесной трагедии, решил ее исход в свою пользу. В общей схватке досталось и ему.

— Молодец! — сказал Тавет и поцеловал собаку в теплую мордочку. — Ты, конечно, пройдоха, но друг — настоящий. Спасибо!

Тем временем снова поднялась пурга. Утихла она лишь на следующий день. Тавет, преодолевая боль, тронулся в путь. Ему казалось, что он идет довольно быстро, но когда обернулся, увидел: ельник темнеет совсем рядом. Он со своим березовым костылем не протащился к полудню и четверти километра!

Тавет чуть не заплакал, а вместе с подступившими слезами, пришел и новый приступ слабости. Глаза заливал пот, хотелось пить. Пожевав снег, Тавет опу-

стился на землю. Когда Ланги подскочил к нему, он обвязал его шарфом, а конец прикрепил к своему поясу. Теперь с помощью собаки, отталкиваясь локтями и коленом здоровой ноги, он медленно пополз к протоке.

К вечеру показался берег. Лодка была на месте. До нее оставалось не более сотни метров, когда Тавет вдруг потерял сознание.

Очнулся он от неистового собачьего лая. Над головой маячила кедровая ветка. Сквозь нее просвечивало серое небо.

— Ланги! Потише! — попросил Тавет. И подумал: «На кого это ты так расшумелся?»

Переведя взгляд в сторону берега, он оцепенел: возле лодки стоял огромный медведь.

Тавет нашарил двустволку. Слегка приподнявшись, достал из кармана патроны. Не успел он перезарядить ружье, как медведь, мотая головой, двинулся прямо к нему.

«Весна! — мелькнуло в мозгу Тавета. — Медведь голоден! Голоден, зол и опасен! Если промажу — конец».

Хозяина тайги явно раздражал собачий лай. Не натасканный на медведя, Ланги не слишком боялся зверя, но как вести себя — толком не знал. Он то подскакивал к берегу, то мчался обратно, а медведь медленно приближался к редкому кедрачу, где лежал Тавет. Метрах в десяти он вдруг взревел и встал на задние лапы.

У Тавета замерло сердце. Он положил палец на спусковой крючок и застыл в страшном напряжении. Ланги в страхе прижался к нему.

Неожиданно медведь развернулся и длинными прыжками устремился в лес.

Напряжение спало, но теперь Тавет вконец ослабел... Он распластался на ягеле, не в силах даже пошевелиться. И вскоре впал в новое забытие.

Сколько оно длилось — Тавет не знал. День снова клонился к вечеру. И снова нестерпимо хотелось есть. Нащупав на земле кедровую шишку, он с трудом выколопнул из нее несколько прошлогодних орешков и ожевал их вместе с кожурой. Ланги тоже понюхал шишку, но есть не стал.

Вдруг со стороны реки донесся еле слышный рокот

подвесного мотора. Лодка! Люди! Возможно, что Тавета ищут!

Теперь главное — дать о себе знать!

Тавет выстрелил в воздух. Шум мотора стал удаляться. Неужели не услышали?!

— Ланги! — закричал он. — Голос! Песик мой, го-ло-с!!!

Вся надежда была только на собаку.

Ланги тотчас оказался возле лодки и залаял так, что у Тавета зазвенело в ушах, а с ближайшего болотца поднялись испуганные птицы.

Неужели и теперь не услышат?

Не услышали... Наверное, мешал ветер, относивший звуки в сторону от реки.

Мотор на мгновение притих, потом заработал снова. Было ясно, что лодка, обогнув Горелый, спускается дальше, вниз по течению.

«Наверное, просто для заправки останавливались», — подумал Тавет. И еще подумал, что протока, по которой они с Ланги добрались до острова, могла за эти дни обмелеть. Тогда на остров нет иного пути, как через более глубокую протоку Мекхот-Пухар, а это лишних полсотни километров. В поселке, поди, и не сообразят, что он подался в такую даль — ведь матери сказал: к вечеру, мол, буду дома.

Значит, выход один: во что бы то ни стало доползти до своей лодки.

Цепляясь руками за мокрую от растаявшего снега прошлогоднюю траву, он продвинулся немного вперед. Каждый метр давался ему с огромным трудом, перед глазами стоял туман, перехватывало дыхание. Но, кусая до крови губы, Тавет упрямо полз к лодке...

Наконец сделав последнее невероятное усилие, он схватился ладонью за корму.

Тут его ожидал новый удар. Рюкзак со съестными припасами — хлебом, чаем, маслом, сушеной рыбой, был разодран и пустой валялся на дне. Пробка бензобака выдернута, а сам бак свернут на сторону. Весь бензин вытек. Хозяин тайги похозяйничал здесь в свое удовольствие. Не такой уж он, значит, был голодный!

— Дьявол косолапый! — выругался Тавет. — Обобрал меня подчистую! Чтоб тебе провалиться!

Забравшись в лодку, Тавет примостился рядом с мотором. Идти на гребях? Но вряд ли у него хватит на это сил.

В лодку запрыгнул Ланги. Предвкушая поездку, он устроился на своем излюбленном месте — на самом носу.

— Зря радуешься! — усмехнулся Тавет. — Никуда мы не едем...

Какое-то странное безразличие вдруг овладело им. Нога словно закаменела — видимо, сильно опухла. Тяжелым туманом напелзал сон. Откинувшись к заднему сиденью, Тавет уснул.

Ему снились бесконечные крутолобые сугробы, среди которых он скользил на своей дюральке, снился медведь, оскаливший клыкастую пасть. Протянув руку, Тавет хватал зверя за мощный загривок и силился позвать собаку: «Ланги! Ланги! Почему ты не помогаешь? Ланги! — Но язык не слушался, и пес лишь с недоумением глядел на хозяина. Наконец удалось крикнуть: Ланги! Спасай!»

Видимо, он кричал во сне, потому что, вздрогнув, тотчас проснулся. Лайки в лодке не было, на берегу — тоже.

— Ланги! Где же ты? Ланги! — простонал Тавет.

В ответ лишь прошелестел легкий ветерок. Похожие на спины гигантских осетров отроги Полярного Урала розовели на закатном солнце. Кругом было тихо. Заметно потеплело, снег почти растаял.

«Куда могла подеваться собака? Неужели опять медведь?»

— Ланги! — еще раз тихо позвал Тавет. — Вернись, Ланги! Я же без тебя совсем пропаду...

Пес все не возвращался.

Но вот наконец за дальним мыском раздался собачий лай.

— Слава богу! — облегченно вздохнул Тавет.

Вскоре из-за кустов тальника, облепленный глиной и грязью, показался Ланги. Увидев хозяина, он взвизгнул и устремился к нему. Лизнув Тавету висок, снова умчался в лес. Потом опять прибежал. «Чему он радуется? — удивился Тавет. — Может, какую дичину промыслил?»

Но тут в реденьком кедраче, метрах в ста от берега, показался какой-то человек.

Тавет протер глаза: наяву или во сне?

Но человек быстро шел к лодке.

Тавет не удержался, заплакал...

— Ладно, ладно, успокойся! — сказал человек. — Теперь все будет в порядке...

— Это ты, Микипур? — улыбнулся сквозь слезы Тавет.

— Я самый, забыл, что мы с тобой в одной школе ребяташек учим? — засмеялся тот.

— Как же ты меня нашел?!

— Пса своего благодари! Я к родственникам на лодке ездил. Возвращаюсь мимо Горелого, смотрю какая-то собака на крутояре сидит и волком воет. Подошел поближе к берегу, пригляделся — смотрю Ланги! Э-э, думаю, что-то тут не так, с Таветом, видно, беда...

— Понимаешь, оступился, на курок нечаянно нажал...

— А ну, повернись, покажи ногу-то.

— Угораздило, понимаешь...

— Молчи, молчи, разговаривать потом будем. На охоте всякое бывает...

6

Пролежав месяца полтора в районной больнице, Тавет начал потихоньку ходить.

К осени решилось, что его переводят на работу в город. Первого сентября уже надо было приступать к новым обязанностям, а квартиру еще не дали.

— Поживите пока в гостинице, — сказали Тавету в гороно. — Потом с жильем все уладим.

«А как же Ланги? — сжалось сердце Тавета. — Для матери место в гостинице, конечно, найдется, но кто пропишет собаку?»

Стали готовиться к переезду.

Вещи, книги, охотничье снаряжение — все в доме вверх тормашками.

Чувствуя какие-то перемены, Ланги с беспокойством крутился среди этого беспорядка.

— Ну что ты тут вертишься? — с досадой спрашивал его Тавет. — Иди погуляй! Не видишь разве, как мне тошно?

Ему и в самом деле было не по себе: куда девать собаку? Разумеется, в поселке есть кому приютить на время Ланги, а то и вовсе забрать к себе. Но ведь не всякой семье доверишь такого пса, как этот! Там грубоватый подросток растет, тут за собакой толком присмотреть некому, у тех вечный кавардак — и сами поесть вовремя не успевают, и Ланги не накормят.

Мать тоже нервничала. Ей трудно было расставаться не только с Ланги, но и с поселком, в котором прошла вся ее жизнь...

Как-то вечером к Тавету наведалься его старый приятель — Логи.

— Узлы вяжешь? — спросил он, встав на пороге. — Давай помогу!

— Узлы-то я сам соберу, — вздохнул Тавет, — а вот что с лайкой делать — ума не приложу. В город не повезешь, здесь тоже не придумаю, с кем оставить.

— Мало думаешь! — улыбнулся Логи. И присвистнул: — Джек, ко мне!

В комнату вбежала темно-серая, мохнатая дворняга. Ланги, поставив уши торчком, вытянул морду в сторону гостя. Потом, приблизясь к нему и обнюхав со всех сторон, добродушно оскалился.

— Вот видишь, — сказал приятель, — наши песики уже нашли общий язык. Почему бы тебе не оставить Ланги у меня?

— Хм, — отозвался в раздумье Тавет. — Это мысль!

— И неплохая.

— Правда, твой Джек бывает и агрессивным. Помнишь, как они однажды подрались с Ланги?

— Помню. Это когда ты у Джека попросил лапу, а твой красавец вздумал тебя ревновать?

— Стал Джека отпихивать и сам мне лапу подал...

— А мой, конечно, такого нахальства не стерпел и пустил в ход клыки... Еле мы их растащили тогда.

— Что поделаешь, собачья дружба без драк не обходится.

— И не только собачья!

Они вышли на крыльцо покурить. Псы мирно играли во дворе. Решение было принято. Ланги оставался в поселке.

В день отъезда Тавет перетащил во двор к другу собачью конуру. Чтобы не возбуждать у Ланги никаких подозрений, он не стал с ним прощаться. А Ланги, увлеченный свежей костью, не заметил его поспешного бегства.

Мать с вещами ждала Тавета на пристани.

Подошел теплоход, идущий от Омска до Салехарда. Стоянка была недолгой — всего полчаса. Тавет грузил узлы, книги, чемоданы, а на душе было неспокойно. Он тоже вырос в этом поселке, работал здесь в школе, у него тут много друзей... Трудное дело — переезд на новое место... Угнетало Тавета и чувство вины перед любимой собакой. Пусть Ланги не худо пристроен у хорошего человека, но все-таки тот для него не хозяин... И вряд ли Ланги привыкнет к нему...

Матросы уже собирались убирать трап, как вдруг на деревянные сходни метнулась чья-то лохматая тень.

Ланги!

Мгновенно сыскав Тавета в толпе пассажиров, пес забросил ему лапы на грудь. Он тяжело дышал, свесив язык, но глаза у него были счастливые. Еще бы! Ведь он нашел хозяина!

Мать заплакала и отвернулась. Тавет и сам с трудом сдерживал слезы. Он погладил лайку по упругой спине.

— Молодец, Ланги. Умнейший пес! Умник! А теперь иди, иди!..

Ланги в ответ лизнул Тавета в щеку.

— Знаешь что? — сказала мать. — Возьмем его с собой. Как-нибудь устроимся.

— Да! Возьмем! — обрадовался Тавет. — Конечно, возьмем!

В это время раздался басовитый гудок теплохода. Расталкивая людей, к ним протиснулся помощник капитана.

— Товарищ! Вozить животных на пассажирских судах без намордника запрещено. Сейчас же уберите пса. Слышите?! Мы и так опаздываем!

Пришлось схватить Ланги за ошейник и спустить на дебаркадер.

— Держи его! — крикнул Тавет стоявшему на пристани Логи. — Держи покрепче! Я скоро за ним приеду! Счастливо!

Теплоход отчалил. Скрывшись в каюте, Тавет долго еще слышал душераздирающий вой своей верной собаки.

7

Прошло полтора года. Тавет с матерью все еще жили в гостинице, обещанной им квартиры до сих пор не было. За все это время Тавет, как ни рвался, не смог выбраться в родные края повидать Ланги — дела не пускали.

Потом пришло письмо от приятеля.

«Должен тебя огорчить, — писал тот. — Не удастся мне совладать с твоей лайкой. Поначалу вроде стала привыкать к нашему дому, но как гудок теплохода услышит, так сама не своя. Не ест, не пьет, Джека моего чуть не загрызла, когда он к ней сунулся. А в последнее время Ланги и вообще одичал. Пропадает неделями. Часто видят его возле твоего бывшего дома. Тяжело мне про такое писать, ведь вроде сам вызвался за собакой приглядывать, но ничего поделать с ней не могу...»

Только следующей осенью удалось Тавету поехать в поселок. Прямо с пристани поспешил он к дому своего друга. Но собаки там не было...

— Секи повинную голову! Не знаю, где Ланги. Уже месяца два его не видел, — развел руками приятель.

Тавет побрел по знакомым улицам.

— Не видели мою лайку? — спрашивал он у каждого встречного.

Люди пожимали плечами — в северном поселке столько собак, разве за каждой из них уследишь? Но кто-то ему все же сказал:

— Старика Кулю знаешь?

— Это который на отшибе живет?

— Да, подселеноватый такой.

— Знаю, конечно.

— Загляни к нему. Может, туда твой пес приблизился? У него часто приبلудные собаки живут.

Прибавив шагу, Тавет заторопился на топкую окраину поселка, где в бревенчатом пятистенном доме жил старый Куля. По дороге он заскочил в магазин, набил карманы печеньем и сахаром — побаловать Ланги, если он там. А для деда купил бутылку портвейна.

Ланги действительно оказался у Кули.

Но лучше бы Тавет его не видел.

Нечто всклокоченное, облезлое, тощее лежало, растянувшись, на деревянном крылечке. Если бы не белая отметина, похожая на бабочку-капустницу, Тавет не признал бы Ланги.

Ошеломленный, он присел на корточки, погладил собаку по костлявой спине и с ужасом заметил, что в темно-серой шерсти белеют седые волоски.

— Ланги, — шепнул он. — Бедный мой Ланги...

Пес даже не шелохнулся, только скосил на него гноящиеся глаза.

— Умнейший пес. Умник...

Эти, некогда такие вожделенные слова, казалось, что-то пробудили в собаке. Она поднялась, села и потянула носом воздух.

Но видно и запах Тавета был уже не таким, как прежде — Ланги, зевнув, снова улегся на крыльце и безучастно уставился в одну точку.

— А, это ты, Тавет? — послышался старческий голос.

В дверях избы стоял старый Куля.

— Здравствуйте, — сказал Тавет.

— Здравствуй, здравствуй. Значит, снова в наших краях?

Дед присел на рыбный ящик, достал прокуренную до черноты трубку.

— Так, так... Соскучился, значит, по родным местам? — вздохнул он. — Не надо было уезжать. Я вон всю жизнь на одном сижу... Здесь родился, здесь и помру. Теперь уж скоро. Ноги не держат...

Голубой табачный дымок поплыл над болотцем. Тавет молчал, не зная что сказать. На душе у него было тяжело.

— Собаку-то свою признал? — продолжал Куля. —

Постарела она. Глухая стала, слепнет, вроде меня. Жаль, жаль... Хороший, говорят, был пес. Он ведь тебя однажды от верной смерти спас, когда ты себе на Горелом прострелил ногу. Было такое?

— Было.

— Да-а, вот так-то.

Дед умолк, посасывая свою трубку.

Тавет вручил ему портвейн, а печенье и сахар положил на крылечко под самую морду задремавшего пса.

— Привязался ко мне,— дед ткнул пальцем в сторону собаки.— Заявился однажды,— вот и живет. Я его не гоню. Мы с ним как раз пара — последние денечки на белый свет смотрим...

— Ланги! — снова наклонился к нему Тавет.— Пойдем со мной! Я ведь за тобой приехал. За тобой, слышишь?!

Старик встревожился.

— Что это ты надумал? Пес совсем плох. Только измучаешь его в дороге. Да и меня последней радости лишишь. Я привык к нему, все не один в доме.

Ланги тем временем проснулся и захрустел печеньем. Но и ел он как-то вяло, без удовольствия, не выражая ни малейшей благодарности. Тавет был уже для него Никем.

«Да,— подумал он,— животное, как и человек, не прощает измены».

— Видишь,— кашлянув, сказал дед.— Не признает он тебя. Оставь уж его здесь, не мучай...

На следующий день Тавет уезжал. На пристань проводить его пришел Логи со своим Джеком, а в последнюю минуту у дебаркадера появился вдруг старый Куля. За ним понуро плелся Ланги.

— Смотри, кто пришел! — сказал Логи.— Поднимайся скорей на трап!

Теплоход дал гудок. Лайка дернулась и бросилась к реке.

— Ланги!!! — изо всех сил закричал Тавет.— Прощай! Прости меня! Умнейший пес! Умник!

Пальцы его, вцепившиеся в поручни, побелели. Горло сдавил горький тугой комок.

Пес с размаху влетел в холодную воду. Белое пятнышко на его мохнатой груди в последний раз мелькнуло перед глазами Тавета.

Через несколько минут на поверхности реки можно было разглядеть лишь вспененные буруны от винтов теплохода.

С берега что-то кричали Логи и старик Куля, но скоро и они скрылись из виду.

Когда за излучиной реки показался остров Горелый, Тавет ушел в каюту. Лег на койку лицом к стене и пролежал так, не двигаясь, до самого вечера.

ГУЛ ДАЛЕКОЙ БУРОВОЙ

Пуржило сильно, и зоотехник оленеводческой бригады Карыкур держался, как привязанный, на расстоянии броска аркана за передней упряжкой — долго ли потерять друг друга такой круговертью в бескрайней лесотундре... Передней правил бригадир стада Лозар — старый, опытный пастух, всю жизнь имевший дело с оленями, с ягельниками, по которым не на одну сотню, а может, и тысячи километров пролегли пути каслалий совхоза «Арка-Яхинский».

Торопились упряжки по такой непогоде в сторону озера Воянг Тув, торопились не зря — по делу широко важному, можно сказать — чрезвычайному.

Сутки назад, ночью, в такую же вот пургу, напали на стадо, что паслось возле озера, волки. Хищников отогнали быстро, но в вочной неразберихе откололся от стада косяк голов в тридцать. Пастух Калин всю ночь гнался за ними, но к утру след потерял. А днем, делая большой круг, случайно наткнулся на окоченевшие трупы животных — беглены все, как один, пали от какой-то непонятной напасти.

Калин, конечно, тут же помчался с этой невеселой новостью в бригадирский чум. Неожиданно потерять три десятка голов, да еще ни с того ни с сего, — что может быть неприятнее такого известия? И бригадир Лозар, ни минуты не раздумывая, принял решение отправиться на место, все внимательно осмотреть своими глазами и разобраться, что же все-таки там, на озере Воянг Тув произошло. Взял он с собой и зоотехника Карыкура — а как же иначе? Полдела еще, коли волки, а что если обрушилась на стада эпизоотия, какая-нибудь страшная инфекционная болезнь?

Накануне бушевал несколько дней Овас Вот — северный ветер, словно тысячи белых медведей набросились вдруг с Ледовитого океана, не давая пастухам выйти из чумов.

Мало-помалу Овас Вот начал стихать, однако по-

прежнему все вокруг задернуто было сплошной снежной пеленой. Нарту Карыкура везли три крепких быка, и, непрестанно погоняя их следом за бригадирской упряжкой, зоотехник дивился, как уверенно его напарник — его называли еще краснолицым Лозаром — находит дорогу в этой белой круговерти, когда снежные заряды то и дело слепят глаза, когда невозможно сколь-нибудь долго смотреть вперед, когда кажется, что просто нельзя не сбиться с заданного пути в бесконечно однообразном редколесье невысоких кедров, конусообразных остроконечных елей, изредка встречающихся на дороге тонкоствольных берез...

Пересекли несколько узких болот, на которых снег был почти весь выдут, взобрались на невысокий ёхам — увал, сплошь заросший мелкой лиственницей, и тут Лозар наконец остановился.

— Я-а, сынок, хорош! — проревел он своим оглушающим голосом. — Пожалуй, слегка передохнуть надо. — Он резко передернул плечами, пытаясь стряхнуть снежную пыль со своего толстого гуся, провел меховыми рукавицами, пришитыми к рукавам неблюевой малицы, по оторочке капюшона и повернулся лицом к ветру: — Кой! Повелитель Ветров! Никак ты, щедрый на счастье и богатство, не утихнешь. Успокойся ненадолго! — И снова посмотрел на оленей. — Шибко, однако, устали — передовой мой ногами еле перебирает, ослаб по такой-то дороге. Снег местами, видишь, какой глубокий — по грудь олешкам приходится, ноги у них едва до твердого достают. Шибко, шибко снежная выдалась нынче зима, да еще и метель успела за двое-то суток наворочать сугробов. А ведь весна уж... Ну что ж, придется нам, сынок, здесь переждать малость. Животным отдохнуть дадим, да и самим дух перевести нелишне. — Лозар огляделся по сторонам, словно еще раз оценивая взглядом место будущей стоянки. — По-моему, в самый раз. И кедр вои, видишь, какой раскидистый — хоть сколько, а все прикроет нас с тобой своими лапами. За ним и костер разведем, верно? И насчет дров, смо-рю, туго не будет... Чайком погреемся — и спать нырнем. В «куропачий чум». — Бригадир хитро улыбнулся. — Небось не приходилось еще, а, олений лекарь? Но ничего, сегодня попробуешь, что это такое... Какой же ты оленевод, если ни разу в «куропачьем чу-

ме» не проживал?! А, сынок? — И, не дожидаясь ответа, распорядился: — Так что давай, собирай сушняк, а я пока стружек на растопку настрогаю, — гремел бригадир, стараясь перекричать пургу.

Из всех качеств, какими природа одарила Лозара, самым, пожалуй, впечатляющим был его голосище. Человека, не знавшего бригадира раньше, голос его поначалу просто-таки ошарашивал. Не случайно земляки о нем так говорили: «Лозаров разговор с одного конца поселка на другой семь раз перекатывается». А некоторые, когда их спрашивали о том, дома ли сейчас Лозар, отвечали не задумываясь: «А ну, притихий. Сейчас послушаем, не слышно ли где-нибудь его голоса...»

И, глядя сейчас на широкий, будто налимий бригадиров рот, Карыкур подумал: «Вот глотка, так глотка! Не зря говорят, что Лозара на все пастибище слышно!»

Но особо задумываться ему было некогда — велено ведь спешить за дровами. Он еще раз огляделся по сторонам и чуть было не воспротивился вслух: да разве ж можно выбирать для стоянки такое место, где растут одни молоденькие лиственницы? Где ж тут возьмешь дров для настоящего костра? Но посмотрел на приступившего к делу бригадира и решил пока смолчать, начал выпрастывать из-под оленьей шкуры, расстеленной на сиденье нарты, широкие кедровые лыжи.

Прихватив топорик, он потопал к жидкому лиственнику, ровно растянувшись вдоль всей гривы.

«Вот так собачий узел! (Это было любимое выражение Карыкура.) Мучайся теперь, — еле переставляя лыжи, ворчал он про себя, — выбирай, которая из них сухая. Все говорят: опытный, опытный, а он даже путного места для стоянки подобрать не смог. Да здесь, пожалуй, и деревца сухого не сыщешь!»

Но подойдя к первой же лиственнице и вогнав в нее топор, Карыкур подивился: деревце, хотя и молодое на вид, тут же рухнуло от одного несильного толчка. Он подошел к следующему — та же история. Что такое? Приглядевшись повнимательнее к цепочке уходящих по гриве деревьев, Карыкур наконец понял, что все они давно уже зачахли, высохли. Это лишь сквозь пургу они показались ему молодыми и сочны-

ми... Он свалил следующую лиственницу, стукнул по ней обухом. Тут же на снег посыпались мелкие обугленные сучки, — по всему судя, когда-то здесь погулял лесной пожар, и теперь от некогда молодых деревьев остались одни только неживые остовы...

Карыкур в душе похвалил себя за то, что удержался, не показал своего недовольства бригадиру, который частенько любил подшучивать над ним: учат, мол, учат вас бумаге, а главную науку вы тем временем напрочь забываете: ни леса не знаете, ни воды, ни оленьих повадок...

Карыкур после окончания техникума служил в армии, а теперь, вот уже третий год, работал со стадами и то и дело, особенно на первых порах, попадал впросак, что не раз давало бригадиру повод поворчать да позубоскалить: «Учили-учили тебя, вдалбливали-вдалбливали науку в голову, — любил повторять бригадир, — а языка оленей не понимаешь, хоть и ханты! — И заканчивал обычно любимым словечком: Туго, сынок, туго!»

Это свое «туго» бригадир употреблял к месту и не к месту, и сейчас Карыкур порадовался в душе, что не пришлось ему на сей раз услышать эти задевающие за живое попреки, которые к тому же уже изрядно стали ему надоедать.

Хотя, спору нет, в насмешках бригадира он, конечно, виновен был сам. Стоит только вспомнить, как непростительно оплошал Карыкур в первый же год работы в стадах перед самым началом зимнего забоя...

Директор совхоза послал его тогда провести пересчет оленей после весенне-летних касланий. Вначале все у Карыкура ладилось — оленей без особых усилий загнали в кораль, за день управились почти с половиной животных. А ночью чем-то взбудораженное стадо пришло в движение; олени метались в загоне, пока не продавили в одном месте ограду и не вырвались на свободу. С утра пастухи, заменив сломанные жерди, отремонтировали кораль и попытались вновь загнать в него стадо. Но животные, испытав неудобства тесной площадки, где и развернуться-то как следует трудно, ни за что не хотели снова заходить в кораль. А ночью, в соответствии с графиком, пригнали следующее стадо. Пастухи, считая, что кораль уже

освободился, подогнали его слишком близко, и оба стада смешались... Теперь пересчет оленей усложнился неимоверно: вначале надо было разъединить животных — то есть выудить нужных оленей из почти трехтысячного стада в соответствии с метками-тамгами на ушах. Это была работа уже не на один день, а может, и не на одну неделю. Зоотехнику же Қарыкуру на все про все дано было лишь шесть дней...

Поначалу Қарыкур заставил пастухов заняться отловом оленей, но увидев, как медленно движется дело, стал ломать голову, как бы выйти из положения. И выход, как ему показалось, нашелся, тем более что пастухи не раз и не два предлагали ему сделать подсчет голов на глазок, положиться на их опыт и интуицию. Так и не придумав ничего лучшего, Қарыкур после долгих колебаний пошел именно этим путем: обсчет голов, как положено по инструкции, не проводил, а поверил на слово пастухам и бригадирам, клявшимся и божившимся в правильности и честности своих данных. И уже на основе этих данных он составил акты, как потом оказалось, совершенно липовые... Но зато уложился в положенное ему время. Пастухи обоих стад обещали ему, что все это останется в тайне, что не только в дирекции — вообще ни один посторонний человек ничего никогда не узнает; как говорили они — «даже струя воздуха — не то что изо рта — в мозгах никогда не пронесется». А когда начался массовый забой, то выяснилось, что животных, предназначенных на мясо, явно не хватает. Стали искать причину такого грубого несоответствия актам обсчета. В первую очередь, конечно, начали допытываться у зоотехника Қарыкура. Тот, стыдясь собственной халатности, никак не мог заставить себя сознаться и только разводил руками... Все, может, и обошлось бы, списали бы дело на ошибки, допущенные при обсчете во всех стадах, если бы кто-то из пастухов все же не проговорился где-то на стороне. И, конечно, в конце концов тайное стало явным...

До сих пор стыдно ему вспоминать об этом... Только по молодости и неопытности отделался тогда Қарыкур строгим выговором, да еще лишился половины годовой премии. Но все это в прошлом, теперь-то он набрался кое-какого опыта.

И хотя после того случая Қарыкур упросил дирек-

тора, чтобы его перевели в другое стадо, четвертое, где он и по сей день работает, совершенный когда-то грешок людьми не забылся. Потому и бригадир Лозар нет-нет да и может себе позволить подшутить над ним: «Учили-учили бумаге, вдалбливали-вдалбливали четыре года науки в техникуме, а язык оленей совсем туго понимаешь!»

Карыкур старался заготовливать сухостой с подветренной стороны — так легче будет подтаскивать его к костру; а костер, разведенный на сухих стружках, разгорелся быстро — Лозар уже пустил в дело крупные дрова. Вскоре над огнем висел чайник, набитый снегом, и по мере того, как снег таял, Лозар подкладывал и подкладывал в него своей огромной кружкой новые порции.

Запасливый бригадир достал к чаю вареную оленью грудинку, которая хотя и успела изрядно промерзнуть, но, оттаянная возле костра, пошла за милую душу. Точно так же пришлось отогреть и застывшую, как камень, буханку белого хлеба. Только масло они крошили ножом и глотали мелкими кусочками, целиком. Двухлитровый походный чайник оказался для них мал, пришлось кипятить снежную воду еще раз.

После чая Лозар выкурил трубку махорки, подбросил в костер несколько цельных листовенниц потолще.

— Ну, а теперь, сынок, на боковую. Надо, надо малость вздремнуть. Переспим, а к утру, пожалуй, и ветер стихнет. А пока,— и Карыкур в бликах ярко занявшегося костра увидел улыбку старика,— в «куропачьем чуме» спрячемся.

Бригадир встал, отошел на пять-шесть шагов и принялся вытапывать в глубоком снегу яму.

Карыкуру еще ни разу не приходилось ночевать в «куропачьем чуме», и хотя он, конечно, слышал, как это делается, сейчас ему было интересно следить за всеми приготовлениями бригадира. Лозар, как олень, утапывающий место для лежки, устроил в снегу довольно вместительное углубление, на мгновение скрылся в нем, а потом вынырнул вполне удовлетворенный.

— Кой! Не туго, не туго! — сказал он, побряхывая.— В самый раз, на двоих хватит! — Он выбрался

из ямы.— Иди, ложись первый. А я рядом пристроюсь.

Карыкур, разглядывая снежную яму с некоторым сомнением, наконец решился, улегся, тщательно расправив свой длинношерстный гусь, и обнаружил, что в яме приготовлено даже небольшое возвышение для головы. «Как же здесь спать,— подумал он,— если ноги мерзнут даже через теплые чижки и тоборы? Вскоре рядом с ним примостился и Лозар. Проверив еще раз, удобно ли ему будет лежать, бригадир уселся и, взяв в руки заранее прихваченную с нарты легкую деревянную лопаточку, принялся присыпать снегом с краев ямы ноги себе и Карыкуру.

Когда снег укрыл тело до самой поясицы, Карыкур почувствовал, как сразу начали согреваться ступни, бедра. Наконец решив, что снега насыпано довольно, Лозар воткнул лопаточку в бруствер ямы и тоже откинулся на спину.

— Си! Все! — сказал он удовлетворенно.— Теперь порядок, теперь как в небольшом чуме лежим. И ветру туго будет до нас добраться, и снег не страшен.

Действительно, здесь, в «куропачьем чуме», было намного теплее, чем снаружи. Совсем не ощущались пронизывающие насквозь порывы колючего весеннего ветра, доносились только его монотонные — то тихие, то пронзительные посвисты.

Хотя была уже глубокая ночь, спать Карыкуру совсем не хотелось. Он подумал о том, что сейчас самый подходящий момент, чтобы поподробнее расспросить старого бригадира, что же все-таки случилось на пастбище подле озера Воянг Тув прошлой ночью.

— Спрашиваешь, как все произошло? — откликнулся Лозар.— Ох, сынок, шибко плохая беда навалилась. Волки нынешние какие-то коварные стали — и уж как только не преследуем их: и с вертолетов стреляем, и травим, и пастухи ни одного удобного случая не упускают. А они все живы! И дело свое поганое туго знают, не забывают. Вроде бы притихнут — не видно их, не слышно. Глядь — опять о себе заявили.

— И правда, Лозар аки, быют их, быют... Только в прошлом году по району сорока четырех волков уничтожили, в газете даже об этом писали...

— Вот я про то и говорю. А не убили бы этих сорока четырех — сколько бы они еще бед нашим стадам наделали!

— Волки, конечно, Лозар аки... А только, я думаю, на них больше валят, настоящая-то беда еще и в другом...

— В чем это таком «другом»?

— Да вы что, разве сами не знаете, как в некоторых бригадах недостачу оленей на волков списывают?

— Гм... Это где же, сынок, в каких еще бригадах?.. Знаешь, что я тебе скажу, в таких вещах нельзя словами впустую язык продырявливать, почему зря болтать. Тут открыто говорить надо, как огнем слова высекать! Давай начистоту, если и впрямь что знаешь!

На то Карыкур и рассчитывал, знал, что его слова обязательно заденут бригадира — ведь и в их бригаде похожее прошлой весной случилось. Тогда Ека, молодой Лозаров зять, недосмотрел во время отела и забыл на пастбище трех беспомощных оленят, брошенных важенками. Ему бы подобрать их, выкормить, а Еке ни к чему, оставил новорожденных лежать в снегу без присмотра, вот их ночью белые песцы и унюхали и, конечно, сожрали. Это было Карыкуру достоверно известно — по пути в соседнее стадо он случайно наткнулся на растерзанные телячьи останки. Тогда бригадир Лозар, выгораживая своего зятя и бригаду в целом, списал гибель оленят на волчью потраву. Напала, мол, стая — что ж тут поделаешь, причина самая что ни на есть уважительная...

Карыкур было попробовал доказать свое, но снег в это время почти сошел, следов никаких не осталось, вот и пришлось зоотехнику подписать акт о волчьей потраве, хотя, конечно, если по-честному, убытки надо было списывать за Екин счет. Ведь Ека-то, как позднее узнал Карыкур, покинул пастбище в самый отел, оставил стадо на своего напарника, а сам гонял за вином на соседнюю факторию, что чуть ли не в пяти десятках километров...

И вот теперь Карыкур, не решаясь так сразу ворошить старое, начал издалека:

— Да вот, к примеру, такая история в шестом ста-

де была, Лозар аки. Они там десятка два оленей на волков списали...

— Ну что ты городишь, путаный ты человек!— снова не выдержал Лозар, загремел в «куропачьем чуме» на полную мощь своей глотки.— Откуда ты хоть узнал такое? Тебе что, докладывают, что ли?! Если докладывают — то врут...

— Никто мне не докладывает. Просто был я на окружном совещании зоотехников, и там прокурор выступал. Сказывал, раскопали тогда обман пастухов. Там у них, в шестом, нашлись такие — сами этих «потравленных» оленей государству сдали. Ну под видом своих... А денежки, собачий узел,— себе в карман.

Почувствовав, как нервно заерзал рядом с ним Лозар, Карыкур решил идти до конца: не грех и ему кольнуть бригадира за его постоянные насмешки.

— Да и у нас тоже, Лозар аки, не все чисто делается. Вспомните-ка прошлую весну — ну когда еще Ека дежурил... Ведь тех трех телят все же песцы слопали, не волки. Серые бы, собачий узел — они бы разбой по всему пастбищу учинили. А Ека ваш ездил тогда за вином на фабрику. Вот как на самом-то деле было...

— Та-ак, путаный ты человек,— без промедления откликнулся Лозар.— Ну а почему же ты тогда об этом сразу не говорил? А? Акт разве не ты подписывал? Ты, ты, твоя подпись там бродит...

— Да уж... Конечно моя,— вздохнул Карыкур.— Впредь умнее буду. Ладно, чего теперь, дело прошлое... Это уж я так припомнил, чтобы ни вы, ни я об этом не забывали.

— Сам знаю, что мне забывать, а что нет,— огрызнулся бригадир.— Мысли к одному месту не привязаны.— Но теперь он уже не гремел возмущенно, понимал, что в случае чего — доводов зоотехника ему не опровергнуть. И, видимо, не желая углубляться в опасную тему, увел разговор, предложил уже мягче: — Ладно, сынок, о прошлом. Давай о нынешней нашей беде потолкуем — ведь сейчас это для нас главное, об этом думать надо...

— Конечно, конечно,— согласился Карыкур, довольный уже тем, что сумел хоть как-то отыгаться на старике за его постоянные насмешки.— Как там

все было-то? Рассказывайте, Лозар аки. Я вас слушаю внимательно...

— Да что тут рассказывать-то... Это ведь словно снег с одного места на другое пересыпать. Меня ведь тоже, как и тебя, на пастбище не было.

— Да, но вам ведь дежурные пастухи Калин и Ека подробно все рассказали, разве нет?

— Э... рассказывать рассказывали, да ведь то, что другой говорит — это только один изгиб дела, сынок. Пока своими глазами не уловишь — в мыслях все равно туго будет.

— Да, но все же, Лозар аки! Меня ведь, когда Калин приезжал, в чуме не было. Сами знаете, в поселке находился тогда, за лекарствами ездил.

— Ладно уж. И вправду, как говорят, язык мой не обсохнет, а края его не изнасятся, словно полозья у нарты, если его рассказ повторю. Слушай.— Лозар замолк ненадолго, словно обдумывая, как бы подходчивее объяснить все назойливому зоотехнику.— Стало быть, ночью все это произошло. Выюга, если помнишь, крепко тогда мела. Всю окрестность, стало быть, под себя сграбастала — у нас даже чумы чуть с мест не посрывало...

— Помню, помню, Лозар аки. Мы в эту ночь как раз на вездеходе ехали. Такая мгла стояла — едва к чуму выбрались, едва не заплутали.

— Вот-вот, сынок. Туго было с погодой, туго. В такую пургу, сам знаешь, нелегко стадо сторожить, ох как нелегко. Олень свой слух теряет, собака тоже теряет. А он, волк-то, нахальный этот зверюга, только того и дожидается, самая его погода. С подветренной стороны подкрался — и давай олешков резать...

— Точно, Лозар аки. Что-что, собачий узел, а тут уж волк не оплошает!

— Вот оно, стало быть, так все и вышло. Стадо — в панику, зашевелилось, заметалось. Пастухи давай палить из ракетницы. Да что от ракет толку в такую пургу, в такую непроглядную темень — выстрел как искорку пожирает. Туго, сынок, туго. Вот они, серые, и прирезали пять важенок да одного хора. Тогда-то и откололись от стада эти олени — уберегли себя, как смогли, от волчьих зубов... Уберечь-то уберегли, да вот новая беда на их головы свалилась... — Лозар тяжело вздохнул.— На другой день Калин их всех мерт-

выми и нашел. Около озера Воянг Тув. Правда, некоторые еще чуть головами шевелили. Да тут же, прямо при нем, при Калине, и подошли... Он сперва думал, волки, — никаких волчьих следов. Так что туго, сынок, туго!

— Кой! — раздумчиво пробормотал Карыкур. — Плохое дело.

— Хуже, чем «кой», сынок. Вот тут-то, стало быть, Калин и перепугался — давай что есть духу к чуму, чтобы побыстрее неприятную эту весть сообщить. А как же? Никто ж не знает — а вдруг олешков какая-нибудь страшная болезнь поразила? А и то сказать: долго ли? Раньше-то ведь, бывало, язва сибирская целые стада косила. Вот Калин и подумал: может, снова у нас эта страшная болезнь рукава засучивать стала? Это ведь только дурак думает, что все тайны природы ему известны. Кой! Сколько же у ней силы, у природы...

— Да, Лозар аки... Не дай бог, действительно какая-нибудь болезнь напала... Хотя, конечно, сейчас сказать трудно — вот приедем на место, своими глазами все увидим, тогда и скажем...

— Ска-ажем! Эк все просто! Думаешь, так тебедохлые олени и выложат, от чего загнулись! — усмехнулся Лозар. — Тебя хоть учили-учили, да все бумаге, а тут жизнь, дело, думаю, непростое...

— Ну и что из того, чтодохлые, Лозар аки. Я у них почки возьму, печень, содержимое желудков на анализ возьму...

— Ну и все равно, так они тебе и сказали! Олени-то как лед сейчас, застыли уже...

— Ничего, Лозар аки, отвезу пробы в город на анализ. Там лаборатория, сразу определяют, от чего олени пали — от болезни или еще почему...

— Ну ладно, ладно, чего раньше времени-то... Посмотрим сперва сами, олений лекарь. — Бригадир вдруг умолк, опять, видно, задумался. — И все же это какой-то необычный случай. Около сорока лет с оленями кочую, а ничего похожего ни разу не бывало. Чтобы враз — и столько оленей неизвестно от чего...

— Вот то-то и оно, Лозар аки. До этого олени ничем не болели, прививки нужные я им сделал. И на тебе!

Бригадир в ответ лишь покряхтел и слегка заворочался, устраиваясь поудобнее.

— Ну ладно, сынок, давай-ка поспим чуток, сил маленько наберемся. А то работы впереди шибко много. До озера часа три-четыре тащиться надо, да еще и там неизвестно как управимся... Так что давай спать. Разговор наш не ветер — не улетит от нас, завтра договорим...

И едва ли не тут же до Карыкура — через теплый гусь, через капюшон малицы — донесся раскатистый храп бригадира; привыкнув к подобным ночевкам, Лозар мгновенно заснул, как ни в чем не бывало, а к зоотехнику сон все не шел и не шел...

Он прислушивался к порывам ветра, значительно усилившегося к ночи, и то ему казалось, что проносятся над ним, расплетаясь, связки звенящего от сильного броска аркана, то чудилось, что это слышится вой волчьих стай, изготовившихся для очередной охоты...

И, как всегда, когда не спалось, мысленно он старался вернуться к тому, что волновало больше всего днем. Сейчас Карыкур, конечно, думал о том, отчего вдруг пало сразу столько оленей. Он переворошил в памяти все, что знал из учебного курса в техникуме и что сумел вычитать потом из специальных книг по инфекционным болезням животных. Припоминая те или иные симптомы, сравнивал с тем, что наблюдал у оленей в последние недели и дни, и все больше и больше приходил к выводу, что животные погибли вовсе не от какой-либо известной ему болезни. В конце концов он решил не ломать больше голову перед сном — видимо, прав старый Лозар: многое, если не все, прояснится на месте происшествия.

Он лежал, слушая вьюгу, приказывая себе уснуть, считал до ста — бесполезно: мертвые олени по-прежнему занимали все его мысли. И тогда он решил — раз уж все равно не спит — думать о чем-то еще, что отвлекло бы от забот о повседневной работе. И тут, конечно, как это бывало и раньше, мысли его перенеслись к Айнэ, его сокурснице и первой горячей любви...

Он учился вместе с Айнэ в зооветеринарном техникуме в городе Пулнгават Вош — правда, она поступила туда на год позже, чем он.

Она была из того же, что и Карыкур, района, жила в селении, расположенном верст на двести выше его родного Самангвоша.

В первые годы учебы Карыкур, как, впрочем, и другие парни из их техникума, не обращал на нее никакого внимания, хоть и приходила Айнэ вместе с подругами чуть не каждый вечер на танцы: уж больно она незаметно держалась, может, даже слишком строго и скромно. Девушек в городе хватало: педучилище, медучилище, культпросветучилище — все сплошь, как выражались у них в общежитии, оккупированы девочками. Так что было из кого выбирать. А может, никто из парней не увлекся Айнэ еще и потому, что расцвела она лишь к третьему курсу, расцвела как-то неожиданно и быстро, подобно долго не распускающемуся на севере цветку иван-чая, так ярко выделяющемуся среди небогатой растительности лесотундры...

Словно по мановению волшебной палочки, Айнэ враз обрела привлекательную женственность, и теперь глаз нельзя было оторвать от ее стройной фигуры, каштановых волос, необычной для северянок белой кожи... А уж лицо ее... Небольшой рот, прямой носик, длинные, как иголки кедра, ресницы, строго очерченные брови... Нет, лицо это, родинку Айнэ на левой щеке — не забыть Карыкуру никогда в жизни...

Впервые Айнэ запала ему в душу на одном из вечеров майского праздника. В своем легком шелковом платье она была так хороша, что Карыкур вначале не поверил своим глазам: да Айнэ ли это? От удивления он даже обернулся к своему сокурснику Нятаме: «Смотри-ка, Айнэ и не узнать!.. Как легкая бабочка порхает...»

И с этого самого вечера Карыкур, как заметили парни из техникума, «втрескался». Он не сводил с нее глаз, смотрел, как свободно и весело танцует она с подругой, и, ощущая, как какая-то неведомая жаркая волна захлестывает его душу, словно слышал чей-то властный голос: «Вот она, твоя девушка! Вот она, твоя любовь!»

И Айнэ, чувствуя на себе его горячий взгляд, нет-нет да и скользила мимоходом по его лицу... Во время одного из перерывов между танцами она остановилась с подругой прямо напротив него и, словно тол-

кая его на смелость, посмотрела долгим, пронизавшим его насквозь взглядом. И Карыкур вдруг понял, что тонет в этих глазах, словно затерялся он в утлой колданке посреди широкой Оби и теперь не знает, в какую сторону плыть... Он не выдержал этого ее взора, смущенно опустил глаза. Но этот пронизывающий взгляд Айнэ будто подсказал парню, что и она равнодушна к нему, и как только музыка заиграла следующий танец, он, чтобы не опоздать — и откуда только взялась смелость — первым ринулся к ней, пригласил на вальс. Как только Карыкур положил свою руку на мягкую талию, сразу растерялся до того, что на какой-то миг все слова, которые он приготовил для их первого разговора, улетучились из головы. За весь танец он только и сумел выдать: «Хороший сегодня вечер, правда?»

И опять замолчал. Айнэ снисходительно улыбнулась, взглянула на его потное от смущения лицо и ничего не ответила, как бы молча согласившись с ним.

Карыкур влюбился, как говорится, без памяти и этим же вечером дал понять остальным ребятам, чтобы никто из них впредь не имел на Айнэ никаких видов, что она «уже занята».

А на следующее воскресенье он купил билеты в кино, и Айнэ не отказалась от его приглашения...

С этого времени Карыкур уже не чувствовал себя стесненным с ней на танцах или на переменах в учебном корпусе, когда подходил и затевал какой-нибудь веселый разговор, или во время их весенних прогулок по улицам старенького северного городка.

Особенно любили они место у площади Речного вокзала; подолгу сидели там и любовались юркими катерами, мощными толкачами, пассажирскими судами, непрерывно подходившими и отходившими от причалов.

Здесь же, в одну из белых ночей, когда они надолго задержались у пассажирского дебаркадера, Карыкур впервые поцеловал Айнэ, признавшись в любви. Потом, осмелев от поцелуев, он все пытался дознаться, любит ли она, не занято ли ее сердце каким-нибудь другим избранником. Но девушка лишь загадочно улыбалась, и единственное, что она сказала, так это:

— Хватит меня допрашивать, Карыкур. Наверное,

так просто я бы не ходила с тобой... Больше пока ничего не скажу, а там посмотрим, как все будет...

Но влюбленному юноше и этого было достаточно. О, сколько восторженных слов сказал он ей в эту самую солнечную, самую счастливую свою весну! Их, наверное, не увезли бы и все упряжки огромного оленьего стада. А какие только радужные мечты не возникали в его душе, которая вся, казалось, была наполнена одной Айнэ, жила одними лишь мгновениями счастья и невыносимыми муками ревности. Какое это было упоительное для Карыкура время! Кажется, тогда весь окружающий мир существовал ради него, ради его любви, ради Айнэ, без которой он и представить себе не мог дальнейшей жизни...

На следующий год он заканчивал техникум, и его должны были сразу призвать в армию. Дома у Карыкура оставалась только мать, получавшая небольшую, еще колхозную пенсию; старшая сестра давно уже была замужем, а отец, всю жизнь занимавшийся охотой и рыбалкой, лет пять назад погиб в схватке с медведем-шатуном. Оттого-то Карыкур каждое лето приезжал на каникулы домой, устраивался на летнюю путину или на заготовку кормов в совхозе, помогал матери всем, чем мог.

Рано после смерти отца хлебнув тяжелой работы, Карыкур быстро окреп, возмужал и к своим восемнадцати годам выглядел солидным плечистым мужчиной, значительно превосходившим в развитии своих сверстников.

В те последние свои летние каникулы Карыкур работал необычно старательно. Они с напарником хорошо взяли тогда вонзевое — пришедшего с низовьев Оби — муксуна, и при расчете за летнюю путину он получил весьма приличную сумму. И все же в эти каникулы, в отличие от предыдущих лет, Карыкур закончил рыбалку за две недели до начала учебного года. Оставив матери деньги, он отправился на теплоходе в поселок Хорамвош, где жила Айнэ. Матери, конечно, пока ничего не говорил, объяснив ей, что едет погостить к своему однокурснику Нятаме. Он и впрямь остановился у Нятамы, но ехал сюда, разумеется, из-за одной только Айнэ.

Они до глубокой ночи — здесь-то им никто и ничто не мешало — гуляли с Айнэ по берегу неширокой,

но бурной речонки Хорам-Ас, любовались вечерними звездами, густо высыпавшими в небе, говорили о будущем и целовались, целовались...

Любимым местом их свиданий стала поляна с высокой елью, гордо возвышавшейся среди мелколесья на выдававшемся в реку обрывистом мысу.

До самого утра просидели они перед окончательным расставанием под этим раскидистым деревом, и все слушали не умолкающую переключку двух лебедей где-то неподалеку на соседнем озере.

— Как интересно они кричат, — сказала Айнэ. — Хо-танг, хо-танг. А ведь по-нашему их так и зовут...

— А знаешь, почему они так кричат? Хо-танг, хо-танг!

— Нет... А ты, что ли, знаешь?

— Конечно знаю, Айнэ.

— Ну тогда рассказывай, Карыкур, рассказывай. — Она прижалась к нему еще теснее.

И Карыкур, обняв ее за плечи и то и дело отвлекаясь, чтобы прильнуть к ее губам, начал свой рассказ издалека.

...Давно это было. На земле только-только первые четвероногие звери и двукрылые птицы появились...

Собрал в один из весенних дней Вой Турам — Дух Лесных Зверей и Птиц — своих подопечных всех вместе и говорит:

— Хочу каждому из вас отдельный цвет дать. И вам веселей будет, и мне приятней вами любоваться. Ну, говорите, кому какой цвет нужен!

— Мне черный! — крикнул крепкокрылый горбоносый турлан.

— Мне серый! — загоготал гусь.

— Мне — все цвета радуги! — закричал широконосый соксун.

Крики так и неслись со всех сторон. Волшебный Вой Турам тут же исполнял желания птиц, они на глазах преображались и радостные улетали прочь.

Остались только лебедь с лебедкой, имевшие тогда невзрачный бурый цвет.

— Ну, а вы какой хотите? — спросил Вой Турам. — Всех я уже осчастливил, а вы-то чего молчите?

— Думаем! — дружно ответили лебеди. — Думаем..

— Ну и как — надумали?

— Надумали, Вой Турам. Мы хотим стать белыми. Совсем-совсем белыми!

— Хм... Интересно. Это почему же?

— Потому что мы любим друг друга, не можем один без другого жить. И хотим, чтобы любовь наша была чистая-чистая! Как только что выпавший снег...

— Хм... Ну коль и вправду не можете жить друг без друга, то и перекликайтесь меж собой всегда так: «Хо-танг? Хо-танг?» То есть: «Где ты? Где ты?» — чтобы, значит, никогда не терять друг друга...

Махнул Вой Турам своей волшебной рукой, и лебеди тут же превратились в белоснежных красавцев. С тех пор они и кричат всегда «хо-танг, хо-танг», и любят друг друга до самой смерти, и жить друг без друга не могут...

— Да-а... Интересная сказка! — протянула Айнэ.

— Это не сказка, это наша легенда. Мне ее когда-то мать рассказывала...

Айнэ снова прильнула к нему.

— А мы, Карыкур, мы с тобой тоже будем любить друг друга, как эти лебеди, да?

— Конечно, Айнэ. Я, пока ты жива, больше никого не полюблю!

— И я тоже, Карыкур. — И она податливо подставила губы его жаркому поцелую.

Так и сидели они под раскидистой елью, слушая голоса влюбленных птиц, влюбленные сами. Сговаривались, что после его службы в армии они сразу же сыграют свадьбу. А пока Карыкур служит, она закончит техникум и будет его ждать.

Призывали его в середине мая и, расставаясь, Карыкур долго и горячо целовал девушку, все спрашивал, дождется ли она его, будет ли писать письма, клянется ли не полюбить кого-то другого: ведь это так долго — на целых два года расстаться...

И Айнэ, каждый раз не давая Карыкуру договорить, закрывала ему рот поцелуем и бормотала:

— Ты что, Карыкур? Конечно, буду ждать. Тебя, одного тебя, — и, словно скрепляя клятву, снова припадала к его губам...

Следующим утром Карыкур улетел рейсовым самолетом в областной центр, где после недолгих сборов при военкомате его определили на флот. И ока-

зался он в частях береговой обороны на далеких Курильских островах...

В первое время он просто завалил Айнэ письмами. И она, хоть и не на все его послания, но отвечала регулярно. Из ее писем Карыкур знал, что после техникума направили ее на работу в родной Хорамвош зоотехником в одну из оленеводческих бригад, что она начала уже вести кочевую жизнь, порою живет в стадах месяцами. В одном из писем, помимо прочих новостей, Айнэ сообщила, что рядом с их селением обосновалась нефтеразведочная экспедиция, что понаехало сюда много молодежи: буровики, шоферы, строители, другие специалисты. Эта весть чуть не убила Карыкура.

«Молодые... неженатые, поди... — думал он. — Долго ли... Да любой парень обратит на нее внимание..»

Он, не стесняясь, начал писать ей о своих переживаниях и страхах. Айнэ же в письмах старалась успокоить его — не следует, мол, тебе волноваться, служи спокойно, все будет хорошо...

А потом письма стали приходить все реже и реже, и не было в них теперь прежнего тепла, прежней ласковости. К концу второго года его службы она совсем перестала писать.

Отправив с десятков посланий и не получив ответа, он решил написать Нятаме, чтобы тот нашел время и встретился с Айнэ или же выяснил бы, что с ней случилось. Месяца через полтора друг, стараясь быть осторожным в словах, ответил ему, что в поселке поговаривают, будто за Айнэ ухаживает молодой начальник базы производственного отдела той самой нефтеразведочной экспедиции, о которой она упоминала в письме, что сама Айнэ, как считают в поселке, не прочь связать с ним свою судьбу...

Всего, чего угодно ожидал Карыкур, но только не такого удара. Он собрался написать, что не верит в дошедшие до него сплетни, что уверен в ней, уверен, что она помнит их клятву. Он писал и зачеркивал, несколько раз рвал написанное, пока наконец не решил, что напишет на следующий день, когда немного остынет и все обдумает.

Но на следующий день, после почти четырехмесячного перерыва, пришло письмо от Айнэ. Письмо было какое-то странное, он даже не понял сначала: почерк

ее, имя ее, а фамилия — другая. Не Кондыгина, а какой-то Кулик...

«Что за чертовщина? — недоуменно спрашивал он себя. — Какой кулик, почему кулик?» Наконец до него дошло: это означало только одно — что она уже вышла замуж и сменила свою фамилию на фамилию мужа...

В ярости хотел он разорвать письмо, выкинуть его, не читая, но потом все же переборол себя, вскрыл конверт.

Айнэ извинялась за то, что не сдержала своего слова, объясняла, что долго ждала его, но что жизнь есть жизнь — она встретила на своем пути красивого и веселого парня Яшу Кулика, большого геологического начальника. Их любовь вспыхнула так неожиданно, что она и сама до сих пор не может опомниться... Вскользь говорилось о том, что этот самый Яша помог ей устроиться на работу в экспедицию — инспектором отдела кадров. Но особо она подчеркивала, что у нее теперь и зарплата намного выше, и премиальные идут — уже за два квартала получила, а что самое главное — не придется теперь кочевать круглый год по тундре, спать в холодном, неудобном чуме, к чему она так и не смогла привыкнуть. В конце письма извинялась еще раз и просила больше не писать ей...

В ту ночь Карыкур не мог уснуть до самого утра, все думал и думал об Айнэ, припоминая ее слова, которыми клялась она в вечной любви и верности. В приступах отчаяния не раз и не два проклинал он ее последними словами: «Я, выходит, служу на границе, чтобы охранять ее любовные шашни! Ох, стерва ты, стерва, тебя бы сюда...» Порою даже слезы наворачивались на глаза как-то сами собой, и он с большим трудом сдерживал себя, чтобы не разрыдаться вслух.

Не одно недоброе слово послал Карыкур по ее адресу в эту долгую ночь, а на следующий день изорвал в клочья все ее письма, а фотографию, что была у него, послал обратно, написав на обратной стороне, чтобы подарила своему Кулику.

Так закончилась первая любовь Карыкура. Только, пожалуй, нелегкая солдатская служба и помогла ему одолеть несчастье...

Вскоре, отслужив свой срок до конца, Карыкур

вернулся домой, устроился зоотехником в своем родном совхозе. Вот уже третий год пошел, а он до сих пор ни разу за все это время не видел Айнэ, да и не стремился встретиться с ней, хотя, будучи депутатом местного Совета, нередко навещался в районный центр. Его бы воля — никогда бы не приехал он в этот поселок из-за одного только, что живет в нем Айнэ...

«Да-а, — глубоко вздохнул Карыкур, лежа в «куропачьем чуме» рядом с бригадиром Лозаром и вспоминая свою неудавшуюся любовь. — Ох ты, собачий узел, три года почти прошло, а сердце все так же жжет и жжет. Словно кто хореем в него тычет... — Карыкур слегка пошевелил ногами, присыпанными снегом, опять ощутил в них приятное тепло и еще раз оценил мудрость бригадира, его огромный опыт, накопленный в постоянном общении с суровой северной природой. Он затянул потуже тесемку малицы, повернулся на правый бок и снова тяжело вздохнул, подумав: — Видишь, чем обернулась любовь. Интересно, а как она? Счастлива ли?»

Возбужденный воспоминаниями, он все никак не мог уснуть. Карыкур слышал, как над его головой, словно шаркая широкими подошвами кисов, пронеслись, скребя по сугробам, порывы ветра, как рядом, в упряжках нарт, били по снегу своими острыми копытами олени, откапывая ягель, как неподалеку, у самых ног хозяина, тихонько поскуливала сторожевая собака бригадира Ляпа.

«Интересно, надолго ли у этой пурги сил хватит? — полусонно размышлял Карыкур. — Вот собачий узел... Уже ведь середина Месяца Весенних Ручьев, через недельку массовый отел начнется. Ох сколько работы сразу навалится. Жаркая пора настанет... особенно для меня. А тут еще этот внезапный падеж... Кой, кой! Новая беда, новая забота. Кому ж еще — мне и придется распутывать, мне и докапываться. А докопаться надо обязательно, а то бригадир Лозар и так посмеивается... Какой, мол, ты зоотехник, если другой раз хора отличить не можешь?.. Туго, мол, соображаешь, туго... Ну да ладно, посмотрим, посмотрим, кто как соображает... Поспать бы вот только...»

Проснулся он от резкого толчка в плечо и еще сквозь сон услышал громовой голос Лозара:

— Эй, подкороги-ка свой сон, олений лекарь! Если столько спать — оленей с голоду уморишь. Вставай, вставай, чайник давно уже на костре прыгает, вовсю на нас дуется...

Карыкур повернулся на голос бригадира, и радостные лучи весеннего солнца ударили ему в лицо; он даже не поверил вначале, что после затяжной выюги могла, пока он спал, произойти такая резкая перемена в природе: сияло солнце, вокруг стояла удивительная первозданная тишина.

С усилием вырвался он из своей снежной норы — за ночь края ее почти сровнялись — столько нанесло снега. Он отряхнулся, снял свой тяжелый гусь и взглянул на часы: шел уже девятый.

— Проспали мы с тобой чуток, — усмехнулся Лозар, отставляя в сторону от огня закоптелый пузатый чайник. — По-настоящему если, нам с тобой уже давно пора в пути быть. А все пурга виновата — укачала нас, как мамкина колыбель... — Скинув капюшон малицы, он взъерошил свои давно не стриженные волосы, провел, словно умываясь, по широким, резко выдающимся скулам, опять посмотрел на солнце. — Ну да ничего, сынок. Зато бог нам в помощь хороший денек послал. Веселей будет ехать. Да и легче. Думаю, к обеду на месте окажемся.

— А найдем мы олений-то? — встревоженно спросил Карыкур. — После такой пурги, пожалуй, и не найти, замело все... Как искать-то? Озеро Воянг Тув, по моему, не маленькое — даже на картах обозначено. Эх, надо бы нам Калина с собой взять — он ведь все своими глазами видел, привел бы сразу куда надо. А теперь...

— Что — теперь? — недовольно прервал его Лозар. — У нас что, у самих ни голов, ни глаз нету? Или, думаешь, я этого озера не знаю? Слава богу, не один раз там бывал. Не найти, пожалуй, такого уголка, который мне бы неизвестен был. Что-что, — потрянул он головой, — а на этот счет у нас туго, сынок, туго...

— Но все же, Лозар аки... После такой пурги...

— Ну и что с того, что она тут дурачилась, сынок? Глаза же наши она на свой лад не перевернула, как считаешь? — Бригадир вдруг задрал подбородок к солнцу, словно пытаюсь еще сильнее расшевелить его лучи. — Ты что думаешь — мы по всему берегу начнем шариться? Да на кой черт? Калин же точно нам место указал. Сказал, что это недалеко от мыса, не доезжая кладбища. Фу ты, Пал Турам, Высокое Небо! — выругался вдруг бригадир. — И кто только их в священное место заманул! Не могли где-нибудь еще околеть...

— А что, Лозар аки, как раз там священное место?

— Ну да... Есть немного, сынок...

— А почему именно там?

— Э, кто его, сынок, знает. Говорят, как земля вокруг озера осела — так с тех пор и священной стала считаться. У кого теперь спросишь — почему... Сколько жизней с тех пор рождалось и умирало, считаешь разве. Были бы живы те старые люди — спросили б у них... Так что, олений лекарь, хватит с тебя и этого, — прервал он вдруг сам себя. — Ничего больше не знаю...

По тону, каким говорил Лозар, по тому, как почувствовал, что язык старика рванулся было, подобно скользящим по склону горы лыжам, двинуться дальше, Карыкур понял, что бригадир знает про озеро какую-то тайну. Не случайно, видно, ханты называли его Воянг Тув, что означает Жирное Озеро. Но выпрашивать больше не стал, намереваясь выяснить все позже, когда они окажутся на месте. А сам Лозар постарался перевести разговор на другую тропу.

— Ну, сынок, хватит нам с тобой подошву языка натирать. Давай-ка чайком погреемся да в путь. Пора, однако, времени совсем нету. Туго, туго...

На этот раз запасливый пастух вытащил из своего мешка два оленьих ребра, так обильно покрытых жирным мясом, что выглядели они как белые нарэпы — колотушки для выбивания оленьих шкур.

— Язык сейчас можно и мороженым мясом позабавить, — улыбнулся бригадир. — Тепло от солнца, греет, как разошедшаяся печка. — Он подержал ребра в руках, словно оценивая, которое пожирнее (Карыкур знал, что у бригадира была слабость — любил полакомиться оленьим жиром), однако, вопреки ожида-

ниям Карыкура, сунул более жирное ребро обратно в мешок, а оставшееся разломил на две части. Протянул половину Карыкуру:

— Держи! А второе ребро прибережем, оставим для Священного мыса. Там невидимые люди тоже, небось, угощения ждут.

Карыкур чуть было не засмеялся, но виду не подал: понимал, что может обидеть бригадира, верного старинным обычаям.

— Вот спасибо, Лозар аки! — сказал он. — И что бы я без вас делал — только хлеб, масло да сахар с собой прихватил.

— О, сынок, это еда разве? От такой еды в пути проку мало, далеко не доедешь, силы не наберешь...

После мороженого мяса, после крепкого, круто заваренного бригадиром чая, сразу стало как-то веселее. Да и путь вроде бы полегчал, хотя продвигаться было по-прежнему трудно, и Лозар старательно выбирал наиболее удобную дорогу, обходя высокие сугробы и покрывшиеся ледяной коркой наносы. Олени, хотя и не подкрепились за ночь, простояли в нартах, тоже сейчас, после отдыха, бежали уверенней, разбрасывая в стороны комья снега, уже успевшего затвердеть. Рядом с бригадировой нартой, закрутив обручем хвост, бежал его сторожевой пес Ляпа. Справа и слева оставались у них за спиной притихшие, еще не разбуженные приходом весны деревья. Олени бежали шибко, и только в тех местах, где снег был выдут ветром до самой земли и виднелся серебристый ягель, они сбивались с ноги, то и дело пытаясь на ходу ущипнуть хоть клочок.

Ближе к обеду, когда они поднялись на вершину увала, на макушке которого красовались лишь голые кусты багульника, чуть правее их маршрута открылось чистое место, неуловимо похожее на длинный вытянутый хуван.

«Вот это, наверное, и есть озеро Воянг Тув, — сразу почему-то решил Карыкур. — Вот собачий узел! Сказал утром, что часа три-четыре добираться надо — так оно и оказалось!» Он с уважением посмотрел на бригадира.

Спустившись по пологому склону, сплошь поросшему мелкими березками, Лозар остановил упряжку возле старых засохших елей, отвязал с нарты топор

и, ни слова не говоря, принялся зачем-то валить крайнюю сушину.

— Уже почти приехали,— сообщил он, обернувшись к догнавшему его Карыкуру.— Тут до Священного мыса, наверное, с версту осталось. Сейчас вот дров для костра нарублю — и дальше поедем.

— Дров? — изумился Карыкур.— А что, разве там дров нет? Не пойму... Лес вроде по всему берегу виднеется...

— Виднеется-то он виднеется, сынок. Да только не наш. Нельзя там рубить, туго.

— Почему нельзя? — спросил Карыкур, одновременно с вырвавшимся вопросом вспомнив рассказы стариков о том, что есть такие священные места, где не то что срубить — веточку сломать и то нельзя. Но вопрос был уже задан, к тому же страх как интересно было услышать, что скажет бригадир.

— Нельзя, и все тут. Туго. Срубишь, а у тебя после руки-ноги опухнут. Или другое что... — Он вонзил топор в ствол очередной засохшей ели и распрямился.— Помнишь, наверное, старика Артеева Николая, ну, зырянина? Сын его еще до сих пор в совхозе дуги и полозья гнет?.. — Тут бригадир обругал себя: — Фу ты, совсем я обезумел. Это же сразу после войны случилось. Тебя тогда и на белом свете-то не было! Но неважно, неважно! Сейчас расскажу. Тут в чем, значит, дело-то? Здесь, на Священном мысу, место жертвоприношений было. Нарта шибко священная стояла, с носами в разные стороны. А в нарте этой поконлся идол Ут Ур Ики, понял? Верховный, значит, Дух Тайги. Рядом с нартой стоял маленький такой лабаз — тоже священный. В него люди свои приношения клали — ну, там, меха ценные, платки шелковые, дорогие сукна, одежду. В дар, значит, оставляли.— Лозар ткнул рукой в сторону выдававшегося вдали мыса и понизил голос.— Это место под большим секретом держали, оно и понятно — священную нарту, сказывали, с самого почитаемого у нас, у ханты, священного места сюда привезли — с Ангальского. Ну, тот мыс, что рядом с Пулнгават Вошем. Знаешь, конечно, ты ведь там учился...

Карыкур кивнул; рассказ бригадира так заинтересовал его, что он не удержался, перебил старика вопросом:

ниям Карыкура, сунул более жирное ребро обратно в мешок, а оставшееся разломил на две части. Протянул половину Карыкуру:

— Держи! А второе ребро прибережем, оставим для Священного мыса. Там невидимые люди тоже, небось, угощения ждут.

Карыкур чуть было не засмеялся, но виду не подал: понимал, что может обидеть бригадира, верного старинным обычаям.

— Вот спасибо, Лозар аки! — сказал он. — И что бы я без вас делал — только хлеб, масло да сахар с собой прихватил.

— О, сынок, это еда разве? От такой еды в пути проку мало, далеко не доедешь, силы не наберешь...

После мороженого мяса, после крепкого, круто заваренного бригадиром чая, сразу стало как-то веселее. Да и путь вроде бы полегчал, хотя продвигаться было по-прежнему трудно, и Лозар старательно выбирал наиболее удобную дорогу, обходя высокие сугробы и покрывшиеся ледяной коркой наносы. Олени, хотя и не подкрепились за ночь, простояли в нартах, тоже сейчас, после отдыха, бежали уверенней, разбрасывая в стороны комья снега, уже успевшего затвердеть. Рядом с бригадировой нартой, закрутив обручем хвост, бежал его сторожевой пес Ляпа. Справа и слева оставались у них за спиной притихшие, еще не разбуженные приходом весны деревья. Олени бежали шибко, и только в тех местах, где снег был выдут ветром до самой земли и виднелся серебристый ягель, они сбивались с ноги, то и дело пытаясь на ходу ущипнуть хоть клочок.

Ближе к обеду, когда они поднялись на вершину увала, на макушке которого красовались лишь голые кусты багульника, чуть правее их маршрута открылось чистое место, неуловимо похожее на длинный вытянутый хуван.

«Вот это, наверное, и есть озеро Воянг Тув, — сразу почему-то решил Карыкур. — Вот собачий узел! Сказал утром, что часа три-четыре добираться надо — так оно и оказалось!» Он с уважением посмотрел на бригадира.

Спустившись по пологому склону, сплошь поросшему мелкими березками, Лозар остановил упряжку возле старых засохших елей, отвязал с нарты топор

и, ни слова не говоря, принялся зачем-то валить крайнюю сушину.

— Уже почти приехали,— сообщил он, обернувшись к догнавшему его Карыкуру.— Тут до Священного мыса, наверное, с версту осталось. Сейчас вот дров для костра нарублю — и дальше поедем.

— Дров? — изумился Карыкур.— А что, разве там дров нет? Не пойму... Лес вроде по всему берегу виднеется...

— Виднеется-то он виднеется, сынок. Да только не наш. Нельзя там рубить, туго.

— Почему нельзя? — спросил Карыкур, одновременно с вырвавшимся вопросом вспомнив рассказы стариков о том, что есть такие священные места, где не то что срубить — веточку сломать и то нельзя. Но вопрос был уже задан, к тому же страх как интересно было услышать, что скажет бригадир.

— Нельзя, и все тут. Туго. Срубишь, а у тебя после руки-ноги опухнут. Или другое что...— Он вонзил топор в ствол очередной засохшей ели и распрямился.— Помнишь, наверное, старика Артеева Николая, ну, зырянина? Сын его еще до сих пор в совхозе дуги и полозья гнет?..— Тут бригадир обругал себя: — Фу ты, совсем я обезумел. Это же сразу после войны случилось. Тебя тогда и на белом свете-то не было! Но неважно, неважно! Сейчас расскажу. Тут в чем, значит, дело-то? Здесь, на Священном мысу, место жертвоприношений было. Нарта шибко священная стояла, с носами в разные стороны. А в нарте этой покоился идол Ут Ур Ики, понял? Верховный, значит, Дух Тайги. Рядом с нартой стоял маленький такой лабаз — тоже священный. В него люди свои приношения клали — ну, там, меха ценные, платки шелковые, дорогие сукна, одежду. В дар, значит, оставляли.— Лозар ткнул рукой в сторону выдававшегося вдали мыса и понизил голос.— Это место под большим секретом держали, оно и понятно — священную нарту, сказывали, с самого почитаемого у нас, у ханты, священного места сюда привезли — с Ангальского. Ну, тот мыс, что рядом с Пулигават Вошем. Знаешь, конечно, ты ведь там учился...

Карыкур кивнул; рассказ бригадира так заинтересовал его, что он не удержался, перебил старика вопросом:

— Зачем же они эту нарту сюда-то волокли? Это ж ведь почти полтыщи верст. Такая даль!

— Да как же иначе-то, сынок? Разве могли наши предки главного своего таежного идола русским попам на поругание отдать? Они ведь наших идолов уничтожали тогда. А за этим, сказывали, долго гонялись, не один год его тропу вынюхивали...

— А-а,— опять не удержался, прервал его Карыкур.— Теперь понял. Рассказывали нам во время экскурсии в музее... Это, Лозар аки, дом такой специальный, где все старое хранится... Так вот. Это в прошлом, девятнадцатом веке было, когда христианство на Севере насаждали — ну то есть обращали людей в другую веру... Как раз тогда православные миссионеры и появились в Пулгават Воше...

— Ну вот, ну вот, сынок. Как пришли эти... Как ты сказал-то? Я такое слово тоже слышал...

— Миссионеры.

— Ну да, они.— Лозар так и не смог выговорить трудное для него слово.— Как раз от них-то священную нарту и уберегали. Шибко в большой тайне держали это место. Да. Только разве бывает, чтобы все люди — одинаковые душой и сердцем? Нет, конечно. Кто-то, значит, где-то проболтался. Прослышал о нарте, об идоле нашем местный один зырянин. Ну, Артеев-то Николай. Ему, конечно, нарта не нужна была. Ему не нарта — ему меха в лабазе, вещи дорогие....

— И что, нашел?

— Вынюхал, сволочь. В старые-то годы тут самострелы на всех тропах были. Жалко, убрали их к тому времени — а то бы его дорога в нижний мир сильно укоротилась... Пробрался, значит, разграбил лабаз. Шкурки соболей выбрал, дорогие платки, монеты золотые и серебряные...

— Кой! Да неужто смог?!

— Вот тебе и кой! Осквернил, бессовестный, нашу святыню.— Лозар опять показал в сторону мыса.— А Верховный Дух взял да и наказал злодея.— Тут Лозар не сдержался, загремел обычным своим голосом: — А так ему и надо, паразиту! Наказал, наказал! По-своему, конечно,— весь опух Артеев, долго еще потом болел и мучился. Старые ханты сразу ска-

зали: это, мол, Великий Идол Священного мыса на него руку свою наложил.

Карыкур молча смотрел на Лозара, захваченный той убежденностью, что прозвучала в рассказе старого пастуха, и только когда пошли они к своим упряжкам, спросил:

— А почему, Лозар аки, священная нарта не один нос имела?

— Два носа, сынок — один спереди, один сзади. Так, говорят, сам Великий Дух Неба повелел. Нельзя, мол, на священной дороге нарты разворачивать. Идол в нарте всегда вперед должен идти.

— А где, интересно, теперь эта священная нарта? А потом — лабаз-то... от него ведь, наверно, что-то осталось, можно будет взглянуть, да?

— О, сынок, тут дело непростое... Туго, сынок, туго... Мы ведь тогда, после случая с Артеевым, поумнели... Старый шаман нам дальнейший путь нарты указал.

— Какой же?

— А последний, сынок, последний. Камней, значит, побольше в священную нарту наложили, все что в лабазе оставалось — туда же. Все это смолеными жилами скрутили — и на середине озера нарту и утопили. Стало быть, на хранение священной воде отдали — чтобы ничего больше неверующим не досталось...

— Вот оно, значит, как, — только и сказал Карыкур. Рассказ бригадира все сильнее занимал его; он хотел бы порасспросить старика и еще кое о чем; вопросы чуть не срывались с его языка, пока он грузил сухостой на свою нарту, но все же решил отложить разговор на другое время — им ведь надо было спешить к павшим оленям, из-за которых они и проделали такой далекий и тяжкий путь. Погрузив дрова, он погнался вслед за Лозаром, ставшим вдруг каким-то необычно собранным и торжественным.

К его немалому удивлению бригадир оставил нарту, не доехав до мыса, похожего на вытянутую шею остроносой гагары. Он соскочил, замотал ременные вожжи за копыла нарты.

— Ну, кажись, прибыли, сынок. Где-то тут они и должны лежать, эти олени... — Лозар деловито, будто однажды уже был на месте события, огляделся по

сторонам, задержал на мгновение взгляд на старом кедре с обломанной вершиной и сказал: — Ну вот, видишь, вон они, значит, и рога торчат. Видишь, собака там моя крутится, принюхивается? А вон, подалее — и второй виднеется. Так что, сынок, привязывай нарту. Дрова сбрось. Лыжи вытащи — теперь они нам шибко понадобятся. — И отвязав свои, надежно притороченные к нарте концом аркана, встал на них и направился к мертвому оленю, почти занесенному снегом.

Когда Карыкур подошел к бригадиру, присевшему над быком с большими ветвистыми рогами, тот уже освободил голову животного из сугроба и теперь стряхивал снег с ноздрей, рта и особенно тщательно — с глаз, которые, словно от мучительной боли, вылезли из глазниц так, что стали похожими на серебристые ледяные шарики...

— Ума не приложу, сынок, — пробормотал бригадир, вставая. — Будто от страха околел, от разрыва сердца, что ли... Может, ты поймешь, а? Ты ведь как-никак олений лекарь, четыре года бумаге учился. Попробуй, глядишь, разберешься? А я пока остальных пойду — если Калину верить — и они тут, поблизости. — Взяв в руки свою неизменную деревянную лопаточку, то и дело тыча ею в снег (хотя, как показалось Карыкуру, в этом и не было особой нужды — бригадиров пес Ляпа безошибочно находил одного оленя за другим), Лозар принялся обследовать местность, стараясь почему-то придерживать берега озера, до которого было отсюда, пожалуй, не более полусотни метров.

Оставшись один, Карыкур раскопал оленя целиком. Похоже было, что подышал он мучительно и долго, в конвульсиях — снег рядом с ним был взрыт до самой земли, копыта потревожили даже верхний слой мерзлого мха. В полном недоумении зоотехник тщательно осмотрел кончик вывалившегося, крепко стиснутого зубами оледеневшего языка. У него был странный, какой-то необычно серый цвет...

«Может, сибирская язва? — лихорадочно соображал Карыкур. — Только откуда ж ей взяться? Давно ведь покончили с ней, каждую весну прививки от этой страшной напасти делаем... Нет, это все же что-то другое... И потом, они ведь ничем до этого не бо-

лели, даже признаков не было. Если б что — я бы первый знал...» Он еще раз оглядел мертвого оленя, и тут внимание его привлекло большое количество катышей, темневших в снегу.

«Какой странный помет... Цвет нехороший... Неужели отравились? — Сверкнуло в мозгу. — Отравились! Но чем? Сейчас ведь не лето. Этой травой, есть такая на болотах — олени только летом травятся. Но сейчас-то зима...»

Карыкур мысленно переворошил все, что знал об отравлениях. «От чего же еще оно может быть? Чем они могли отравиться, чем?!» Но увы, ничего путного не приходило ему в голову.

— Вот собачий узел! От чего же, от чего? — снова и снова пытал он себя, сидя на корточках подле мертвого оленя, и не сразу расслышал шаги вернувшегося Лозара.

— Тридцать две штуки всего, — подавленно пробормотал бригадир. — Одного только в толк не возьму: на какого ни глянешь — все вроде одинаково околели. Как будто злой дух наколдовал... Знаешь, я думаю, это не болезнь, сынок. — И с мелькнувшим на лице выражением ужаса Лозар поглядел в сторону Священного мыса. — Слушай, неужели...

— Что неужели, Лозар аки? — не понял Карыкур. — Вы что, догадались?

— Кто знает, кто знает, — сдавленно проговорил бригадир и, отведя взгляд, провел ладонью по мгновенно вспотевшему лбу. — Я вот думаю, а что, если... — И снова умолк.

— Что «если», Лозар аки? — не выдержал Карыкур.

— Ну помнишь, я тебе про Артеева-то Николая рассказывал? Ну, который, — здесь бригадир понизил голос до шепота, — священный лабаз разграбил, а потом от страшной олухоли умер? Кой! С другой стороны — олени же ведь не люди, верно? Откуда им знать, что тут Священный мыс? Кой, Пал Турам — Высокое Небо! Большая у тебя сила, уй какая большая! Где уж нам с вами тягаться... Ой туго, ой туго...

— Да вы что, Лозар аки? Вы что, и впрямь думаете, что оленей идол Священного мыса наказал? За то, что забрели сюда? — Он не выдержал, засмеялся. — Ну, дядя Лозар!

— Эй, что с тобой, парень! — прикрикнул вдруг на него бригадир. — Разве можно здесь так! Забыл, что ли, где находишься? — Он опять посмотрел в сторону Священного мыса, прошептал что-то и медленно повернулся к Карыкуру. — Не знаю, ничего не знаю, сынок. — Покачал головой. — Ничего понять не могу... Ты олений лекарь, ты и думай. Других оленей посмотри. Пройдись по моей лыжне — я у каждого трупа останавливался. Вот и ты тоже каждого огляди... Может, до чего и досверлишься, откроешь причину. А я все, я пока дров нарублю, костер разожгу, чаек потихоньку вскипячу. — И, легко освободив ноги от лыж, бригадир пошел к привезенному ими сушняку, начал неторопливо, словно успокаивая себя, рубить дрова для костра.

А Карыкур отправился по его следу, подолгу задерживаясь у каждого трупа, и сколько ни вглядывался — везде картина смерти была одна и та же... Он все больше и больше уверялся в том, что произошло массовое отравление животных. Но чем? Что они нашли такого, что уложило их всех так быстро, на таком небольшом пространстве? Карыкур решил пройтись по берегу озера, по едва различимым после бушевавшей пурги оленьим следам. Пройдя, наверное, с километр, он наткнулся на площадку бывшей буровой. Самой вышки уже не было — ее, очевидно, разобрали, перевезли на другое место. В своих странствиях на оленьей упряжке Карыкур не раз натыкался на буровые площадки, на которых, после испытания скважины, остается лишь основание — сюда позднее, если под землей есть газ или нефть, придут эксплуатационники... Он видел, что геологи, консервируя такую скважину, стараются забрать с собой все, что только может пригодиться в дальнейшей работе.

Но картина, которая открылась Карыкуру здесь, поразила его. Геологи ушли — прикинул он — видимо, осенью, поближе к зиме. И такое оставили после себя!.. Стой и думай: то ли война в этих местах прокатилась, то ли какой-то погром... Под обрывом, недалеко от кромки льда, валялись пустые бочки, некоторые — наверно, не без умысла — были опрокинуты, остававшиеся в них масло и солярка текли, разумеется, по склону — прямо в озеро. Рядом с мелким ельником, почти полностью изуродованном машина-

ми, валялись неопрятной кучей бурильные трубы разного диаметра. Карыкур прикинул на глазок — труб здесь, пожалуй, набралось бы не менее сотни...

«Вот собачий узел! — подумал он возмущенно. — Что, они им не нужны больше? Сам ведь не раз видел, как возят эти самые трубы самолетами. Аж из Тюмени. Кой, кой! Как же так? Ведь чтобы эти брошенные трубы перевезти — рейса три, наверно, понадобилось бы. Это же сколько ухлопано на одну только перевозку? Что за люди здесь хозяйничали?! Какие деньги псу под хвост выбросили! Нет, непонятно все это...»

Обходя территорию вокруг буровой площадки, Карыкур, то и дело натываясь на какие-то незнакомые ему части разных машин, увидел завязший в болотной жиже трактор. Но больше всего поразила его огромная куча цемента, брошенного под открытым небом. Цемент, конечно, весь уже затвердел, стал, как камень.

«Кой, кой, собачий узел! — все больше недоумевал Карыкур. — Столько цемента пропало! Мы в колхозе, помнится, летом школу ремонтировали — так каждый мешок на учете был. А здесь...»

— Что ты там разглядываешь? — услышал он вдруг за спиной громкий Лозаров голос. — Какое счастье нашел? Ждал-ждал, а тебя все нет, словно заблудился где. Схожу, думаю, погляжу, не случилось ли чего у парня. Ну, что тут у тебя?

— Да вот, видишь, ничего пока. Смотрю... Чай-то вскипел?

— Конечно вскипел. Я пока поставил стол невидимым людям Священного мыса. Пусть они соберутся там, отведают нашего бедного угощения. Потому и пришел к тебе — за чем другим людям мешать, верно?

Карыкур чуть было снова не рассмеялся, но вспомнив недавний окрик бригадира, вспомнив о его возрасте, сдержался, не подал виду, что ему смешно: раз старик верит в духов, ревностно блюдет обычай — зачем его смущать? Зачем обижать человека? Верит — и пусть верит...

А Лозар, подойдя ближе и увидев окаменевшую цементную гору, сказал, словно подслушав его мысли:

— Н-да, порядком накашеварили. Видишь, до чего они богатые люди. Здесь бросили, там бросили — ничего им не жаль. Да тут на лыжах теперь ходить опасно — того и гляди переломаешь... Кой, кой! Что за люди такие?! Все вокруг испортили, изуродовали! Смотри: леса и за полверсты рядом не осталось. Все кругом изъезжено, искорежено. И гляди: ягеля ни клочка после такой езды... Туго, туго... Большой урон, ой какой большой нам принесли... — Лозар, задумчиво опершись на свою деревянную лопаточку, почесал в затылке.

— Верно, Лозар аки, верно. Много здесь добра погублено. И...

— Кой! — перебил его вдруг Лозар. — Посмотри-ка вон в ту сторону! Вон, видишь, ложок? Там, по моему, машина стоит, колес нету, один только кузов из сугроба торчит? И олени-то, погляди, как натоптали вокруг, даже пурга следов не скрыла. Что они, интересно, там нашли? Давай сходим...

Когда добрались до ушедшей в снег машины, Карыкур заметил:

— Верно, Лозар аки, целехонький «ЗИЛ». У нас в армии тоже такие были. Она у них, видимо, затонула, когда через ручей перебирались.

— Верно, верно, сынок. Лед-то, поди, еще неокрепший был — вот она и рухнула. А вытащить не смогли, а может, не захотели. Тут-то, возле машины, следов еще больше, верно? Смотри, как долго олешки топтались. Соль, что ли, нашли?

— Соль? — удивился Карыкур. — Откуда здесь соль?

— А вдруг геологи эти бросили. Олени смерть как соль любят, сам знаешь...

— Соль, значит, — опять повторил Карыкур задумчиво. — Я, кажется, начинаю кое-что понимать, Лозар аки. Сейчас проверим, что за соль такая. А ну-ка, что в этом полиэтиленовом мешке? Кажется, щепотка осталась...

Карыкур вытащил из кузова мешок, придавленный с угла обрубком обсадной трубы, и вытряхнул себе на ладонь остатки какого-то сухого серебристо-белого порошка.

— О, собачий узел! Слушай, Лозар аки! А не этой ли «солью» олени наши и отравились, а? Вон ведь

как топтались — все кругом вылизали. А эту горсточку, видно не смогли достать — железкой была придавлена.

— Кто знает, сынок, кто знает... — сказал Лозар и в задумчивости потискал заросшее лицо. — Может, оно и так, но почему тогда животные сразу не повалились? Здесь же, у машины?

— А почему обязательно сразу, Лозар аки? Отравление-то могло через какое-то время сказаться. Олешки побродили по гриве, поискали ягель... А уж потом, причем примерно в одно и то же время, их и стало валить.

— Похоже, сынок, похоже. Но как теперь допытываешься, когда олени все мертвые? Все наши, как говорится, свидетели на земле лежат. Ни языком не шевельнут, ни глазом не укажут. Все темно. Туго, туго. А может, и по другой какой причине пали — как теперь досверлишься? Столько времени уже прошло. Трупы как лед заоченели. Нет, сынок, туго, туго...

— Почему туго, Лозар аки? А олений-то лекарь для чего? — Он решил немного подзадорить бригадира его же словами. — Для чего же меня, собачий узел, четыре года бумаге учили? Долбили-долбили мозг — и все, думаешь, зря? Нет, я попробую выяснить!

— Да как, как?

— Найдем концы, до всего дознаемся, — уверенно бросил Карыкур. — Я ведь тебе уже говорил: от каждого мертвого оленя возьмем пробу — от желудка, от почек, кишечника, — Карыкур начал загибать пальцы. — Печени, легких по кусочку возьмем — и все это я отправлю на анализ или сам отвезу в Пулнгат Вощ. Там такая специальная лаборатория есть... Ну, как тебе объяснить... Работают, значит, там лекари, болезни определяют...

— И думаешь, — с сомнением сказал старик, — такой дорогой можно будет что-нибудь просветлить в голове?

— А как же, Лозар аки! Я, кстати, и порошок этот для выяснения прихвачу. — И Карыкур осторожно пересыпал порошок в лоскут, а потом перетянул капроновым шнуром, нашедшимся в кармане у запасливого бригадира.

Безоглядно захваченный своей идеей, Карыкур тут же взялся за чехол, пристегнутый к поясу, вытащил

нож, провел большим пальцем по лезвию, проверяя его остроту; он хотел что-то сказать бригадиру, но тот опередил его:

— Э, э, сынок! Не пробуй пока лезвие ножа. Сунь обратно в чехол. Ты, я смотрю, готов прямо сейчас оленей пластать и в требухе ковыряться. Успокойся чуток.— Он легонько похлопал Карыкура по плечу.— Давай сначала отдохнем маленько, да и стол нас у костра давно дожидается. Подзакусим, а там уж режь олешков... Не убегут они от тебя. Без ног теперь...

Карыкур, давно уже приучивший себя, что сначала надо покончить с делами, а уж потом заниматься всем остальным, второстепенным, попытался было воспротивиться, чуть было не начал потрошить оленей в одиночку, но бригадир властно взял у него из рук нож, сунул обратно в чехол. Да тут, кстати, Карыкур и сам вспомнил, что с самого утра, после того завтрака, у них еще ничего во рту не было; и только он подумал об этом, как сразу почувствовал, что пустой желудок требовательно напоминает о себе. Пришлось согласиться со стариком...

И опять предусмотрительность бригадира подивила Карыкура: на ситцевом платке, аккуратно расстеленном на снегу, помимо разломанного пополам оленьего ребра, кусков нарезанного уже хлеба, масла и сахара, лежал поделенный на части северный деликатес — вкуснейший олений язык.

— Лозар аки! Да вы, я вижу, все, что можно, предусмотрели!

— Все не все, сынок,— Лозар старательно обложил чайник, разумеется, давно остывший, новыми полешками,— а что мог — прихватил с собой. Как-никак мы с тобой на мыс жертвоприношений приехали. На озеро Воянг Тув. По старинным-то обычаям никак нельзя с пустыми руками сюда являться.— Он помотал головой.— Никкак нельзя! Туго, туго. Это же Воянг Тув...

«Ну и что — Воянг Тув? — подумал Карыкур.— Что такого... священного в этом названии? Ничего у них, стариков, не понять». Он давно уже примерялся спросить бригадира о происхождении этого названия, похоже, сейчас был как раз такой случай. И он спросил:

— А кстати, Лозар аки, вы ведь наверняка знаете, почему озеру такое необычное имя дали.

— Почему, спрашиваешь? — Старик устроился поудобнее на своем теплом густошерстном гусе. — Слышал кое-что. Языки старых людей кой-какую тропку к нашим ушам проложили... Время у нас с тобой есть — пока еще чай закипит... — Бригадир раскурил от тлеющего сучка свою трубку, туго набитую махоркой, и сказал: — Время есть, послушай и ты, как старые люди сказывали.

...В семи концах дремучей непроходимой тайги, между семи больших озер, может, тысячи веков назад, а может, и больше — словом, тогда, когда еще случались великие потопы, жили по соседству человек и злой лесной людоед — Менг.

Человек, как мог, занимался своим привычным делом: ловил ловушками-гимками рыбу на реках и озерах, охотился на лесного зверя и птицу, олешков пас...

А Менг только и знал одну свою черную заботу: жрал и жрал оказавшихся в его таежных владениях людей — чаще всего детей, женщин, стариков. Людоед — он и есть людоед: запах свежей крови был ему слаще всего на свете, с утра до вечера щекотал он Менгу поздри, так и манил его на новые злодеяния...

Но и люди, мало-помалу наученные горьким опытом, приспособились оберегаться от страшного людоеда: в тайгу по одному не ходили, стариков, женщин и, особенно, детей далеко от своих бревенчатых избушек не отпускали.

Хуже пошла охота у злого Менга, все реже и реже удавалось ему схватить человека. А голод не давал ему покоя: так хотелось людоеду отведать свежей человечины и горячей крови!

Принялся Менг зорить гимки, что выставлял человек на речную и озерную рыбу. С утра пораньше, едва только проглянет волчья заря, приходил он к запорам, где ставил человек свои гимки, и успевал поднять их раньше хозяина, забрать себе всю добычу.

Ну, однако, быстро приелась людоеду рыба: крови в ней мало, да и та холодная, невкусная.

Решил он тогда за оленей взяться. Да только как их поймать? Олень — животное чуткое, не каждому пойдет в руки, и уж тем более Менгу. Да от одного вида этого душегуба, одетого в лохмотья из собачьих

шкур, все живое за версту шарахалось, в сумасшедший бег пускалось. А уж коли олени побежали — попробуй, догони их!

Задумался Менг не на шутку: как ему дальше-то быть? А уж так хотелось парной свежатины, что язык с утра до вечера так и плясал у него во рту...

И вот придумал злой людоед: сплел из тальниковой коры толстые веревки, расставил петли на всех оленьих тропах.

Погнал, значит, он оленей в сторону этих самых троп. Повезло людоеду: одного оленя словил, второго, третьего... А потом животные тоже поумнели: перестали спасаться от чудовища по лесным тропам, где их верная смерть поджидала, уходили теперь в просторные большие болота, где не росло ни одного деревца, одна только низкая осока...

Как ни погонит Менг стадо — олени сломя голову в свое безопасное место несутся...

Совсем озверел Менг. Смастерил он тугой листовичный лук, острые стрелы. Но попробуй, достань-ка оленя на краю болота, где дерево от дерева еле глазом просматривается! Разве ж подлустят кого олени на таком открытом месте, а тем более лютого своего врага?

Сколько ни натягивал Менг свой лук, какие стрелы ни прикладывал к звенящей тетиве из лосиной кожи — ни одна из них не долетала до животных, падала, словно обессиленная, на полпути до желанной добычи...

Совсем приуныл Менг, ни днем, ни ночью не давал ему покоя запах горячей крови... Исхудал он, и стал подобен сухому дереву, обугленному пожаром.

И тут вспомнил он о своем далеком подземном родственнике — волшебном семиклювом-семикрылом вóроне. Не раз слышал Менг от своих родителей, что птица эта черную подземную кровь пьет, а попросишь — принесет ее и наверх. А кровь эта такая, что смерть в ней и четырехногим зверям, и двукрылым птицам, и обитателям озер и рек. Поднесешь к ней горячий уголек — она огнем возьмется лучше самых сухих дров...

«Вот бы чем хорошо строптивых-то оленей уморить! — размечтался Менг. — Уж тогда бы все они

мие достались. Как полешки улеглись бы рядом с моими ногами. Ешь тогда только да ешь!»

И опьяненный такой удачной мыслью, облизываясь от предвкушения своим длинным языком, заплясал людоед. Сейчас же, сейчас же вызвать подземного ворона! Знал Менг, что ему теперь делать: надо прийти к высокому железному столбу, к которому привязывал он свои жертвы перед тем, как съесть их, и там прокричать три раза подземному духу свою просьбу.

Только прокричал он у железного, покрытого засохшей человеческой кровью столба в последний раз, как тут же — его крик еще эхом по тайге перекатывался — разверзлась рядом со столбом земля и вылетел оттуда семиклювый-семикрылый ворон.

Волшебная птица поводила-поводила своими длинными и острыми, как отточенная пещня, клювами и прокричала человеческим голосом:

— Ху-лах, ху-лах! Что тебе надо, мой земной родственник, обитающий в среднем мире? Какая беда приключилась? Говори скорее. Времени у меня мало...

Выслушав просьбу, семиклювая-семикрылая птица повертела в раздумье своей длинной шеей, сверкнула на Менга глазами:

— Для чего тебе это нужно? Впрочем, дело твое, гляди только, как бы самому худа не вышло...

— Какое там худо, какое худо, мой волшебный дух! Все как следует обмозговал, ты не бойся. Очень уж хочется человеку отомстить.

— Мне бояться нечего, — прокаркал семиклювый-семикрылый. — Исполню твое желание, раз так сильно просишь. Но и сам смотри, Менг, с подземными силами шутки плохи...

Взмахнул ворон всеми своими семью мощными крыльями и полетел. Высоко над тайгой взлетел, выдавил из семи клювов какую-то темную жидкость, подул из всех семи клювов на семь сторон, замахал крылами, и черная подземная кровь рассеялась над тайгой, как черный туман.

— Ху-лах, ху-лах! — прокричала птица, усевшись на вековой широкоплечий кедр. — На расстоянии семи переходов и лес, и воды, и все живущие звери, которые могут ходить, и все двукрылые птицы, которые

могут летать, и все холодные рыбы, которые могут плавать — все теперь в твоей власти!

— И олени тоже?! — радостно вскинулся Менг.

— Конечно! — ответила птица. — Все сделала, как ты просил, проучила человека, ничего ему не осталось. Ну, мне пора, а ты тут смотри — умным будь. Голову не теряй, худа себе не наделай...

Разверзлась опять земля, и семиклювый-семикрылый ворон исчез в глубинах подземного мира.

Чуть не по воздуху летел Менг от привалившего счастья. Бежал он к большому кочковатому болоту, где всякий раз находили спасение преследуемые им олени, да так бежал, что через неширокие болотца и озера перепрыгивал, через невысокие кедры и ели перескакивал.

Выбежал наконец на чистое место перед болотом, посмотрел в ту сторону — ни одного оленя не видно!

«Неужто сбежать успели?» — затосковал он; пригляделся — ан нет: то там, то здесь барахтаются олешки, пытаются в судорогах поднять головы, да где там!

— Ох-хо-хо! — семь раз закатился от радости Менг, разинув свою глотку. — Спасибо тебе, семиклювый-семикрылый ворон! Наслал ты мне дармовой еды, теперь надолго хватит!

Ему бы вспомнить о предостережениях волшебной птицы, да где там, при такой-то алчности! Недолго думая, кинулся Менг на первого подвернувшегося оленя. Высосал сначала у еще живого кровь, а потом и все мясо съел, вместе с костями.

Заморив первый голод, сбегал Менг в свое жилище — огромный шалаш из толстых ветвистых елей — позвал на щедрый пир жену и детей.

Набросились они на отравленных семиклювой-семикрылой птицей мирных оленей, как оголодавшие волки, не жуя глотали; кто по два, кто по три оленя в брюхо затолкал, а Менг-отец — тот аж семерых...

До того все нажрались, что от тяжести в животе уже и на ногах стоять не могли, решили тут же, на болоте, передохнуть. Ну, разлеглась вся семейка на редких сухих кочках, жратву переваривает.

Только было начал задремывать Менг-отец — вдруг чувствует: в животе боль страшная, судороги начались, все тело изводят. Посмотрел в испуге по

сторонам — а с его женой и детьми — то же самое! Сутки стонало и выло в окрестной тайге, сутки корчило людоедов от волшебством добытой жратвы. А потом все смолкло.

А тут и человек подоспел на болото, где обычно паслось его стадо. Видит: олени его околели, тут же и Менги передохшие в жутких корчах валяются. И понял человек: произошло что-то такое, что человеческим разумением не понять, не объяснить.

Взглянул он на болотную воду — вся она какой-то масляной пленкой покрыта. Подошел к мертвому оленю — а у того на нежных шерстинках, которыми ноздри выстланы — все те же капли масляные...

— Вот, наверное, откуда беда, — сказал себе человек. — Отравились, пожалуй, олени этой черной жидкостью... Да только как она здесь очутилась? Кто принес?

И тут заметил человек, что Менг-отец еще чуть-чуть своим поганым языком пошевеливает. Собрав последние силы, выдавил людоед со стоном:

— Это я попросил ворона принести... Чтобы тебе отомстить! О, семиклювый-семикрылый ворон, спасай! Умираю... — И с этими словами закатились навечно жадные его глаза.

И только он испустил дух, как раздался где-то в лесу треск и грохот, вылетел оттуда семиклювый-семикрылый ворон, покружился над болотом, уселся на кочку рядом с Менгом.

— Говорил же я, просил же я: умным будь, не теряй голову, с подземными силами шутки плохи! — проскрипел ворон человеческим голосом. — Видно, придется мне, земля среднего мира, теперь помогать тебе. Я сам, чтобы новой беды не вышло, всех отравленных зверей и птиц склюю, всех мертвых Менгов-родственников. — И волшебная птица принялась клевать мертвых людоедов...

А изумленный всем этим человек присел на кочку, чтобы прийти в себя и покурить. Только разжег с помощью трута огонь, только лучину с огнем в болото выбросил, в лужицу с черной жидкостью, и — о, семь небес! Вспыхнула вдруг лужица страшным гудящим огнем.

— О человек! Что ты наделал?! — простонала волшебная птица. — Не попасть мне теперь обратно под

землю, не пустит меня Мать нижнего мира.— И семиклювая-семикрылая птица ударилась с горя о землю, превратилась в семь обыкновенных черных воронов...

А когда перестал на болоте бушевать огонь, вернулись сюда вороны, чтобы склевать до костей трупы людоедов и павших оленей... Вот с тех пор, говорят, и стали вороны питаться падалью. И вечно напоминают человеку, чтобы осторожней обращался с той подземной черной жидкостью, не терял бы ума...

И название озера — Воянг Тув — Жирное, значит, Озеро, тоже с той поры пошло...

— Да, сынок, воды всего озера, сказывают, сплошь тогда были масляной жидкостью покрыты, той самой, что принес из-под земли волшебный семиклювый-семикрылый ворон... Вся рыба в ту пору погибла. Семь веков человеческих, говорят, ее здесь и в помине не было...

Лозар выколотил пелел из выкуренной своей трубки о лежавшую рядом сухую лесину.

— Си! Все! Теперь давай кушать. Чайник вовсю на нас злится, дым из горла пускает.— Лозар осторожно приподнял за края ситцевый платок с едой, переложил ближе к костру.

Карыкур и за трапезой продолжал размышлять над легендой, рассказанной старым бригадиром. Наверное, если старики говорят — что-то тут было и на самом деле... Выбросило в озеро нефть из-под земли... Карыкур осторожно (а вдруг бригадир решит, что он и впрямь поверил во все эти семиклювые-семикрылые чудеса) спросил:

— А что сейчас — есть рыба в этом озере?

— Кто знает, сынок. Два года назад, когда геологов не было, водилась кое-какая живность. Мы с пастухом Калином после ледостава одну сетку бросили. И что бы ты думал? — Бригадир уставился на озеро, словно ища глазами то место, где они ставили сеть.— На следующий день еле из воды вытащили. Ячей свободной не оставалось — мешка четыре рыбы за один раз взяли. Сплошь сырок, да какой! Как настоящий муксун! — Лозар развел руками, показывая размер рыбы.— Каждый сырок, пожалуй, килограмма два или даже три потянул бы. Вот как богат был Воянг Тув!

— Вот это да-а! — протянул Карыкур. — Богатое место...

— Было богатое. Ну, а сейчас — кто ж его знает. Сейчас туго, сынок, туго...

— Почему туго?

— Да вот, видишь, поставил в прошлый год Калинин одну сеть — еле-еле на варево поймал...

— Да ну... не может быть, Лозар аки. Что ж рыба — под землю, что ли, ушла? Или опять этот самый семиклювый-семикрылый ворон прилетал?

— Ворон-то, думаю, не прилетал — люди бы знали. А вот приезжие геологи... Они, видать, вместо той волшебной птицы беду сюда принесли. — И Лозар, будто убеждая не только Карыкура, но и самого себя, сказал уверенно: — Ведь ты посмотри, сынок, на самом-то деле... Сколько в наших краях таких вот мертвых озер появилось... Возьми хоть озеро Енгта Тув — Круглое. Да ты не вспоминай, не ройся в голове. Ты еще там не был. Последний раз года три назад дороги нашего каслания около этого озера пролегали. — Бригадир тяжело вздохнул. — То же, сынок, раньше шибко богатое озеро было. Только там не сырок — сплошь отборный щекур водился. Ох, до чего ж хороша была из него строганина! Ох, хороша! Язык кушать не устанет. Такие вот дела, сынок, нет там теперь рыбы. Туго, туго! Отравили озеро...

— Как отравили, Лозар аки? Кто? Ничего не понимаю!

— А так и отравили... У них там, у геологов, тоже большая стоянка была. Потпаса — так они называли, — на свой лад выговорил бригадир. — Потпаса. Ну, по-русски так это место звать.

— А-а, подбаза!

— Во-во. Они на этой стоянке таких, знаешь, больших круглых бочек понаставили...

— Цистерны, наверное, емкости, да?

— Во-во. Емкости, — закивал бригадир. — Они их тоже так называли. Так вот, слушай. Эти бочки огромные соляркой наполнили. При большой воде катером эту солярку возили. А бочки-то, посудины ихние, забыл тебе сказать, посадили они рядом с озером. Совсем рядом — ну всего, наверное, с бросок аркана. Теперь, сынок, дальше слушай. Зимой у них, говорят, побежало из какой-то бочки — где-то там

чего-то треснуло, что ли... И, значит, солярка вся — прямо в озеро. Вся в Енгта Тув.

— Вот собачий узел! — выругался Карыкур. — А что ж потом-то, Лозар аки?

— Что потом?! — сердито прокричал бригадир, словно Карыкур и был во всем виноват. — Мертвое стало озеро. Рыбу всю поотравили. Нет теперь рыбы, туго, туго... Другой весной проезжали мы там однажды. Подошел я, значит, к берегу — и ахнул. Весь берег мертвыми щекурами усеян. Раздулись, кто на берегу лежит, кто в воде плавает — и все дохлые. И все это они, геологи. Варвары, как иначе назвать, варвары! Как будто не могли за посудиною своею посмотреть! И солярки лишились, и рыбу сгубили. Эх! — Лозар швырнул обглоданную кость собаке. — Теперь уж мы рядом с этим озером больше не ходим...

— Что, рассердились на геологов?

— При чем тут сердиться, не сердиться! Конечно, их, геологов, хорошо бы прутиком по мягкому месту отстегать, по голому — чтоб болячки остались и чтоб с неделю присесть не могли. Тогда бы, глядишь, покрепче запомнили, что можно делать, а что нельзя. — Лозар наполнил свою большую кружку чаем. — Тут, сынок, дело не в том, что рассердились, не в рыбе даже, не в мертвом озере... Тут еще другая причина есть. Самая для нас, оленеводов, важная.

— Какая же?

— А вот какая, сынок. Ты внимательно меня послушай — кому-кому, а тебе это очень полезно знать и как оленьему лекарю, и как депутату района. Не зря ведь мы тебя выбирали, молодого да грамотного. Ты ведь на сессии ездешь. С районными начальниками, с другими большими людьми знаешься. Слово всегда можешь перед всеми сказать... Так что запомни. Глядишь, как-нибудь и выложишь все, что у нас наболело.

— Понял, Лозар аки. Говорите, я слушаю.

— Ты ведь, наверно, знаешь, олений лекарь, что мы в последние годы пути кочевков своих поменяли?

— О, собачий узел! — перебил его Карыкур. — Понял! Небось, геологи пастбища наши заняли, так, Лозар аки? — До сих пор Карыкур как-то не задумывался над тем, почему перед самым его возвращением из армии в родном совхозе переменились традицион-

ные маршруты кочевков, и теперь, раз уж затеялся разговор, готов был выпрашивать бригадира с молодой горячностью.

Но Лозар помолчал задумчиво, пожевал губами. Сказал наконец:

— Не пастбища заняли, Карыкур. Нет. Другое тут. Попортили они нам пастбища своими машинами, вот что. И не то что попортили — можно сказать совсем уничтожили. Вокруг озера Енгта Тув верст на двадцать все кругом избороздили, живого места не сыщешь. Как ножом все исполосовано — страшно смотреть на землю. Туго, туго... — Лозар тяжело вздохнул и отодвинулся подальше от костра. — Видел ведь, сколько машин-то у них! Всякие машины, словами даже не опишешь. И тракторы, и грузовики, и такие — ну слишком уж большие и высокие. Забыл, как название. Ну эти, которые по две кабины имеют, с двух сторон ими управляют...

— А-а. «Ураганы», наверное?

— Вот-вот. «Ураганы». Вот они и прошлись, как настоящий ураган, эти машины, по пастбищам, когда грузы на эту подпасу возили.

— Подбазу, ты хочешь сказать, — машинально поправил Карыкур; он слушал старика, весь подавшись вперед, не обращая внимания на сильный жар от костра.

— Ну да, ну да. На эту самую стоянку, где посудыны с соляром стоят. Как злой черт Куль эти машины. Зверь не пройдет, а они пробьются. А там, где они пробились — ничего уже не растет — ни ягель, ни другой какой мох, ни дерево... Ну хорошо. Я все понимаю, надо — значит надо, раз от них государство требует. Так начальник всех этих машин и сказал: государство, мол, требует, государственный интерес. Якоп его звали, начальника, Яша. А фамилию забыл. Смешная такая фамилия. Ну, вроде как птица, что в болотах летает и кричит: «Полнари, plenaри!» Интересно по-русски зовут... Кулик зовут, вот как! Вспомнил!

— Кулик?! — у Карыкура все внутри вдруг похолодело. — Говорите, его звали Кулик? Яков?

— Так, так, Якоп. Вот с ним как раз я разговор и имел, с Куликом этим. Про пастбища наши толковали. Спрашивал его, почему такой большой урон нам

наделал, почему так шибко пастбища портит — весь ягель машинами истоптали. Неужели, говорю ему, нельзя одной дорогой ездить? Сами — хоть и на легких наших нартах ездим — всегда одной дороги держаться стараемся. А они на таких махинах — и кто куда, как бог на душу положит... Туго, туго... Страшно подумать даже, что теперь с теми пастбищами стало...

— Ну, и что он ответил, этот Кулик? — мысли Карыкура уже перенеслись к Айнэ, грудь сразу стеснило, стало тяжело дышать; сердце заколотилось, как бешеное, отдалось острой болью... Видимо, Карыкур изменился в лице, потому что бригадир сказал вдруг недовольно:

— Тебе, я смотрю, неинтересно. Глядишь вроде на меня, а мысли твои сейчас в семи краях земли обитают. Только что лицо одно было, а сейчас совсем другое, непонятное....

— Да нет, нет, что вы, Лозар аки! — спохватился Карыкур, изо всех сил пытаюсь снова овладеть собой. — Говорите дальше, говорите. Я внимательно слушаю, просто немножко про другое вспомнил...

— Ну, ладно, коли так. Слушай тогда дальше. Этот самый Кулик, недовольный такой, нос свой высоко задрал... знаешь, такой у него нос, как все равно парус ветром надутый... Задрал свой нос и говорит мне: знай, мол, с кем дело имеешь. Примерно так сказал. Я хоть и плоховато по-русски понимаю, но кое-что и до моей головы дошло. Что ты, говорит Кулик, здесь как ворона раскаркался? Ты что, пришел мне указывать, где можно ездить, а где нельзя? Олени, олени... Что ты, мол, заладил про своих оленей. Можно подумать, большая от них государству польза, от оленей ваших. Только себя да свое селение и кормите. А мы, мол, геологи, большие государственные задачи решаем, для всей страны дела проворачиваем. Если, мол, отыщем под землей нефть или газ — на ближайшие двадцать — тридцать лет твои олени и вовсе не нужны станут. Что, мяса вам не хватает? Будет вам, говорит, мясо, пожалуйста, государство у нас богатое. И говядину вам на самолетах доставим и баранов, и свиной там, куриц. Наслаждайтесь, говорит, ешьте, сколько влезет. Я его пытаю, а что, мол, станет через двадцать-тридцать

лет, когда подземное богатство кончится? О, говорит, что-нибудь тогда придумают, об этом сейчас рано загадывать. Сейчас, мол, самое главное — это то, что они под землей ищут. А все остальное, мол, дело десятое, никого не волнующее...

Карыкур, который все же в конце концов сумел совладать с собой, слушал бригадира внимательно, впитывал каждое его слово, пытаясь разглядеть за рассказом старика характер, душу, сердце соперника, отобравшего у него любимую девушку; он не упускал ни одной детали, связанной с ним, с Куликом.

— Так и сказал, Лозар аки?

— Да, да, сынок. Так, значит, и сказал. А еще сказал, даже повторил несколько раз, чтобы, мол, я и другие оленеводы не путались у них, у геологов, под ногами, не мешали им выполнять государственный план. Что, мол, это не только его, Кулика, мысли, а и начальника экспедиции, и всех, кто в ней работает. Мол, государственные интересы этого требуют. Все вертел туда-сюда своим парусным носом, а потом начал кричать прямо в ухо: «Теперь понятно?! А непонятно — так запомни. Другие, мол, которые толк в бумаге понимают — после все объяснят».

— Вот собачий узел! Смотри-ка, какой грамотей нашелся! — взорвался Карыкур. — Он, значит, ученый, а мы, значит, не люди, ничего в государственных интересах уразуметь не можем! Нет, тут он, конечно, Лозар аки, зря свой хвост распустил! Он нас всех, видите ли, за дураков считает, за дикарей. Умник нашелся, собачий узел! Да мы ведь тоже кое-что знаем, тоже кое-что почитываем! Помню, еще когда в армии последний год служил, специальное постановление правительства вышло. В нашей самой главной газете, в «Правде», этот документ напечатали. Я тогда внимательно все прочитал, от первой буквы до последней. Очень хорошо там было написано, как нужно природу Севера беречь. Строго было указано, чтобы озера и реки не загрязняли. И об оленьих пастбищах — тоже там речь была.

— Ты правду говоришь, сынок? Сам читал?

— Конечно, Лозар аки, сам! Прямо так и было сказано: геологам, мол, и строителям разным нужно беречь оленьи пастбища, без особой надобности не

трогать. А летом и вовсе по ним стараться не ездить!

— Кой! Вот видишь, какое государственное-то дело! Стало быть, Кулик просто мозги мои туманил. Чтобы не мог я по-настоящему лицо его разглядеть. Выходит, обманывал он меня, на свою сторону все гнул...

— Выходит так, Лозар аки. Я думаю, что и с этими оленями — тоже они напакостили. Уверен уже — отравились олени чем-то здесь, на буровой. Но видишь, это еще доказать надо...

— А ты сумеешь, сынок? Времени ведь вон сколько прошло... Туго, туго...

— Ничего, Лозар аки. Постараюсь. Анализы эти, про которые я говорил... вот собачий узел, как бы это объяснить-то попроще... Они как зеркало все покажут. Что олень съел, где у него там, внутри, плохо, где хорошо...

— Кой! Неужели и впрямь можно дело до конца досверлить?! — Лозар, похоже, наконец поверил в слова Карыкура, и на лице его тут же отразилась готовность немедленно действовать. — Коль так, сынок, хватит нам тогда место под сиденьем греть да языками трясти! Пойдем. За дело примемся. Ты только подсказывай, что отрезать-то надо для твоего анализа, а я уж не ошибусь.

— Хорошо, Лозар аки. Я вам там, на месте, обязательно все скажу.

Повозиться им пришлось основательно. Немного легче было с теми оленями, которых как следует присыпало снегом — их туши, словно укрытые теплым одеялом, не успели промерзнуть насквозь. С нескольких таких можно было даже снимать шкуры, что они и сделали... Они брали пробы от каждого павшего животного, и для каждого делали отдельный сверток — Карыкур прихватил с собой кусок полиэтиленовой пленки, который распластал сейчас на отдельные лоскуты. Все эти старательно увязанные кулечки он аккуратно уложил в рюкзак и уселся рядом с бригадиром на ствол толстого кедра, изодранного и поваленного какой-то машиной — скорее всего, мощным бульдозером.

— Ну вот и управились, Лозар аки, — вытер он пот со лба. — А все вы — одному бы мне ого-го еще

сколько возиться. Вот теперь можно и чайку попить... Жаль только, нельзя оленинки свежей отведать...

— Да уж, сынок, эту оленину лучше в рот не брать! Туго, туго. Ну да ничего, у меня сушки еще остались. Да еще сушеная оленья грудинка есть. И кусочек спинного жира...

— Ох и запасливый же вы, Лозар аки. А вот интересно: почему же вы тогда все это не вынули? Ну, когда духа Священного мыса угощали?

— Я духа хорошо угостил, Карыкур. А это у меня для другого случая припасено. Еще в одном месте понадобится. Не выставляйте же мне там пустой стол и пустые чашки, коли уж я сюда приехал!

Карыкур удивленно посмотрел на бригадира. Что за старик! Загадок в нем — словно в закрытом тутсянге-сундуке, никогда не угадаешь, что там, внутри...

— Что, еще поминки устраивать будете, Лозар аки? И где же?

— Есть тут одно место... Дед мой захоронен, мать и отец — три сруба там.

— Далеко отсюда?

— Отсюда-то? Всего ничего. Версты две на юг от Священного мыса придется податься. Вон, видишь, почти голая грива тянется? А чуть правее вроде как холм. Видишь?

— Вижу. И впрямь недалеко. А что это грива-то, Лозар аки, такая чудная? Кругом лес, а она вся голая, будто кто на ней специально деревья повырубил.

— О, сынок, это с давних времен так, с очень давних. Вот легенду-то я тебе о семиклювом-семикрылом вороне рассказывал — так, говорят, с той самой поры, стало быть, и не растет ничего на гриве. Огонь тогда шибко большой гулял — ну, когда та масляная жидкость загорелась, что из-под земли волшебная птица принесла. Вот тогда лес и повыгорел, и с тех пор голо здесь. Туго, туго...

— Интересно, Лозар аки. Вот бы и здесь анализы взять — с деревьев, из земли. Все бы понятно стало, что тут было, чего не было...

— Так ли оно, сынок, не так ли — кто ж его знает. Однако рассказ тот тропу свою издалека ведет, шибко издалека...

— И вот что любопытно в этой легенде, — задумчиво сказал Карыкур. — Ведь если ей верить — огонь

из-за неосторожности человека вспыхнул, верно? Ой, ведь, кажется, искру выронил, да?

— Да, да, сынок, верно. Из-за бездумно брошенной лучины. А человек — он и сейчас как тогда: своей неосторожностью да поспешностью таких дел натворить может!

— Это вы в самый раз сказали, Лозар аки, точно в цель!

— Да разве это я, сынок? Это вековой старинной мудрость, только вот иногда забываем мы ее, подальше от себя отпихнуть норовим... — И Лозар скользнул невеселым взглядом по ободранным, поваленным вокруг деревьям, вздохнул. — Ну, да ладно, сынок. Давай потихоньку собираться — да на кладбище пойдимся. И дед, и отец с матерью давно уж, поди, меня заждались. Мол, на Священный мыс явился, подле самых их подолов таскается, а к ним заглянуть все времени не найдет. Но ничего! — Лозар повернулся в сторону холма, где находилось его родовое кладбище. — Уж вы на меня не обижайтесь, люди нижнего мира. По делам задержался, не ради игры... — и решительно направился к костру, подле которого оставались их упряжки, сказал на ходу Карыкуру: — А за остальными шкурами попозже кого-нибудь из пастухов пришлем, когда малость потеплеет — легче их тогда снимать будет.

Карыкур с трудом закинул на плечо заметно потяжелевший от проб рюкзак и поспешил встать на лыжи — не так-то просто было угнаться за стариком...

— Лозар аки, а почему ваше кладбище так далеко в тайге устроено? — успел еще спросить Карыкур, прежде чем они тронулись. — Ведь все наши ханты давно уже своих в поселке хоронят. У речки Халась Соям.

— О сынок. Здесь одна небольшая премудрость есть... Это, знаешь ли, Пал Турам — Бог Высокого Неба так распорядился.

— Не пойму что-то, Лозар аки. Как это — распорядился?

— Ну да, ну да, тебе это, конечно, трудно понять, сынок. Ты же с бумагой знаешься, наполовину городской стал. Но все же, коли спросил, попробую растолковать. — Он устроился поудобнее на своей нар-

те.— Ну, значит, слушай. Давно уже это было... Как-то мой дед, Лариван, охотился на этом холме весной. Гусь, говорят, хорошо тут раньше летел. На чучело — прямо как дождь падал. Да... сейчас, говорят, тоже есть. Только, конечно, меньше. Ну, словом, щедрое место. Сказывали, дед за утренний перелет до десятка гусей стрелами сваливал. А однажды умудрился — изловил гуся арканом! Метнул, значит, в летящую стаю, а один в нем и запутайся. Кой, кой! Поймать-то он его поймал, да и беду себе накликать...

— Какую беду? Почему накликать? — Карыкур, увлеченный рассказом бригадира, пересел на его нарту.

— Очень просто. Урас! Грех, то есть. Сам этот гусь, стало быть, несчастье и пакликал за то, что дед мой Лариван святотатствовал... Ну сам подумай, разве может крылатая птица среди бела дня по своей воле в петлю аркана залезть? А? Да ведь и деда — тоже как будто кто подтолкнул, как будто кто мозги ему перевернул по-другому. Сроду никто в нашем роду арканом не охотился! Аркан, он что — для этого разве? Вот люди потом и говорили: это, мол, злой дух беду наслал. Стало быть, поймал дед гуся... Может, все и обошлось бы, если б пошел дед на Священный мыс, сварил того гуся, да и устроил жертвоприношение. Тогда бы весь грех на себя духи Святого мыса и приняли...

— А он что, Лозар аки, не принес жертву?

— Ну... Он гуся этого домой привез, как простую добычу. Сварили и скушали с моим отцом и с моей матерью...

— Ну, а что дальше-то, Лозар аки, что же случилось-то с дедом Лариваном? — Карыкуру не терпелось узнать, как все же наказали духи деда Ларивана за его «святотатство».

— А дальше, сынок, кара пришла, — неторопливо сказал Лозар.

— Что за кара? Расскажите, Лозар аки, расскажите!

— Ну вот, стало быть, остановился дед в то лето со своим личным стадом вблизи озера Воянг Тув... Место, сам видишь, голое, удобное для выпаса, ягельное. Ну и чум дед поставил хорошо — на том самом холме. Наверху, место обдуваемое, комара мень-

ше... — Лозар закурил трубку, пустил несколько густых струй дыма и продолжал: — Ну вот, слушай дальше. Пасет он себе стадо, да... И вдруг в один из летних дней гром страшный. Гроза, молния — над самым холмом. Такая, говорят, гроза — земля тряслась. Люди все, стало быть, в чуме попрятались. Тут, говорят, как ударило, влетел громовой заряд прямо в чум, никого не тронул, а деда моего — аккурат в лоб. И сразу все стихло, ни грома, ни молнии, только у деда на лбу, говорят, черное пятно осталось... Ну, все так и решили, что это Пал Турам — Высокое Небо его за гуся наказал. Ну, а при такой смерти человека по старым обычаям в том месте хоронили, где его кара настигла.

— Ко-ой! — протянул Карыкур. — Про деда теперь понял. А почему же и отца здесь похоронили, и мать?

— Ну, это уж так они мне завещали. Хотя, если до конца рассказывать, опять же Пал Турам так распорядился.

— Опять?! — не смог скрыть своего изумления Карыкур; он слушал старика, что называется, затан дыхание.

— Да... Вот, значит, на четвертый год после смерти деда пришли отец с матерью на место захоронения, видят: земля там, ну рядом со срубом, треснула, раскололась. И не просто раскололась — крестом. А уж когда земля в виде креста расходится — это значит, что душа покойника на небо ушла, святым, значит, он стал. Так поверья наши гласят... Отец с матерью перекрестились три раза — солнцу, воде и тайге, и наказали тогда, чтобы похоронили их рядом с дедом Мариваном. Вот так оно все и вышло, сынок... Ну да ладно, — спохватился он, поглядев на солнце. — Совсем мы с тобой заговорились, словно кто заманивает нас. Так будем сидеть — глядишь, солнце и последние связки в свой аркан собрать успеет. Давай трогаться!

Карыкур следовал за бригадиром, который, несмотря на последние слова, ехал не торопясь, не погоняя оленей. Старик сидел на нарте неподвижно, видно было, что он сейчас весь ушел в свои мысли, словно уже вел разговор с родственниками, обитающими в его представлении, как теперь понимал Карыкур, не в нижнем мире, как все обычные покойни-

ки, а в верхнем, предназначенном для святых духов. Конечно же, отец и мать Лозара только потому и наказали хоронить их здесь, вдали от людских селений, чтобы вслед за дедом уйти душой в верхний мир.

«А вот интересно,— подумал Карыкур, размышляя обо всем этом,— ведь Лозар, поди, и сам перед смертью пожелает, чтобы его здесь похоронили. Спросить, что ли?» Но едва он представил себе лицо старика, которому он задает этот кощунственный вопрос о смерти, как тут же крепко выругал себя. Мыслимое ли дело, спрашивать у человека о т а к о м!

Решив больше не отвлекаться от дороги, Карыкур начал внимательно приглядываться к местности. Они теперь ехали по длинной прогалине в тайге, тянувшейся, пожалуй, с десятков верст с юга на север. Вне всяких сомнений, этот природный коридор весной и летом становился излюбленным путем для перелетов гусиных стай — немудрено, что как раз здесь-то и совершал свои охотничьи подвиги бригадиров дед... На всем этом голом пространстве встречались только большие кусты багульника, бесчисленное множество кочек, там и сям виднелись куртинки карликовой березки, верхние ветки которой уже начали выглядывать из-под проседавшего снега. И на всем их пути, пока они добивались до невысокого холма, видны были бесчисленные колеи от пригнанной сюда геологами техники. Пока строили вышку, бурили и проводили испытания скважины, колесные и гусеничные машины так изгваздали землю, что даже снег не мог скрыть этих глубоких шрамов...

«Кой! — горько воскликнул про себя Карыкур.— Ведь на этих пастбищах наше стадо должно было нынешней зимой выпасаться. А какой уж тут ягель, если так все перепахано. Правильно Лозар аки говорит: накладно для нас, оленеводов, работают буровики, ой накладно. Нас в техникуме учили: ягель, он двадцать пять лет растет. Сколько же теперь ждать-то придется, чтобы сюда опять олешков пригнать можно было! Верно старик говорит: не жалеют, совсем не жалеют геологи оленьи пастбища...»

Кажется, о том же самом думал и бригадир, потому что, не доехав до холма с полверсты, он вдруг остановился, а когда Карыкур поравнялся с ним, сердито закричал:

— Убили нас эти люди из экспедиции, просто убили! Нет больше пастбища. Туго, туго! Неужто опять здесь погуляли работнички того начальника тьфу ты! Фамилию снова забыл... Ну, болотной птицей еще называют...

— Кулик? — мрачно напомнил Карыкур, останавливая свою упряжку рядом.

— Во-во. Неужто и здесь его люди хозяйничали? А ведь сильно похоже на то — все как у озера Енгта Тув. Тьфу, что за плохие люди! Можно подумать, у них глаз нет! Слепой, и то старается одной дорогой ходить. А эти? Так будут хозяйничать — скоро совсем оленей выпасать негде станет. Туго, туго...

— Верно, Лозар аки! Похоже, собачий узел, дело к этому движется.

— Кой, кой! Как им, бессовестным, земли-то не жалко?! Предки ее священной издавна звали, матерью нарекли, а эти... Нет, сынок, в моей голове работа их никак не укладывается. Так прикидываю, сяк прикидываю, с того конца, с этого — ничего не выходит. Туго, туго! — Лозар встал на свои нарты, долго смотрел на сплошь израненное оленье пастбище, наконец, недоуменно покачивая головой, медленно опустился. — А видно, ничего не поделать, сынок. Нет у нас на них силы — нефть дело важное, они теперь вроде как хозяевами тут заделались... Разве ж так хорошие хозяева себя ведут? Э, растревожили душу... Ладно, поехали дальше...

Подъехав к холму с южной стороны, Лозар остановился, привязал ременные вожжи к нарте — словно подчеркивая важность наступающего момента, старик делал все собранно, основательно. Прежде всего отвесил поклоны вершине холма, снег с которой был согнан пронесшейся вьюгой, а потом круто запрокинул голову, обратился к небу:

— О, Пал Турам — Высокое Небо! Не имей зла на меня, грязного человека грязной земли. С чистыми мыслями пришел я к тебе. И мой напарник тоже. Гляди — я преграждаю дорогу черному злу. — И Лозар, сняв с себя широкий кожаный ремень с медвежьими клыками, бросил его поперек нарты. — Все. Видишь, закрыл я дорогу злу и недобрым духам...

Карыкур, с любопытством наблюдавший за ним, вспомнил, что, по повериям ханты, злые духи не мо-

гут подходить туда, где лежат медвежьи клыки — символ сверхчеловеческой, сверхъестественной силы. Он увидел, что после этой молитвы Лозар, не торопясь, взял с нарты свой кожаный мешок и стал медленно подниматься по склону холма, туда, где на самой вершине едва виднелись три невысоких сруба — место захоронения его родителей и деда.

Карыкур медленно последовал за ним, временами, как и бригадир, проваливаясь в снег чуть ли не по пояс.

Дойдя до вершины, Лозар снял мешок с плеча и, переходя от сруба к срубам, легонько, как полагается, постучал в каждый со стороны головы покойника, приговаривая при этом:

— Просыпайтесь, просыпайтесь. Вповь к вам явился. Хоть и нет дорогих угощений, но кое-что на стол поставить найдется. — И, взглянув на Карыкура, сказал: — Ты тоже, сынок, вековой обычай блюди. Постукай слегка, как я, в крышу. Чтоб знали они, что я не один пришел.

Карыкур послушно исполнил его просьбу, правда, ничего не говоря при этом. Дойдя до последнего сруба, он спросил, показывая рукой:

— Вот в этом кто покойся, Лозар аки?

— Кой, сынок! Что с тобой? Нельзя так, нехорошо. — Он опасливо покосился на срубы и повторил вполголоса: — Нельзя рукой показывать, новое несчастье накличешь. Я и так все скажу. — И, останавливаясь взглядом на каждой могиле, пояснил шепотом, где похоронен отец, где мать, где дед.

Степенно подходя к каждому срубам, Лозар поочередно убирал дощечки, прикрывавшие небольшие отверстия, куда при поминании клали покойнику папирсы, кусочки еды, а иногда и одежду или даже ценные меха.

Потом он вытащил из своего бездонного мешка три кружки, приготовленные, очевидно, еще в поселке, положил туда по кусочку сушеного мяса, спинного оленьего жира и по одной баранке и поставил кружки у самых окошечек. Покончив с этим важным делом, тут же взялся за следующее: безошибочно отыскал занесенное снегом кострище, откинул ногой верхушку сугроба, и из-под него проглянули две рогатины для поперечного шеста, на котором подвешива-

ется чайник или котел; тут же оказалась и приготовленная в прошлое посещение небольшая кучка дров.

Пока Карыкур расчищал ногами кострище, Лозар выбрав полено посуше, настрогал стружек и разжег огонь.

— Сразу загорелось! — обрадованно сказал он Карыкуру вполголоса. — Видать, ни на меня, ни на тебя родители мои зла не имеют. Хорошо, хорошо!

Карыкур понял, что маленькое это событие подняло бригадиру настроение, основательно сегодня испорченное зрелищем погубленных геологами пастбищ.

Когда костер разгорелся как следует, Лозар повесил над огнем пузатый походный чайник, наполненный снегом, и сказал:

— Ну ты, сынок, занимайся потихоньку костром. А я малость снег со срубов счищу. Скоро таять вовсю начнет — надо маленько снежок откинуть. И покрышки берестяные спасем — гнить меньше станут, воду меньше пропускать... Кому приятно, когда вода сверху на голову капает? — И Лозар, взяв свою деревянную лопаточку, которую и сюда не забыл прихватить, принялся неспешно счищать снег с покрытия срубов.

Время от времени с интересом поглядывая на него, Карыкур занялся чаем: то добавлял деревянным черпаком — льем снега, то подкладывал дрова в костер. И вдруг он услышал отчаянный, какой-то страдальческий крик Лозара:

— Я-а! Кой, кой, убили! Убили!

Забыв о чае, Карыкур повернулся к бригадиру и увидел его неподвижно застывшим в горестном недоумении. Наконец Лозар, словно очнувшись, сказал, чуть не плача:

— Я-а, горе! Кто-то сруб вскрывал. Подойди, сынок, посмотри своими молодыми глазами, может, ошибся я... По-моему, вскрывали его...

Карыкур послушно приблизился, вгляделся в очищенную от снега поверхность сруба. Могильник покрыт был широким березовым паласом, прихваченным прибитыми с двух концов тонкомерными жердями из лиственницы и ели; и сразу же Карыкуру бросилось в глаза, что многие шесты были оторваны, лежали небрежно...

— Кой! Точно, точно! — еще пуще заголосил Ло-

зар и, еще сильнее побледнев, показал на палас, ближе к задней стене, где чернеда заметная дыра.— Гляди, порвали даже. И шести как попало уложены. Кой, кой! Что за жулики объявились, что за хулиганы?! Чего не хватало им, что у покойника рылись?!— Отчаяние старика сменилось теперь гневом.— Это ж не люди!.. Зверь лесной — и тот могилы не трогает...— Лозар низко опустил голову и опять в одно мгновение весь как-то сник..

— Кто хоть мог это сделать?! — гневно сказал Карыкур.

— Только не наши, не ханты,— печально ответил Лозар.— Это какой-то пришлый тут безобразничал. Из этих, ну, тех, которые на вышке работали. ...Которые землю сверлили. Кой, кой! Пусть бы в земле и копались. Но здесь-то, здесь им чего понадобилось — души покойников осквернять? Сволочи! Жулики подлые!.. Это ж надо — покойников обокрасть! Ничего им, бедным, не оставили... Как есть ничего...

— Там у вас что-нибудь ценное было, Лозар аки? — осторожно спросил Карыкур

— Да разве в этом дело? — рявкнул вдруг Лозар так, словно и Карыкур был виновником святотатства.— Там все было ценное, даже самая последняя шерстинка...— Бригадир перевел дух, чувствовалось, что волнение не давало ему говорить.— Ценное, не ценное... Зачем туда вообще было лезть? Вот тебе, сынок, и поминки!.. Да ведь он же, тот, кто могилу ограбил, мне, живому человеку, поминки устроил! Ух, сволочи! Ну нет, я это дело так не оставлю, я молчать не буду! До самого прокурора дойду. Туго, ох туго!! Не может такого закона быть, который разрешал бы чужие могилы осквернять и грабить. Нет!!

Выпустив еще несколько оскорбительных фраз по адресу «двуногих разбойников», Лозар приутих, словно выговорившись, выпустил из себя и гнев и злость. Потом робко обратился к покойному отцу:

— Что ж теперь поделаешь, отец-сиротинушка? Деваться некуда, придется мне раскрыть твой дом, прости уж меня, ради бога...— и повернулся к Карыкуру: — Взгляну все же, сильно ли там жулики напакостили. Помоги, сынок.

Когда они отвернули половину берестяной покрывки, то сразу увидели, что вещи, лежавшие некогда

поверх домовины, сделанной из двух долбленных колод, были раскиданы внутри сруба как попало.

— Кой, кой! Убили тебя подлые люди, отец-сиротинушка! Догола раздели! — простонал Лозар. — Хуже самой плохой собаки были люди. — Бригадир то и дело тягостно вздыхал. — Оплевали, обворовали тебя, отец-сиротинушка... Кисов новых с узорами нету, шкурки соболиные исчезли... Сотопов — чехлов с ножами — целая связка была... Даже идола Священной кошки — и того выкрали. Кой, какие подлецы! Туго, ой туго, словами даже и не выскажешь...

Бригадир аккуратно сложил поверх домовины несколько оленьих шкур, старую неблюевую шапку-ушанку, широкие охотничьи лыжи, летние кожаные чувячки, еще кое-какие сохранившиеся вещи. И, наведя в срубе хоть какой-то порядок, долго стоял над гробом поникший и подавленный. Он ничего не говорил больше, только пальцы у него слегка вздрагивали да все сильнее и сильнее мрачнело лицо.

Картина такого же безжалостного разора открылась перед ними и в двух других срубах. Из могилы матери были украдены красиво изукрашенный и расшитый бисером тутсянг-сундук, все инструменты женского рукоделия. Пропала также шкурка выдры, шерстью которой женщины обычно выкуривают из дома нечисть. А из сруба деда утащили его старинный лук, стрелы, капкан-плашку на горностаю и бубен. Дед, по словам Лозара, немного шаманил...

Возмущению старика не было предела. Он костерил святотатцев все то время, пока они тщательно и со всеми предосторожностями снова закрывали срубы. Не успокоился он и тогда, когда сели пить чай.

— Где теперь найдешь виновников, хоть и чувствую всем нутром, что напакостили те самые люди, которые землю здесь сверлили! — негодовал бригадир. — Волосы мои поседели — не сосчитать, сколько раз приходил сюда. И никогда ничего подобного не было. Это все они, они! Ничего для них святого нет, ни земля не свята, ни то, что в ней лежит! Уй! Узнать бы мне только, кто... — Он то и дело грозно взмахивал стиснутой в кулак рукой. — Да разве ж узнаешь, разве они сознаются? Жди, как бы не так!.. Но нет, все равно я этого так не оставлю! Ты, сынок, сказывал, в райцентр собираешься? Ну, чтобы боле-

зны оленей определить, да? Так вот. Я с тобой тоже в райцентр поеду.— Он сурово посмотрел на Карыкура.— Поможешь мне одну бумагу написать?

— Конечно, помогу... А какую, Лозар аки?

— Важную бумагу. Обо всем, что здесь видел. Я ее прокурору отвезу. Прокурор все законы знает, и тот, который запрещает в могилах шариться — тоже знает. Не может быть, чтобы такого закона не было! Поможешь написать, сынок?

— Конечно, помогу, напишу даже. Ведь это же чистый разбой, обязательно надо наказывать за такое, собачий узел!

— Вот молодец!..— Лозар вдруг заскрипел зубами.— Как вот только узнаешь?! Они, эти сволочи, обязательно заператься станут. Не видели, скажут, не слышали, мало ли, мол, по тайге людей бродит... Что тогда с них возьмешь? — И бригадир набил свою трубку махрой, задымил густо.— Но все равно я с тобой поеду. Вырвусь дня на два — на три, сам все расскажу прокурору. А не поеду если — не найди мне покоя. А то ведь что делается, сынок, сам подумай! Пастбища изуродовали, зверей и птиц тайком бьют, рыбу этим черным жиром травят. Куда уж больше! — Он перевел дыхание и несколько раз с силой ударил себя кулаком по колену.— Так мало этого — они теперь еще и за могилы взялись. Нет! Надо этим пакоstickам руки-то укоротить. А то совсем ничего у нас на севере не останется.

— Да, Лозар аки, нечем, как говорится, крыть, полностью с вами согласен...

— А коль согласен — заранее тебе спасибо, Карыкур! Молодец. Вот вернемся к себе в чум и напишем письмо, верно?.. А теперь, пожалуй, дорогу дальше вести надо.— И Лозар, положив на снег крест-накрест две еловых ветки — показав всем знающим обычай, что живым людям сюда доступ закрыт,— медленно двинулся вслед за Карыкуром к упряжке.

...Едва добравшись до чума, Карыкур, как и обещал старику, сел писать заявление на имя районного прокурора. Он должен был записывать текст за бригадиром, но Лозар, который все никак не мог успокоиться, надиктовывал слова такие резкие, такие ру-

гательные, что Карыкуру волей-неволей приходилось приглаживать их, придавать жалобе пристойный вид. А Лозар ругался и все повторял ему: «Так и пиши, как говорю, так их и так! Пусть этих мерзавцев с черными сердцами огнем прожжет. Так пиши, чтобы места себе найти не могли!»

После недолгого отдыха, сменив оленей, они на двух нартах подались по речке Арка-Яхья к центральной усадьбе совхоза.

Речка, берега которой довольно густо поросли елью и лиственницей, временами резко петляла, и тогда Лозар, хорошо знавший эти места, спрямлял путь, пересекая многочисленные горбатые мысы...

* * *

До центральной усадьбы совхоза — небольшого, хорошо обустроенного поселка — они добрались рано утром, и сразу же пошли в контору, чтобы застать на месте директора — Ивана Дмитриевича Мудрецкого.

Иван Дмитриевич был еще молодой, смуглолицый мужчина с таким необычно узким для европейца разрезом глаз, что Карыкур, увидев его впервые, поначалу даже принял директора за ханты. Добродушная внешность его как бы сама уже располагала человека к доверительному разговору; внимательно выслушав пастухов, он первым делом похвалил Карыкура за правильное решение. Видно было, что случай на озере Воянг Тув сильно тревожил Ивана Дмитриевича.

— Да, происшествие весьма серьезное, товарищи пастухи, — подытожил он. — Десять с лишним лет работаю на севере, столько же лет имею дело с живыми оленями, а вот такого случая не припомню... Даже похожего ничего не было. Видимо, ты прав, Карыкур, отравились они... Молодец, верно поступил, что пробы на анализ взял, что порошок этот сообразил прихватить. Пока ведь у нас с вами одни только догадки, товарищи оленеводы, все доказывать придется... Нет, молодцы, молодцы, все толково сделали, указаний из конторы дожидаться не стали.

Лозар первый ответил директору, хотя по-русски изъяснялся с трудом:

— Я думаем так, Иван Митриевич. Я думаем, пока верно едем. Дорогам пока не теряем, головным оленям пока не блуждаем.

Лицо Ивана Дмитриевича тронула легкая улыбка, но тут же оно снова стало решительным и серьезным.

— Это хорошо, коли головной олень не блуждает. Значит так, Карыкур. Бери свои пробы и сегодня же вылетай на «аннушке» в райцентр, а оттуда — в Пулгават Вош. Пусть в ветеринарной баклаборатории сделают анализы. Я тебе официальное письмо дам. А в зависимости от анализов — и меры принимать будем.

— Хорошо, Иван Дмитриевич. Постараюсь сделать все как надо.

— Я тоже так думаем, Иван Митриевич, — поддакнул Лозар. — Так-так. А то чего получается? Тридцать два голова оленя пропадаем. Зря пропадаем — животам никому тепла не давали, телу тоже тепла не давали. Правильно говорил, Иван Митриевич. Я тоже так думаем.

— Ну вот и договорились, раз все думаем одинаково, — улыбнулся Иван Дмитриевич, глядя на бригадира. — Тогда за дело. Иди, Карыкур, оформляй командировку.

Не успел Карыкур встать со стула, как старый бригадир опять включился в разговор:

— Мне тоже, Иван Митриевич, шибко ехать надо. С оленьим лекарем за компания мало-мало ездить надо...

— Куда это, Лозар аки? Тоже в Пулгават Вош, что ли?

— Зачем, Иван Митриевич. Немножко близко надо, совсем рядом. Районным поселкам мне побывать требуется, прокурорам хочу повидать. Хочу ему на стол крепкую бумагу положить.

— Погоди, погоди, Лозар, что-то я ничего не пойму... А ну, Карыкур, может, ты объяснишь мне, в чем дело? Что случилось?

Пока Карыкур рассказывал директору о том, что произошло на месте захоронения у озера Воянг Тув, Лозар, которому казалось, что молодой зоотехник недостаточно впечатляюще излагает суть дела, то перебивал его, вставляя свои ломаные словечки, то вска-

кивал с места и подходил к Ивану Дмитриевичу вплотную, полагая, видимо, что таким образом гот поймет лучше.

Выслушав их обоих, директор совхоза задумался. — Да-а. Дело, конечно, очень серьезное. Только уж больно пора-то сейчас у нас, Лозар аки, ответственная. Очень уж горячая пора, отел вот-вот начнется. А бригадир в это время, сам знаешь — ох как нужен! — И Иван Дмитриевич, видимо, чтобы старый бригадир не подумал усомниться в искренности его слов, приложил руку к груди. — Я отлично тебя понимаю, Лозар аки, всем сердцем твоё состояние чувствую. Только сам подумай, какое жаркое время сейчас настает. От него многое для всех нас, для всего совхоза зависит. — Голос директора стал просящим. — Может, повременишь пока? А заявление твоё Карыкур по пути отвезет. Передаст прокурору, объяснит все как есть. Я понимаю, что дело так оставлять нельзя, но ведь отел!

— Не может временит, Иван Митриевич. Сердце тут не соглашается, — Лозар постучал по левой стороне груди. — Я сам хочу прокурорам видеть. Разговорам иметь. — Тут он понизил голос, взглянул на директора чуть ли не умоляюще: — Я ведь, Иван Митриевич, недолго ездить будем. День туда, день обратно. Я понимаю: трудно будем в оленем стадам, много думал. Всю дорогу думал, мозгами шевелил. И тоже маленько придумал. — Он доверительно улыбнулся директору. — Братам своего прошу. Пока меня стадам не будет — брат за меня дежурит...

— Это который брат? Бывший наш знаменитый оленевод? Митри? На пенсии который? — В раздумье Иван Дмитриевич слегка постукивал авторучкой по полированной столешнице. Лозар согласно закивал.

— Вот-вот, самый он и есть. Тоже не хуже меня оленям понимает. Ходить пока может, оленям работать, если шибко надо — тоже может.

— Ну, тогда, Лозар аки, сдаюсь. Если, конечно, твой Митри согласится.

— Согласится, Иван Митриевич, согласится, — обрадовавшись, вскочил Лозар. — Он и так меня ругает все время. Пошто, говорит, не берешь меня стадам. Руки мои, говорит, без аркана устали. На недельку,

говорит, возьми хотя бы. А то без дела, говорит, помирай скоро будем.

— Ну хорошо, Лозар аки, уговорил. Скажи брату: мы ему заплатим. Сейчас лишний пастух, лишний глаз в стаде — вот как нужен! — И Иван Дмитриевич резанул рукой по горлу. — Считай, что договорились. Езжай с Карыкуром. А Митри, брату, скажи, чтобы обязательно ко мне зашел.

— Обязательно скажем, обязательно. Сейчас же и побежим.

И глядя, как Лозар, молодецкато поправив широкий кожаный ремень на малице с висящим на нем чехлом для ножа и несколькими побрякивающими аясярами — медвежьими клыками, торопливо вышел из кабинета, Карыкур и директор с улыбкой переглянулись.

...Получив деньги, Карыкур опять зашел в директорский кабинет — подписать командировочное удостоверение и, задержавшись здесь, рассказал о том, во что превратили геологи на своих машинах пастбища вокруг озера Воянг Тув. Пастбища, через которые должен был пролечь будущей зимой маршрут *каслания совхозных стад...*

Иван Дмитриевич в раздумье потер переносицу, машинально поправил совсем несобравшиеся спадать очки.

— Да, брат... Я уже и сам не раз об этом думал, пора, пора вопрос об охране оленьих пастбищ перед райкомом партии ставить, перед объединением совхозов. А то ведь и впрямь скоро ни с чем останемся, если геологи по-прежнему будут разъезжать, где им вздумается. Да, если сегодня меры не принять — завтра уже, может, и поздно окажется...

— Я так думаю, Иван Дмитриевич, — Карыкур решительно подошел к висевшей на стене директорского кабинета карте, на которой были околтурены пастбища совхоза и маршруты *касланий оленеводческих бригад.* — Вот смотрите: у нас ведь заранее расписаны все маршруты движения, верно? И каждое стадо строго придерживается его, к соседу не лезет. По ошибке разве когда... Иначе мы давно бы уже без ягельников остались. А геологи ездят на своих машинах, где захотят. Сами знаете, другой раз и за отбившимися оленями гоняются, бьют их втихаря...

Иван Дмитриевич кивнул, давая понять, что знает об этом. Он встал из-за стола, тоже подошел к карте.

— Ты что-нибудь конкретное хочешь предложить? Если да — выкладывай, не стесняйся.

— Я вот что надумал, Иван Дмитриевич. Что, если предложить им ездить по определенному маршруту? Чтоб не где попало, а ну... — он на мгновение запнулся, подыскивая нужное слово, — ну, как лыжник по лыжне... Тогда и пастбища наши целы будут, и за браконьерами легче станет следить...

— А что! Хорошая мысль, молодец! — Иван Дмитриевич одобрительно похлопал зоотехника по плечу. — Ну, говори, говори, не стесняйся.

— А еще я думаю так: пусть они заранее согласовывают свои маршруты с нами, оленеводами...

— В обход пастбищ, так?

— Конечно, в обход, Иван Дмитриевич. Пусть ездят на своих «Ураганах» там, где меньше ягеля. У них же вон какая техника — где хочешь пробьются, и лишней десяток километров — им тоже не помеха!

— И я так думаю, Карыкур, не помеха...

— А на лето хорошо бы им вообще только самые необходимые рейсы разрешать. — Карыкур, донельзя окрыленный тем, что мысли его находят полное понимание и поддержку директора, мог бы сейчас говорить обо всем этом хоть до завтрашнего утра. — Вот вы помните, Иван Дмитриевич, прошлое лето. Вспомните тот пожар, что неподалеку от наших пастбищ бушевал. Сколько дней огонь там пластал! Ягель-то сухой, горел как порох — если б не потушили вертолеты, если б не пожарный десант — ох сколько бы тогда пастбищ выгорело! Но вот, в результате-то — нашли разве тогда причину пожара?

— Говорят, от одной искры возник. Кажется, от выхлопных газов вездехода...

— Вот видите, Иван Дмитриевич! Обязательно надо просить наше районное начальство, чтобы запретили им летом на машинах ездить. Или, в крайнем случае, пусть на таких ездят, от которых искр не бывает...

— И это верно, Карыкур, и это верно... Нелегко, конечно, будет все это пробить, но я тебе скажу начистоту... Если подтвердят твои анализы, что олени по вине геологов пали — считай, что мы своего уже доби-

лись. И в райкоме нас поддержат, и в обкоме, думаю, и накажут, кого надо, по всей строгости. А то они уже как в другой стране, никакой управы на них нет... Ну как же — нефть, «государственные интересы»... А вот наказать разок-другой, чтобы больше неповадно было...

— Конечно, Иван Дмитриевич! — горячо подхватил Карыкур. — Они же можно сказать, настоящее преступление совершили...

— Э, э, — засмеялся директор, — ты сначала давай докажи еще.

— И докажу! Я, если хотите, нутром чую, что так оно все и было, как мы с Лозаром говорим.

— Ну, нутро — это нутро, а анализы — это анализы. Так что давай, собирайся в дорогу. Я уже дал указание, чтобы тебя в первую очередь посадили. А возникнет в тебе необходимость — сразу же призовем на помощь. Договорились? — И директор совхоза крепко пожал ему на прощание руку.

* * *

В райцентр Хорамвош — небольшой поселок, сплошь застроенный одноэтажными домишками, Карыкур с Лозаром прилетели после обеда. Тут же стало известно, что на рейсовый самолет до Пулнгат Воша Карыкур опоздал, теперь ему надо было ждать следующего, а следующий по расписанию летел лишь завтра...

Недолго думая Карыкур решил остановиться как всегда у старого дружка Нятамы, который когда-то учился с ним в техникуме, а теперь работал здесь, неподалеку, заведующим зверофермой.

Стоял ясный весенний день. Погода вдруг разгулялась, яркое веселое солнце Месяца Весенних Ручьев вовсю разгоняло свою нарту — температура, как сказали им в аэропорту, была выше десяти градусов. Снег таял так, что по расквасившимся нешироким улицам поселка впору было бы идти сейчас в болотниках, и Карыкур в своих нарядных бурках старательно выбирал дорогу, чтобы не промочить ноги и не угодить в самую грязь. Он то и дело сочувственно оглядывался на семенившего следом в красивых

праздничных кисах Лозара и радовался, что сообразил переодеться из малицы в цигейковый полушубок. А не то и ему, как старому бригадиру, прилетевшему в обычной своей пастушеской одежде, было бы совсем неуютно. Лозар так вспотел, пока они одолевали лужи на дороге к дому Нятамы, что не выдержал, стащил с себя малицу и, сунув ее под мышку, шел теперь в выходном своем суконном костюме, надетом специально для посещения такого большого начальника, как районный прокурор.

Карыкур шурился на солнце и никак не мог поверить, что всего два-три дня назад они были в самом сердце бесновавшейся пурги, что морозы доходили до двадцати градусов, и они с Лозаром вынуждены были пережидать непогоду в «куропачьем чуме»...

Им повезло — Нятама, смешной, отпустивший шелюру до плеч на манер некой эстрадной звезды, оказался дома. Он долго радостно хлопал Карыкура по плечам, а узнав, что тот собирается по важному делу в Пулнгат Вош, сразу же позвонил в отдел перевозок аэропорта — имел там некоторые, как он сказал, связи. Он болтал с кем-то по телефону, хихикал, попросту называл кого-то Лидушей — а в конце попросил эту самую Лидушу обязательно позвонить ему на квартиру, если подвернется какой-нибудь спецрейс на Пулнгат Вош.

Жил Нятама с матерью в двухкомнатной квартире, выделенной ему перед самыми майскими праздниками. В одной комнате — такой крохотной, что здесь только и уместились кровать да тумбочка, жила его мать. В гостиной, где были его собственные владения, Нятама развернулся по своему вкусу: у одной стены полуторапальный диван, над которым висел небольшой ковер, напротив дивана — два кресла и журнальный столик. В углу, неподалеку от окна, стоял на высоких ножках телевизор марки «Крым». На одной из стен, чуть выше полупустой книжной полки, была приколотая кнопками большая фотография с каким-то северным видом, а рядом вырезанный, наверное, из журнала цветной портрет Аллы Пугачевой, на котором артистка была заснята с такой же всклокоченной, как у Нятамы, прической.

Карыкур заметил, что Лозар, не показывая вида, все дивится тому, как раскрасил хозяин в своей гости-

ной пол: одна половина, по диагонали, синего цвета, другая — ярко-красная.

Мужчины не успели еще толком обменяться друг с другом новостями, как мать Нятамы Остяр, скуластая женщина с необычайно плоским лицом, пригласила их на кухню. И тут, едва они уселись чаевничать, раздался телефонный звонок, и та самая аэропортовская Лидуша, с которой Нятама разговаривал совсем недавно, сообщила, что прилетает Ан-26 с грузом для экспедиции и сразу же, не позже, чем через час, возвращается обратно, в Пулгават Вош. Так что Нятама может отправить с ним своего друга, имеющего срочное дело...

Нятама послал своей знакомой воздушный поцелуй и, глядя на засобиравшегося сразу Карыкура, сказал, что друг обязательно полетит, пусть Лидуша бронирует ему место.

Торопливо переобувшись в прихваченные из дома болотники, надев флотскую форменную «голландку», в которую всегда наряжался, когда выбирался в поселок или город по какому-нибудь важному делу, Карыкур, уже на ходу, инструктировал Нятаму, чтобы тот обязательно проводил Лозара к прокурору и прямо завтра же помог ему выбраться назад, в Самангвош.

Нятама в ответ только согласно тряс своей шевелюрой.

— Можешь не волноваться, земля! Все будет как «вира — майна». Так, что ли, у вас на флоте говорят? Лети, лети по своим государственным делам, ни о чем не беспокойся — все точь-в-точь сделаю, как «вира — майна»!

Едва добравшись до аэропорта — а до него от дома Нятамы было, пожалуй, не меньше версты, — он сразу увидел большой самолет, рядом с которым стояло в ожидании погрузки несколько бортовых машин. Сюда же, к самолету, подкатила окрашенная в зеленый цвет вахтовка с эмблемой геологической экспедиции, из ее кабины вывалился какой-то высокий человек в цигейковой шубе и тут же, властно размахивая рукой, словно рубя воздух, начал давать указания шоферам.

«А не Кулик ли это? — пронзила вдруг Карыкура внезапная мысль. — Не тот ли самый начальник ба-

зы производственного отдела экспедиции, за которого вышла замуж Айнэ?»

Догадка эта больно отозвалась в его сердце — сразу стало как-то не по себе, стыдно. Рядом с этим высоким самоуверенным в себе человеком он вдруг почувствовал себя жалким, приниженным; ведь перед ним был соперник, нанесший ему унижительное поражение... Карыкуру захотелось забиться куда-нибудь, уйти подальше отсюда, чтобы муж Айнэ случайно не узнал его, не посмеялся над ним в очередной раз, как над побежденным. А узнать его, как полагал Карыкур, Кулик вполне мог: что-то, поди, рассказывала о нем Айнэ, а может, Кулик фотографию видел, где они сняты вместе...

И в то же время какая-то сила, какой-то острый ревнивый интерес удерживал Карыкура, помимо его воли, на прежнем месте; он хотел понять, чего же на самом деле стоит соперник...

Он исподволь разглядывал его нос, похожий — верно сказал Лозар — на вздыбленный ветром парус, его узкую, клинышком, бородку, сощуренные глаза и все пытался понять, что же нашла в нем Айнэ такого, что решилась предпочесть ему. В какой-то момент он, наверное, так откровенно уставился на мужа Айнэ, что тот невольно задержал взгляд на незнакомом парне в болотниках и цигейковом пальто, с рюкзаком за плечами. Кажется, хотел было даже направиться к нему, спросить о чем-то, но в этот момент его окликнул один из шоферов:

— Яков Порфирьевич! До какого часа сегодня машину держать?

И пока Кулик — теперь у Карыкура не оставалось в этом никаких сомнений — разговаривал с шофером, он успел скрыться за деревянным зданием аэровокзала, отгороженным от взлетной полосы низким штакетником. Как можно дальше, как можно дальше — лишь бы только не видел его Кулик, лишь бы не догадался, кто он такой.

После разгрузки самолета — а выгружали в основном обсадные трубы и какие-то еще неизвестные зоотехнику железки — Кулик опять забрался в свою вахтовку и укатил; и только тогда Карыкур направился к самолету, на посадку.

На следующий же день, прямо с утра Карыкур уже был со всеми своими пробами в ветеринарной баклаборатории Пулнгат Воша. Оставил он здесь и сверток с тем порошком, что удалось им случайно обнаружить в кузове затонувшей недалеко от буровой машины. Вообще-то на такие анализы уходило до недели времени, но у Карыкура и здесь нашлись однокурсники по техникуму, и он договорился, с кем надо, что анализы ему сделают как можно быстрее.

Результат выдали через три дня: падеж оленей произошел по причине отравления кальцинированной содой. Врач баклаборатории, писавший заключение, пояснил ему, что эта сода, применявшаяся, видимо, в процессе испытания скважины, обладает выраженным соленым привкусом. А поскольку животные, особенно весной, испытывают острый недостаток в соли, то не исключено, что случайно наткнувшись на этот самый порошок, они приняли его за соль. И не успокоились, пока не подчистили все, что было в машине... Наверное, так все и происходило, потому что никаких других причин отравления или следов болезни лабораторный анализ не показал...

В этот же день, получив заключение лаборатории на руки, Карыкур вернулся в Хорамвош. Друга Нятаму дома он не застал, был еще на работе, и встретила его старая Остяр. От нее-то Карыкур и узнал, что Лозар был у прокурора, что уехал он на следующий день, и все бы ничего, да только возник у старика какой-то большой скандал с одним из начальников экспедиции. Что-то кричал тут старик про кладбище его родителей, но крику было так много, что Остяр ничего толком не поняла, сказала, что Карыкуру лучше обо всем расспросить у Нятамы.

Отказавшись от предложенного старухой чая, Карыкур первым делом отправился на почту, чтобы позвонить, как и договаривались заранее, директору совхоза, доложить о результате лабораторных исследований.

Директор оказался на месте, в своем кабинете, и уже это было удачей. Хотя Иван Дмитриевич разговаривал с кем-то по внутреннему телефону, секретарша, узнав голос Карыкура, тут же соединила их, и Карыкур догадался, что Иван Дмитриевич ждал его звонка.

Внимательно выслушав его и поблагодарив за оперативность и находчивость, директор попросил зачитать заключение, какое-то время молчал, видимо, обдумывая решение, наконец распорядился:

— Вот что, Карыкур. Погоди пока возвращаться. Завтра я вылечу к тебе, в Хорамвош. Дело, как видишь, серьезное заваривается. Надо на месте во всем разбираться. Надеюсь, райком будет на нашей стороне... Ты понял меня, Карыкур?

— Понял, Иван Дмитриевич. Жду вас.

Выйдя с переговорного пункта, он взглянул на часы. «По времени Нятаме пора уже быть», — подумал он и заторопился.

Но добираться по улице, сплошь залитой талой водой, было совсем не просто. От многочисленных луж разбегались проворные верткие ручейки, стекались к реке, по берегу которой теснились старые многоквартирные домишки, построенные колхозом в первые послевоенные годы.

Поселок Хорамвош Карыкур изучил вдоль и поперек еще в то лето, когда приезжал сюда перед началом учебного года к Айнэ. Дом Айнэ стоял у самого берега, рядом с длинными амбарами рыбокооп. Вспомнив вдруг этот неказистый домишко, Карыкур невольно приостановился, оглянулся назад. Да, вот он, по-прежнему виднеется в конце улицы, упирающийся в реку...

Внимательно приглядевшись, Карыкур заметил, что из трубы на крыше бывшего домика Айнэ поднимается легкий, еле видный дымок.

«Интересно, кто там сейчас живет? — подумал он, прислоняясь к забору поселкового кинотеатра. — Ведь у Айнэ, как и у меня, из родни — одна только мать... Она уж теперь старенькая... Скорее всего, живет сейчас с дочерью в новом доме экспедиции, у зятя...»

Мысли Карыкура как-то сами собой перенеслись к прежним обитателям этого дома, и, охваченный воспоминаниями, он отвалился от штакетника, а ноги, как-то сами, помимо его воли, понесли Карыкура к месту, с которым связано было так много сладких воспоминаний. У него не было никакой цели — захотелось вдруг просто так, вблизи, взглянуть на бывший ее дом... Когда до него оставалось всего ничего и Карыкур раздумывал уже, не повернуть ли ему назад,

из раскрытых сенок на улицу вышла вдруг мать Айнэ, одетая, как обычно, в легкую ягушку и короткие сапожки. Едва взглянув в сторону улицы, она сразу узнала его.

— Неужто это ты, Карыкур? — окликнула она старческим, мало изменившимся голосом. — Ты, похоже, ко мне... Ну иди, иди — грех от самого порога обратно сворачивать. Зайди в дом. Чайку попей. Поговорим немного, а то какой же разговор на улице? Заходи, если, конечно, зла на меня не держишь...

И Карыкур, сам не зная почему, охотно подчинился старушке, вошел следом за ней в дом. А может, как раз потому и вошел, что жила она не у дочери, и, стало быть, плохо ей было в семье Айнэ, стало быть, сможет Карыкур узнать многое о том, как та живет, и, может быть, снова вспыхнет в его душе надежда...

Не отказался он и от чая — не хотел обидеть старушку. Его подмывало спросить об Айнэ, да как-то все стеснялся, пока старая Туньла сама не пришла ему на помощь.

— Вот так, Карыкур, и мыкаюсь я сама по себе. Потихоньку. Привыкла... Пока еще разгибаюсь... Сперва-то молодой зять в свой новый дом жить пригласил. Ну ты, конечно, знаешь уже — он в экспедиции работает. Как тебе это сказать... начальником он над людьми, что в машинах ездят...

— Слышал, матушка Туньла, слышал.

— Ну и вот... Перебралась вначале. А что? Дом просторный. Вода со всех этих вертушек, как их там...

— Из кранов, наверно, да? — подсказал Карыкур.

— Вот-вот. Вода из кранов бежит — поверни только. Ну, сначала все вроде ничего было. Зять молодой ко мне даже ласков да мягок был, как переспевшая морошка. Или я ничего не замечала, по первости-то... А уж потом, когда с полгода, наверное, прошло, чувствую: косо он как-то на меня другой раз посматривает, молодой-то зять. Ну я уж пожила на земле, мне и говорить ничего не надо — сердце само, значит, чувствует. Он сам-то молчит, а дочка давай мне выговаривать: то, мол, ягушку свою не туда положила, то с кисов шерсть на этих покрывалах, что на полу-то лежат, остается... Ну, дорожки эти... ковровые, да знаешь ты! А то за столом не так села, не так кушаю,

не так вилку держу.— Туньла тяжело вздохнула.— Кой, кой! Сколько всяких замечаний! Не сосчитать. И все чаще да чаще. А то пристали оба — зачем я на полу, бывает, сижу. Ну и сижу, что ж делать, если я всю жизнь на полу сидела? Привыкла так... Целый год я терпела, пока у них однажды даже ссора из-за меня не разыгралась. Мне, конечно, не говорят, из-за чего поссорились, но сердце-то не проведешь, сынок, всем нутром я беду почувствовала. И зять молодой — чем дальше, тем чаще на меня криво поглядывает. Подумала я, подумала, да и убралась от них совсем. Вот так теперь и живу одна. Хорошо, свободно, никто меня не упрекает, никто недовольно не смотрит...

— Да-а,— протянул Карыкур, сраженный откровенностью старухи, и, больше не стесняясь ее, спросил: — А как она вообще... Айнэ... Как с мужем-то живет?

— Ой, Карыкур! При мне вроде неплохо жили, а теперь, люди сказывают, как собаки промеж себя грызутся. Ой, сучковато живут... Думаю, если так дале пойдет — не ужиться им вместе, нет, не ужиться...

— Как так, матушка Туньла? У них ведь, я слышал, дочь растет...

— Да, да, четвертый годок внучке моей Алене пошел, хорошая внучка.

— Ну я и говорю: что же им не жить-то, матушка? Семья у них, дом, ребенок...

— Ой, сынок... Яша-то этот... ну, муж ее... Он так, по первости-то, неплохим вроде мужиком казался, хозяйственным... А только прознали мы тут, что уж была у него близкая девушка. Там, на юге где-то, ну в теплых краях. Вроде бы и жениться на ней обещал. И она за него собиралась, да и то: ребеночек ведь у нее от Яши... Он сюда, к нам приехал, а она родила...

— Да что Айнэ-то, не знала разве об этом?

— Как не знала. Знала. Только уж тогда узнала, когда у самой живот начал расти. Нынче ведь как девушки замуж выходят? Сначала ребенка займет, а потом уже в мозгах начинает копать, о свадьбе думать. Тьфу! — выругалась старуха.— Срам один. Разве ж этому я дочку свою учила?

— Дела-а,— протянул Карыкур.— Ну и как же теперь с той, с первой-то?

— Ой, Карыкур! — всплеснула старуха руками.— И не говори! Она-то ведь тоже сюда приехала — Леной ее зовут.— Старуха запричитала, отвернувшись в сторону: — О, чистое небо, отведи от моей Айнэ свою немилость. Пожалей единственную мою дочь, единственную соломинку... Приехала, значит, эта Лена, права свои заявляет. А Яша-то ее давно уж на моей дочери женат. О, доброе небо! И то спасибо, что вовремя она зарегистрировалась...

— Дела-а,— снова протянул Карыкур. — Как же теперь они дальше-то жить будут?

— И сама не знаю, сама не знаю, сынок.— Туньла горестно вздохнула.— Я-то, когда обо всем этом от людей прознала, совсем к ним заглядывать бросила. Не могу я этого молодого зятя видеть, эдакую рожу бесстыжую! И уж поговаривают люди, будто он, Яша-то, тайком к этой своей, к Лене-то, похаживать начал. Да и то сказать, видела я ее — красотой бог не обидел. Вот я своим старческим умом и смыслю: бросит он мою дочь, ой бросит...

— Да Айнэ-то сама что об этом говорит? — с шевельнувшейся в душе надеждой спросил Карыкур.

— А ничего такого не говорит, сынок, нет, не говорит... Забегала она ко мне, недельку назад. На мужа жаловалась. Издерганный, мол, стал, грубить начал. Поплакала тут у меня. Ну я ее успокаивала, успокаивала. А что поделаешь — какая ни есть, а все родная дочь. Только чем я, старуха, теперь помогу ей? Когда надо было — со мной не советовалась...— И Туньла, допив свою чашку, перевернула ее вверх дном.

А Карыкур, не знавший до сих пор подробностей жизни своей любимой, сидел словно в каком-то столбняке, пораженный рассказом старухи в самое сердце. Впервые, может быть, за все эти годы почувствовал он, что как ни старался забыть Айнэ, вырвать ее из сердца — он по-прежнему, как когда-то, любит ее... Мысли клокотали в нем, как клокочет вода в кипящем котле. Ему хотелось вскочить прямо сейчас, кинуться в поселок, найти этого самого Кулика, и пусть он какой ни на есть начальник — отхлестать его по роже, плюнуть в глаза, сказать: «Убирайся, подлец! Ты

недостойн Айнэ. Разве можно было обидеть такую девушку? Да ее на руках надо носить! А ты? Что делаешь ты? Подлый обманщик!»

Но тут же за этим желанием возникло другое, не менее страстное: он сейчас, немедленно, найдет Айнэ, бросится к ее ногам и скажет: «Смотри, Айнэ, как я люблю тебя! Не то что твой бабник Яша!.. Я тебе все прощаю. Пойдем со мной!» Он даже успел представить, как осторожно подхватывает ее, потерявшую сознание, на руки и навсегда забирает из дома, который принес ей столько страданий, столько мучений...

Он представил себе эту упокительную картину, и вдруг услышал в душе какой-то мрачный, непримиримый голос: «Неужто ты так быстро забыл, как она предала любовь, как растоптала твои чувства? Да разве ж можно такое простить? Подумай-ка как следует...»

Старуха Туньла, видно догадавшись, что происходит сейчас в душе Карыкура, нарушила затянувшееся молчание:

— Сколько раз, Карыкур, говорила я ей: «Не связывайся ты с эгим Яшей! Не нашего он языка человек, не нашей веры. Есть ведь, говорила, у тебя уже парень, зачем же еще кого-то искать?»

«Перестаньте сейчас же! — чуть не закричал Карыкур в голос. — Для меня ваша Айнэ — никто!» Но все же он нашел в себе силы сдержаться, нашел силы выслушивать и дальше бормотание старой Туньлы. А та, убирая со стола посуду, все говорила и говорила:

— Но куда там, разве теперешние девушки к родительскому совету прислушиваются? И как это я, старая, бестолковая, за ее тропой вовремя не уследила! Единственная дочь, кровь родная... А как бы спокойно ей с тобой-то было... — Тут Туньла метнула в сторону Карыкура мгновенный взгляд, словно пытаясь по лицу его понять, есть ли какой прок в ее словах, будет ли еще от Карыкура какая польза ее дочери...

Поняв этот взгляд именно так, Карыкур сразу же поднялся.

— Ладно, бабушка Туньла. Не будем старого ворошить, что было, то прошло. Не воротись. А за чай спасибо. — И, словно какая-то сила выталкивала его

из этого, некогда столь желанного дома, он торопливо вышел на улицу.

Думая о том, что рассказала ему сегодня мать Айнэ, он и не заметил, как дошел наконец до дома Нятамы, не заметил, что тот, в одной холщовой рубашке, с расстегнутым воротом, поджидает его на крыльце.

— Ну где ж ты запропал-то, земля? — вернул его к действительности Нятама. — Где тебя только, чертягу, носит? Бродишь где-то и не знаешь, что некоторые тут без тебя жить не могут! Звонят и звонят, пяти минут не прошло, как последний раз звонили, спрашивали, когда же ты наконец явишься.

— Кому это, интересно, так приспичило, что и тебя покоя лишили?

— А догадайся! — Нятама загадочно улыбнулся, ероша свои и без того всклокоченные волосы. Совсем уже отходя от разговора со старой Туньлой, Карыкур всерьез начал соображать, кому это он мог понадобиться здесь, в поселке, где у него ни родни, ни знакомых, кроме Нятамы. На ум пришел сбивчивый рассказ его матери о стычке Лозара с каким-то экспедиционным начальником, и Карыкур вздохнул с облегчением:

— Это небось из экспедиции? Насчет разграбления могильника?

— А вот и не угадал! Даже близко не лежало, земля!

— Вот собачий узел! — Карыкур был озадачен. — Ну так кто же тогда, говори, не томи!

— Я бы тоже никогда не подумал, даже в голову бы не пришло... — Глядя на расстроенное лицо друга, Нятама решил больше не испытывать его терпение. — Ай-нэ тебе звонила! — И уставился на него, ожидая, какое впечатление произведет эта новость на друга. — Бывшая твоя Айнэ несколько раз звонила...

— Айнэ? — Карыкур было опешил, но тут же взял себя в руки. — Серьезно? Не того, не вкручиваешь?

— Какие могут быть шутки, земля? Позвонила, спрашивала, когда ты домой улетаешь. И рабочий свой телефон дала, и домашний. Пусть, говорит, обязательно позвонит мне.

Взволнованный новостью Карыкур сказал, думая о своем:

недостойн Айнэ. Разве можно было обидеть такую девушку? Да ее на руках надо носить! А ты? Что делаешь ты? Подлый обманщик!»

Но тут же за этим желанием возникло другое, не менее страстное: он сейчас, немедленно, найдет Айнэ, бросится к ее ногам и скажет: «Смотри, Айнэ, как я люблю тебя! Не то что твой бабник Яша!.. Я тебе все прощаю. Пойдем со мной!» Он даже успел представить, как осторожно подхватывает ее, потерявшую сознание, на руки и навсегда забирает из дома, который принес ей столько страданий, столько мучений...

Он представил себе эту упоительную картину, и вдруг услышал в душе какой-то мрачный, непримиримый голос: «Неужто ты так быстро забыл, как она предала любовь, как растоптала твои чувства? Да разве ж можно такое простить? Подумай-ка как следует...»

Старуха Туньла, видно догадавшись, что происходит сейчас в душе Карыкура, нарушила затянувшееся молчание:

— Сколько раз, Карыкур, говорила я ей: «Не связывайся ты с этим Яшей! Не нашего он языка человек, не нашей веры. Есть ведь, говорила, у тебя уже парень, зачем же еще кого-то искать?»

«Перестаньте сейчас же! — чуть не закричал Карыкур в голос. — Для меня ваша Айнэ — никто!» Но все же он нашел в себе силы сдержаться, нашел силы выслушивать и дальше бормотание старой Туньлы. А та, убирая со стола посуду, все говорила и говорила:

— Но куда там, разве теперешние девушки к родительскому совету прислушиваются? И как это я, старая, бестолковая, за ее тропой вовремя не уследила! Единственная дочь, кровь родная... А как бы спокойно ей с тобой-то было... — Тут Туньла метнула в сторону Карыкура мгновенный взгляд, словно пытаясь по лицу его понять, есть ли какой прок в ее словах, будет ли еще от Карыкура какая польза ее дочери...

Поняв этот взгляд именно так, Карыкур сразу же поднялся.

— Ладно, бабушка Туньла. Не будем старого ворошить, что было, то прошло. Не воротись. А за чай спасибо. — И, словно какая-то сила выталкивала его

из этого, некогда столь желанного дома, он торопливо вышел на улицу.

Думая о том, что рассказала ему сегодня мать Айнэ, он и не заметил, как дошел наконец до дома Нятамы, не заметил, что тот, в одной холщовой рубашке, с расстегнутым воротом, поджидает его на крыльце.

— Ну где ж ты запропал-то, земля? — вернул его к действительности Нятама. — Где тебя только, чертягу, носит? Бродишь где-то и не знаешь, что некоторые тут без тебя жить не могут! Звонят и звонят, пяти минут не прошло, как последний раз звонили, спрашивали, когда же ты наконец явишься.

— Кому это, интересно, так приспичило, что и тебя покоя лишили?

— А догадайся! — Нятама загадочно улыбнулся, ероша свои и без того всклокоченные волосы. Совсем уже отходя от разговора со старой Туньлой, Карыкур всерьез начал соображать, кому это он мог понадобиться здесь, в поселке, где у него ни родни, ни знакомых, кроме Нятамы. На ум пришел сбивчивый рассказ его матери о стычке Лозара с каким-то экспедиционным начальником, и Карыкур вздохнул с облегчением:

— Это небось из экспедиции? Насчет разграбления могильника?

— А вот и не угадал! Даже близко не лежало, земля!

— Вот собачий узел! — Карыкур был озадачен. — Ну так кто же тогда, говори, не томи!

— Я бы тоже никогда не подумал, даже в голову бы не пришло... — Глядя на расстроенное лицо друга, Нятама решил больше не испытывать его терпение. — Ай-нэ тебе звонила! — И уставился на него, ожидая, какое впечатление произведет эта новость на друга. — Бывшая твоя Айнэ несколько раз звонила...

— Айнэ? — Карыкур было опешил, но тут же взял себя в руки. — Серьезно? Не того, не вкручиваешь?

— Какие могут быть шутки, земля? Позвонила, спрашивала, когда ты домой улетаешь. И рабочий свой телефон дала, и домашний. Пусть, говорит, обязательно позвонит мне.

Взволнованный новостью Карыкур сказал, думая о своем:

— Ладно, Нятама. Иди в дом, простудишься. Я сейчас буду, воздухом свежим подышу малость...

Да, звонок этот был для него полной неожиданностью. Чего угодно он ожидал, только не этого.

«Зачем я ей вдруг понадобился? Вот черт, история! — мучительно соображал он, сидя на ступеньках невысокого крыльца. — Может, она решила уйти от своего Яши, а я тут как тут? Намекала же сегодня ее мать, что нету у них с Куликом нормальной жизни — и не будет... Да, скорее всего, плохи у ней дела, прижало, если меня вдруг вспомнила. Выхода ищет, мечется, вот и дала телефоны... Надо же, и это после того, что она со мной сделала...»

Ничего другого не приходило ему в голову. Хотя все же было неясно: если она и впрямь захотела уйти от своего Кулика — что же ей мешает-то? Жить ей есть где, мать всегда примет... Нет, тут что-то иное, совсем непонятное... Он, видимо, и впрямь зачем-то здорово ей понадобился, раз она так настойчиво разыскивает. Но вот зачем? Да еще так срочно... Зачем, зачем? — неотвязно стучало в его висках. — Зачем я ей вдруг понадобился?» Он вновь и вновь задавал себе этот вопрос и по-прежнему не находил на него ответа.

И в то же время душу его невыразимо грело удовлетворение — оттого, что минутой этой он хоть как-то отомщен за причиненную ею боль, за растоптанную ею любовь; когда-то он страдал и мучился, теперь пришел и ее черед; самое правильное, что он может сделать — пренебречь ее просьбой и тем самым унижить Айнэ, хоть как-то сквитаться с ней... Но сердце, сердце все еще не переболевшее до конца, оно помимо его воли призывало простить обиду во имя их прежней любви, оно хотело с ней встречи... «А что, если ей нужна моя помощь? — подумал он вдруг. — Мужчина я в конце концов или нет? Раз просит — надо встретиться!»

Придя к этому решению, Карыкур испытал даже какое-то облегчение. И тут же вспомнил о друге, который сейчас терпеливо поджидал его в доме.

— Тебя прямо по стопам преследуют, — встретила его у порога мать Нятамы. — Не успел днем уйти от меня, как тут же телефон забренчал. И знаешь, кто звонил? Айнэ тебя разыскивала, Айнэ!

— Вот-вот-вот,— подключился и Нятама, расчесывавший перед зеркалом свои кудри — никак они не давали ему покоя! — Шибко, видать, ее приперчило: сюда позвонила, мне на работу брякнула...

Тут Нятама умолк, целиком, видно, захваченный борьбой со своей гривой. Карыкур тем временем разделся, повесил на размашистые лосиные рога в прихожей свой полушубок, стащил болотики и, чувствуя, как отходят запарившиеся в резине ноги, подсел к столу. Тут же, напротив, устроился и Нятама, удовлетворенный наконец-то своей прической.

— А теперь готовься слушать в оба, земеля,— сообщил он.— Ты ведь еще не знаешь, какое тут дело с этим твоим бригадиром, с Лозаром заварилось. Умрешь, не встанешь!

— Да-да,— встрепенеулся Карыкур, совсем забывший за своими размышлениями, что хотел расспросить Нятаму поподробнее о визите к прокурору и о скандале, якобы учиненном тут, в поселке старым бригадиром.— Что там произошло-то? Мать твоя что-то попыталась рассказать, да велела тебя ждать — ты, мол, лучше все знаешь.

— А ты не перебивай, земеля, не перебивай. Все расскажу по порядку. Тут такая умора была! Стало быть, слушай. Довел я твоего Лозара до прокуратуры — ну чтобы заявление там свое отдал. Пришли, а прокурора на месте-то и нет. В отпуске, говорят, прокурор. Ну казалось бы, что делать? Развернулись да пошли? Как бы не так! Ты Лозара-то этого лучше меня знаешь — старик давай ругаться, кричит, на все здание слышно. Встал перед секретаршей, заявлением перед ее носом трясет. Как так прокурора нету — кричит — я из тундры приехал, бумагу привез, а его нету! Вот она, бумага, все тут сказано, все мои слова туго расставлены! Они, эти жулики, воры, негодяи кладбище моих родителей разграбили, а ты бумагу у меня взять не хочешь?! Да их, паразитов, за такой грех и без прокурора всех пересажать надо!» Я ему: тише, мол, тише — все успокоить старался. Да разве кто его глотку может перекрыть?! Ох и глотка у деда! — сказал Нятама в восхищении.— На ширину полноводной реки! Прокуратура аж ходуном ходила. Да и у меня, честно скажу, до сих пор от его голоса звон в ушах. Вот небось стадо-то от него шарахается!

Карыкур, вспомнив вдруг, как говорили у них пастухи про Лозаров голос: «Как рот раскроет — чум и лес трясется, на все пастбище отдается», — сочувственно улыбнулся другу, понимая, что тот несколько не преувеличивает.

— Да уж что-что, а голосок у нашего Лозара есть, — улыбнулся он.

— Ну, земля... Лично имел возможность убедиться...

— Вы про старика про этого? — поинтересовалась Остяр. — Я от его разговора чуть не оглохла!..

— Ну они там, в прокуратуре, как поняли, с кем дело имеют, — продолжал Нятама рассказ, — так и забегали все. Ведут в конце концов следователя. А тот переполошился, ничего понять не может. «Что случилось? Почему все здание шатается?» Карыкур представил себе эту картину, расхохотался, а Нятама, довольный, закурил и продолжал дальше: — Он как увидел следователя, твой Лозар — а тот мужик видный, плечистый — и сразу попримолк. Ну, тут и секретарша решила, наверно, затишьем воспользоваться: «Ох, Николай Альбертович, спасите ради бога, скоро уже ушные перепонки лопнут. Вот его заявление, примите уж, пожалуйста, а я потом все, как положено зарегистрирую. Только уведите его отсюда!» — Нятама и сам от души смеялся вместе с Карыкуром. — Ну вот, земля, заходим мы, значит, к следователю, к Николаю Альбертовичу этому самому. Ну, Лозар и здесь своей глоткой весь кабинет заполняет. Пока, значит, следователь его заявление читал, секунды, наверно, не помолчал. Он что у вас — спокойно вовсе говорить не умеет? Ну, прочел следователь заявление, дело, сказал он, очень серьезное, если все подтвердится — виновных накажут по всей строгости — пусть, мол, Лозар не волнуется, ему потом дадут ответ. Ну а Лозар ни в какую. Орет опять — пусть ему сразу ответ дают, чего там разбираться, когда и так все ясно. Он, мол, сейчас должен знать, как этих мерзавцев и паразитов накажут, а иначе прямо из прокуратуры в райком пойдет, найдет там управу и на воров, и на всяких следователей. — Нятама снова рассмеялся. — В общем, и смех, и грех. И знаешь, насилу мы со следователем этого горлопана успокоили! Ну, значит, выходим из прокуратуры, Лозар мрачный, весь

пятнами пошел. «Доказательства им нужны! — ворчит. И мне вдруг: — А ну, проводи меня до поселка геологов... прогуляться хочу». Ты хоть сам-то знаешь, земля, где их поселок находится?

— Знаю, знаю, — кивнул Карыкур. — Верстах в двух примерно отсюда, через небольшую березовую рощу...

— Ну да, правильно. Понимаешь, подальше от нашего поселка стараются строиться. Вот никак в толк не возьму, Карыкур, — отвлекся Нятама от главной тропы их разговора. — Зачем они так сделали, а? У них там электростанция, котельная, магазины, Дом культуры — и все для себя только. А построились бы рядом со старым поселком — и самим хорошо, и нам бы тоже. Ты посмотри, сколько у них одной только техники! Все улицы у нас тут изрыли. А там, где поселок свой строят — там и вовсе в голый песок все превратилось. А ведь какой раньше сосновый бор шумел! На глухарей охотились, ягоды собирали... Да-а, — вздохнул Нятама. — Богатые, ничего им не жалко — ни земли, ни леса... Вроде в газетах столько писать теперь стали, что природу беречь надо... А этим хоть бы хны, гнут свое — и точка. У них тут один деятель был по фамилии Размахов. Интересная фамилия, правда? Заместитель начальника экспедиции. Так вот, задумал этот Размахов неподалеку от нашей зверофермы вертолетную площадку соорудить. Пришел, значит, к нашему директору совхоза. Тот меня вызывает — все же я, как-никак, заведующий зверофермой. Ну я, конечно, против. «Как это можно, — говорю. — У нас же песцы голубые. И так, говорю, нервные, особенно во время гона. А тут вертолеты — гул, треск... Да и пыль летом от вас в сторону фермы гнать будет». А Размахов этот свое долбит. «У нас тут рядом, — говорит, — склады уже построены. Ближе будет к вертолетам материалы всякие подвозить. И место, мол, для площадки самое удачное — высокое, весной не затапливает». Я свое, он свое. Вышел в конце концов из себя: «Вы что, нарочно взялись мешать нам? Да вы понимаете, что такое нефть?! Нефть — это золото. Это большая политика. Вот что такое нефть, а вы с какими-то тут песцами...» — «Пушнина — тоже золото, — отвечает ему наш директор. — Во все времена государству нужна была». Тут Размахов аж

подскочил, чуть не визжит: «Да вы знаете, — вопит, — какой у нас оборот? Тридцать миллионов! А ваши шкурки государству каких-то двести тысяч жалких дают. Что такое эти ваши двести тысяч, когда у нас одна только скважина несколько миллионов стоит! Мы покорители тундры, поняли! А у нас из-за вашей дремучести планы горят! Мы даже минуты вертолетного простоя допускать не должны, площадка нам во как нужна! И мы ее построим там, где решили, потому что это самое подходящее место. Грунт твердый. Весной не затапливает». — «Вот и постройте так, чтобы вас не затапливало, хоть на болоте, — говорит ему директор, — при чем тут ферма?» Ну Размахов хлоп дверью: «В другом месте поговорим! Припомним, припомним вам еще, как не захотели соседям навстречу пойти!»

И припомнил, между прочим. Чуть не в тот же день отключил линию освещения — она от их электростанции питалась, воду из скважины перестал давать — самим, мол, не хватает, сами на подсосе.

— Вот собачий узел! — выругался Карыкур. — И как же вы из положения вышли?

— Вышли, земля. Не сразу, но вышли. Райком помог. Размахов выговор схлопотал. А через полгода уехал, смылся. Вот теперь, говорят, Кулика на это место поставить хотят.

— Кулика?! — Карыкур аж передернулся, услышав это имя.

— Ну да, Кулика. Мужа твоей... ну, бывшей твоей Айнэ. — Нятама замаялся, поняв, что лишний раз зацепил в душе друга больную струну, и поспешил вернуть их разговор на прежнюю тропу: — Что-то мы с тобой того... отвлеклись, кажется. Слушай про Лозара своего дальше. Привел я, значит, его в поселок геологов. Прошлись туда, прошлись сюда. Вижу: приглядывается старик к домам, будто чего-то ищет. Потом спрашивает: «А что, сынок, Кулик — он тоже в этих домах живет, да?» — «Конечно, — говорю. — Вон в той двухэтажке. Напротив Дома культуры». Ну походили еще, он вдруг мне и говорит: «Ты иди, сынок, домой пока. Занимайся своими делами. А я тут по-стариковски потаскаюсь еще. Туда-сюда, в магазин зайду... Может, куплю себе что-нибудь».

— О, — кивнул Карыкур, — Лозар это дело любит.

Тем более что продавцы рады его всегда побыстрее обслужить, без всякой очереди — лишь бы не глушил их своей глоткой.

Нятама рассмеялся.

— Да, земля, похоже на то. Ну вот, значит, я домой — и правда — дела были, а он остался. И часу, наверное, не прошло, слышу, кричит на улице. Да громко так кричит, ругает кого-то. «Господи, думаю, выпил, что ли? В магазин он зайдет, купить себе что-нибудь!» Я на крыльцо. Смотрю, дед наш прет, как танк, по лужам, дороги не выбирая, а сам все кричит: «Ах ты, уголовник! Я тебя завтра к прокурору-то отведу! Не оставлю так это дело!» Идет, а у самого в руках связка сотапов, время от времени поднимает их над головой — чтоб все, значит, вокруг видели. Поднимет и кричит: «Вот они! Нашлись отцовские вещи! Уголовник один могилу ограбил и к себе в дом утащил!» Я, значит, ушел, а старик, как выясняется, тут же на квартиру к Кулику шастанул. Нюх у него, что ли, особый какой?

— Нюх, не нюх, а он еще там, на озере Воянг Тув, додумался, где их искать.

— Да, земля, удивительный старикан! Ну вот, заходит он, а Кулика самого дома нет, одна Айнэ с ребенком. — И опять Карыкура словно током ударило при упоминании этого имени. — Зашел, значит, Лозар, поговорил с Айнэ о том, о сем. И вдруг увидел на стенке связку чехлов с ножами. Ну а как их было не опознать, если на каждом его отец тамгу свою вырезал... Уж он мне эту тамгу раз двадцать потом показал!

— Да ты что?! — подскочил вдруг на стуле Карыкур. — Не может быть! Неужели сам Кулик пошел на такое?

— В том-то и дело, что нет, Карыкур. Лазил не он — это уж потом все выяснилось, не сам — люди его лазили. А от них и Кулику перепало малость. Он, говорят, любит старинные вещи коллекционировать.

— Как же тогда Айнэ решилась отдать их Лозару?

— Да ты что, земля, забыл, что ли, что такое твой Лозар? Я думаю, Айнэ ему все, что есть в доме, отдала бы, лишь бы не слышать его крика...

— Пожалуй, опять ты прав... Ну, и Лозара по-

нять можно — сотапы ведь покойнику были предназначены, как же такие священные вещи в чужом доме оставить?

— Вот то-то и оно, земеля. Сидит он, значит, после этого подвига у меня. Рассказывает, как все было. Вдруг подкатывает вахтовка, из нее Кулик. Не успел еще порог перешагнуть — Лозар как взовьется! И к нему. Орет опять, сотапами у него перед лицом размахивает. Я даже испугался: вдруг, думаю, ненароком глаз ему выбьет. А тот растерялся, пятится и, видать, ничего не понимает, таращится только на деда. Вот уж когда твой бригадир действительно орал, так орал. Слюни изо рта летят, я тебе, кричит, нос прижму, чтобы навсегда забыл, как своим «парусом» туда-сюда вертеть. Все сказал. И о том не забыл, что заявление прокурору оставил. Правда, об этом-то Кулик уже знал. Видно, жена передала, а сама не иначе, как от Лозара проведала, когда он за сотапами к ним заявился...

— Да, это на него похоже, похоже... — кивнул Карыкур.

— Ну а Кулик, как понял наконец что к чему, давай упрашивать старика, давай перед ним извиняться. Сразу и впрямь как болотный кулик стал. Мол, завтра же накажет всех виновных, потребует, чтобы немедленно доставили назад все, что из могилы взяли. Это значит — только бы Лозар заявление свое забрал. Пообещал даже, что, когда нужно будет, прямо на пастбище вертолетом его доставит. Много еще чего сулил...

— Смотри-ка, собачий узел! — подивился Карыкур. — Быстро смекнул, что дело плохо обернуться может.

— Во-во! Враз сообразил, что перегнул полоз нарты. Но, однако, Лозар твой молодцом себя показал. У старика не только глотка крепкая оказалась, но и воля что надо. Чего Кулик ни сулил — дед ни в какую. Напоследок еще больше его напугал: погоди, мол, покоритель тайги, дальше не то будет. Я ладно, а вот Карыкур, мол, еще не так тебе по уху врежет. Олени, мол, около вашей буровой каким-то порошком отравились, на озере Воянг Тув. Карыкур, мол, пробы на анализ повез, и порошок этот ваш захватил...

— Ну и что, интересно, Кулик? — перебил Карыкур друга.

— Кулик-то? Побледнел весь, как бумага. Спросил только, когда ты улетел. А потом сразу ожил, даже усмехаться начал: «Ну, это, мол, еще доказать надо. Мало ли кто мог порошок в тундре разбросать. Сколько, мол, людей теперь там бродит. И геодезисты, и геофизики». Ослабился этак нагло, похлопал нас с Лозаром по плечу, и ушел.

— Значит, говорит, что не боится? Ладно...

— Ну вот... А на следующий день Лозар, прямо с утра — опять к следователю. Следователь сейчас за прокурора, пока тот в отпуске. О чем он с ним говорил — не знаю. Знаю только, что прихватил и те чехлы с ножами.

— Он их с собой увез, — сказала тут мать Нятамы. Она накрывала на кухне на стол и время от времени сновала то туда, то сюда. — Следователь, говорит, просил их оставить, а старик не согласился. И правильно, ребятки. Им там, на кладбище место. Раз были туда помещены — значит, никому трогать нельзя. Пусть вместе с покойниками и гниют.

— Вот и вся история, — закончил рассказ Нятама. — Навел тут шороху твой Лозар.

— И ладно сделал, — убежденно сказал Карыкур. — Нельзя, чтобы такие безобразия с рук сходили!

— Кто ж с тобой спорит, земля! — И Нятама, хлопнув его по плечу, хотел уже было отправиться на кухню, чтобы помочь матери, но, вспомнив что-то, приостановился. — Тьфу ты! Совсем забыл! Как съездил-то? Как анализы?

— Все подтвердилось. Тем самым порошком отравились, кальцинированной содой.

— Ну и что же дальше будет?

— Дождусь директора своего, Ивана Дмитриевича. Завтра должен прилететь. Пойдем в райком партии.

— Ну и молодцы, что раскрутили эту историю, — потрянул своей гривой Нятама. — До конца только доведите...

— Доведем, не беспокойся!

За ужином друзей потянуло на воспоминания. Припомнили однокурсников, забавные случаи из студенческой жизни. Когда дошел черед до преподавателей, в первую очередь, конечно, помянули Давида Ричардовича, который вел у них эпизотологию и анатомию животных. Вот уж где действительно было что вспомнить, над чем посмеяться. Давид Ричардович отлично знал свои предметы, излагая материал, он ни разу за все время не заглянул в какую-нибудь шаргалку; отличался какой-то прямо-таки болезненной пунктуальностью, и не было случая, чтобы он поступился им же самим установленными требованиями. Мог за одно слово — и такое бывало — поставить «пятерку», а мог, внимательно выслушав долгий и гладкий ответ, вlepить «пару». И был у Давида Ричардовича пунктик: никогда не приступал он к занятиям, если в классе валялся хоть один клочок бумаги. «Порядок должен быть во всем!» — любил повторять он.

Сообразительные студенты вмиг поняли, как можно извлекать для себя выгоду из всех этих достоинств пожилого преподавателя. И если кто-то являлся на занятия неподготовленный, он, естественно, старался намусорить, прекрасно помня о том, что Давид Ричардович обязательно заставит наводить порядок. И тот, конечно же, заставлял; студенты нарочно не спешили с уборкой, и за это время кто-то успевал прочесть то, что не успел дома, хоть как-то подготовиться к ответу.

Был и еще один, не менее эффективный метод. Зная, что Давид Ричардович перед тем, как вызвать, обязательно спросит, кому что непонятно из заданного на дом, студенты заранее готовили ему массу вопросов, даже если все понимали прекрасно. И преподавателю, вместо того, чтобы вести опрос, приходилось самому отвечать на вопросы студентов... Как бы то ни было, но таким путем удавалось частенько спастись от неминуемых «двоек».

Заодно Карыкур рассказал, как встретился в этот раз с Давидом Ричардовичем в Пулнгат Воше. И что самое удивительное, когда Карыкур поведал ему о причине своего приезда, о массовом отравлении оленей, старик сразу же догадался, что дело, скорее всего, именно в кальцинированной соде. «Буровой там поблизости нет? — первым делом спросил он. А узнав,

что была там буровая, пожурил Карыкура: — Эх, студент, студент! Разве не помнишь, сколько я вам твердил именно об этом типе отравлений?»

Друзья долго бы еще сидели за столом, если бы их беседу не прервал вдруг резкий сигнал телефона. Сердце у Карыкура екнуло. «Неужели она? — пронеслось в голове. — Поздно ведь уже, девятый час...»

Предчувствие не обмануло его.

— Айнэ,— сказал Нятама, поднявший трубку.— Тебя просит.

И опять словно электрический разряд пронзил все его существо...

«Господи, Айнэ... Неужели я опять услышу ее голос? Ее звонкий, как у снегиря, голос... Интересно, остался ли он прежним...»

— Да ты что, в самом-то деле, Карыкур! — вернул его к действительности Нятама.— Иди, бери трубку, она ждет. Или ты с ней говорить не хочешь?

Карыкур вдруг резко уперся руками в столешницу, оттолкнулся от нее, словно без этого ему и вовсе не встать, подрагивающими пальцами взял трубку и едва приложил к уху, как сразу услышал ее голос: «Алло, алло! Это ты, Карыкур? Ты?!»

Он даже задохнулся от волнения, сердце вдруг дало сбой, казалось, собралось вылететь из груди на легких крыльях... Нет, нисколько, нисколько не изменился ее голос — он был все такой же звонкий; какая-то пелена застлала вдруг глаза, задыхаясь, он подумал, что надо бы хоть что-то сказать в ответ, но ему не хватало воздуха, язык словно окаменел; казалось, он совсем не может пошевелить им. А в мембране по-прежнему настойчиво звучало: «Алло, алло, Карыкур! Это ты, Карыкур?! Ты что, не слышишь меня?»

Одолев наконец охватившую его слабость, Карыкур кое-как сумел выдать:

— Да, я. Что случилось?..

— Это ты, Карыкур? Ну, здравствуй! — облегченно вздохнула она.

— Здравствуй,— мало-помалу приходя в себя, отзывался он.— Мне сказали, ты искала меня. Слушаю.— Карыкур крепко, до боли притиснул трубку к уху, словно боясь, что слова ее долетят до кого-то другого; он жадно вслушивался в звуки ее голоса,

мучительно пытаюсь по интонации, по еле доносившемуся до него дыханию понять — сохранила ли она в душе хоть частичку прежнего чувства к нему.

— Мне нужно встретиться с тобой, Карыкур. — Она была явно чем-то взволнована. Айнэ помолчала, видно, ожидая его реакции, но Карыкур все не отзывался, и тогда она повторила настойчиво: — Очень нужно. Ты понял?

— Зачем?

— Очень надо, Карыкур. У меня к тебе важный разговор.

— Что за разговор? — все еще надеясь на что-то, тупо переспросил он.

— Ну, это не по телефону... — Опять она замолчала, чего-то ожидая от него, но он упрямо не отвечал, ждал. И тогда Айнэ заговорила снова: — Я хочу с тобой обязательно встретиться. И сегодня же. Прямо сейчас. Ведь ты, как я поняла, завтра улетаешь?

— Завтра? Нет, завтра не улетаю.

— Как не улетаешь? А мне Нятама сказал, что завтра...

— Нет, я пока побуду здесь, в поселке. Директора своего дождусь.

— Директора? — с тревожным удивлением переспросила она. — Зачем?

Обостренным своим слухом Карыкур разобрал сейчас, что последние его слова чем-то встревожили Айнэ, насторожили ее. Но успокаивать он не стал, ответил:

— Надо. Это тоже не для телефона разговор. — На том конце провода возникло какое-то замешательство, Айнэ опять замолчала, теперь надолго — словно она судорожно решала что-то, обдумывала.

— Хм... — Донеслось до него наконец. — Ты какой-то не такой стал, Карыкур...

— Что значит — не такой?..

— Какие-то у тебя теперь секреты, что-то утаиваешь от меня... Впрочем, это дело твое... Мне же надо от тебя одно: я обязательно должна с тобой встретиться. — Голос ее вдруг стал слишком уверенным, твердым — видно, догадался Карыкур, все у нее было решено и обдумано заранее. — Ты ведь в доме Нятамы не один? — спросила она. — А нам бы наедине

надо поговорить. Думаю, лучше всего это сделать в моей квартире. Согласен?

К такому предложению, надо сказать, Карыкур был совсем не готов... Чего угодно он ожидал, но только не этого... Как понять эти ее слова?..

А Айнэ, очевидно, истолковав его долгое молчание по-своему, быстро заговорила опять:

— Ах да, господи, какая я недогадливая! Ты же понятия не имеешь, где я живу... Ты знаешь что? Ты приходи к Дому культуры геологов — это как раз возле моего дома. А я буду ждать — увижу тебя в окно и тут же встречу. — Он вдруг разозлился: отчего это она заранее уверена, что у него не может быть никаких возражений, что он побежит к ней, как собачонка, и все будет так, как ей хочется. А она, и на сей раз поняв его молчание по-своему, опять заговорила, не дожидаясь ответа: — Ты что, из-за мужа сразу не соглашаешься? Так ты об этом не думай — его дома нет. Еще вчера на буровую уехал, вернется только завтра. Так что никто нам не помешает. Приходи, а?..

Она, значит, считает, что он должен умирать от счастья и мчаться к ней сломя голову... А ведь он и впрямь собирался сказать, что не сможет, что не имеет никакого желания видеть ее мужа... Он лихорадочно соображал, что должен теперь делать, но мысли, словно вода, застрявшая в горловине резко опрокинутой бутылки, не шли в голову. Так что же, выходит, он и на самом деле готов бежать, как собачонка, на первый ее зов? «Но только не там, — лихорадочно подсказывало ему сознание. — Только не там, — отступивало возбужденное сердце. — Там — это значит еще раз унижить себя». И вдруг он вспомнил берег реки, высокую ель, под которой они в то памятное лето провели не одну ночь... Да, если встретаться, то только на их бывшем месте!

— Нет, у тебя я не могу, — решительно отрезал он. И чувствуя, что она готова возразить, повторил почти грубо: — У тебя не могу, и все. Прежнее место помнишь?

— У высокой ели, да? — переспросила она с заминкой. — Хорошо. Сейчас договорюсь с подругой, чтобы присмотрела пока за ребенком. Жди меня через полчаса — минут через сорок... — И в трубке послышались короткие гудки.

Когда Карыкур, вконец измотанный разговором, вернулся на свое прежнее место за столом, Нятама слышавший, очевидно, какую-то часть его слов, сказал с усмешкой:

— Что, земеля, договорились увидиться? Ну молодцы! Влюбленные встречаются вновь... всего через пять лет...

— А ну кончай, Нятама, — резко оборвал его Карыкур. — И так тяжко...

— Да ты что, в самом деле, тоску-то на себя нагоняешь, а? — Плюнь на все — сорви свое, и пусть знает... Ей-богу... Ты вспомни только — не успел в армию уйти, а она уже и замуж выскочила. Возьми свое — и будешь прав, понял? — Нятама прошелся по комнате, сложив на груди руки, потом остановился напротив Карыкура. — Ты хоть сам-то догадываешься, земеля, для чего она на свиданку напрашивается?

— Ну для чего, по-твоему? Говори, если уж такой умный!

— Э, брат, да тут все белыми нитками шито! Земля, знаешь, слухами полнится. Моя знакомая-то, ну которая в аэропорту работает, она с Айнэ в одном доме живет, понял. Так вот, я кое-что через нее знаю...

— Ну что, что ты знаешь? — нетерпеливо перебил его Карыкур.

— Скажу, не волнуйся так. Давно говорят люди, что у Айнэ не гладко с Куликом жизнь-то складывается. Тут такая история вышла... Приехала одна — а у нее тоже от Кулика ребенок... У них с Айнэ такие скандалы из-за этой Лены — будь здоров! Ты, конечно, ничего про эту Лену и слышать не слышал...

— Да слышал я, слышал! — оборвал его Карыкур. — Ладно, Нятама. Как друга прошу — помолчи. Это только мое дело, больше ничье.

— Так ты же сам просил: скажи да скажи. Вот я и сказал...

И Карыкур, внимательно посмотрев на обиженное лицо друга, укорил себя за грубость: при чем здесь Нятама-то!

— Ну ладно, не сердись на меня, — как можно мягче сказал он. — Так, сорвалось. Вовсе не хотел с тобой ссориться...

И давая всем видом понять, что в разговоры все

же вступать не намерен, Карыкур вышел из-за стола и начал одеваться.

Шел уже десятый час, но на улице было совсем светло. Лучи солнца, зацепившись подобно оленьим вожжам-оккелам за верхушки деревьев прибрежной тайги, струили неяркий свет по всей окрестности, лениво лизали холодную воду разлившейся в одночасье реки. С юга потягивало слабым теплым ветерком.

То и дело поглядывая на часы, Карыкур торопился к тому месту, где на мысу, окруженная со всех сторон молодыми кедрами, стояла их с Айнэ вековая ель. Похоже, Карыкур в то лето первым заметил это идеальное для свиданий место, потому что тогда никто их не потревожил там ни разу...

«Интересно, — машинально думал сейчас Карыкур, пробираясь в своих болотниках по узкой кромке обрывистого берега, уже освободившегося от снега. — Назначал там свидания еще кто-нибудь? Наверное назначал — не я же один глаза имею. — И вдруг едва не оторопел. — А что, если там уже сидит кто-нибудь? Как тогда? — Но оглядевшись вокруг, он успокоился: кто же будет назначать здесь свидания в такое время года? Снег еще толком не сошел, холодно... Ну, а если все же кто-то уже сидит — посмотрим, там и будет видно...»

К высокой ели он подходил осторожно, чуть ли не крадучись, а подойдя, вздохнул с облегчением: никого на их месте не было. Вообще сюда, видно, давно уже никто не приходил — только лыжники когда-то оставили свой след, еле заметный теперь на оттаявшем, почти сером снегу — видно, давно, в самый разгар зимы, приближались они к стволу могучего дерева, чтобы отдохнуть.

...Еще тем летом Карыкур, чтобы удобнее было им с Айнэ коротать ночи, приволок сюда обрубок толстой, почти в обхват взрослого человека, лиственницы, пристроил рядом с елью. К немалому его удивлению, плаха эта еще сохранилась, — правда, стояла она теперь с другой, южной стороны ели. Карыкур поднатужился, переставил ее на прежнее место.

«Пусть все будет, как раньше, — тихо сказал он себе, усаживаясь на этот обрубок. Стащив с головы неблюевую шапку, он прислушался: не идет ли Айнэ? Но ничего похожего на ее шаги не услышал и поду-

мал: — Рано еще. Сказала ведь — ребенок один останется, с какой-то подругой договариваться будет...»

Сидя на том самом месте, где оба они, влюбленные, верящие в счастливое будущее, проводили, обнявшись, ночи, он в нетерпении дожидался прихода своей Айнэ. Что-то она ему скажет на этот раз?

Сколько же горячих, вырвавшихся из самых глубин его юношеского сердца слов было произнесено им здесь! Какие планы строили они под этой могучей елью, как все красиво и легко получалось у них тогда. А сколько раз клялись они в вечной любви под шорох широколапых ветвей, переборовших за долгую жизнь все ветра и бури, затяжные дожди и долгие снегопады!

«Только эта могучая ель и помнит, наверное, те слова. — подумал сейчас Карыкур, скользя взглядом по закрывшим от него небо могучим зеленым ветвям. И тут же поправился: — Ну почему же только она? А я? Разве я забыл эти слова, забуду когда-нибудь? Нет, не забыл и не забуду... Иначе разве пришел бы сюда, разве сидел бы здесь в ожидании?.. — Он тяжело вздохнул, потер пальцами горячий лоб. — Это только она, Айнэ, забыла, только у ее сердца память оказалась короткой, как олений хвостик... — Томясь ожиданием, вновь и вновь прикидывал Карыкур, какие причины могли заставить Айнэ искать с ним встречи — искать так настойчиво, даже навязчиво... — Может, действительно несладко приходится ей с Куликом? У него другая женщина, Айнэ разочаровалась в нем... Разлюбила, а теперь хочет искать любви у меня?.. Просить прощения?.. — Но стоило ему подумать об этом, как старая обида, ревность вмиг запылали в его сердце с такой силой, что он даже застонал. — Не выйдет, Айнэ! Не рассчитывай, не получишься!.. — шептали его губы. — После всего, что у нас произошло? Нет!..»

Но одновременно жила в его мозгу и другая мысль, все больше давала о себе знать, становилась, подобно туеску, в который мало-помалу собирают ягоду, все тяжелей и весомей, и сердце переполнялось томительным ожиданием чего-то, пока еще неясного ему самому... И если б он умел это томление переложить в слова, то понял бы, что живет сейчас минутой своего торжества, удовлетворения от того, что наконец-

то его любовь, его большое чувство взяло верх в сердце Айнэ, что все же она поняла, где истинная любовь, а где подделка...

«Да,— уверил он себя наконец,— скорее всего, она хочет сказать, что все еще любит меня. Только так. А иначе, разве может замужняя женщина позволить себе пойти на такую встречу?»

До слуха его долетели вдруг легкие шаги, звук которых доносился издалека, со стороны восточной разлившегося узкого ручья, протекавшего рядом с поселком экспедиции.

«Она!..— радостно мелькнуло в его голове.— Только она так мягко ступает. Как соболь». От волнения он зачем-то начал искать свою шапку, напрочь забыв о том, что держит ее в руке; в конце концов он все же обнаружил ее и тут же нахлобучил на макушку, чтобы хоть как-то скрыть давно не стриженные волосы.

Не в силах больше ждать, он вскочил с чурбана и теперь переминался с ноги на ногу, не зная как быть: то ли пойти ей навстречу, как он делал когда-то, то ли дожидаться ее здесь, не показывая своего нетерпения...

Наконец на оттаявшей тропке появилась она — в темной кроличьей шубе, порковой шапке, модных сапожках.

— Ты уже здесь? — сказала Айнэ таким тоном, что стало ясно: она и не сомневалась в этом ни на секунду. Уверенно глядя ему в глаза, она подошла совсем близко, сняла перчатку, протянула руку: — Ну, здравствуй!..

Но Карыкур, не замечая этой руки, впился, подавшись вперед, в ее черные блестящие глаза; впился, пытаясь понять по этим глазам: прав ли он был в своих догадках, любит ли его Айнэ до сих пор... Только разобравшись в этом, понял бы он, как должен вести себя дальше: то ли и впрямь пожать ее маленькую руку, то ли, как было когда-то, обнять крепко-крепко и прикинуть к ее губам...

— Здравствуй, Карыкур! — уже громче повторила она, все еще протягивая руку.— Я говорю — здравствуй!

— Здравствуй, Айнэ!.. — выдохнул Карыкур.

Он видел, как она потупилась, не выдержав его долгого пронизывающего взгляда, как подрагивает ее рука, и больших усилий стоило ему сейчас не ки-

нуться к ней, как когда-то... Он был словно в каком-то тумане, не понимал, что говорит, что делает, и несканно удивился, когда она вскрикнула вдруг:

— Ой! Руку... все пальцы раздавил!..

Как ни странно, этот ее вскрик вывел его из оцепенения, он отпустил ее, и, совсем уже приходя в себя, сказал еще раз — теперь уже почти спокойно:

— Здравствуй... — Зачем-то поправил шапку, хотя в этом не было никакой необходимости, и совсем тихо, словно убеждая самого себя, добавил: — Вот мы и встретились с тобой... А ведь я уверен был, что никогда больше тебя не увижу...

— И я тоже... — быстро откликнулась Айнэ, видно, так же остро ощущая необычность этих первых минут их встречи. Она попыталась покровительственно улыбнуться — то, мол, было детство, а теперь у нас, у меня, по крайней мере, взрослая жизнь — но улыбка получилась какой-то вымученной, жалкой, и Карыкур сразу отметил: помнит, не удастся ей забыть своей вины перед ним. — Но ведь встретились же, Карыкур... На том же самом месте... На нашем...

Каким все простым казалось ему, пока ее ждал! Увидят друг друга, и все, как с горки, покатится само собой: он изольет ей свои горькие упреки, расскажет, как страдал, как мучился все эти годы, а она в ответ начнет виниться и каяться, объяснит в откровенном разговоре, который уже сам по себе сблизит их, почему она с такой легкостью забыла его, забыла их клятвы, не сдержала своего слова... Но увы, все было совсем не так, и чем дальше, тем очевиднее становилось, что ничего этого у них не будет — ни объяснений, ни прощения, ни возврата к прошлому... Айнэ, словно разгадав, что творится в его душе, заговорила смело:

— Ну что ты молчишь, Карыкур? Ни о чем не спрашиваешь...

— О чем, Айнэ?... После всего?... О чем мне теперь еще спрашивать?..

— Ну как знаешь, Карыкур... Я думала, что должна тебе кое-что объяснить... Или тебе это совсем не нужно? — Она, как когда-то, уставилась на него своим заволаживающим, не раз вгонявшим его в смущение взглядом. — Не хочешь, чтоб я объяснила? А сам — тоже ничего не хочешь сказать?

Карыкур, как и прежде, не выдержал ее взгляда, отвел глаза и устало проговорил:

— Нет, почему же... Если так хочешь — говори, спрашивай...

— Ну что ж, слушай, — короткими, шаркающими шажками, она подошла к плахе, которую казалось, только теперь заметила. — Ой, Карыкур! Вроде тот же самый чурбак... наш! Верно?

— Да вроде бы.

— А я, пожалуй, сяду. Так мне легче будет... говорить. — Она уселась, аккуратно расправив под собой шубку, бросила на него мгновенный взгляд, словно проверяя, покорен ли он еще ее власти, томно шурясь, подставила лицо лучам уходящего солнца и ровным, спокойным голосом, словно произносила что-то заранее заученное, отрепетированное, сказала:

— Не знаю, поймешь ли ты... Хотелось бы, чтобы понял... Не могла я иначе, Карыкур. Может, с твоей точки зрения я и не совсем права, но ты постарайся понять... Вот ты уехал, а я сижу здесь, жду тебя...

— Год какой-то всего и ждала, — перебил Карыкур; он вдруг почувствовал, что ноги плохо держат его, поспешил прислониться к стволу ели.

— Ну ладно, пусть год. Но пойми — тебя нет, жизнь идет... А тут я нового человека встретила — яркого, необычного. Я пыталась перебороть себя. Не смогла... Может быть, если бы ты был рядом...

— А то, что я любил тебя, письма чуть ли не каждый день писал — это для тебя ничего не значило, да? — не выдержал Карыкур. — Хотя... — Он махнул рукой. — Конечно, не значило, если тебе лень было даже отвечать.

— Ты только потише, не шуми так. От крика твоего ничего не изменится. Письма... Ты что, забыл, что я тогда на пастбищах работала? В тундру часто ездила, неделями, а то и месяцами там пропадала?..

— Пропадала она... — уже тише пробормотал Карыкур с горечью, хотя и понимал, что здесь Айнэ, пожалуй, в чем-то права.

— А потом я, Карыкур, Яшу встретила... Полюбили друг друга...

— Полюбили! — буркнул Карыкур. — Полюбили, разлюбили. Поменяла одного на другого, как перчатки! Ну и где же тут любовь-то?

— Не надо так, Карыкур,— мягко, как мать неумышленного ребенка, остановила его Айнэ.— Пойми ты. В жизни ведь все непросто. Даже в книгах об этом пишут, в кино показывают.

— Да что мне кино?! Что книги?! Ведь ты же клялась мне. Под этим вот деревом! — Не в силах сдержаться, Карыкур чуть не кричал на Айнэ, размахивая рукой.— На этой вот плахе клялась...

Айнэ долго молчала, и Карыкур подумал даже, что пронял ее своими неопровержимыми доводами, фактами, свидетелями которых были и он, и она, и это высокое дерево, и неширокая речка, готовая вот-вот взломать свой ледяной панцирь. О какой любви может она говорить! Но Айнэ вдруг спокойно поправила свою норковую шапку, затолкала под нее волосы с висков и снова сказала:

— Господи, что ты заладил, Карыкур! Неужели ты не можешь понять: так получилось. Ну не могла я унять свое сердце. Ты что, разве не знаешь, что бывают минуты, когда чувства не подчиняются разуму. Вот я и полюбила его.— Она вдруг взглянула на него так неприязненно, что он, готовый сказать ей еще не одно резкое слово, вдруг осознал, насколько это бессмысленно.

— Ладно...— снова взмахнул он рукой.— Чего тут толковать-то.— И решительно напомнил о том, из-за чего он, собственно, здесь и находился: — Ты зачем пришла-то? Говорила, что дело какое-то у тебя серьезное...

— Ах да, Карыкур. Что-то мы все не о том...— Она положила ногу на ногу и обхватила колени руками.— Я ведь вот зачем тебя позвала... Я хотела...— Теперь она делала после каждой фразы долгие паузы, словно никак не решаясь произнести что-то очень для нее важное, словно хотела заранее угадать, как он к этому отнесется. Она вдруг снова пристально посмотрела на него, и не было теперь в ее взгляде неприязни, а было выражение какой-то растерянной робости и, как показалось Карыкуру, мольбы.— Я хотела... хотела... тебя, Карыкур, просить об одном одолжении,— почти шепотом наконец выговорила она.

— Каком? — сразу же насторожился он.— Какое одолжение?

— Это, Карыкур, с оленями связано...

— С какими еще оленями? Ведь ты же давно в стадах не работаешь.

— Да нет, ты меня неправильно понял — я о твоих оленях... Ну о тех, которые возле буровой отравились...

«Тебе-то что до этих оленей, Айнэ?» — чуть было не сказал он, и вдруг в одно мгновение в голове у него прояснилось, все стало наконец на свои места: господи, да она же из-за Яши прибежала, из-за Кулика этого, своего мужа! А он-то: любовь, клятва! Тьфу!

Бросив на нее ненавидящий взгляд, Карыкур тут же отвернулся. Да, теперь стало окончательно ясно: она назначила свидание только ради мужа, и ради мужа готова была даже принять его в своей квартире...

«Странно только, почему он прислал ее, зная, очевидно, что у нас с ней было? — спросил он вдруг самого себя. — Выходит, у него, у Кулика, рыльце в пуху? Он тоже причастен к гибели оленей? Причастен и, видно, всерьез — иначе с чего бы ему так беспокоиться... Надо же, на что жену послал... Ну и сволочь! Ну и подлец! Тут он вспомнил слова Айнэ, что муж укатил на буровую. Вот почему, наверное, и попросил Айнэ — боялся потерять время. Да, похоже этот знаменитый Яша крепко во всем замешан. Интересно, с какого же бока? — думал он, пытаюсь разгадать загадку. — Хм... И значит, я теперь должен помочь ему? Как бы не так! Да разве за этим я сюда шел? Я-то считал... считал...»

А Айнэ теперь, когда первое слово было сказано, больше не чувствовала, как минуту назад, никакой неловкости и действовала смело и напористо.

— Ты ведь в Пулягават Вош из-за павших оленей ездил, правда?

Но он настолько ушел в свои размышления, что не сразу и расслышал, что говорит ему Айнэ.

— Карыкур! — дернула она его за рукав. — Да ты что, не хочешь, что ли, мне отвечать? Не хочешь, да?

Карыкур взглянул на нее непонимающим взглядом. «Ах да! Она же, кажется, спросила, зачем я в город ездил». Ответил уклончиво:

— Может быть и из-за оленей... А ты-то откуда знаешь?

— А уши для чего? Ваш этот, горластый, сказал. Лозар. Вот я, Карыкур, и пришла узнать: олени, что — и в самом деле отравились?

— В самом деле, — с каким-то даже злорадством ответил ей Карыкур. «Ну и что, — думал он, — что он даст тебе, мой ответ? Картина теперь ясна, результатов анализа не изменишь ни ты, ни твой Яша... Но чего же тебе все-таки надо? Об этом — зачем ездил да каков анализ — вполне можно было спросить и по телефону. Значит, что-то еще. А что? Неясно. Непонятно...»

— Я тебя, Карыкур, вот о чем хочу попросить, — Айнэ, будто в волнении, терла пальцами лоб, словно как следует обдумывая самое важное; но он вдруг поймал на себе ее острый, брошенный исподтишка взгляд и понял, что все у нее давно обдумано и решено. — Ты можешь сказать, что этот самый порошок нашел не в кузове?

— Как не в кузове? — переспросил Карыкур. — Что-то не понял.

— Ну не в брошенной машине, а скажем, где-то еще... Разве мало места вокруг буровой? Да вся лесотундра — конца и края не видно.

— Опять не понял, Айнэ. Во, собачий узел, что-то никак в толк не возьму. Какое это теперь имеет значение? Олени-то все равно отравились...

— В том-то и дело, Карыкур, что имеет значение. Для меня — даже огромное.

— А ну, объясни толком...

— Если в кузове — значит, Яша... мой муж отвечает. А если еще где-то, тогда, Карыкур, другие люди виноваты будут. А других много — концов не найдешь. Попробуй-ка разберись — в экспедиции вон сколько народу. Не одна буровая. Поди, отыщи виноватого...

— Интересно, Айнэ, говоришь. Интересно. — Карыкур пристально посмотрел на нее. — Еще раз, пожалуйста, растолкуй мне, что меняется, если порошок обнаружен не в машине?

— Ой какой же ты непонятливый, Карыкур. Как и раньше... Если не в машине — тогда Яшу никто не сможет объявить виноватым.

— Яша... Яша... — повторил он несколько раз с издевкой и злостью. — Все равно не пойму, при чем тут

твой Яша. Он что, шофером работает? Он, я слышал, у тебя какой-то начальник, нет?

— Все правильно ты слышал, Карыкур,— сказала она с гордостью.— Начальником базы производственного отдела. За все перевозки на буровых отвечает.

— Ах, вот оно что...— Карыкур прошелся взад-вперед под елью; Айнэ не спускала с него ждущего взгляда.— Яша, значит, начальник... Я слышал, его теперь еще выше хотят посадить. Повыше этой ели...

— Ну хватит паясничать, Карыкур. Дело слишком серьезное.— Айнэ резко встала с бревна, подошла вплотную и сказала, требовательно глядя ему в глаза:— Ты должен помочь мне, Карыкур. В той машине, ну где остался порошок этот, вместе с шофером и Яша мой ехал.

— Ну вот, теперь мне все ясно. Вот где, значит, собачий узел завязан...

— Что тебе ясно-то? Он ни в чем не виноват! Он мне рассказывал: выехать им пришлось ночью, выюга была сильная. Не успели отъехать — застряла одна машина у какого-то там ручья, провалилась. Ну возились они, возились — так вытащить ее и не смогли. А надо ехать — последний рейс, работы на той буровой закончились. Вот и пришлось ее бросить. Не веришь — можешь сам у Яши спросить...

— Значит, бросили они ту машину...

— Яша объяснил: старая уже машина, чуть ли не списанная.

— Ну да, старая... Стало быть, и машину бросили, и все что в кузове было.

— Ну почему же. Яша говорил, они вроде все от туда забрали, на другую машину перегрузили. Но ведь выюга, ночь — могли этот порошок случайно и не заметить.

— Случайно,— зло передразнил Карыкур.— Все у них случайно. А из-за этой случайности вон сколько оленей перегибло! — Он опять начал размахивать от волнения руками.— И все из-за Яши твоего, из-за растяпы! Все из-за Кулика этого, болотной птицы... Да ему-то что? Прокричал на одной кочке — на другую перелетел.

— Не смей! — закричала Айнэ.— Не смей оскорблять человека! Он муж мой.

— Муж! — весь передернулся Карыкур. — Хорош муж, который двух жен имеет!

Кровь отлила от лица Айнэ, оно перекосилось от ненависти.

— Да как же ты... Какой же ты, оказывается, злобный, низкий! — Она резко рванулась к нему, будто собираясь ударить. — Прекрати про это, я тебе запрещаю, слышишь! — И вдруг вся сникла, торопливо отвернулась от него и, поднося руки к лицу, медленно пошла к чурбаку. — Это только мое дело, Карыкур... Мне с ним жить...

— Да захочет ли он жить-то с тобой? — Карыкур понимал, что зря говорят все это, не то говорит, но ничего не мог с собой поделать. — Возьмет да еще и третью жену себе найдет. Долго ли ему... Ты вроде тихая, смиренная. Да еще хантыйка. Не то что та — Лена, кажется, зовут. Та ученая, знает, как за себя постоять...

Если бы Карыкур хотел именно этого, то мог бы считать, что своего добился: слова его задела Айнэ за самое больное место. Видно, она и сама не однажды думала об этом, мучилась. Сердце ее не выдержало — она разрыдалась, худенькие плечи вздрагивали. Видно было, что она старалась сдержаться, но ей это не удавалось — он слышал всхлипывания, какие-то тоненькие ноющие звуки.

Но вовсе не этого добивался Карыкур, ему ведь хотелось сделать больно не ей — ее подлому Яше... Он готов был броситься к Айнэ, успокоить ее, приласкать и обнять, посадить на колени и утешать, как маленькую. Но это было невозможно, и он, чтобы не смотреть на нее, плачущую, отошел за ствол ели, отвернулся, ожидая, когда она придет в себя.

Тронутый слезами, Карыкур готов был простить ей все — если бы она, конечно, попросила сейчас у него прощения...

Полагая, что после такой душевной встряски Айнэ будет счастлива вспомнить то время, когда они встречались, горячо любили друг друга, строили планы на будущее, он уже собирался подойти к ней, сесть рядом и заговорить о прошлом, как она вдруг резко подняла голову, отыскивая его взглядом. К удивлению Карыкура, она справилась со своей слабостью довольно быстро. А когда он решил, что может, не смущая

ее, посмотреть ей в лицо, Айнэ уже спокойно утирала слезы с бледных щек и слегка покрасневших глаз.

О, это была уже совсем другая Айнэ: не та, жалкая, раздавленная, которая только что сидела и плакала, а та, прежняя, уязвленная непрошеным вторжением в ее нелегкую личную жизнь. И тем прежним голосом она вдруг сказала:

— Ну так что, Карыкур, как мы решим?

Он замаялся, ошеломленный таким оборотом, не нашел сразу, что ей сказать. Тогда Айнэ, не дождавшись ответа, спросила в лоб:

— Может, все-таки договоримся, а?

— О чем? — глупо уточнил Карыкур, хотя прекрасно уже понял, чего она хочет.

— Да все о том же... Скажешь, что порошок нашли не в кузове, а где-то еще. Только и всего. Тебе это никакого труда не составит, а поскольку ты единственный свидетель...

— Как это — единственный? Со мною же Лозар был, Айнэ!

— Ну и что с того? Его никто и спрашивать-то не станет. Да и нету его здесь, в поселке. Так что одного твоего слова вполне достаточно...

— Нет, Айнэ, не могу, — не раздумывая, ответил Карыкур. — Не привык я врать.

— Даже... Даже если... — Айнэ встала, положила руки на его плечи и, глядя в глаза, прильнула к нему всем телом. — Даже если я тебя очень попрошу об этом, Карыкур?..

Она как будто предлагала ему взятку, как будто покупала его! С трудом сдерживая ярость, он резко отстранился, ощутив прилив острой неприязни. «Вот такие вот и виновны в гибели оленей, в исчезновении ластбищ, вообще в порче тундры; вот такой же человек, для которого тоже нет ничего святого в жизни, ограбил и место захоронения Лозаровых родителей!» Он еле сдерживал себя, чтобы не накричать сейчас на Айнэ, не унижить ее плохими словами, не плюнуть наконец и уйти немедленно. Переборов себя, Карыкур бросил ей прямо в лицо:

— Нет, Айнэ. Даже ради тебя не сделаю. — Он развернулся и пошел было в поселок, но остановился, сделав несколько шагов. — Одного я только в толк не возьму, Айнэ, зачем тебе все это нужно? Зачем ты в

это дело ввязалась? Кулик попросил? А почему бы ему самому не переговорить со мной?! — От злости он словно стрелял в нее словами.

— Не кричи, Карыкур, — опять сказала она. — Яша здесь ни при чем. И ни о чем он меня не просил, зачем ты выдумываешь!

— Не просил! Да почему ж ты тогда здесь? Ведь из-за него, нет разве? Только из-за него, из-за Кулика этого!

— Да, да, да!.. — сорвалась и Айнэ, закричала почти в истерике. — Из-за него. — Она вдруг замолчала, взяла себя в руки, долго терла виски, словно успокаивая взбудораженный мозг. — Я честно тебе говорю, глазами небесной радуги клянусь — сама на такое решилась.

— Почему? Ну почему, Айнэ? Ты ведь прекрасно знаешь, что он в любой момент может бросить тебя. А ты ради него... Не понимаю!

— Почему? — спросила она, снова метнув в него ненавидящий взгляд. — Да потому! Потому что он места себе не находит, Яша, после того, как ты к нам своего Лозара подослал. Как узнал, что эти сотапы из могильника — вечером, после работы, побежал Лозара искать. Не потому, что за себя боится, а потому что совесть у него есть, жалко старика стало! Ну а он на него там, у Нятамы, и набросился. Яша мне все рассказал. Да еще и пригрозил этот твой... Лозар: вернется, мол, Карыкур — еще не так огреет тебя по уху. Яша, конечно, догадался, о чем речь. Сильно тогда переживал, места себе не находил... — Она вытащила из рукава шубы носовой платок, промокнула глаза.

— Известное дело, переживал. Он же повышения ждет, не дождется, — не удержался Карыкур.

— Прекрати сейчас же свои издевательства! — снова вскинулась она, тиская в руках платок. — Ты что, уже и говорить по-человечески не можешь?

— И ты, выходит, решила помочь ему в этом деле? — Карыкур носком болотника поковырялся в прошлогодней сухой траве, приникшей к земле, пнул вырванный пучок далеко в сторону, скользнул взглядом по ее лицу: — Так, что ли, получается?

— Выходит, что так, Карыкур. Только имей в виду: я сама решилась. Никто меня об этом не просил!

— Да почему, почему, Айнэ? Мне кажется, ты мне чего-то не досказываешь!

— О, господи! Чего ж тут непонятного — ведь муж он мне. Понимаешь, муж! Я люблю его, люблю, и все тут — в этом все дело.

— А он? Он тебя любит? Любил бы — наверное к Лене не бегал бы... Все говорят, я — случайный здесь человек — и то знаю...

— Эх, Карыкур, Карыкур, как был ты мальчишка, так и остался... А у меня другая жизнь, взрослая. Дочка у меня от Яши, живу я с ним. ...Как же мне за него не переживать, если он мой муж? И потом — сам сказал — его же скоро должны заместителем начальника экспедиции назначить... А тут этот дурацкий порошок... — Она тяжело вздохнула. — Ты все талдычишь: почему да почему... Люблю я его и хочу, чтобы он со мной остался...

— И вот таким, значит, путем хочешь завоевать его любовь? И тебе не стыдно унижаться, вымаливать, назначать другому мужчине свидание?! Если это любовь — то какая-то странная... Глупая!..

— Можешь думать обо мне все, что угодно. Я тебе сказала: хочу одного, чтобы Яша остался со мной. И ради этого — на все готова...

Она тихо встала с плахи, снова подошла к нему, взяла за руки и улыбнулась так нежно и печально, что у него вмиг защемило сердце.

— Ну я тебя умоляю, Карыкур... Сделай, как я прошу. Ради меня сделай, никогда не забуду. Сделай, ну пожалуйста... От имени нашей любви прошу... Ну хочешь, я на колени встану? Я могу... Ну я прошу тебя, Карыкур...

Она и впрямь попыталась упасть на колени, но он успел подхватить ее, и она повисла на его руках всей тяжестью тела, глядя на него снизу вверх и улыбаясь ему какой-то новой, незнакомой улыбкой опытной, многое познавшей женщины. А он изумленно глядел на бывшую свою любовь, на ее завлекающую улыбку, которой она старалась осчастливить его, и улыбка эта казалась ему такой же неестественной, не греющей душу, как кладбищенский бумажный цветок. Такой униженной, потерявшей женскую гордость, он еще никогда не видел свою Айнэ, и эта новая Айнэ не вызвала ничего больше, кроме жалости и отвращения.

Он боялся встретиться с ней глазами, чтобы она не догадалась о его чувствах. А она, истолковав все по-своему, вдруг распрямилась и опять положила руки ему на плечи, наговаривая шепотом, словно в горячечном забытьи:

— Я очень прошу тебя, Карыкур, помоги... Я... я... Я все, что ты пожелаешь, для тебя сделаю. Я же вижу: ты любишь меня, все еще любишь, мой Карыкур...— Она вдруг прикоснулась губами к его щеке, потом впиалась в губы, прижалась грудью, а сама все шептала: «Карыкур, ах, Карыкур... Ну что ты стоишь, как неживой...»

А Карыкур... О, что творилось в это время в его сердце!.. Он не успел еще забыть головокружительную сладость ее поцелуев, и когда она потянулась к нему, он, на миг забыв обо всем, отозвался на ее ласки, ожидая, что все будет, как тогда... Но эти новые ее поцелуи не вызвали в нем ничего, кроме брезгливого отвращения, словно коснулось его щеки, его губ нечто неживое, мертвенно-холодное...

Она льнула к нему всем телом, а он никак не мог понять: зачем она здесь, эта чужая, далекая женщина, пытавшаяся уверить его, что она-то и есть его любовь, зачем она виснет на нем, теребит, прижимается своими губами? Нет, не может быть, что это из-за нее он выстрадал столько... Он стоял неподвижно, как столб, уже никак не отзываясь на ее ухищрения...

И вдруг до слуха его донесся призывный лебединый клик. Он поднял голову и увидел над вершиной могучей ели пару гордых неразлучных птиц. Медленно взмахивая мощными белоснежными крыльями, они величественно проплыли над ними, оглашая окрестность своим кликом. «Хо-танг, хо-танг»,— перекликались лебеди.— «Где ты? Где ты?»

И Карыкур, провожая их взглядом, невольно вспомнил старинную легенду об этих птицах, что не могут они жить друг без друга, вспомнил и то, как, до беспомощности влюбленный, несколько лет назад, под этой самой елью, рассказывал легенду ей, Айнэ, и лебеди где-то рядом, на соседнем озере, всю ночь оглашали округу своими любовными песнями. Вспомнил он и клятву, которую они тогда дали друг другу...

«Может, это как раз та самая пара и есть? — подумалось ему.— Ведь лебеди до конца своих дней оста-

ются верны друг другу. Да, скорее всего, это они, до сих пор вместе...»

Пролетевшие лебеди вывели Карыкура из его странного оцепенения. С усилием освободившись от ее рук, он сказал, с трудом выговаривая слова:

— Уходи, Айнэ... Иди к своему Кулику, коли тебе лебеди не по нраву...— И, не замечая ее насмешливо-изумленного взгляда, он быстро зашагал той же дорогой, по которой пришел сюда, разбрызгивая воду болотниками.

«Неужели это та самая Айнэ? — все задавал и задавал он себе один и тот же вопрос, шлепая по бесконечно разлившимся весенним лужам.— Та самая Айнэ, которая сидела когда-то со мной под высокой елью и клялась в вечной, как у белоснежных лебедей, любви...» Словно бы раньше, до армии, была одна Айнэ, а теперь — совсем другая. Никак не мог Карыкур понять, как это могло случиться... «Выходит, слова ее шли не от сердца,— неотвязно думал он.— Просто так, как вылетают изо рта слюни... А может, этот самый Кулик во всем виноват? Перевернул ей мозги, переворошил, как сухую траву? — От этой неожиданной мысли Карыкур даже остановился у куста тала.— Да, да, это он виноват, Кулик. Он сделал Айнэ такой. Он же привык перебирать женщины... У, болотная птица, перелетает с одной кочки на другую... И Айнэ такой же с ним стала... Ох, Кулик, собачий ты узел! — процедил он сквозь зубы.— Ну аукнется тебе все это. Сполна свое получишь... За Айнэ я, конечно, ничего не смогу тебе сделать,— пожалел он.— Тут тебя не взять, вывернешься... А вот за погибших оленей... Здесь-то ты от меня не ускользнешь... Да, да, собачий узел! Заарканю... крепко заарканю тебя... За самые рога, чтоб вырваться не смог...»

В дом к Нятаме вернулся он поздно, хозяйева уже легли спать, и друг, чуткая душа, заметив, что Карыкур расстроен, не стал будоражить его вопросами, а Карыкур за это был ему благодарен — ему так надо было сейчас остаться наедине со своими впечатлениями, своими мыслями...

Там, у ели, ему казалось, что уж теперь-то все, теперь можно ставить последнюю точку в их отношениях, а сейчас, как ни странно, мыслями он опять и опять возвращался к ней. Прежняя Айнэ, его

первая любовь, никак не хотела покидать сердце, и будет — он это ясно понимал сейчас — занимать в нем свое место до тех пор, пока не войдет в его жизнь другая, не уступающая ей по силе любовь.

«Но будет ли у меня такая любовь? Такая же горячая и самозабвенная, как первая? — спрашивал он себя. — И почему только так бывает? Ведь теперь-то я хорошо знаю, что она совсем не та, какой ее себе представлял... Просто легкомысленная вертушка, как сказал бы Нятама. Я же хорошо понимаю, что она недостойна была моей любви, моих чувств, над которыми надругалась, которые растоптала... — Карыкур тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок на отведенной ему гостевой раскладушке. — Вот черт, как все это устроено... Я же ненавижу Айнэ, проклиная ее... А все равно и сейчас — тянет к ней, только к ней... Не могу забыть... Да и забуду ли когда? Вряд ли...»

Судьба Айнэ, подстерегающие ее семейный очаг беды (а то, что они начнутся не сегодня-завтра, Карыкур теперь несколько не сомневался) как-то исподволь навели на размышления о молодых его сверстниках вообще. «И что за мода у них пошла? — с какой-то саднящей обидой ругался он. — Как увидели приезжего парня — сразу без ума от него... Кто бы он ни был — лишь бы приезжий. Покрутятся с неделю — и тут же замуж. Да еще хорошо, если замуж. О, собачий узел! Как увидела — так сразу и все, что у нее есть, отдает. А потом кукует с ребенком одна, мучается... Да и замуж если выйдет — тоже не всегда складно. Кой! И ведь детей все они не ханты записывают, другими национальностями, по мужу... Так дело пойдет — нашей маленькой народности, глядишь, совсем не станет...»

Конечно, думая так, Карыкур в первую очередь размышлял о судьбе своей Айнэ — разве не подтверждала она его невеселые мысли? А потом, не без глаз же он. Видел сам, от других слышал, как вели себя с местными девушками мужчины, что понаехали в последние годы сюда, на север, с Большой Земли. Всякая вольность в общении с женским полом считалась у них за геройство, а местные девушки, воспитанные в старых обычаях, платили искалеченными

судьбами за такое приобщение к цивилизации. Они, дуручки, еще не хватили ее как следует...

«Да-а,—осенило вдруг Карыкура,— не все, конечно, из тех, что приезжают, но есть такие — поступают с нашими девушками так же, как с природой... Безо всякой жалости уничтожить лес, перебить зверей и птиц, испортить ягельные пастбища, отравить воду в реках и озерах... Словом, напакостить, а потом убраться. Не свое — оно и есть не свое. А вы там, местные, коренные, как хотите — так и живите... Наверняка такие вот и на людей свое браконьерство бездумное переносят... Да, пожалуй, и это,— сказал он себе, поразмыслив.— Взять хоть того же Кулика — точно так себя и ведет. А ведь он начальник, завтра его еще выше поднимут. Ну если уж начальнику так можно, те, пониже которые,— ну не все, конечно, некоторые,— обязательно с него пример брать станут...

Разные мысли приходили Карыкуру в голову этой короткой весенней ночью, и порой ему казалось, что мозг его подобен сейчас плавной трехстенной сети, в которую наячеилось столько скользких вертких налимов и зубастых щук, что ее и распутать-то невозможно. Были вопросы, много вопросов, и до самого утра не мог Карыкур найти на многие из них убедительные ответы...

А с улицы через открытую форточку доносились до него крики прилетающих в родные гнездовья звонкокрылых уток, гогочущих гусей, звонкотрубных лебедей...

И только прислушавшись к голосам милых сердцу перелетных птиц, неудержимо влекомых сюда мощно пробуждающейся природой, сумел наконец Карыкур успокоить душу...

Уснул он далеко за полночь.

* * *

Когда Карыкур, наскоро позавтракав, пришел с самого утра в аэропорт — встретить директора совхоза Мудрецкого, он с огорчением узнал, что Иван Дмитриевич прилетит нескоро. Из-за резкого потепления аэродром не принимал самолеты в лыжном варианте — на взлетных полосах снег уже почти сошел. Как

объяснила ему в отделе перевозок знакомая Нятамы Лида, симпатичная курносая девушка, вместо снятого с трассы Ан-2 прилетит вертолет, но будет он только к обеду, не раньше.

У Карыкура вдруг появилась масса свободного времени, и он подумал, что надо употребить его с пользой для дела. Поразмыслив, решил, что можно, например, сходить в экспедицию, увидеть там Кулика, Якова Порфирьевича, как называли его шоферы, поговорить обо всем начистоту, но тут же побоялся, что может ненароком все испортить — тут лучше всего было все же дождаться Ивана Дмитриевича. Потом он вспомнил о заявлении Лозара. Да, именно это он и должен сделать — сходить в прокуратуру и узнать, что предпринимается по жалобе старого бригадира.

В приемной прокуратуры его остановила секретарша, сразу не понравившаяся Карыкуру: в годах, а размалевана так, что на ней, кажется, не осталось живого места. Однако эта секретарша, узнав, зачем он пришел, тут же проводила его к Николаю Альбертовичу Михайлику — молодому следователю, исполняющему, как пояснила женщина, обязанности прокурора.

Следователь, действительно молодой, произвел на Карыкура хорошее впечатление: мужественное лицо, могучая шея — это почему-то больше всего бросилось Карыкуру в глаза — казалось, будто у следователя голова срослась с плечами. «Хороший, наверное, парень», — подумал Карыкур и обрадовался, когда Николай Альбертович с первых же слов понял его:

— А-а — это по факту разграбления могильника? — Следователь тут же перебрал несколько папок-скоросшивателей, вытащил откуда-то из середины самую тонкую и раскрыл ее. В папке было пока всего два листка — заявление, которое Карыкур узнал сразу, и еще один, исписанный чьим-то размашистым почерком, весь изрисованный на полях восклицательными и вопросительными знаками. Следователь, очевидно, хорошо помнивший содержание заявления, лишь бегло просмотрел оба листка и поднял голову.

— Действительно, рассматриваем мы такой факт. Кстати, кто вы такой?

— Я?.. Зоотехник того стада, где работает чело-

век, подавший вам заявление, — объяснил Карыкур. — Второй год вместе трудимся...

— Ну что ж, — кивнул следователь, с интересом разглядывая Карыкура. — Дело, как бы вам это сказать... Щекотливое дело. Лично я в первый раз с таким встречаюсь. Специально перебрал всю нашу картотеку за предыдущие годы и не нашел ничего подобного. Хотя, должен сказать, у меня нет уверенности, что мы сможем довести его до конца...

— Как это? — не понял Карыкур. — Значит, что же, так кому-то все и сойдет с рук?

— Видите ли... Я уже самому Лозару, бригадиру вашему, пытался растолковать что к чему. Жаль только, что разговор у нас с ним не получился. Уж очень он громко у вас кричит. — Тут следователь невольно улыбнулся. — Чуть перепонки не лопнули, честное слово.

— Да, водится такое за стариком, — тоже улыбнулся Карыкур. — Горло у него, собачий узел, на все пастбище.

— Как-как? — переспросил следователь.

— На все пастбище, говорю.

— А-а! Теперь понял. Согласен, согласен, — опять улыбнулся следователь. — Так вот, я уже объяснил вашему... бригадиру: мы проверим факты и только после этого, в течение десяти дней, вынесем решение — возбуждать уголовное дело или нет.

— Это понятно... Но что же вы все-таки в конечном счете решили?

— Я ведь объясняю: проверим факты, а уж после этого вынесем решение...

— Значит, пока все на том же самом месте... — недовольно протянул Карыкур.

Как хорошо, что он сюда пришел! Нет, надо сделать все, чтобы убедить этого симпатичного человека.

— А мы-то думали, Николай Альбертович, что это дело настолько очевидное... Я ведь знаете, Николай Альбертович, почему этим всем так интересуюсь? Я ведь с бригадиром в тот день вместе на кладбище был. Все своими собственными глазами видел. И все, что написано в заявлении, могу подтвердить — от слова до слова.

— Да? — удивился следователь. — Ну а почему же

он тогда в заявлении не написал, что у него свидетель есть?

— Да... Мы ведь вместе заявление-то писали... Думали, что про это не надо. Старик еще сказал: поеду, сам как следует обо всем прокурору расскажу.

— Да в том-то и беда, что ваш старик по сути-то дела толком ничего почти не сообщил. Тряс тут только кулаками да кричал во все горло, что его родителей осиротили и ограбили. Забыл, как это вы о нем сказали-то, о бригадире?

— У нас в совхозе говорят: горло у него — на все пастбище.

— Вот-вот, кричал здесь, как на пастбище, а до главного так и не дошел. Все требовал: судите да судите Кулика. А Кулик — человек в поселке уважаемый, немалый пост занимает. Что ж, его и впрямь судить из-за того только, что кто-то случайно обнаружил у него в доме связку деревянных чехлов с ножами? Ведь это же еще не доказательство вины, эти чехлы, верно? Он их как-то по-другому, по-своему называл...

— По-хантыйски сотапы они называются.

— Да? Ну так вот, сотапы эти самые... Он тут так ими размахивал у меня в кабинете! Вот, говорит, мол, мои свидетели, мои самые честные свидетели! Чего еще надо? Посылайте, говорит, милицию к Кулику, берите его под наган и судите немедленно.

Карыкур, хорошо знавший Лозара, несколько не сомневался в истинности слов следователя и понимал, что тот ничуть не преувеличивает, может, даже кое-что смягчает; он готов был расхохотаться от этого рассказа, но сдержал себя.

— Да, это все похоже на Лозара. Он и по обычным-то делам редко когда спокойно разговаривает, а тут, Николай Альбертович, у него такое случилось... А слышали бы вы, как он на кладбище ругался! Ох и возмущался же! Ох и проклинал этих грабителей! Как только ни обзывал их! Какими только страшными словами ни обкладывал!

— Ну, вообще говоря... тут ведь и любой бы из себя вышел. А уж тем более такой человек, как ваш Лозар. Возраст-то у него, поди, пенсионный, хотя и крепок старик?

— Да, это верно, Николай Альбертович. Года два

назад на пенсию должен был уйти. Но работает, и отлично работает!

— Вот видите. Я к чему это говорю: человек он старого закала, грамоте не учился, так ведь? Значит, верен старым обычаям и обрядам. Не богам, так идолам поклоняется, духам. Так?

— Так, так, Николай Альбертович. Все старые обычаи соблюдает. Ну правда, скрытно, чтобы другие не видели.

— Ну а как же?

— Да вот, скажем, едем мы с ним. Подъезжаем к озеру Воянг Тув — а оно у ханты священное, так он тут сразу и поминки устраивает. И там, на озере на самом — как будто в церкви: лишнего шага не сделает. Даже лес там не тронул, и мне запретил дрова рубить...

— Ну вот, видите... — Задумчиво откинулся на стуле следователь. — Всего лишь озеро... А с другой стороны — место захоронения отца, матери... Это же самое святое место у всех народов... А тут еще кто-то, если верить заявлению, могилу ограбил...

— Это правда, Николай Альбертович, сам видал. Нет, я, конечно, не знаю, что там у него пропало. Только твердо верю, что он не врет. А что какой-то мерзавец вскрывал сруб — это точно. Точь-в-точь, как у него в заявлении написано.

— Хорошо. Я уже сказал, будем все проверять, уточнять обстоятельства. А раз вы готовы быть свидетелем, напишите все, что видели на том кладбище. — Следователь протянул ему чистый лист бумаги. — Что мне сейчас рассказали, что говорил Лозар на кладбище... И в конце распишитесь.

Карыкур, пристроившись тут же, на краешке просторного двухтумбового стола следователя, написал все, что знал и видел. Николай Альбертович быстро пробежал его показания.

— Ну что ж, это мы тоже приобщим к делу. — Следователь отправил исписанный Карыкуром лист в папку и отложил ее в сторону.

— А что, — осторожно спросил Карыкур, решивший разузнать у следователя, чем может закончиться суд, если все подтвердится, — если найдут этих мерзавцев — как их накажут?

Следователь взял «Уголовный кодекс РСФСР»,

полистал, нашел нужную статью и сказал, держа палец между страницами:

— Дело, я повторяю, не совсем обычное, редко встречающееся. Нам самое главное — точно установить факт вскрытия могильника и найти свидетелей, которые могли бы подтвердить, что в сруб действительно при захоронении были положены вещи, перечисленные в заявлении. Ну скажем: кисты новые, шкурки соболя, выдры и так далее. Вот найдем этих свидетелей, все подтвердится — тогда и...

— Тогда?.. Накажете виновных?

— А как же, обязательно накажем. Вот тут написано, — следователь опять раскрыл «Уголовный кодекс РСФСР» на заложённой пальцем странице, нашел нужное место и прочитал: — «Надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов — наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет».

— Так и сказано, Николай Альбертович?

— Да, дорогой. Статья 229.

— Стало быть — чтобы я знал — теперь все дело за свидетелями, да? Эх, где их теперь найдешь, этих свидетелей...

— Ну это, я думаю, для вашего Лозара не проблема. Он хоть и прокричал здесь большую часть времени, а все же я уяснил, что живы еще люди, которые могут все подтвердить. Три фамилии назвал. В поселке Самангвош, говорит, живут. Так что разыщем, опросим их. А кроме того, сами знаете, кое-что уже и нашлось. Вот, к примеру, эти самые чехлы с ножами...

— Да-да. Я слышал от своего друга Нятамы.

Следователь внимательно и как-то неожиданно строго посмотрел на Карыкура, словно недовольный тем, что о едва начавшемся деле знают уже и совсем посторонние люди. Но сказал о другом:

— Вот эти-то чехлы с ножами, случайно обнаруженные потерпевшим в доме Кулика, и утверждают меня в мысли, что ограбление действительно совершено. И, скорее всего, людьми, работавшими на буровой... Кулика я уже вызывал. Он дал свои показания. Но Кулик, по всему судя, тут ни при чем. Чехлы с ножами он приобрел у шоферов. Правда, он уверяет,

что не может вспомнить, у кого конкретно... Но какая-то зацепка все же уже есть. Значит, и виновника в конце концов найдем.

— Обязательно надо найти, Николай Альбертович! А то сильно безобразничать начали, никакой управы на них нет... Вот в ту зиму мне один охотник, Ипринем звать, еще про один плохой случай рассказывал...

— Какой, если не секрет?

— Ну, правда, он не с могилами связан. Совсем другой случай, а все равно...

— Ну хорошо, хорошо, расскажите, не стесняйтесь.

Карыкур поудобнее устроился на стуле, словно готовясь к долгой и очень важной беседе. «Пусть все знает, раз он следователь, может, и правда что-то сделает...»

— Ну, значит, это все Ипринь мне рассказывал. У него на берегу одного озера избушка охотничья. Уходит на зиму в тайгу, промышляет и живет в такой вот избушке. Всегда так заведено было... И каждую осень ездил он по воде — чтобы, значит, избушку перед сезоном подправить, снасть заранее приготовить. И вот приезжает он в тот раз, а избушки нет. Спалили избушку-то. Одни угли на том месте остались, да несколько бутылок из-под водки. А в избушке у него капканы разные были, сети — ничего этого не осталось. Пять гимок держал, чтобы ондатру ловить — тоже стащили. Видите, какой наклад... А кто? Конечно, не местные, не ханты. Только пришлые могли так сделать... И если подумать: для чего им ловушки-то? Да для охоты, конечно, чтобы браконьерствовать тайком, пушниной разжиться, рыбкой... — Карыкур, разволновавшись им же самим нарисованной картиной варварства, начал, по своему обыкновению, размахивать рукой. — И вот что плохо, Николай Альбертович: жестокие люди — о других не думают, губят зверя и рыбу безо всякого смысла... Ипринь говорит, прошел он потом по берегу — и что бы вы думали? Наткнулся, о собачий узел, на норы, где те браконьеры гимки на ондатр выставляли. Взрослых взяли, а маленьких, почти бесшерстных, с палец размером, бросили. С десятков у каждой норы валялось! Охотничий сезон не начался, молодняк еще не подрос — а они гимки ставили! Вот они, проклятые браконьеры, ско-

лько зверят зря погубили, какой убыток нанесли!.. Дальше пошел по берегу — а там мертвая рыба без счету в заводях кверху брюхом плавает. Не иначе, говорит Ипринь, глушили чем-то...

— Взрывчаткой, скорей всего... Да, разный люд сюда, на север приезжает. Кто действительно честно хочет работать, осваивать богатства севера, а кто и просто ухватить побольше любым путем. Такому лишь бы рубль был подлиннее, а до остального ему дела нет. Проходили у меня подобные, и не по одному делу... — Следователь сел на краешек стола, жадно закурил, предложил и Карыкуру, но тот отказался: «Не курю, спасибо». — Да-а, — вернулся Николай Альбертович к рассказанной зоотехником истории. — Ну так что, дознался этот охотник, кто напакостил?

— Да откуда ж узнаешь? Браконьер — он разве оставляет когда свою тамгу? Он ведь тоже не дурак...

— Да, это вы правы, браконьер теперь ловкий пошел. А техникой какой пользуются! Думаешь другой раз: да следят ли их начальники за тем, что у них на площадках делается или нет? А, что там говорить, когда эти начальники, бывает, и сами не прочь запреты нарушить. Но ничего, я думаю, придет конец этим безобразиям, прижмем любителей поживиться за общественный счет!

Следователь все больше и больше нравился Карыкуру. Он как-то умел расположить к себе, и говорил спокойно, со знанием дела, а главное так, что Карыкур чувствовал: они с Николаем Альбертовичем одинаково думают, об одном и том же заботятся. Каждым словом следователь словно подбадривал Карыкура: давай, мол, смелее, я тебя пойму и поддержу...

— Вы извините, Николай Альбертович, если время у вас отнимаю. Хочу еще про одну заботу вам рассказать. Если можно...

Следователь кивнул.

— Тоже, думаю, шибко важное дело. Правда, сегодня наш директор сюда приедет, наверное, сам обо всем расскажет. А с другой стороны — я лучше, чем он, об этом деле знаю. Сам свидетель. И тоже, по-моему, кое-кого из экспедиции наказывать надо. Иван Дмитриевич говорит: тут судом пахнет.

— Ну-ну? — заинтересовался следователь, по-пре-

жnému сидя на краешке стола.— Рассказывайте, рассказывайте, что за дело. Кстати, как вас зовут? А то мы с вами толкуем, толкуем, а имени вашего я так и не знаю.

— Карыкуром меня зовут, Николай Альбертович. Дело наше с гибелью оленей связано. Погибли олешки, отравились. И не просто так, а по вине работников экспедиции.

— Да?! — удивился следователь.— Это вы точно знаете, Карыкур?

— Еще как точно, собачий узел! Я ведь специально в Пулнгават Вош из-за этого ездил. Чтобы анализы сделать.

— Анализы? А ну, рассказывайте, рассказывайте!

— Все подтвердилось, Николай Альбертович. Только разрешите, я подробности не буду, пусть Иван Дмитриевич, директор наш. Приедет — сам и решит, как нам дальше быть.

— Ну что ж, Карыкур, вам виднее... — И следователь уточнил деловито: — Сколько, вы говорите, оленей-то отравилось?

— Три десятка с лишним...

— Сколько, сколько? — следователь даже соскочил со стола.— Три десятка?

— Да,— кивнул Карыкур,— и все кальцинированной содой отравились. Мы сначала только предположили это, а анализы подтвердили наши догадки.

Следователь даже присвистнул.

— Весьма серьезное дело, Карыкур. Если подсчитать... — Николай Альбертович слегка прищурился, словно прикидывая что-то в уме.— Сколько один взрослый олень стоит?

— Ну, всяко бывает. В среднем — сотни две, пожалуй.

— Значит, убыток примерно в шесть тысяч... Да, серьезненько...

— Вот я и хочу спросить у вас, Николай Альбертович, они, эти геологи, раз вина ихняя — должны хоть какое-то наказание понести?

Следователь обошел стол, сел на свое место и задумался, барабаня пальцами по столешнице.

— Ну, если все подтвердится, если все так, как вы говорите, состав преступления налицо. Результаты анализов есть, заключение у вас на руках. Я думаю,

Карыкур, вы должны, не раздумывая, писать заявление на имя прокурора. Тут, скорее всего, имеет место должностное предступление...

— Как это — должностное? — растерянно спросил Карыкур.

— Ну, как бы это лучше объяснить... Конечно, и рядовой рабочий виноват, но ведь был кто-то главный, ответственный непосредственно за перевозку этого самого порошка, вот с него закон и спросит. Есть, Карыкур, специальная статья в Уголовном кодексе. — Следователь полистал страницы все той же толстой книги. — Вот, статья 172, которая гласит... — И следователь тут же, не торопясь, зачитал: — «Невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до трехсот рублей, или увольнением от должности». — Следователь закрыл книгу. — Так вот. Такие последствия за преступную халатность. Но главное, Карыкур, не забудьте: должно быть заявление от вас на имя прокурора.

— Хорошо, Николай Альбертович. Первым делом про это Ивану Дмитриевичу скажу. Спасибо вам огромное за совет.

Следователь посмотрел на него выжидающе, готовый попросить. Но Карыкур, вдохновленный его вниманием, тем, что так складно получился у них разговор, что сумел выяснить все интересовавшие его подробности, уже и не думал уходить — вошел во вкус. Еще несколько минут назад вспомнил он про наставления старого Лозара, не раз говорившего ему во время поездки на озеро Воянг Тув, что Карыкур, раз он депутат района, должен обратить внимание начальства на слишком уж бесхозяйственное поведение геологов. И вот теперь Карыкур решил, что сейчас самый подходящий случай поговорить с умным и все понимающим человеком и об этом.

— Я, Николай Альбертович, еще у вас хочу спросить... Можно?

— Конечно, конечно, Карыкур, — терпеливо улыб-

нулся следователь. — Можете рассказывать обо всем, что вас волнует.

— Я вот о чем. Вот приехали мы на озеро, ткнулись на место бывшей буровой, и, о собачий узел! Волосы зашевелились.

— Это от чего же именно?

— Ох, Николай Альбертович, вы бы видели: чего там геологи только не бросили! Даже в голове не укладывается!

— Ну например?..

— Да полно всякого добра! Я столько и в жизни-то не видел. Труб одних чуть не сотня валяется, ржавеет, запчасти для машин всяких, целая гора цемента — в камень уже превратилась. Ужас один!.. Такие деньги на ветер бросили! Неужели это все никому больше не нужно?

— Что-то вы нам сегодня одно дело за другим открываете, — озабоченно покачал головой следователь.

— Ох не говорите, Николай Альбертович. Но слова что... А вы бы увидели: там и трактор, и машина «ЗИЛ», и чего только еще нет. И все брошено как попало — хватай, кому не лень, тащи детали...

— Ну что ж, спасибо, что открыли глаза на еще одно безобразие. Вот полечу, очевидно, на днях к этому озеру по делу вашего Лозара, а может, даже и по делу об отравлении оленей — заодно посмотрю и на то, что там геологи после себя оставили. Да! — что-то вспомнил следователь и снова забарабанил пальцами по столу. — Вы, Карыкур, можете мне понадобится, когда я на кладбище полечу, буду осматривать захоронение. Кстати, буровая, как я понял из того, что говорил тут ваш Лозар, тоже где-то там рядом?

— Да-да, Николай Альбертович. Поблизости. У озера Воянг Тув, совсем недалеко. Теперь вам смотреть легко будет — снег сошел, все на глазах лежит.

— Ну, я надеюсь, Карыкур, вы все высказали? Или что-то еще на душе припрятано? Нет? Тогда всего вам доброго. Встречайте своего директора, все обговорите, оформите документы и приходите в прокуратуру. А мы постараемся вам помочь.

Карыкур, довольный обстоятельной беседой, поблагодарил Николая Альбертовича и заторопился в аэропорт: просидел он у следователя немалое время. («Какой человек симпатичный! — в который уже раз по-

думал Карыкур.— Все понимает, как будто сам олень пасет»..) Вот-вот должен был прилететь вертолет.

И действительно, минут через пятнадцать после его прихода неподалеку от здания аэровокзала приземлился Ми-8.

Окрыленный разговором с толковым следователем, Карыкур кинулся на взлетную полосу и тут же, на аэродроме, пока шли вдоль взлетной полосы, лихорадочно рассказал Ивану Дмитриевичу о своей поездке. Директор — уже в демисезонном пальто, яловых сапогах, внимательно выслушал его немного сбивчивый рассказ, задал Карыкуру несколько вопросов о визите в Пулнгават Вош, и подытожил:

— Хорошо, молодец, что так оперативно все провернул. Ты где остановился?

— У друга своего, однокурсника.

— Тогда вот что. Сходи домой, заberi все бумаги, справку из баклаборатории и давай ко мне — в поселковую гостиницу. Найдешь?

— Найду, конечно, что это — олень, что ли, сбегавший...

— Ну вот и хорошо. Жду тебя, значит, там.

Не прошло и получаса, как Карыкур входил в гостиницу, находившуюся почти в самом центре поселка. Построенная давным-давно, гостиница была уютная, крохотная — всего, наверное, человек на десять — двенадцать.

Иван Дмитриевич, сразу отложив другие дела, взял у него бумаги и в первую очередь внимательно изучил заключение ветеринарной баклаборатории.

— Ну что ж, Карыкур, вижу, предположения твои подтвердились, — поднял он наконец голову. — Прямо так и написано: «Отравление произошло в результате употребления оленями кальцинированной соды». — Сдвинув очки на лоб, директор одобрительно посмотрел на своего молодого зоотехника. — А все ты. Молодец, вовремя догадался собрать остатки порошка.

— Да его, Иван Дмитриевич, порошка-то, и было всего ничего. Так, ладонь слегка припорошить — все олени подчистили...

— Тем более молодец! Другому бы и в голову не пришло. — И директор похлопал его по плечу. — Тебе, смотрю, сыщиком надо работать, — пошутил он, — а не зоотехником.

— Можно и сыщиком,— засмеялся Карыкур,— а только я свою работу зоотехника ни на что не променяю. С оленями только-только дружбу свел— я их понимаю, они меня, как же я им изменю-то? Да еще после такой беды... Они ведь на меня обидятся, олени...

— О, да ты, я смотрю, им настоящий друг, почти как родитель,— Иван Дмитриевич подмигнул.— Любишь, значит, оленей?

— Люблю, Иван Дмитриевич, а иначе какой из меня зоотехник? — Карыкур как всегда, когда волновался, начинал размахивать для пущей убедительности правой рукой.— Только посмотришь на оленка, особенно — на его глаза, сразу на сердце теплеет.

— А что, пожалуй, ты прав, Карыкур!

— А как же, Иван Дмитриевич! Да ведь наш олень — самое безотказное на свете животное. Посмотрите, сколько тягот ему переносить приходится. Чего стоит только корм себе добыть, особенно такой снежной зимой, как эта. А то, случается, стоят, бедные, в упряжке два-три дня... Да что там два-три — бывает, что и неделю стоят. Пастух гульнул сверх нормы, а они — без еды, без питья — все стоят себе да стоят, терпят... Не то что лошадь, к примеру... А вернулся хозяин, сел в нарту — и помчали, да не как-нибудь, а на всю катушку, сколько есть в них силы...

— Ну что ж, Карыкур, думаю, хороший зоотехник из тебя получается. Настоящий!

— Какой там настоящий? — заскромничал Карыкур.— Так, обыкновенный олений лекарь.

— А, вон оно что, олений лекарь,— засмеялся директор.— А что, метко тебя пастухи назвали? И главное, не ошиблись. Я на своем веку не одного зоотехника повидал, а настоящих оленьих лекарей мало, ох как мало! Ну я имею в виду,— лукаво улыбнулся директор,— таких, как ты...

— Ну вот, Иван Дмитриевич, совсем захвалили! — покраснел Карыкур.

— Совсем не совсем, а за поездку в Пулнгат Вош благодарность тебе объявляю. Вернемся — приказ оформлю.

У Карыкура от этих слов, от всех директорских похвал запела, что говорится, душа; ободренный, он готов был хоть сейчас кинуться в бой, чтобы добыть

дело с отравленными оленями до конца и вывести на чистую воду всех виновников, воздать им то, чего они заслужили. Потому он и спросил директора:

— Что, Иван Дмитриевич, дальше-то делать будем? — Его так и подмывало рассказать о своем визите к следователю Николаю Альбертовичу, о его совете, и в то же время хотелось сначала услышать, что решил сам директор.

Тот задумчиво повертел в руках листок с заключением баклаборатории, аккуратно вложил в свою кожаную, довольно-таки потрепанную уже папку и сказал:

— Ну для начала схожу в райком партии, поставлю в известность первого секретаря Беланова. Дело серьезное, и меры, я считаю, надо принимать крутые. Пойдет ли райком нам навстречу? Все-таки нефтяники, вся страна на них смотрит... А с другой стороны, меры не принять — значит, эти буровики еще где-нибудь оленей поотравят. Так что постараюсь убедить Беланова...

— Правильно, Иван Дмитриевич! — обрадовался Карыкур и вскочил. — Как только я сам-то про райком не подумал. А то получается, что им, буровикам, раз на них страна смотрит, все можно... Такой большой падеж — тридцать две головы! И что ж — выходит, и виноватых нету? Буровиков не трогают, пастухи не виноваты! Нет, нельзя такое безобразие спускать!

— Вот о том и речь, Карыкур, надо бы взыскать, и как следует, с работников экспедиции. Через суд. Нужно только предварительно с юристами поговорить...

Ну, тут уж Карыкур больше не мог сдерживаться, настала его минута! Правая рука привычно замелькала в воздухе.

— Я, Иван Дмитриевич, тут уже кое-что предпринял в этом смысле, кое-что, кажется, выяснил. Я ведь ходил в прокуратуру-то. — Он посмотрел на директора, чтобы увидеть, как тот воспринял это сообщение. Директор нетерпеливо кивнул ему: молодец, мол, давай, рассказывай дальше. — Следователь сказал, что надо нам, Иван Дмитриевич, перво-наперво бумагу одну подготовить. Заявление.

Иван Дмитриевич как-то совершенно необычно, словно видел своего молодого зоотехника впервые,

посмотрел на Карыкура. И тот под этим пристальным, изучающим взглядом почувствовал себя неуютно. А потом подумал: чего он в конце-то концов смущается: ну сидит перед директором молодой человек — в цигейковом полушубке; приплюснутый нос, большие серые глаза — взрослый уже человек, у которого есть и твердость, и решимость, и воля. Так, во всяком случае, расшифровал он взгляд Ивана Дмитриевича, в глазах которого светилось уважительное одобрение.

— Будь добр, Карыкур, не торопись, — сказал директор, — расскажи еще раз и, если можно, поподробнее.

Карыкур напрягся, словно готовясь к весьма ответственному делу, расстегнул пуговицы на полушубке — жарковато было в гостиничном номере и заговорил, стараясь быть предельно точным.

— Я тут, Иван Дмитриевич, без вашего ведома... — он слегка смутился, словно опасался, что директор осудит его за самовольничание. — Без вашего, значит, ведома у следователя побывал. Выяснил кое-какие детали, разузнал кое-что. Ну, значит, что касается павших оленей — я следователю все рассказал подробно. Правда, это случайно получилось... почему и не дождался вас... Я ведь к нему пришел-то по заявлению Лозара. Ну, помните, наверное, про ограбление могильника...

— Да, да, Карыкур, — кивнул директор. — Помню.

— Ну и вот. Решил, значит, узнать у следователя, делается ли что-нибудь по заявлению старика. Следователь сказал, что заводит уголовное дело. Уже папка есть...

— Еще бы не завели дело! Слыханная ли вещь — могилы грабить! Это называется, с Большой земли люди сюда приехали, от цивилизации. А у самих, у некоторых — ни порядочности, ни даже элементарной культуры... Вы, мол, тундра — ну и сидите себе, а нам, покорителям севера, все дозволено... Такая порой злость берет, честное слово! Нет, пора, пора наводить порядок, и не кому-нибудь — а нам самим, коренным жителям здешних мест, старожилам... — Иван Дмитриевич, хорошо знавший нравы и быт местных жителей, сроднившийся с ними за годы работы на севере, видимо, был возмущен сейчас не меньше самого Лозара... Он даже разволновался, закурил сига-

рету.— Вишь, временщики какие... И все нахрапом норовят, нахрапом... Ну ладно,— оборвал он себя.— Давай рассказывай дальше, Карыкур.

— Ну и вот, Иван Дмитриевич, а заодно пораспрашивал я следователя и по нашему случаю с оленями...

— Так что же в итоге?

— Он говорит, что они должны получить от нас официальное заявление на имя прокурора. Сказал, что это вы должны сделать.

— Ну хорошо, заявление. А дело-то они возбудят?

— Да вот в том-то и собачий узел, Иван Дмитриевич! Он, этот Николай Альбертович, даже статью мне зачитал. Я его, конечно, и про результаты анализов информировал. Он говорит: состав налицо и речь здесь должна идти о должностном преступлении. И в первую очередь понесет наказание не шофер, не исполнитель, а человек, ответственный за перевозку этой самой кальцинированной соды, ну, вообще грузов...

Иван Дмитриевич широко улыбнулся, обнажив золотые коронки.

— Ну я смотрю, мне можно было и не прилетать — все тут успел за меня повернуть. Молодец, огонь парень! Черт побери, не хотелось бы ссориться с геологами, но нельзя же и спускаться! Кто-то ведь должен отвечать за такую халатность. Мало того что пастбища нам испортили — еще и животных начинаем из-за них терять десятками. Что, трудно разве за химическим реагентом усмотреть, если он настолько ядовит? Да нет, конечно, самое обыкновенное разгильдяйство, безответственность! Прежде-то все это вредительством бы назвали. Спасибо тебе за решительные действия! Сейчас же иду к первому секретарю...

— Ну и правильно, Иван Дмитриевич,— поддакнул Карыкур.— Пусть райком кое-кому хвосты накрутит, а то совсем уже распустились. Как будто осторожней не могут работать.

— Да вот то-то и обидно, Карыкур. Мы ведь тоже не дети, тоже понимаем, что и нефть и газ нужны. Очень даже нужны. Но ведь брать-то их из-под земли, наверное, тоже с умом нужно. Без лишнего ущерба для природы, для остального хозяйства. Ну если уж без этого нельзя — значит, должны постараться ущерб этот свести к минимуму...

— Ох, Иван Дмитриевич, если б знали только, как правильно вы все сказали! Не сочтите за лесть, что ли... Сам так думаю, под каждым словом готов подписаться!

— Ну раз все правильно, давай тогда, Карыкур, заявление сочинять.— Иван Дмитриевич деловито открыл свою кожаную папку, вынул из нее бланк совхоза «Арка-Яхинский» и протянул Карыкуру: — У тебя, знаю, почерк хороший. Вот ручка, садись и пиши — я тебе диктовать буду.

Карыкур, подложив под бланк газету, чтобы мягче ходила по бумаге ручка, начал писать под диктовку директора, стараясь выводить каждую букровку. Он чувствовал сейчас большую ответственность, тем более что Иван Дмитриевич то и дело прерывался, уточнял детали и только потом, отточив про себя мысль, формулировку, начинал неторопливо и внятно диктовать дальше. Когда они закончили, Мудрецкий, положив ему руку на плечо, склонился над листком.

— Ну а теперь почти давай, что мы там с тобой нацарапали. Вроде бы ничего не забыли, все передали, как нужно.

И Карыкур, так же неторопливо и внятно, как диктовал директор, прочел написанное:

*Прокурору Хорамасовского
района г. Ветрогонову Ф. М.*

Настоящим обращаемся к вам по следующему поводу. 11 мая сего года от стада № 2 совхоза «Арка-Яхинский» в результате нападения волков откололась часть оленей, которые позднее были обнаружены пастухом совхоза Калином Родьямовым в районе озера Воянг Тув, рядом с законсервированной буровой площадкой. Все олени — тридцать две головы — обнаружены мертвыми. Выехавшие для выяснения причин массового падежа оленей зоотехник Карыкур Ямру и бригадир стада Лозар Озелов в результате тщательного осмотра места гибели, идя по следу животных, наткнулись на застрявшую в ручье и брошенную, очевидно, работниками геологоразведки машину марки «ЗИЛ» (бортовой номер 16-34), в кузове которой обнаружены остатки какого-то белого порошка. Зоотехник К. Ямру, постоянно находившийся в последние месяцы на пастбище и хорошо осведомленный о состо-

янии стада, высказал предположение, что причиной массового падежа оленей явилось отравление каким-то химическим веществом. С целью выяснения действительной причины массового падежа оленей зоотехник К. Ямру сделал выборочные пробы для последующего анализа (ткани почек, печени, легких, желудка), а также сохранившиеся в кузове автомашины остатки порошка. В результате анализов, произведенных в окружной ветеринарной баклаборатории, бесспорно установлено, что причиной отравления животных явился оставленный в кузове машины химреактив (по данным лаборатории — кальцинированная сода). Никаких признаков инфекционного заболевания баклабораторией у животных не обнаружено. На основании вышеизложенного полагаю, что непосредственными виновниками массовой гибели оленей являются работники геологоразведочной экспедиции, оставившие по преступной халатности кальцинированную соду в кузове брошенной автомашины, а также должностное лицо, отвечающее за перевозку грузов на буровых.

Прошу прокуратуру района разобраться в случившемся, выявить виновных и наказать их в целях предотвращения подобных случаев в будущем, а также возмещения совхозу нанесенного материального ущерба. К настоящему заявлению прилагаем: заключение окружной ветеринарной баклаборатории по результатам анализов и справку о составе порошка, найденного вблизи места массового падежа животных.

Директор совхоза Мудрецкий И. Д.

— Ну как, Карыкур? Годится?

— По-моему, Иван Дмитриевич, в самый раз. Следователь прокуратуры Николай Альбертович так и сказал: обязательно, говорит, найдем виновных. Только чтобы от вас заявление было.

— В чем же тогда дело, Карыкур? Заявление готово. Дай-ка я распишусь. Ну вот, теперь полный порядок. Ты, значит, бери эту докладную, вот тебе остальные бумаги — и дуй в прокуратуру. А я прямо сейчас же наведуясь в райком, поставлю в известность первого секретаря.

Карыкур, уже сложивший бумаги, вдруг остановился, просительно посмотрел на директора,

— Ну что такое, Карыкур? Еще что-то случилось? — спросил директор.

— Да я, Иван Дмитриевич, если можно, конечно, тоже хотел бы поехать с вами к секретарю райкома...

— Что, какой-нибудь личный вопрос?

— Да нет, Иван Дмитриевич, совсем не личный. Хочу рассказать в райкоме о безобразиях геологов. Уж очень много, по-моему, они государственного добра губят. Шибко плохой след после себя оставляют. Скажем, у того же озера Воянг Тув, у той законсервированной буровой. Вы бы видели, сколько там всего валяется...

Директор на мгновение задумался и решил:

— Ладно, олений лекарь. Конечно, я бы и сам мог сказать, но у тебя, пожалуй, лучше получится — ты же все своими глазами видел... Насчет приема я заранее договорился по телефону и буду у первого секретаря, по всей вероятности, долго. Так что можешь сначала сходить в прокуратуру, сделать все, как положено. А потом приходи в райком. Назовешь себя в приемной, а я предупрежу их. Так что давай, действуй!

...В приемной райкома партии молодая красивая секретарша, уже, очевидно, предупрежденная Иваном Дмитриевичем, предложила Карыкуру раздеться.

Перед тем, как зайти в здание райкома, Карыкур до блеска отмыл в луже свои резиновые болотники, аккуратно подогнул голенища. И сейчас, когда он снял цигейковый полушубок и расчесался перед зеркалом, выглядел вполне по-городскому в своей матросской голландке. Через распахнутый ворот видна была чистая флотская тельняшка, с которой Карыкур почти не расставался. Если бы не сапоги, не заправленные в них суконные брюки, он вполне мог бы сойти за матроса срочной службы. Поэтому, наверное, и заулыбался ему навстречу первый секретарь райкома Петр Геннадиевич Беланов.

— О, так у тебя, Иван Дмитриевич, матросы в тундре служат! — и засмеявшись, добавил: — Тогда что вам тундра, коли вы уже море покорили!

— Да, Петр Геннадиевич, — улыбнулся в ответ Мудрецкий. — Видите, какие у меня морские волки олений пасут? Так что есть на кого положиться!

Видя, что Карыкур смущается, секретарь райкома гостеприимно повел рукой, предлагая ему садиться.

— Тут мне Иван Дмитриевич уже суть дела изложил. Неприятная, конечно, история, весьма неприятная и тревожная...

Карыкур незаметно разглядывал секретаря, чувствовал, что тот ему нравится: немолодой, голубоглазый, говорит так, что ясно сразу — каждое слово у него взвешено.

А Беланов между тем отодвинул в сторону лежавшую перед ним папку и заговорил снова — так же веско и основательно.

— Да-с, история весьма настораживающая. Это у нас первый случай, но кто гарантирует, что такое больше не повторится, если мы не примем незамедлительных мер? Так что, хотим мы этого или не хотим, а происшествие на озере Воянг Тув вынуждает нас извлечь определенные уроки. Мы, конечно, еще раз тщательно все проверим. — Тут Беланов метнул взгляд в сторону незамеченного ранее Карыкуром человека средних лет с суровым лицом; тот сидел за маленьким столиком при входе и быстро записывал что-то в блокнот; при последних словах секретаря райкома он вскинул голову. — Вот, Лев Сергеевич, наш председатель комитета народного контроля, специально займется этим делом. А уж потом дадим должную оценку. — Беланов прервался и перевел взгляд на Карыкура, от чего у того внутри все почему-то похолодело. — Ну, товарищ Ямру, рассказывайте, зачем пожаловали. Мне Иван Дмитриевич сообщил, что вы какой-то серьезный разговор ко мне имеете. Так это? Если так — пожалуйста, слушаем вас.

Карыкур даже растерялся: в такой необычной обстановке — и сразу говорить? Он волновался, собираясь с мыслями, никак не мог решить, с чего начать, но увидев, как доброжелательно приготовился слушать его секретарь, увидев подбадривающий взгляд Ивана Дмитриевича, он наконец решился.

— Я, Петр Геннадиевич, не только про оленей хотел... — Карыкур волновался и оттого был стеснен, делал долгие паузы. — Я еще один шибко важный разговор имею. Мне пастухи наши и особенно бригадир стада Лозар наказ дали, как депутату... обязательно сказать кое о чем, чтобы вы в райкоме знали... Вот

я и хочу сказать... Тем более меня эти факты тоже беспокоят...

— Говорите, товарищ Ямру,— мягко поощрил его Беланов.— Тут все свои. Не волнуйтесь так — и давайте прямо к сути дела.

Внимательный, заботливый взгляд секретаря райкома придал Карыкуру уверенности.

— Просили меня пастухи сказать, что очень уж портят геологи олени пастбища. Где вздумается, там на своих машинах и ездят. Вот был я недавно с бригадиром Лозаром у озера Воянг Тув — ну, там, где оленей мертвых нашли. Так вы бы только видели, Петр Геннадиевич, во что там пастбище превратилось. Живого места нет! А ведь мы на этом пастбище должны были в осенне-зимний период каслать. Какой там каслать, если вокруг озера даже ягеля не осталось — так вся тундра машинами изувечена!.. — Карыкур уже совсем освоился, начал даже по своей привычке размахивать правой рукой.— Мох до песка содран, лес весь покорежен. И если б только там, на озере — в других местах то же самое. Шибко геологи своими машинами пастбища портят.— Он посмотрел на первого секретаря, и тот кивнул ему: продолжайте, продолжайте.— У нас вот какое предложение: можно ведь, наверное, сделать так, чтобы они определенным маршрутом ездили?

— Да, Петр Геннадиевич,— поддержал Карыкура директор совхоза.— Чистую правду товарищ Ямру говорит. У них ведь как: куда руль повернул — там ему и дорога. Тайга, вроде как бы ничья, простор немеренный. Подумаешь, какое-то там оленье стадо...

— А сколько пастбищ от пожаров выгорело? — возбужденно перебил директора Карыкур.— И виноватых вроде бы нету... Да оленевод летом за костром так следит — словно на ладони огонь держит, лишний раз чай не вскипятит. А уж про то, как они зверя в тайге и тундре изводят — про то не говорю. Рыбу на озерах губят. Видели бы вы, сколько бензина и соляра на воде летом плавают! Никак мы не поймем: лишнего, что ли, у них много? Или им государство все бесплатно отпускает, не как нам? — Карыкур, уже окончательно освоившись, говорил свободно и громко, как будто не в райкоме был, а со своими пастухами в чуме: — А что у них на буровых делается?! Ужас!

Взять хоть ту же скважину у озера Воянг Тув — чего там только вокруг буровой площадки не набросано!.. Одних бурильных труб, повеньких — целая гора. Больше ста штук насчитал. Валяются, ржавеют. А цемента! Мы бы этим цементом в совхозе все дома оштукатурили, и не по одному разу. Железа сколько брошено. Машина у них там, трактор застряли — все уже расковыряли, поснимали, что могли. Не машины — одни скелеты от них остались. А ведь тоже небось денег стоят не малых!

— Да еще каких! — тяжело вздохнул председатель комитета народного контроля. — Каждая обсадная труба — это около ста рублей. Помножьте — вот вам сразу и десяток тысяч. Небольшое оленье стадо.

Карыкур смахнул рукавом голландки выступивший на лбу пот и перевел дух.

— Вот об этом я и должен сказать, Петр Геннадиевич. Очень меня пастухи просили...

Секретарь райкома отложил в сторону ручку и листок, на котором все время, пока Карыкур говорил, делал какие-то пометки.

— Ну что ж, товарищ Ямру... Одно вам скажу: спасибо! Правильно вопросы ставите, как настоящий депутат. Очень нужную информацию вы нам дали. Думаю, и райкому есть над чем поразмыслить, и райисполкому, да и комитету народного контроля работы хватит. Так, Лев Сергеевич?

— Я уже наметил план, Петр Геннадиевич, — кивнул тот. — В самое ближайшее время приступим к проверке.

— Хорошо. Обдумай все в деталях, зайдешь потом со своими соображениями. А насчет отравленных оленей вы, Иван Дмитриевич, действуйте в соответствии с законом. Если что — поддержку обеспечим.

— Мы уже подали заявление в прокуратуру, — ответил Мудрецкий. — Там, думаю, разберутся во всем объективно, тем более что факты у нас самые что ни на есть очевидные.

— Я тоже полагаю, что разберутся, — кивнул Беланов. — Во всем разберемся. — И как бы убеждая кого-то, добавил: — Обязательно разберемся.

Недели через полторы, когда весна уже полностью вступила в свои права и снег остался только в ложбинах и защищенных от солнца урочищах, Карыкур, закончив в стаде профилактические работы, сидел на нарте, что стояла неподалеку от чума. Подставив лицо горячему уже солнцу, он прислушивался к отдаленному гулу буровой, доносившемуся с востока.

«Вот и еще одна забурилась,— подумал он.— На новом месте. Что же дальше-то будет? Не вылетит ли из-под земли, как в той легенде, семиклювый-семикрылый ворон, не наделает ли новых бед? Да-а... Неужели нельзя так брать нефть, чтобы не губить тайгу и тундру? Можно, наверно. Не зря же райком занялся этим делом, поприжал кое-кому хвосты за бесхозяйственность, за испорченные пастбища... Кулику досталось по первое число, плохо для него все может кончиться. Озлобленный, сказывают, стал. Да что там сказывают, если этот самый Кулик самолично тогда на квартиру Нятамы пожаловал — только чтобы со мной поговорить...»

И Карыкур вспомнил, как на второй день после того, как они с директором побывали в райкоме, в дом Нятамы вломился Кулик. Карыкур как раз укладывал вещи — собирался сразу после обеда возвращаться на вертолете в стада. Он один был в доме в этот момент — Нятама на своей звероферме, его старая мать пошла проведать соседку.

Встал Кулик на пороге — руки в боки, высокий, в хромовых сапогах, хромовом демисезонном пальто нараспашку, шляпе, лицо надутое, как глухаринный зоб; повел высокомерно похожим на парус носом, пренебрежительно скользнул взглядом по обстановке комнаты, наконец столкнулся глазами с Карыкуром и, недовольно нахмурившись, отчего стал еще более надутым, бросил пренебрежительно:

— Это ты, что ли, Карыкур будешь?

— Ну я... — несколько озадаченный этим грозным явлением ответил Карыкур. — А откуда вы знаете?

— Откуда... — ухмыльнулся Кулик. — Да такого склочника, как ты, за километр носом чуешь. Сморчок-сморчком, а туда же, в законники лезет!..

— Слушайте, что вам в конце концов здесь на-

до?! — возмущился Карыкур. Сказать правду, он предполагал, что после заявления в прокуратуру, после визита в райком Кулик будет искать с ним встречи. Все-таки слишком большой фигурой был в поселке начальник базы производственного отдела экспедиции, чтобы не пронюхать с помощью связей, откуда ветер дует и кто устроил ему беспокойную жизнь. Карыкур, сначала было разозлившись, вдруг стал совершенно спокоен: неужели же он не стоит за себя? Да раз этот Кулик пришел сюда, уже понятно, как, если понадобится, заткнуть ему глотку: он сунет Кулика носом в его же бесхозяйственность и халатность. Чего ему, Карыкуру, смущаться-то, если он уверен в своей правоте? Да и вообще — что он, не бывший моряк, что ли?! Нет, напрасно Кулик пыжится — он не боится с ним схватки.

Правда, с другой стороны сейчас перед ним стоял не просто начальник базы экспедиции, а его личный «соперник», который, как ни крути, встал на пути Карыкура, отнял его первую большую любовь, принес ему несколько лет страданий; и страдания эти снова донимают душу с тех пор, как узнал он, что Кулик заставляет страдать и Айнэ, его любимую... Да, вот и встретились они впервые... Теперь предстоял им, «соперникам», тяжелый и неприятный разговор с глазу на глаз...

Карыкур давал себе слово, что ни в коем случае не позволит выплеснуться личному — только дело, только работа. И все же — как ни старался он подавить свою стойкую неприязнь к Кулику — ничего не получилось. Потому, наверное, потеряв терпение, он и отозвался резко, почти грубо:

— Послушайте, что вам в конце концов надо? Вломились в чужой дом, хамите, вяжетесь!..

— Ха! Это я, оказывается, вяжусь! Да на кой черт ты мне нужен! Не видел я тебя никогда в жизни, и еще бы столько же не увидал, ничего бы не потерял. Но ты же ведь прилип ко мне, как... как... — Кулик прошелся из угла в угол, сделал резкий разворот. — Ты хоть понимаешь, что мешаешь людям работать или нет?.. Тормозишь выполнение важнейшего государственного задания! — Он остановился прямо перед Карыкуром. — Прискребся тут со своими вшивыми оленями... пастбища какие-то изобрел...

— Да не я изобрел, они и до меня, и до вас были! Только вам на них наплевать, а я хочу, чтобы они сохранились, живыми остались. И олени чтобы — тоже живыми остались! Поняли?!

— Пастбища, пастбища... — нервно передернулся Кулик. — Заладили одно и то же! Ты хоть можешь взять в толк, тундра, — Кулик вплотную придвинулся к нему, поводя указательным пальцем, — какой у меня объем работ?! Ты знаешь, сколько буровых надо трубами, цементом, механизмами обеспечить?! День и ночь возить и возить. И по воздуху, и по земле, и по воде. Чтобы ни одна буровая не простаивала. А ты — пастбища! Как будто есть у нас время о ваших пастбищах думать! Нет у нас на такую чепуху времени — страна нефти ждет, газа! Вот как ждет! Нефть и газ! Вот что сейчас главное. А олени ваши — тьфу! — Кулик, словно ему тяжело было дышать, нервным движением рванул молнию надетой под пальто кожаной куртки. — Нефть, нефть, вот что важнее всего в вашей тмутаракани! А чтобы эту нефть и этот газ быстрее добыть, надо как можно быстрее и тайгу вашу, и тундру покорить. Только так!

Карыкуру тут же пришел на ум рассказ друга Нятамы про Размахова, бывшего заместителя начальника экспедиции — тот вот так же хвастливо называл себя «покорителем» тундры.

«Вот собачий узел! Еще один «покоритель» нашелся, — подумал Карыкур. — Вот, значит, каков он! Как только Айнэ может с ним жить?..»

А Кулик, уверенный в неотразимости своих доводов, расходился все больше.

— Так-то вот, дорогой! Тут даже выбирать не приходится: не обеспечишь буровую материалами — весь план вверх тормашками полетел. Правительственное задание. А ты все со своими оленями привязываешься, людей баламутишь, будь ты неладен, тундра дикая!..

Карыкур наблюдал, как меняется озлобленное лицо Кулика, как чем дальше, тем нахальнее и самоувереннее ведет он себя здесь, в чужом доме, и гнев овладевал им все сильнее. Он уже еле сдерживал себя, чтобы не взорваться, но последние слова Кулика вывели-таки его из терпения.

— Зачем же этак-то, дорогой «покоритель»? Я тебя вроде не обзывал, а ты измышляешься, да? Имеешь,

значит, право, раз «покоритель», раз у тебя правительственное задание? — Он взмахнул рукой перед самым носом Кулика, и тот, воровато оглянувшись, отступил назад, к двери. Карыкуру вдруг стало смешно: на кого он собрался изливать свой гнев! — Я, может, и тундра, а ты — знаешь, кто ты есть? — сказал он презрительно. — Ты же самый настоящий Менг...

— Какой еще Менг? — скривился Кулик.

— Людоед. Был, говорят, раньше такой в наших краях. Все готов был заграбастать, все затолкать себе в брюхо. Лишь бы ему одному хорошо было...

— Да брось ты эти свои штучки! Ме-енг! Сказки какие-то припоминает, как маленький! Чего людям лапшу-то вешать! Думаешь, не знаю, из-за чего ты эту кашу-то заварил?

— Как это кашу? Не понимаю...

— Ах, не понимаешь? — протянул Кулик, уставясь на него своими слащаво-наглыми глазами: — Да ты же весь этот шум из-за Айнэ поднял, а не из-за каких-то там несчастных оленей, нет — скажешь?

— Из-за Айнэ?! — опешил Карыкур. — Да Айнэ-то при чем?!

— Ой-ой, смотрите-ка на него! Да конечно же, чтобы отомстить мне, всю эту бучу и поднял. Упустил девку, а теперь хоть так, с помощью доносов куснуть меня поровишь.

— Куснуть?!

— Ладно, ты меня за дурачка не держи. Думаешь, не знаю, сколько ты ей писем писал? Покоя не давал...

— Это мое личное дело!

— Мое, твое... Да ты и теперь к ней совался, переполошил... Нервная второй день ходит, дерганая. Ох смотри, герой, все-таки я муж пока...

— Вот именно что «пока»! Может, дорогой «покоритель», тебе на себя лучше оборотиться? Я-то никого пока еще до трясучки не доводил, у меня пока жены-то ни одной не было, не то что у некоторых... по две...

— Ну ты... — процедил сквозь зубы Кулик, сжимая кулаки. — Сопляк! Разнюхал... Вот теперь-то я точно знаю, что это ты во всем виноват... Смотри, какой блюститель нравственности нашелся. Да ты знаешь, что я с тобой сделаю, тундра?!

Карыкур напрягся, готовясь к драке. Эх, с каким

удовольствием он врежет сейчас этому хаму по роже! Ничего, что он Кулику всего по плечо, — в крайнем случае, вцепится ему в глотку, как это делает верткая рысь, но ни за что не отступит. И, пожалуй, так и сделал бы, если бы в это время не хлопнула входная дверь; в комнату пулей влетел Нятама.

— Слышь, Карыкур! — закричал он еще с порога. — Давай скорее в аэропорт! Сейчас спецрейс в ваш поселок отправляется, директор тебя ждет, я его видел. — Только теперь заметил Нятама, в каких напряженных позах стоят Карыкур и Кулик, какой злобой перекошены их лица, и не на шутку встревожился: — Э, э, что у вас здесь происходит-то? Оба два на себя не похожи...

— Да так, ничего особенного, — криво ухмыльнулся Кулик, — встретились вот... для пользы дела... По-знакомились... — И, тяжело стуча своими хромовыми сапогами, направился к выходу. — Ничего, думаю, еще увидимся! — угрожающе завершил он, хлопая дверью. И тут же на улице затарахтел мотор его вахтовки...

— ...Да-а, — вздохнул сейчас Карыкур, вспомнив происшествие, оставившее в душе тягостный неприятный осадок. Перед глазами снова возник слащаво-наглый взгляд Кулика, и неожиданная, но такая ясная мысль пришла вдруг ему в голову: «А ведь это не один Кулик так думает, — перебирал он в памяти подробности их разговора. — Крепко укоренилась идея покорения тундры любой ценой, если даже душой Айнэ завладела... А что говорить про тех работников экспедиции, которые по всей тундре государственное добро разбрасывают... Деньги ведь на ветер выкидывают... Интересно, собачий узел, получается: пропал у пастуха хоть один олень — сразу с него взыскивают. А тут? Да если одна только труба, как говорил председатель народного контроля, сотню стоит — сколько же этих сотен под ноги-то брошено? А если по всей тундре сосчитать? И получается, что ни с кого их не взыскивают? Ну, собачий узел! Да ведь каждую такую трубу люди делали, средства тратили, время. Кой, кой! Неразумно как со своим богатством обращаемся. Шибко неразумно. И все — из-за таких вот «покорителей», как Кулик! Да и не только он, — поди,

в каждой экспедиции такие найдутся. А их, экспедиций-то, сколько на севере. Полно. Да-а... Живуч Кулик, болотная птица — на многих кочках успел обжиться...»

Хотя, вообще-то, «болотная птица» — для таких вот слишком ласковое название. С жадным Менгом, родственником семиклювой-семикрылой птицы, что принесла беду земле и воде, всем их живым обитателям — вот с кем нужно таких сравнивать! Внезапная мысль обожгла Карыкура: «Надо же, какую мудрую легенду древние люди придумали! Вон еще когда, оказывается, предупреждали, наставляли разумно пользоваться волшебными дарами подземного мира... В разумном согласии жить с природой, а не уподобляться жадному людоеду, думающему лишь о своем брюхе...»

Карыкур сидел на нарте и до слуха его все явственнее доносился дальний грозный гул новой буровой. Но еще громче звучал в его душе тревожный вопрос: «Неужели и эта буровая принесет кому-то беду? Неужели?»

Налетевший откуда-то свежий северный ветер пронесся вдруг над островерхими чумами, отразился монотонным шумом в ближайшем ельнике и, будто столкнувшись с гулом далекой буровой, попытался заглушить его.

А Карыкуру и в этом шуме природы чудились все те же слова: «Неужели, неужели?..» И он подумал: «Но какая же она далекая? Она ведь здесь, на этой земле, и через землю эту связана и с нашей жизнью, и с нашей работой. Только что же с этой землей дальше-то будет?.. Неужто не найдем мы всем миром управы на потомков неразумного Менга?!.»

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 **Ледоход**
Перевод А. Карлина
- 131 **Ранний ледостав**
Перевод Э. Фоняковой
- 225 **По следу**
Перевод Э. Фоняковой
- 255 **Ланги**
Перевод Э. Фоняковой
- 283 **Гул далекой буровой**
Перевод А. Карлина

ЭМИЛЬ МЕДОФ

Роман Прокопьевич
Ругин

РАННИЙ ЛЕДОСТАВ

Повести

Редактор Т. Мирзоян

Художник И. Шорн

Художественный редактор О. Червцова

Технический редактор Е. Васильева

Корректоры Г. Селецкая, Н. Павлова

ИБ № 5085

Сдано в набор 27.11.87. Подписано к печати 12.04.88. А. 10061.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага
тип. № 2. Усл. печ. л. 21,84. Усл. краск.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 22,04.
Тираж 50 000 экз. Заказ 723. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза
писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

Ругин Р. П.

Р82 Ранний ледостав: Повести /Пер. с хантыйск. А. Карлина и Э. Фоняковой.— М.: Современник, 1988.— 413 с.— (Новинки «Современника»).

На творческую биографию Р. Ругина наложила свой отпечаток биография его родины — Ямало-Ненецкого автономного округа, края большой нефти и газа, где происходят сегодня процессы бурного индустриального развития.

Повести, составившие сборник, посвящены проблемам взаимоотношений человека с природой, его моральной и гражданской ответственности за свою землю. Герои повестей — люди прочных, вековых связей с природой, чувствующие ее как живую, легко ранимую, нуждающуюся в добром и бережном отношении.

Р $\frac{4702610000-147}{M106(03)-88}$ 226—88

ББК84Хан7

ISBN 5—270—00261—2